

Николай Глубоковскій,

ординарный профессор С.-Петербургской Духовной Академіи.

ПО ВОПРОСАМЪ
ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ

(СРЕДНЕЙ И ВЫСШЕЙ)

И

ОБЪ УЧЕБНОМЪ КОМИТЕТѢ

ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СИНОДѢ.

In necessariis unitas,
in dubiis libertas,
in omnibus autem caritas.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Синодальная типографія.

1907.

108445

МОЕМУ УЧИТЕЛЮ
ПРОФЕССОРУ
Алексѣю Петровичу
ЛЕБЕДЕВУ

съ почтеніемъ и призна-
тельностьюю.

ОТЪ АВТОРА.

Въ существенномъ, все содержаніе предлагаемаго сборника относится къ моимъ работамъ, такъ или иначе связаннымъ съ дѣятельностію Предсоборнаго Присутствія. Я вовсе не думалъ издавать особо своихъ случайныхъ и фрагментарныхъ сообщеній, но настоячивыя внушенія авторитетныхъ и компетентныхъ лицъ (даже изъ тѣхъ, которыя далеко не раздѣляютъ всѣхъ монаховъ воззрѣній) нравственно склонили измѣнить свое рѣшеніе. Въ самое неудобное для меня время мнѣ приходится выпускать свои рефераты, доклады и замѣтки во всей ихъ первоначальной неупорядоченности и повышенной порывистости. Питаю единственную надежду, что мой выстраданный и искренній трудъ будетъ небезполезенъ хоть для возбужденія важнѣйшихъ духовно-учебныхъ вопросовъ, какъ плодъ опыта и наблюденій со стороны человѣка, жизнь котораго во всякомъ случаѣ принадлежитъ духовной школѣ и богословской наукѣ всецѣло, неизмѣнно и безраздѣльно...

Н. Г.

Спб., 1907, VI, 10 (воскресенье)—
день Св. Троицы.

СОДЕРЖАНІЕ.

Посвященіе.	Страницы: III
Отъ автора.	V
Объ основахъ духовно-учебной реформы и о желательныхъ типахъ духовно-богословскихъ школъ.	1—11
Къ вопросу о постановкѣ высшаго богословскаго изученія въ Россіи...	11—13
О типѣ средней духовной школы и о наилучшей постановкѣ пастыр- скаго приготовленія: 1—3	14—21

Духовныя Академіи:

1. О существѣ, характерѣ и системѣ богословскаго научно-академиче- скаго преподаванія.	22—46
2. О планѣ академическаго преподаванія.	47—53
3. Объ организаціи студенческихъ занятій при изученіи академиче- скихъ наукъ и объ устроеніи студенческой жизни.	53—60
4. Объ отношеніи епархіальнаго архіерея къ Духовнымъ Академіямъ...	60—61
5. О приготовленіи академическихъ преподавателей и объ ученыхъ академическихъ званіяхъ.	61—72
6. Вопросъ о присужденіи Духовными Академіями ученыхъ степеней по философскимъ наукамъ.	72—79
Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ и состояніе духовной школы — въ исторической перспективѣ.	80—148 "

Объ основахъ духовно-учебной реформы и о желательныхъ типахъ духовно-богословскихъ школъ ¹⁾.

Жалобы на неудовлетворительное состояніе духовной школы издавна раздавались со всѣхъ сторонъ и съ каждымъ годомъ усиливаются въ своемъ тонѣ, достигая рѣзкаго напряженія. Для устраненія разумѣмыхъ недостатковъ уже съ половины прошлаго столѣтія принимались разнообразныя мѣры—и въ видѣ широкихъ реформъ, и путемъ отдѣльныхъ исправленій и улучшеній. Однако надлежащаго успѣха не достигалось, и дѣло шло вовсе не къ лучшему, если и не прямо къ худшему. Посему мы должны допустить, что причина кроется не въ частныхъ несовершенствахъ, коль скоро совсѣмъ не устраняется частичными преобразованиями. Настало, кажется, время взглянуть прямо въ глаза дѣйствительности и—не съ осужденіемъ духовной школы, а съ благодарностію ей за выполненную миссію—констатировать, что корень зла лежитъ въ самомъ ея существѣ, откуда возникаетъ принципиальный вопросъ: не отжили ли свой вѣкъ наличныя духовно-учебныя формы? По своимъ задачамъ духовная школа имѣетъ цѣлію постепенно готовить духовно зрѣлыхъ людей, чтобы они потомъ могли посвящать себя духовному служенію въ Церкви ²⁾. Второе, предполагая свободное избраніе, не вмѣняется всѣмъ духовнымъ воспитанникамъ въ непремѣнную общую обязанность,—и тѣмъ не менѣе именно оно является важнѣйшимъ для потребностей Церкви: послѣдняя въ своихъ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ готовитъ не просто образованныхъ религіозно-богословски членовъ, но собственно такихъ, которые были бы пригодны, способны и расположены исполнять специально-церковную благотѣлительскую миссію. Эта сторона духовной школы безспорна по своему значенію и вполне достойна того, чтобы стать исключительнымъ предметомъ духовно-педагогическихъ институтовъ. Но фактически этого пѣтъ, и теперешняя духовная школа—по преданію отъ временъ древнихъ—

¹⁾ Этотъ предварительный эскизъ въ видѣ специальной «записки» былъ представленъ въ епархіальную комиссію, учрежденной при митрополитѣ С.-Петербургскомъ въ концѣ 1905 года для разсмотрѣнія вопросовъ о церковной реформѣ. Авторъ былъ тамъ членомъ по избранію совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи. Въ первоначальной редакціи данный рефератъ напечатанъ въ невыпущенномъ для продажи сборникѣ: «Отзывы епархіальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ», часть III (Сиб. 1906), стр. 151—157. Теперь докладъ расширенъ внесеніемъ дополнительныхъ примѣчаній.

²⁾ Такъ, по словамъ митрополита Московскаго *Филарета* (въ «Прибавленіяхъ къ Церковнымъ Вѣдомостямъ» № 39 за 24-е сентября 1905 г., стр. 1659 а, пунктъ III), «Семинарія... представляетъ организмъ, въ которомъ одна жизнь развивается и возвышается, и надъ вѣтвями и листьями общаго образованія восходитъ духовный плодъ».

продолжает нести широкую функцію воспитанія образованныхъ юношей вообще. Тутъ нѣтъ внутренняго непримиримаго противорѣчія, и пастырское приготовленіе необходимо предполагаетъ общеобразовательное, опираясь на немъ. Однако здѣсь-то и усматривается со всею принципиальною несомнѣнностію, что два столь важные элемента не могутъ получить свойственнаго развитія при такой совмѣстности, гдѣ они будутъ взаимно стѣснять и мѣшать другъ другу въ раскрытіи своего достоинства. Естественно, что тогда оба эти элемента должны пострадать, хотя бы и не въ равной степени. Какъ разъ это и случилось съ нашею духовною школою. Она является двухстороннею и отъ этого бываетъ ослабленною въ самыхъ основахъ своего строя. Не буду особо касаться школы низшей ¹⁾, потому что она, не сообщая своимъ питомцамъ никакой законченности, опредѣляется по своему характеру и содержанію школою средней. Семпнаріи же, заботясь и объ общемъ образованіи питомцевъ, по необходимости отводятъ много мѣста свѣтскимъ предметамъ, которые въ первыхъ классахъ безусловно преобладаютъ надъ богословскими. Само собою понятно, что въ это время свѣтское преподаваніе стремится къ усовершенствованію питомца только въ своей области и безъ прямого ущерба для себя не можетъ приспособляться къ потребностямъ богословско-церковнымъ, въ немъ самомъ фактически ничуть не даннымъ. Тогда неизбежно, что этотъ общеобразовательный элементъ не подходитъ непосредственно къ конечнымъ семпнарскимъ цѣлямъ, и вышнее объединеніе должно было вести къ тому, что послѣднія заслонялись и воспитанники къ нимъ вовсе не приспособляются. При всемъ томъ эта конечная задача воздѣйствовала на свѣтское образованіе, стѣсняя его объемъ, а потомъ пошло и дальше, когда предметы свѣтскіе перемѣшали съ богословскими. По доброму замыслу, — имѣлось въ виду устранить неблагопріятныя слѣдствія разобщенности, получилось же то, что свѣтскіе предметы оказались совсѣмъ угнетенными, чѣмъ воспитывалось опасное настроеніе, что богословіе давитъ образованіе и враждебно ему. Факты свидѣтельствуютъ, что эти чувства разгараются съ значительною силой у обѣихъ сторонъ и передавались въ общество, гдѣ иногда пріобрѣталъ острое развитіе и вообще получалъ устойчивость привычнаго настроенія. Нѣтъ надобности упоминать, что это ненормально и губительно, а явилось потому, что и въ области духовнаго воспитанія непреложенъ грозный принципъ: «кто не со Мною, тотъ противъ Меня»... Но, если общее образованіе въ Семпнаріяхъ не получаетъ полнаго раскрытія и не соответствуетъ прямо конечнымъ задачамъ, то не менѣе страдаютъ и высшія религіозно-пастырскія потребности. Для подготовленія къ ихъ удовлетворенію нужно не одно предметное образованіе, ибо здѣсь еще болѣе необходимо воспитаніе цѣлостной настроенности, которая съ возможною точностію отражается на всемъ жизненномъ поведеніи. Само собою ясно, что совсѣмъ не воз-

---

¹⁾ О школѣ же начальной и совсѣмъ не говорю, такъ какъ съ нею связаны свои особые вопросы, не соприкасающіеся непосредственно съ потребностями и задачами церковно-пастырскаго приготовленія.

можно ввести и удержать подобный режимъ въ теперешнихъ Семинаріяхъ, разъ чуть не большая часть питомцевъ вовсе не желаетъ нести пастырскаго служенія.

Ближайшій итогъ всего,—что совмѣщеніе въ нашихъ Семинаріяхъ задачъ общаго образованія и религіознаго воспитанія вредно для обоихъ,—этотъ итогъ какъ будто подтверждается и нашими Духовными Академіями. Не видно сразу, чѣмъ собственно и специально способствуютъ наши Академіи осуществленію высшихъ потребностей церковнаго служенія. Конечно, богословіе разрабатывается въ Академіяхъ достаточно; но было бы большимъ заблужденіемъ думать, что ученый богословъ тѣмъ самымъ есть уже достойный и готовый учитель и служитель для Церкви и въ Церкви. Это—совершенно протестантская мысль; однако и въ протестантской Германіи званіе «*Doctor theologiae*» присуждается собственно не путемъ соисканія за диссертацию, а дается свободнымъ провозглашеніемъ извѣстнаго лица тѣмъ или другимъ богословскимъ факультетомъ, какъ выразителемъ общецерковнаго сужденія; въ Англіи же D. D. (*Doctor of Divinity*) по закону долженъ обычно имѣть духовный санъ въ англиканской Церкви ¹⁾. Очевидно, что даже богословская наука не служить сама по себѣ и непосредственно высшимъ церковнымъ потребностямъ, которыя не могутъ быть удовлетворены ею сполна. Въ нашихъ Академіяхъ это еще болѣе осложняется обиліемъ свѣтскихъ наукъ, которыя остались тамъ, какъ пережитокъ старыхъ временъ, когда всякое образованіе сосредоточивалось преимущественно въ духовныхъ школахъ. Не даромъ же ни одинъ въ мірѣ богословскій факультетъ не имѣетъ подобнаго предметнаго конгломерата! Теперь свѣтскія дисциплины не находятъ себѣ достойнаго мѣста въ Академіяхъ, гдѣ онѣ не могутъ получить должнаго расцвѣта и не служить прямо церковнымъ богословскимъ потребностямъ. Засимъ не мѣнѣе очевидно, что изъ двухъ послѣднихъ первыхъ, т.-е. задачи высшаго церковнаго служенія, не исчерпываются и не достигаются научнымъ развитіемъ богословскаго знанія, какъ науки. Неизбѣжно, что вторая должна страдать отъ приспособленія къ такимъ цѣлямъ, которыя выхо-

---

¹⁾ Дѣло по этой части фактически обстоитъ такъ. По статутамъ Оксфордскаго Университета, никто не допускается къ соисканію степени кандидата богословія, если не представить священническихъ грамотъ или формальнаго удостовѣренія изъ своего діоцеза въ ихъ законномъ полученіи. Для бакалавровъ (B. D.) и докторовъ богословія (D. D.) требуется еще, чтобы аспиранты выразили письменное согласіе съ «XXXIX членами» и «Книгою общихъ молитвъ». Весьма рѣдко особыми декретами конвокаціи или «дипломами» даются богословскія степени ученымъ, не бывшимъ ранѣе членами Университета, а въ видѣ самаго крайняго исключенія онѣ присуждаются *honoris causa*, но уже безъ всей полноты правъ. Вообще, и въ Оксфордѣ и въ Кембриджѣ ученія богословскія степени почти всегда присуждаются лицамъ изъ англиканскаго духовенства, хотя, напр., Кембриджскій профессоръ F. Crawford Burkitt достигъ докторства, доселѣ оставаясь свѣтскимъ. По статутамъ Дэрхемскаго (Durham) Университета, бакалаврство доступно только священнику и не менѣе 25-ти лѣтъ отъ роду, докторство же открывается лишь бакалаврамъ, состоящимъ при одномъ изъ Университетовъ Британской Имперіи. Таковъ ординарный порядокъ полученія ученыхъ степеней («to proceed to a degree») въ Англіи, а при дарованіи ихъ *honoris causa* («to confer a degree») обычно усвоится награждаемому юридическое достоинство *Doctor of Law*, но не *Doctor of Divinity*.

дять за ея предѣлы, хотя и предполагають ея въ качествѣ одного изъ пособій. Это не натурально по существу и на практикѣ сопровождается большимъ взаимнымъ вредомъ. Въ этомъ убѣждалъ меня еще молодой профессорскій опыт¹⁾, а послѣдующія наблюденія иллюстрировали и подтверждали его. Богословіе, являясь наукою, требуетъ научной свободы и научной независимости. Однако, культивируемое ограниченными человѣческими силами, оно всегда будетъ выражаться относительными успѣхами и само по себѣ никогда не дастъ догматически-авторитативныхъ результатовъ. Понятно, что Церковь не можетъ въ своихъ собственныхъ школахъ дозволить, чтобы за научныя достоинства всякихъ своихъ работъ богословы сразу получали званіе «наставниковъ» (магистровъ) или «учителей» (докторовъ) богословія. Она не въ правѣ выпустить изъ своихъ рукъ самого строгаго контроля, а для богословской науки онъ будетъ несомнѣннымъ стѣсненіемъ и ничуть не полезнымъ тормазомъ. Дальше: Церковь, не подвергая себя риску отъ анпробаціи частныхъ научныхъ мнѣній, должна будетъ отказываться въ своей санкціи безспорно ученымъ богословскимъ трудамъ, разъ въ нихъ будетъ субъективно ограниченное истолкованіе религіозно-христіанской истины. Этимъ сама она лишается полезныхъ пособій человѣческаго разума, богословская же наука задерживается въ своемъ развитіи и лишается свойственной важности, поскольку оказывается подъ всегдашнимъ сомнѣніемъ у вершительницы богословія—церковной власти. Съ другой стороны,—самостоятельная въ себѣ,—богословская наука ищетъ независимости и въ преподаваніи. Не только по запросамъ и влеченіямъ времени, но по самому существу оказывается нужною законная автономія и въ педагогическомъ строѣ. Наоборотъ, Церковь, ставя спеціальныя задачи, должна будетъ требовать строгаго соподчиненія имъ во всемъ педагогическомъ укладѣ, обязана держать неусыпный контроль и можетъ допустить развѣ то, чтобы каждый питомецъ по мѣрѣ своихъ силъ и способностей индивидуально выполнялъ предъявленные ею и добровольно имъ избранныя задачи подъ ея неослабнымъ наблюденіемъ. Эта коллизія—не случайная, а принципиальная и устранится лишь съ удаленіемъ обусловливающихъ причинъ. Послѣднія лежать въ не совсѣмъ натуральномъ совмѣщеніи цѣлей церковныхъ съ научными, почему здѣсь тоже требуется справедливое обособленіе на началахъ дружеской солидарности и взаимной пользы.

Ко всѣмъ указаннымъ недостаткамъ прежнихъ духовно-педагогическихъ порядковъ необходимо присоединить, что и на практикѣ Церковь и наука не имѣють тѣхъ слѣдствій, на которыя онѣ рассчитаны непосредственно. Первая должна была насаждать сѣмена и возвращать плоды вѣры въ людяхъ, вторая обязана вносить свѣтъ богословскаго

¹⁾ См. въ журналѣ «Странникъ» за 1897 г. (№ 8, стр. 519—540) мою статью: «Къ вопросу о нуждахъ духовно-академическаго образованія» (за подписью «Н. Вагинскій»). Это былъ рефератъ, предназначавшійся для образованной + митрополитомъ Палладіемъ (Раевымъ) комиссіи при С.-Петербургской Духовной Академіи «для разсужденія о желательныхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующемъ академическомъ уставѣ (преимущественно—по воспитательной части)» и функционировавшей (безрезультатно) въ маѣ 1896 г.

вѣдѣнія въ христіанскія души, чтобы онѣ и умомъ постигали то, что усвояютъ сердцемъ. На дѣлѣ вышло, что для самаго общества, служащаго объектомъ церковно-пастырскаго соизиданія, пастырское служеніе стало казаться и трактоваться просто, какъ профессиональная должность, а не какъ необходимое посредство христіанскаго бытія всѣхъ и каждого. Въ свою очередь и наука богословская получила въ глазахъ свѣтскаго большинства такой видъ, что она имѣетъ важность единственно лишь для профессиональных потребностей «духовнаго сословія». Поэтому, если пастырей и учителей церковныхъ слушаютъ больше формально и обращаются къ нимъ лишь для выполненія необходимыхъ (граждански или житейски) обрядностей, то богословіе просто игнорируютъ и его не понимаютъ. Не удивительно, что и религіозное оживленіе въ свѣтскомъ обществѣ чаще возбуждалось богословами свѣтскими (А. С. Хомяковъ, Вл. С. Соловьевъ, гр. Л. Н. Толстой), чѣмъ присяжными, а люди, глухіе либо инертные къ голосу профессиональных учителей и богослововъ, съ увлеченіемъ и на пагубу себѣ слушаютъ самозванцевъ. Ясно, что богословское образованіе и богословская наука должны освободиться отъ прежней замкнутости, сдѣлавшись обязательными для всякаго одухотвореннаго воспитанія и выдѣлившись для удовлетворенія запросовъ религіознаго знанія, а приготовленіе къ пастырству и благовѣстничеству будетъ утверждаться уже на этомъ общемъ фундаментѣ, пользуясь свободнымъ влеченіемъ образованныхъ людей всѣхъ классовъ, званій и состояній, лишь бы они изъявили искреннее желаніе посвятить себя церковному служенію.

Здѣсь можетъ возникнуть опасеніе, не рискуетъ ли Церковь остаться безъ достаточнаго контингента лицъ для выполненія своей миссіи. Это опасеніе тѣмъ серьезнѣе, что даже сейчасъ по мѣстамъ испытывается затрудненіе въ замѣщеніи священническихъ вакансій, а затѣмъ оно смущало нѣкогда и Филарета, митрополита Московскаго ¹⁾. Но что касается перваго обстоятельства, то именно сама современная Семинарія, упорно сохраняя архаическій строй и обветшавшій жизненный укладъ, отбываетъ живыя силы, ищущія простора для своего развитія и для созидательной работы соответственно насущнымъ потребностямъ и жгучимъ запросамъ, разъ послѣдніе игнорируются всѣмъ семинарскимъ укладомъ и, пожалуй, чуть не прямо отрицаются схоластикою обученія и специфическою индивидуальностію воспитанія. Авторитетъ митрополита Филарета, разумѣется, огромный; но вѣдь съ тѣхъ поръ времена измѣнились, и нынѣ сама православная Русская церковь сознаетъ и чувствуетъ себя иначе. Теперь она стремится къ освобожденію отъ внѣшней опеки и желаетъ дѣйствовать независимо изъ самой себя даже при свободѣ исповѣданій. Это показываетъ, что Церковь увѣрена въ себѣ и увѣрена, конечно, въ томъ, что у нея будетъ достаточно пригодныхъ дѣлателей для самостоятельнаго выполненія своей святой миссіи. Иначе невозможно было бы и думать о независимости, если нельзя обойтись безъ принужденія и закрѣпощенія.

¹⁾ См. «Прибавл. къ Церковнымъ Вѣдомостямъ» № 39 за 24-е сентября 1905 г., стр. 1659. 1661.

Не менѣ естественна тревога о судьбѣ богословской науки. Вполнѣ вѣроятно, что на факультетахъ она не во всемъ будетъ столь корректна и допустить послабленія въ сторону субъективной изыскательности со собственными погрѣшностями. Но 1) тогда Церковь не будетъ ни принимать, ни санкціонировать этихъ частныхъ попытокъ, ни отвѣчать за нихъ, ограждая себя и отъ всѣхъ теперешнихъ неудобствъ; 2) богословская наука, будучи серьезною и честною, всегда останется посредницею познанія истины и не можетъ оказаться антицерковною принципиально, коль скоро Церковь есть носительница и провозвѣстница этой истины. Наши теоретическія соображенія подкрѣпляются и тѣмъ, что даже католичество, столь заботливое о неприкосновенности всѣхъ своихъ конфессіональных особенностей, допустило однако, (напр., въ Германіи) католическіе факультеты (наряду съ протестантскими) и извлекаетъ отсюда одну лишь пользу. Почему же о православіи мы должны думать такъ низко, что у него выйдетъ изъ аналогичныхъ институтовъ непременно что-либо дурное и вредное?

Вообще, считаю для себя достаточно мотивированнымъ, что общее образованіе и specially научное богословское изученіе лучше обособить отъ церковно-пастырскаго приготовленія¹⁾. Здѣсь опять возможны разные пути, и многіе желаютъ возвратиться къ прежнему устройству, при которомъ въ Семинаріяхъ богословскіе предметы были значительно изолированы отъ свѣтскихъ. Я лично нахожу этотъ порядокъ совершенно неудобнымъ уже потому, что при немъ невозможно установить и воплотить укладъ, необходимый по требованіямъ пастырскаго служенія. Если и теперь является непригодною одинаковая дисциплина для всѣхъ

---

¹⁾ Это, однако, не должно вести къ полному ихъ расторженію. По сему предмету послѣ (на засѣданіи V-го отдѣла Предсоборнаго Присутствія 13-го марта 1906 года) мною было сказано, что задача духовной школы заключается не въ томъ только, чтобы готовить пастырей, хотя это ближе всего нужно для практическихъ церковныхъ потребностей. Эта задача шире:—она состоитъ въ томъ, чтобы воспитывать въ христіанскомъ духѣ всѣхъ вѣрующихъ чадъ, и потому для нашей школы важно не одно профессиональное, но и общее образованіе. Духовная школа и нынѣ не есть собственно школа словесная, а церковная въ духовномъ вѣдомствѣ. Пусть изъ духовныхъ школъ нѣкоторые питомцы уходятъ на другія поприща; но и о нихъ мы все-таки не можемъ сказать, что они не наши, что они потеряны для Церкви, ибо служатъ ей-же на другихъ жизненныхъ путяхъ. Слѣдовательно, вопросъ касается какъ specially - богословскаго, такъ и общаго обученія,—и обязательно съ одинаковымъ вниманіемъ разсмотрѣть то и другое въ виду ихъ соотносительнаго значенія въ просвѣтительной миссіи Церкви и по причинѣ взаимной обусловленности. Для сего нужно отдѣлить общее гуманитарное образованіе отъ specially-богословскаго и затѣмъ обсудить, какъ создать гуманитарную школу и особую школу церковную. Если при уставѣ Семинарій 1867 года въ V и VI классы, быть можетъ, поступали воспитанники болѣе ограниченные, то теперь сюда переходятъ иногда люди ожесточенные и именно потому, что дѣйствующій уставъ «богословски угнетаетъ» воспитанниковъ на протяженіи всего семинарскаго курса. Евангеліе—вещь прекрасная, несравненная. Но когда оно понадеваетъ въ темную, непросвѣщенную среду, то что дѣлаютъ? Поступаютъ изувѣрно, кощунственно,—и все потому, что общее образованіе слабо. Значитъ, на этомъ-то фундаментѣ общаго образованія и нужно создавать церковную школу. И едва-ли народъ откажется давать деньги на содержаніе такой школы. Онъ будетъ привлеченъ въ нее, когда послѣдняя станетъ, по возможности, всесловною и всѣмъ желающимъ будетъ давать истинно-христіанское просвѣщеніе. Духовенство же для облегченія содержанія своихъ дѣтей въ этой школѣ будетъ пользоваться прежними удобствами, стипендіями и т. п.

семинарскихъ воспитанниковъ, различныхъ между собою по возрастамъ на десятокъ лѣтъ, то тѣмъ болѣе немислимо водворить пастырскій режимъ, а безъ него наша средняя духовная школа опять окажется не отвѣчающею нуждамъ Церкви. Очевидно, духовно - церковныя заведенія нужно отдѣлить отъ общеобразовательныхъ, а для богословской науки сформировать при Университетахъ православныя богословскіе факультеты. При этомъ низшая и средняя изъ теперешнихъ пнстанцій духовно-педагогической тріады сольются вмѣстѣ и составятъ пѣчто въ родѣ гимназій классическаго типа ¹⁾. Необходимо желать, чтобы эти новыя школы получили особый характеръ по преемственности съ прежними и ради существенной пользы общаго образованія, для чего въ нихъ рекомендовалось бы введеніе болѣе широкаго и солиднаго преподаванія по религіозно-богословскимъ (христіанскимъ) и философскимъ предметамъ. Тѣмъ не менѣе это будутъ уже не богословскія школы, и возникаетъ вопросъ о томъ, какой компетенціи онѣ должны быть подчинены. Но здѣсь замѣшивается масса соображеній не педагогическаго, а практическаго и фпнансоваго свойства, гдѣ я совсѣмъ профанъ. Съ педагогической же точки зрѣнія я всегда считалъ вреднымъ расчлененіе одного дѣла по разнымъ вѣдомствамъ, и опытъ свидѣтельствуетъ, что—при такой разновѣдомственности—изъ школъ въ школы взаимно передается не столько хорошее, сколько дурное. При сосредоточеніи же въ однѣхъ рукахъ было бы и то удобство, что тогда открылась бы возможность равномернѣе

¹⁾ Я—принципіальный сторонникъ классической системы образованія и не позволяю себѣ осуждать ее по бывшимъ у насъ уродливостямъ примѣненія, хотя нынѣ возстаетъ противъ него чуть не вся Россія въ лицѣ и малыхъ и великихъ (не исключая даже о. протопресвитера *Г. Г. Лыжинева*, допустившаго крайне рѣзкій отзывъ во 2-мъ изданіи своей книги: «Православно-христіанское ученіе о нравственности», Спб. 1906, стр. 194, прим.). Я не смотрю на языки съ утилитарной точки зрѣнія, а признаю ихъ необходимыми по особой важности для общаго образованія. Классическіе языки, будучи выработанными и образцовыми во всѣхъ существенныхъ отношеніяхъ, въ то же время знакомятъ насъ съ законченною цивилизаціей, на которой удобно изучать развитіе извѣстныхъ началъ во всѣхъ фазисахъ и варіаціяхъ по такимъ богатымъ памятникамъ всякаго рода. Мы не знаемъ пока другой (кроме классической) столь законченной культуры, гдѣ можно было бы заимствовать подобныя всесторонніе уроки прошлаго. Поэтому я стою за оставленіе въ духовной школѣ древнихъ языковъ (безъ ущерба для развитія другихъ необходимыхъ знаній). Но, разумѣется, преподаваніе ихъ нужно вести не такъ, какъ это дѣлается теперь. Въ этомъ случаѣ могла бы послужить добрымъ урокомъ наша старая школа, а не Толстовская, когда изучали языки механически. При томъ же, положеніе древнихъ языковъ и теперь въ Семинаріяхъ не безнадежно: въ нихъ есть дѣльные преподаватели, но всегда встрѣчаются любители даже и среди воспитанниковъ, разъ они не рѣдко по убѣжденному рѣшенію поступаютъ въ спеціальныя филологическія заведенія (напр., въ Институты С.-Петербургскій и Іѣжинскій, не говоря объ университетскихъ филологическихъ факультетахъ). Напротивъ, я совсѣмъ мало сочувствую моднымъ идеямъ о загроможденіи духовно-школьной среды естественнательными элементами, которые—въ такомъ видѣ—скорѣе принесутъ ей только вредъ, развивая одно верхоглядство и пустое всезнایство. Данная мѣра не можетъ быть оправдана и съ точки зрѣнія ослабленія, яко бы, схоластическаго характера духовной школы. Упрекъ ей въ схоластичизмъ есть не малое преувеличеніе. Вообще, я противъ введенія большого количества предметовъ, а между ними и противъ школьнаго увлеченія естествознаніемъ. Последнее частію не сложилось въ рациональную систему и частію проникнуто атенстическими тенденціями, почему въ первомъ отношеніи не имѣетъ особой образовательной цѣнности, во второмъ—опасно для насъ по самому своему духу. Свѣдѣнія по естествознанію воспитанники могутъ приобретать путемъ самообразованія, которое будетъ вполнѣ доступно, если мы хорошо поставимъ преподаваніе математики и физики въ Семинаріяхъ.

распредѣлить источники просвѣщенія по обширному пространству Россійской Имперіи. Теперь обычно Гимназіи и Семинаріи, Прогимназіи и Духовныя Училища существуютъ другъ подѣ друга въ немногихъ опредѣленныхъ пунктахъ, которые получаютъ двойныя образовательныя заведенія, между тѣмъ какъ масса даже важныхъ центровъ остается безъ удовлетворительныхъ образовательныхъ средствъ. При концентраціи высшей педагогической власти въ Россіи было бы легче увеличить количество мѣстъ съ организованными средними школами, если изъ двухъ существующихъ въ данномъ городѣ одну перевести въ другой подходящій пунктъ. Опасенія касательно окончательнаго омірщенія (лаизаціи) всего средняго образованія считаю просто тенденціозными, не видя принципиальныхъ препятствій, почему бы въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія не быть гимназіямъ Духовнаго Вѣдомства. Впрочемъ, я вовсе не противъ того, чтобы послѣднія остались въ компетенціи синодской обер-прокуроры или замѣняющаго ее установленія (напр., Министерства Исповѣданій), какъ теперь имѣется 11 Женскихъ Духовныхъ Училищъ, находящихся въ заведываніи Св. Синода (черезъ посредство г. Обер-Прокурора) и вмѣстѣ съ тѣмъ состоящихъ подѣ активнымъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны ¹⁾. При этомъ я всегда и рѣшительно предполагаю, что и при новомъ устройствѣ школъ духовенство будетъ съ обычною щедростію оказывать экономическую помощь своимъ дѣтямъ, пользуясь въ этомъ отношеніи рѣшительною автономностію, при чемъ особыя учрежденія этого рода (напр., общежитія ²⁾

¹⁾ Для настоящаго момента вынужденъ рѣшительно заявить, что передачу общаго образованія изъ духовнаго вѣдомства въ свѣтское именно теперь я считаю мѣрою не только рискованной, но и прямо опасной. Къ этому не располагаютъ и новѣйшія реформаторскія замысленія относительно свѣтскихъ школъ, для чего см. у *С. И. Степанова*, Обзоръ проектныхъ реформъ средней школы въ Россіи, преимущественно въ послѣднее шестилѣтіе (1899—1905 гг.) въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1907 г., № 1, стр. 34—50; № 2, стр. 73—122. Статья составлена по оффиціальнымъ матеріаламъ и даетъ систематическое ихъ изложеніе. У меня были подѣ руками еще слѣдующіе печатные документы: Журналы Ученаго Комитета за 1903 — 1904 гг.; Уставъ гимназій, прогимназій и подготовительныхъ школъ, исправленный въ засѣданіи 1-го іюня 1904 года; докладъ проф. *И. И. Холодняка* объ отзывѣхъ начальствъ 12-ти учебныхъ округовъ на проектъ устава среднихъ и подготовительныхъ школъ, выработанный Ученымъ Комитетомъ; Записка (отъ 1902 г.) *Θ. Д. Самарина* по вопросу о примѣненіи новой учебной реформы къ Московской 7-й Гимназій.

²⁾ Многие возражаютъ противъ общежитій, однако дѣло не собственно въ интернатахъ, а во многолюдствѣ воспитанниковъ Семинарій. Правда, въ интернатахъ масса зла, но еслибы ихъ не было, то многіе ученики не имѣли бы возможности закончить свое образованіе. Говорятъ, въ интернатахъ трудно услѣдить за учениками, а когда они разсыются по частнымъ квартирамъ—развѣ надзоръ будетъ легче? По моему мнѣнію, интернаты въ нашихъ школахъ—неизбѣжное явленіе, и нужно только возвысить, облагородить эти учрежденія. Для фактическаго подтвержденія своихъ мыслей напомню хорошо извѣстный мнѣ примѣръ: въ 1906 году Вологодскою Семинаріей было объявлено о закрытіи приема новыхъ попущеніснеровъ въ общежитіе и о выселеніи изъ него прежнихъ—изъ нѣкоторыхъ (сѣверныхъ) уѣздовъ Вологодской губерніи; это распоряженіе вызвало страшное волненіе среди всего заинтересованнаго духовенства, которое оказалось въ крайнемъ затрудненіи относительно дешеваго и педагогически обезпеченнаго содержанія своихъ дѣтей. А нужно еще замѣтить, что въ Вологодской Семинаріи никто, никогда и никого не стѣснялъ имѣть своихъ дѣтей на «вольныхъ квартирахъ». Значитъ, для духовной школы есть неустрашимая нужда въ интернатахъ... De uno disce omnia! И теперь мы слышимъ, что—по поводу аналогичнаго распоряженія въ Твери—изъ епархіи раздаются горькія стѣнованія, что не приняли во вниманіе бѣдноты мно-

будутъ вполнѣ подчинены его власти во всѣхъ отношеніяхъ,—внѣ непосредственной зависимости отъ постороннихъ вліяній и давленій.

Я не законодательствую и не вырабатываю законченныхъ плановъ, но въ мѣру своего разумія устанавливаю только основные принципы духовно-учебной реформы и намѣчаю лишь школьные типы. Съ этой стороны на основаніи вышеизложеннаго необходимо признать слѣдующее:

1) Церковь для подготовленія просвѣщенныхъ служителей къ исполненію своей исключительно великой и святой миссіи обязана имѣть спеціальныя школы, по самому преподаванію, административному и жизненно-педагогическому режиму строго приспособленныя къ этой цѣли ¹⁾.

гихъ родителей и «открыли ихъ наготу» (см. «Полоколъ» № 392 за 23-е мая 1907 года, стр. 2, столб. 4—5).

¹⁾ Этотъ вовсе не предполагается введенія драконовской суровости. Напротивъ, въ записаніяхъ V-го отдѣла Предсоборнаго Присутствія 29-го апрѣля и 1-го мая 1906 г. я прямо протестовалъ противъ крайнихъ стѣсненій въ режимѣ духовной школы, искренно удивляясь тому, что Учебный Комитетъ осмѣливался смотрѣть на Семинарію, какъ на тюрьму, откуда воспитанники не всегда выпускаются на прогулки, гдѣ существуютъ потаенныя аттестации и т. п. Я не принадлежу къ защитникамъ подобныхъ мѣръ: — онѣ примѣнимы болѣе къ преступникамъ, чѣмъ къ ученикамъ, и никакихъ утѣшительныхъ результатовъ не приносятъ. Не въ духовно-воспитательныхъ учрежденіяхъ мѣсто для такихъ пріемовъ, которые нынѣ вытѣсняются даже изъ разныхъ «исправительныхъ заведеній» чуть не тюремнаго характера... Обидно, что духовное вѣдомство доселѣ не позаботилось совершенно изъять этотъ вопросъ изъ числа педагогическихъ задачъ... Въ религіозной сферѣ палишія формальности могутъ отчуждить отъ храма, какъ это несомнѣнно и теоретически и по многимъ горькимъ опытамъ послѣдняго времени. Бѣда была въ томъ, что на практикѣ не рѣдко замѣчались крайности. Напр., въ одномъ столичномъ Духовномъ Училищѣ заставляли мальчиковъ каждый день по утрамъ ходить въ церковь къ богослуженію, а затѣмъ уже идти въ классъ на уроки. Конечно, это—не нормальность. Но что ученики духовной школы обязаны посѣщать богослуженіе въ церкви, — это, по моему мнѣнію, необходимо и можетъ быть достигнуто сердечною заботливостію о воспитаніи внутренней религіозной настроенности и живой любви къ храму Божію привлеченіемъ къ сознательному участію въ богослуженіи, понеченіями касательно одухотворенной осмысленности и увлекающей величавости послѣдняго и т. п. Доселѣ съ отрадою вспоминаю больше всего мои училищные годы въ г. Никольскѣ, когда самъ смотритель + о. протоіерей Аристархъ Петровичъ Соколовъ совершалъ съ учениками богослуженія въ кладбищенской церкви,—и, не смотря на отдаленность ея отъ центра, туда охотно, — безъ особаго полицейскаго принужденія, — ходили всѣ воспитанники, привлекая массы горожанъ. Выступъ съ этимъ я не склоненъ и къ педагогическому оргинальничанью, когда хотѣть ввести въ духовную школу товарищескіе «суды чести», хотя этотъ институтъ сомнителенъ по своей полезности даже въ офицерской средѣ, а въ школѣ онъ просто неумѣстенъ среди тѣхъ, кто прежде всего долженъ пріучаться къ исполнительности и дисциплинѣ... Круговая порука вообще снимаетъ отвѣтственность съ личности и переноситъ ее на совокупность питомцевъ. Тогда получается господство массы. Но послѣдняя въ большинствѣ своемъ состоитъ изъ посредственностей, — и это большинство будетъ давить на всѣхъ, доводить все до своего уровня и тѣмъ затруднять прогрессъ школьной жизни, не говоря о многихъ практическихъ ненормальностяхъ, какія несомнѣнно здѣсь даже внѣ школы (напр., укрывательство, партійные интересы и т. п.). По моему мнѣнію, и модный вопросъ о педагогическомъ «условномъ осужденіи» возбуждается довольно напрасно, ибо практически оно искони и вездѣ существовало въ духовной школѣ. Всегда ученикамъ долгое время прощаютъ и проступки ихъ сначала не наказываются строго въ надеждѣ на исправленіе. Это была морально-педагогическая мѣра;—затѣмъ же теперь ее регламентировать, лишать моральнаго характера и превращать въ какое-то угрожающее средство?... Дозволителенъ даже вопросъ о форменной одеждѣ. Русскіе не ухѣютъ ни одѣваться, ни держать себя; въ этомъ отношеніи форма въ нашихъ школахъ полезна;—она пріучаетъ человѣка къ опрятности, заставляя его «подтягиваться ради мундира», сообщаетъ выдержку и общежительную дисциплину; нужно только позаботиться, чтобы эта форма не была уродливою, и воспитанники не стыдились ея, какъ иногда бываетъ нынѣ. Заграничныя примѣры намъ не указъ, ибо тамъ всѣ школьники имѣютъ уже домашнюю выправку,

2) Эта задача столь высока и — для успешнаго выполнения — требует такой всецѣлой сосредоточенности на ней всѣхъ учебно-педагогическихъ средствъ, что должна быть обособлена на практикѣ устройствомъ специальныхъ богословскихъ заведеній подъ непосредственнымъ надзоромъ церковной власти ¹⁾).

3) Въ виду сего, для общаго образованія должны быть открыты отдѣльныя среднія школы общаго характера, но съ усиленіемъ религіозно-богословскаго и философскаго обученія.

4) Для удовлетворенія потребностей знанія въ области религіозно-богословской и для свободнаго развитія богословской науки, служащей запросамъ всякой мыслящей души, «по природѣ христіанки», слѣдовало бы сформировать и православные богословскіе факультеты при Университетахъ. Это *conditio sine qua non* для реформы Академій, потому что безъ соблюденія этого условія можетъ получиться страшно пагубный результатъ, что богословская наука, притупленная на своемъ послѣднемъ очагѣ, со всѣмъ погаснетъ, если свѣтильникъ ея не будетъ возженъ въ другомъ мѣстѣ.

Въ результатѣ всего у меня получаются такія принципиальныя пожеланія по реформѣ духовной школы:

1) Необходимо создать новыя или преобразовать прежнія духовно-учебныя заведенія на началахъ строгаго соотвѣтствія церковно-пастыр-

---

п форменныя особенности въ костюмѣ допускаются лишь для вѣшняго различія. Однако форменная одежда въ школахъ существуетъ, напр., въ Англіи даже для студентовъ, а ужъ англичане ли не отличаются въ этомъ отношеніи корректностію?... Вообще, во всемъ требуется разумный начальственный контроль, и его не могутъ нести «старшіе», которыхъ предлагаютъ иныя даже въ наши дни. Но бесспорныя факты изъ практики ясно показываютъ педагогическую нецѣлесообразность этого учрежденія. Оно вызывало постоянныя недовольства, недоразумѣнія, вражду среди воспитанниковъ и ложилось тяжелымъ бременемъ на самихъ «старшихъ», а иногда преждевременно отравляло ихъ совѣсть. Все, такимъ образомъ, говоритъ противъ возстановленія въ духовной школѣ института «старшихъ», низверженіе котораго было истиннымъ торжествомъ студенчества Московской Академіи 80-хъ годовъ. Наоборотъ, были бы весьма желательны отвѣтственные классные надзиратели изъ преподавателей; только послѣдніе нынѣ крайне подавлены уроками и необходимыми выѣздными дѣлами, почему нельзя возлагать на нихъ еще новыя обязанности, если не будетъ уменьшено количество занятій при увеличеніи матеріальнаго обезпеченія.

¹⁾ Здѣсь иногда выражалось, чтобы мѣстный Преосвященный, — подобно наблюдателямъ за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ заведеніяхъ, — былъ собственно надзирателемъ преимущественно по административной части. На засѣданіи V-го отдѣла Предсоборнаго Присутствія 4-го мая 1906 года я заявилъ, что совершенно не согласенъ съ разграниченіемъ архіерейской власти по отношенію къ духовной школѣ. Предоставляють архіерею право смотрѣть только за пасаженіемъ религіи и нравственности, но можно спросить, какъ онъ услѣдитъ за этимъ, когда всѣ свѣтскіе предметы будутъ прешествовать или хотя не содѣйствовать утвержденію вѣры? Вѣдь и на урокахъ аріометики и географіи можно проводить идеи, противныя Церкви и христіанскому ученію! Положеніе епископовъ, наблюдающихъ за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ заведеніяхъ, почти унизибельно и не даетъ хорошихъ результатовъ, даже въ смыслѣ контроля... Если подобный порядокъ будетъ и у насъ, то въ такомъ случаѣ архіерею лучше ужъ нанерѣдъ совсѣмъ отказаться отъ всякаго вмѣшательства въ школьное дѣло и этихъ снять съ себя отвѣтственность за его состояніе, а для пастырскихъ интересовъ создать новыя учрежденія и принять особыя мѣры... Даже для Академій мыѣ совсѣмъ не нравится отводное Преосвященнымъ только «попечительное наблюденіе», но его совершенной неясности и очевидной безпредметности, ибо эта формула — сама по себѣ — лишена опредѣленнаго конкретнаго содержанія и на практикѣ можетъ подвергаться опаснымъ случайностямъ примѣненія...

скимъ потребностямъ для подготовленія просвѣщенныхъ пастырей изъ образованныхъ членовъ Церкви, по свободному рѣшенію желающихъ посвятить себя этому высокому служенію.

II) Общеобразовательная часть теперешнихъ Духовныхъ Училищъ и Семинарій сосредоточивается въ особыхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ (типа классическихъ гимназій) со всѣми правами и преимуществами параллельныхъ свѣтскихъ школъ, но съ тѣмъ отличіемъ отъ послѣднихъ, что въ новыхъ распростирается и усиливается религіозно-богословское и философское преподаваніе, соотвѣтственно его важности.

III) Богословская наука, служащая собственно потребностямъ ума, а не просто профессиональнымъ нуждамъ, требуетъ для своего развитія независимой, спеціальной и всесторонней разработкѣ; посему для нея полезно образовать еще православные богословскіе факультеты подлѣ и по подобію другихъ, существующихъ при нашихъ Университетахъ.

Къ вопросу о постановкѣ высшаго богословскаго изученія въ Россіи ¹⁾.

1) Не должно быть спора, что «богословіе» можетъ быть объектомъ чисто-научнаго изученія,—подобно всякимъ другимъ «предметамъ». Въ такомъ качествѣ и достоинствѣ ему естественное и законное мѣсто именно тамъ, гдѣ культивируется эта наука, т. е. въ Университетѣ. Съ другой стороны, и послѣдній, оставаясь вѣрнымъ своему званію Universitas, долженъ радушно открывать свои двери и аудиторіи для богословскихъ дисциплинъ. Нельзя согласиться, что «богословіе» еще не доросло до соотвѣтственной научной зрѣлости, и ему, яко бы, рано выступать наряду съ университетскими науками. Въ кругѣ университетскихъ знаній есть достаточно такихъ, которыя ничуть не выше «богословія» по своимъ основамъ и по разработкѣ. Такъ, многое въ медицинѣ только опирается на научныя пособія, но собственно является лишь казуистикою и по существу своему остается искусствомъ, на практикѣ же не рѣдко переходитъ въ ремесленное знахарство. Науки юридическія всецѣло стоятъ на почвѣ римскаго права и проникнуты его духомъ, а построеніе даже гуманитарнаго права на христіанскихъ началахъ продолжаетъ быть задачею будущаго, хотя первостепенная важность ея для христіанскихъ государствъ самоочевидна. Въ такомъ же относителномъ значеніи «богословіе» съ полнымъ достоинствомъ можетъ войти въ среду университетскихъ дисциплинъ ²⁾, объединивъ и обезпечивъ сродныя себѣ науки, которыя теперь не находятъ для себя въ университетскомъ строѣ ни

¹⁾ Эти тезисы были доложены также въ С.-Петербургской епархіальной комиссіи и напечатаны въ «Отзывахъ епархіальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ», ч. III, стр. 159—161.

²⁾ А нѣмцы—въ противоположность намъ (см. ниже стр. 13,)—привыкли считать «богословіе» даже «царемъ наукъ» въ университетскомъ курсѣ. См. у + Prof. D. Bernhard Stade, Die Reorganisation der Theologischen Fakultät zu Giessen in den Jahren 1878 bis 1882, Thatsachen, nicht Legenden (Giessen 1894), S. 2: «die Königin der Wissenschaften».

опоры, ни приложения, ни дѣйствія («богословіе», церковныя исторіи, церковное право, частію—теорія и исторія искусствъ и — въ С.-Петербургскомъ Университетѣ—еврейскій языкъ).

2) Существованіе богословскихъ факультетовъ при Университетахъ ничуть не требуетъ необходимо упраздненія православныхъ Духовныхъ Академій. Но послѣднія, оставаясь институтами и органами православной (Русской) церкви, должны служить именно ей самою своею наукой, обязаны говорить во имя ея, — для научнаго познанія, разъясненія, истолкованія и огражденія ея ученій и учреждений. Съ этой точки зрѣнія православныя Духовныя Академіи, оставаясь въ церковномъ вѣдѣніи, будутъ научно-апологетическими институтами православной (Русской) церкви, при чемъ православные не имѣютъ права считать ихъ конфессіонально-тенденціозными, если они дѣйствительно исповѣдуютъ, что православіе отражаетъ въ себѣ истину. Кругъ академическихъ предметовъ долженъ опредѣляться этимъ существомъ православно-русскихъ Духовныхъ Академій, гдѣ нѣтъ принципиальныхъ основаній для внѣбогословскаго ихъ расширенія, хотя бы оно и оправдывалось разными практическими соображеніями.

3) Такое распредѣленіе высшаго богословскаго изученія въ Россіи считаю наиболѣе цѣлесообразнымъ и плодотворнымъ потому, что потребность въ Духовныхъ Академіяхъ указаннаго характера бесспорна, но при нихъ необходимо открыть свободный просторъ научнымъ изысканіямъ на основѣ и за отвѣтственностію частныхъ мнѣній. Иначе, при однѣхъ Духовныхъ Академіяхъ, «богословіе» опять рискуетъ сдѣлаться закнута-конфессіональнымъ, а всякая другая «внѣшняя» теологія заранѣе подвергается подозрѣнію; при однѣхъ университетскихъ богословскихъ факультетахъ православная (Русская) церковь лишится столь важныхъ собственныхъ органовъ для научнаго познанія, истолкованія и огражденія. Значить, только совмѣстное существованіе въ Россіи университетскихъ богословскихъ факультетовъ и Духовныхъ Академій лучше всего можетъ обезпечить для богословской науки обязательныя права и благіе плоды вѣры и свободы.

4) Изъ предшествующаго у меня получается такая принципиальная формула, что «Православныя Духовныя Академіи суть учебно-ученыя установленія и органы православной Русской церкви для научнаго познанія, разъясненія, истолкованія и огражденія ея ученій и учреждений» ¹⁾.

Идея образованія богословскихъ факультетовъ при нашихъ Университетахъ и въ печати и въ разсужденіяхъ Предсоборнаго Присутствія была направлена нѣкоторыми противъ Академій, которыя подвергались крайнимъ укоризнамъ и обрекались на совершенное уничтоженіе, какъ

---

¹⁾ Частію согласно этому и позднѣйшимъ замѣчаніямъ, послѣ (въ засѣданіи V-й секціи 14-го мая 1906 года) принято слѣдующее опредѣленіе: «Православная Духовная Академія есть учено-учебное учрежденіе, имѣющее цѣлію а) способствовать развитію богословской науки и б) доставлять высшее богословское образованіе въ духѣ православія для просвѣщеннаго служенія Церкви на пастырскомъ, учебномъ и другихъ поприщахъ дѣятельности». См. «Журналы и Протоколы засѣданій Высочайше учрежденнаго Предсоборнаго Присутствія», т. IV (Спб. 1907), стр. 776 (V-го отдѣла).

институты не только не полезные, но почти прямо вредные. Въ виду сего (въ засѣданіи V-го отдѣла 9-го мая 1906 года) я вынужденъ былъ подать слѣдующее мнѣніе:

Мысль о богословскихъ факультетахъ получила теперь такой тягостный и порицательный для нашихъ *Almae matres* характеръ, что я рѣшительнымъ образомъ отрекаюсь отъ подобнаго ея примѣненія... При этомъ открылось изъ компетентныхъ разъясненій, что Университетъ, какъ цѣлостный организмъ, какъ *Universitas omnium litterarum et artium*, нынѣ не существуетъ; къ чему же въ немъ будетъ прививаться наше православное богословіе ¹⁾ и послѣдуетъ ли отъ сего дѣйствительная польза?... Возражаютъ, что Академія до нѣкоторой степени есть учрежденіе тенденціозное. Но бываетъ ли гдѣ-нибудь знаніе безъ определенной тенденціи, безъ прикладныхъ цѣлей? Въ медицинѣ, напр., существуютъ два направленія—аллопатія и гомеопатія, и «тенденція» оказывается здѣсь настолько сильною, что аллопаты не позволяютъ гомеопатамъ читать лекціи въ Университетахъ. Затѣмъ нельзя забывать, что тенденціозность бываетъ разная, а по идеѣ и въ чистомъ видѣ должна быть считаема цѣлеположностію. И объ академической «тенденціозности» нужно сначала рѣшить: вредная она или нѣтъ? Полагаю, что, исповѣдуя истину христіанства и православія, мы всѣ единодушно отвѣтимъ безусловнымъ отрицаніемъ; въ такомъ случаѣ зачѣмъ же намъ пугаться пустого слова «тенденціозность»?... Далѣе: я совсѣмъ не думаю, чтобы Академія не допускали свободной разработки науки, ибо православіе всѣмъ даетъ достаточно простора и по существу христіанства и по научной неразработанности многихъ сторонъ, гдѣ догматически опредѣлены лишь важнѣйшіе вопросы... Наконецъ: и за границей богословскіе факультеты имѣются отдѣльно, иногда же соединяются съ Университетами только ради удобства изученія вспомогательныхъ наукъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ я высказываюсь за сохраненіе Академій, хотя нахожу полезнымъ, чтобы наряду съ ними и у насъ образовались университетскіе православно-богословскіе факультеты ²⁾.

¹⁾ Съ удивленіемъ и прискорбіемъ нужно еще констатировать, что наши Университеты обнаруживаютъ явное и—иногда—принципіальное нерасположеніе къ самой идеѣ включеніе богословскихъ факультетовъ въ свой составъ: см. «Труды Высочайше учрежденной комиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній» (изд. на правахъ рукописи въ Сиб. 1903 г.), вып. III, стр. 56—58 и ср. вып. I, стр. 139—140. 316—320. Не забудемъ и того, какъ глубоко утвердилась у насъ скверная напраслина ꙗко князя С. Н. Трубецкого, что «наше русское богословіе (in toto?) относится къ научному богословію, какъ алхимія къ химіи или астрологія къ астрономіи» (см. въ сборникѣ «Духовная школа» (Москва 1906, стр. 320). Вѣдь извѣстно, что всѣ наши Университеты стремятся къ изгнанію даже теперешняго «богословія» и кое-гдѣ достигли фактическаго успѣха, а въ крайнемъ случаѣ мечтають о замѣнѣ его «исторіею религій», которую можетъ преподавать хотя бы еврей, между тѣмъ и либеральный Адольфъ Гарнакъ энергически отвергалъ подобную контрафакцію, рѣшительно защищая (противъ О. Пфлейдерера) спеціальное изученіе именно христіанской теологіи (см. у меня въ «Православной Богословской Энциклопедіи», т. IV, Сиб. 1903, столб. 115). Ср. и выше стр. 11, 2.

²⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 53—54. Ср. еще у о. Миг. Левитова въ «Церковномъ Вѣстникѣ» № 23 за 7-е іюня 1907 г., столб. 739. 741.

О типѣ средней духовной школы и о наилучшей постановкѣ пастырскаго приготовленія.

1) По основаніямъ и соображеніямъ, изложеннымъ выше (стр. 1 сл.), я продолжаю стоять за реформу низшей и средней духовной школы въ томъ смыслѣ, чтобы въ ней общее христіанскп-гуманитарное образованіе *увѣнчивалось* обособленнымъ спеціально-пастырскимъ предуготовленіемъ. По моему мнѣнію, это существенно необходимо по потребностямъ и задачамъ Церкви. Нѣтъ надобности не только доказывать, но даже и говорить съ особою выразительностію, что для достойнаго выполненія своихъ высокихъ и святыхъ цѣлей Церковь нуждается въ широко-просвѣщенныхъ пастыряхъ, по призванію избравшихъ это великое служеніе и нарочито къ нему подготовившихся. Значить, и самая богословско-пастырская пропедевтика обязываетъ къ всестороннему развитію приспособленнаго общаго образованія, а затѣмъ просвѣтительно-образовательная миссія, входящая въ задачи Церкви, далеко не исчерпывается удовлетвореніемъ профессионально-сословныхъ запросовъ. Напротивъ, Церковь, какъ носительница свѣта истиннаго, единственно просвѣщающаго всякаго человѣка, самую эту природой своей влечется и обязывается къ тому, чтобы нормировать и проникать гуманитарное образованіе христіанскимъ духомъ, который долженъ осмысленно жить, дѣйствовать и заправлять во всѣхъ членахъ тѣла церковнаго. Этимъ неотложно вызывается и убѣдительно оправдывается организація обособленной христіански-гуманитарной школы. При этомъ послѣдняя, служа неотразимо-законнымъ нуждамъ воспитанія дѣтей духовенства, пусть открываетъ свои двери и для всѣхъ христіанъ, чѣмъ, въ свою очередь, будетъ обновляться и расширяться контингентъ кандидатовъ для пастырства.

Таково идеальное требованіе. Какъ его примѣнить на практикѣ или даже понизить ради удобнаго осуществленія,—на этотъ счетъ пока достаточно сдѣлать двѣ оговорки.

Первая та, что возвращеніе къ семипарскому и училищному уставамъ 1867 года,—съ какимъ угодно измѣненіемъ въ распредѣленіи и количествѣ предметовъ, — по моему убѣжденію, нисколько не рѣшаетъ вопроса о наилучшей реформѣ нашей духовной школы. Для просвѣтительной миссии и для пастырскихъ потребностей Церкви это будетъ даже прямымъ отступленіемъ отъ нихъ ради совершенно постороннихъ цѣлей—открытія семинарскимъ воспитанникамъ свободнаго доступа въ свѣтскія высшія учебныя заведенія. Помимо этого мотива, въ духовной школѣ ничуть не даннаго, неизбежно получится, что довольно уродливый типъ отдѣльныхъ четырехклассныхъ Духовныхъ Училищъ, не сообщающихъ никакой образовательной законченности, будетъ плохимъ и бесплоднымъ образцомъ христіански-гуманитарнаго образованія, вовсе не отвѣчающимъ по своему уровню просвѣтительнымъ задачамъ Церкви. Съ другой стороны, въ шестиклассныхъ Семпнаріяхъ преобладаніемъ свѣтскихъ пред-

метовъ и курсовъ до крайности (иногда—роковой) затруднится достижение пропедевтико-пастырскихъ цѣлей, присутствіе же въ нихъ богословско-пастырскихъ классовъ стѣснить и будетъ угнетать и ограничивать образованіе гуманитарное. Последнее неудобство лежитъ въ самомъ существѣ дѣла, и его не могли устранить никакія частичныя реформы. Посему—съ точки зрѣнія системы, а не просто неудачной практики—возвратъ къ духовно-учебнымъ уставамъ 1867 года будетъ по-истинѣ пятнымъ шагомъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Вторая оговорка относится къ тому опасенію, будто обособленные богословско-пастырскіе курсы окажутся специфически-клерикальными, при чемъ насъ пугаютъ разными ужасами «мрачныхъ монастырскихъ застѣнковъ». Эта страшливість удивительна и непонята, если только за нею не скрывается чего-нибудь особеннаго, субъективно или объективно. Что учрежденіе, подготовляющее клириковъ, будетъ клерикальнымъ,—вѣдь по идеѣ (т. е. безъ всякихъ крайностей католическаго клерикализма) это есть самое натуральное, неизбежное и желательное явленіе по смыслу дѣла, почему и не боятся его ни православные другіхъ національностей, ни католики, ни англикане ¹⁾, ни протестанты. Но, яко бы, тогда этотъ институтъ, преслѣдуя утилитарно-профессіональныя цѣли, будетъ слишкомъ убогимъ интеллектуально. Эти опасенія опять не обоснованы теоретически. Данныя учрежденія будутъ отвѣчать опредѣленнымъ жизненнымъ требованіямъ и, естественно, не могутъ быть ниже послѣднихъ, а иначе не удержатся и погибнуть сами собою, какъ это бываетъ всегда и вездѣ по неумолимымъ законамъ соотношенія, спроса и предложенія. Значить,—вмѣсто всякихъ напрасныхъ запугиваній—надобно позаботиться о поднятіи запросовъ пастырскаго служенія каноническимъ возрожденіемъ соборности церковнаго устройства, правильною организаціей приходской жизни, христіанскимъ образованіемъ вѣрующихъ (хотя бы чрезъ христіански-гуманитарныя школы), а также всеобщимъ и всестороннимъ улучшеніемъ быта нашего духовенства, имѣющаго величайшія заслуги предъ обществомъ и государствомъ, чуть ли не больше другихъ «сословій».

Въ итогъ всего я *идеально* высказываюсь за полное обособленіе христіанскаго гуманитарнаго образованія и пастырскаго приготовленія.

Въ качествѣ иллюстраціи (и въ дополненіе къ другимъ справкамъ) прибавлю, что не служить къ огражденію существующаго типа нашихъ духовныхъ школъ и несомнѣнная ихъ аналогичность съ соотвѣствующими католическими институтами. Тамъ различаются «семинаріи малыя» и «семинаріи большія» ²⁾. Прежде обѣ были слитны, но декретами 1809 и 1811 г.г. первыя были совершенно отдѣлены въ особыя учрежденія, гдѣ преподавалось то же, что и въ чисто-свѣтскихъ школахъ. Образова-

¹⁾ См. у И. И. Бриллиантова въ «Христ. Чтеніи» 1906 г., № 1, стр. 94—111; Н. В. Орлова въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 16 за 22-е апрѣля 1906 г., стр. 899—902; англиканскаго свящ. *Андрю Амоса* въ «Странникѣ» 1906 г., № 5, стр. 806—812; Handbook of the Theological Colleges of the Church of England and the Episcopal Church in Scotland, 1906.

²⁾ См. о нихъ замѣтки и у ректора «Католическаго Института» въ Тулузѣ *Pierre Batiffol* въ «Question d'enseignement supérieur ecclésiastique», Paris 1907.

лись учебныя заведенія, тѣмъ болѣе похожія на наши Духовныя Училища, что до 30-хъ годовъ XIX столѣтія они специально предназначались для подготовленія питомцевъ къ пастырскому званію. Потомъ общество обнаружило широкій интересъ къ этимъ школамъ, которыя частью и были обращены въ коллегіи, не стѣснявшія поступающихъ обязательствомъ къ духовнымъ профессіямъ. Не смотря на всякія преграды свѣтской власти, притокъ учащихся былъ весьма значительнымъ, но зато коллегіи потеряли связь съ задачами пастырства и перестали служить его цѣлямъ. Это почти цѣликомъ продолжается и доселѣ, такъ какъ только въ одной Бретани «малыя семинаріи» отводятся исключительно для духовныхъ воспитанниковъ, идущихъ на пастырское поприще чрезъ «большія семинаріи», а во всѣхъ прочихъ мѣстахъ Франціи это суть больше свѣтскія заведенія, дающія кончающимъ просто степень бакалавра (въ родѣ аттестата зрѣлости), которая открываетъ пути во всѣ стороны. Ради сего въ «малыхъ семинаріяхъ» и самыя программы держатся вполнѣ «автопомныя», мало согласованныя съ курсомъ «семинарій большихъ». Чтò же получилось отсюда? Статистика свидѣтельствуешь для всѣхъ «малыхъ семинарій» (которыхъ въ 1894 г. было до 142), что изъ нихъ шло собственно въ пастырскія школы всего-навсего отъ 20% до 10%. И этотъ результатъ тѣмъ поучительнѣе, что онѣ, какъ не получающія пособій изъ государственныхъ средствъ, находятся въ полномъ вѣдѣніи мѣстныхъ епископовъ, хотя въ извѣстной степени подлежатъ правительственному контролю въ финансово-экономическомъ отношеніи. Важный для насъ выводъ заключается въ томъ, что даже католичество, умѣющее овладѣвать питомцами до полного порабоженія своимъ интересамъ, было не въ силахъ сдѣлать общеобразовательную школу пригодною для пастырскихъ потребностей и теперь почерпаетъ контингентъ священнослужителей преимущественно изъ свободныхъ искателей въ средѣ зажиточнаго крестьянства и буржуазіи, для которыхъ это поприще является лестнымъ и завиднымъ. Значитъ, и намъ не слѣдуетъ задаваться несбыточными планами, вдохновляющими разныхъ ревнителей идиллическими мечтами о томъ, чтобы воспитанниковъ съ первыхъ же школьныхъ шаговъ направлять непременно къ пастырству. Наилучшій опытъ осудилъ эту теорію, и мы не должны повторять слишкомъ старыя ошибки, а обязаны позаботиться, дабы просвѣтительная миссія Церкви нашла себѣ достойное выраженіе въ гуманитарныхъ школахъ на религіозно-христіанской основѣ. Такъ образуется обильный запасъ если не пригодныхъ пастырей, то хорошо подготовленныхъ и настроенныхъ пасомыхъ, которые всюду будутъ носить въ себѣ и съ собою чистый свѣтильникъ вѣры.

Не менѣе знаменательны и наблюденія надъ «большими семинаріями». Ихъ нынѣ имѣется во Франціи до 84 съ количествомъ учащихся около 7¹/₂ тысячъ, при чемъ весьма характерно, что доселѣ правительство отпускало пособія до 1.120.000 франковъ, хотя во всемъ прочемъ онѣ подчинялись своимъ епископамъ. Поступаютъ туда юноши отъ 16-ти лѣтъ; курсъ шестипятичный; преподаются: философія (ея исторія, «метафизика» и психологія), «богословіе», Свящ. Писаніе, патрѣологія, ка-

ионическое право, исторія Церкви, пастырское богословіе и церковное краснорѣчіе, иногда еще: археологія, мѣстная епархіальная исторія, «счетоводство», еврейскій языкъ и мѣстные нарѣчія. Какъ видимъ, аналогія съ нашими теперешними Духовными Семинаріями почти всецѣлая, — и тѣмъ внушительнѣе для насъ удостовѣренные уроки этой системы. А они таковы, что въ «большихъ семинаріяхъ» свѣтское преподаваніе совсѣмъ подавлено профессионально-пастырскими тенденціями, и воспитанники не получаютъ надлежащаго общаго образованія. Вслѣдствіе этого и спеціально «духовное» обученіе лишается гуманитарной почвы и истинно человѣческой жизненности, становится бездушно-школярнымъ и мертвенно-схоластичнымъ. Естественно, что все воспитаніе обращается въ утилитарную выправку, въ обезличивающую дрессировку ума, воли, чувства, совѣсти. Въ итогъ формируются вымущтрованные требоисправители и упорные конфессіоналы, умѣющие поработать пасомыя души, но едва ли влекущіе ихъ къ «свободѣ славы сыновъ Божиихъ» ¹⁾... Неужели этого хотимъ и мы со своими шестиклассными Семинаріями, какъ спеціальными пастырскими заведеніями?.. Если же нѣтъ, то для меня ясно, что пастырское образованіе должно созидаться на законченномъ общемъ обученіи, чтобы осмысленная и сознательная склонность получила соотвѣтствующее развитіе въ приспособленномъ непродолжительномъ курсѣ (не выше 3-хъ лѣтъ).

Кратко сказать: я снова убѣждаюсь, что наши духовныя школы полезнѣе реформировать такъ, чтобы онѣ давали полное христіански-гуманитарное воспитаніе и потомъ въ особыхъ заведеніяхъ сообщали призваннымъ пастырское приготовленіе. Обѣ цѣли одинаково неотложны и священны. Если для пастырей вѣрно, что «жатва многа, дѣлателей же мало» (Мат. IX, 37. Лук. X, 2), то для Церкви не менѣе обязательна и другая задача, «да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ!» (2 Тим. III, 17) ²⁾.

2) Тотъ единый и единственный вопросъ, который предложенъ Общему Присутствію относительно реформы духовной школы, разсматривался продолжительнѣе и чуть ли не горячѣе ³⁾ всѣхъ другихъ, какіе двигались и затрогивались на «предсоборныхъ отдѣлахъ». Знаю объ этомъ, какъ участникъ многихъ комиссій, и вывожу съ увѣренностію, что этотъ

¹⁾ О католической пастырской пропедевтикѣ вообще см. у *Антоня Какмыня*, Приготовленіе къ пастырскому служенію въ католичествѣ и протестантствѣ въ сборникѣ: «Учено-богословскіе и церковно-проповѣдническіе опыты студентовъ Кіевской Духовной Академіи I, VI курса (1903 г.)», вып. I (Кіевъ 1904, стр. 31—93). Для новѣйшаго времени см. у *С. Браткова*, Учебная реформа въ семинаріяхъ римско-католическаго духовенства въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 3, стр. 475—512.

²⁾ Это мнѣніе приложено къ журналамъ №№ 5 и 6 (за 12 и 14-е апрѣля 1906 года) V-го отдѣла; см. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. II (Сиб. 1906), стр. 163—167.

³⁾ Тѣмъ не менѣе къ работамъ V-го отдѣла и всего Предсоборнаго Присутствія ни въ малѣйшей степени не приложимо невѣроятное заявленіе г. *Ф. Н. Бялявскаго*, будто по вопросу о «выборѣ типа школы» (духовной) «спорятъ съ ожесточеніемъ, обвиняя другъ друга въ неискренности, въ предательствѣ Церкви и чуть ли не въ невѣріи» (см. «Церковный Вѣстникъ» № 21 за 24-е мая 1907 года, столб. 670). И вообще это сужденіе не соотвѣтствуетъ реальности, будучи плодомъ какого-то непостижимаго въ серьезномъ писателѣ преувеличенія, которое можетъ имѣть очень вредныя послѣдствія въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ...

предметъ обслѣдованъ и взвѣшенъ каждымъ всесторонне и осмотрительно, почему трудно ожидать новыхъ фактовъ, непредвидѣнныхъ соображеній и т. п. Я высказался за обособленную богословско-пастырскую школу по горячей вѣрѣ моей въ то, что обновляющаяся церковь Русская будетъ привлекать на служеніе себѣ наилучшіе элементы православнаго населенія (см. выше стр. 5). Эту вѣру постепенно и систематически во мнѣ охлаждали,—и все-таки убѣжденіе мое доселѣ остается прежнимъ по существу. Не буду повторять своихъ аргументовъ, но есть одна мысль, которую не хотѣлось бы оставить не оговоренною предъ рѣшеніемъ этого капитальнаго вопроса величайшей жизненной важности. И въ печати и у многихъ ораторовъ, рекомендовавшихъ частичную реформу нашей духовной школы съ сохраненіемъ существующаго типа, проскальзывали замѣчанія, что въ своихъ проектахъ они одушевлялись почтеніемъ къ историческимъ заслугамъ этой школы, благодарностію къ ней лично и за помощь при воспитаніи бѣднаго, хотя высоко-достойнаго духовенства нашего, и проч. Охотно допускаю это, но тутъ косвенно указывается, что апологеты другихъ воззрѣній руководятся если не совсѣмъ иными чувствами, то во всякомъ случаѣ слишкомъ холоднымъ анализомъ экспериментатора, готоваго на всякія вивисекціи ради своей идеи. Необходимо съ рѣшительностію устранить этотъ оттѣнокъ, вносящій нѣсколько неудобную нотку въ наше настроеніе предъ самымъ отвѣтомъ на обсуждаемый вопросъ. Послѣдній прошелъ предо мною въ трехъ стадіяхъ того процесса, какимъ онъ достигъ настоящаго пункта. Я пмѣлъ съ нимъ дѣло по епархіальной С.-Петербургской комиссіи, гдѣ были избранные делегаты академической, семинарской и училищной корпорацій и епархіальнаго женскаго училища, при чемъ защищаемый мною взглядъ былъ принятъ согласно заключенію соединеннаго собранія Семинаріи и Училища. Добытые здѣсь результаты восходили на общее обсужденіе епархіальной комиссіи подъ предсѣдательствомъ митрополита С.-Петербургскаго,—и то же рѣшеніе было одобрено здѣсь съ участіемъ трехъ викаріевъ, придворнаго протопресвитера о. І. Л. Янышева, члена Государственнаго Совѣта протоіерея М. П. Горчакова, заслуженнаго профессора М. П. Каринскаго и др. Наконецъ, вопросъ подвергся новому детальному разбору въ V-мъ отдѣлѣ Предсоборнаго Присутствія и получилъ нѣкоторое преобладаніе въ смыслѣ обособленія общаго образованія отъ богословско-пастырскаго приготовленія. Вездѣ сторонники послѣдняго плана искреннѣйшимъ образомъ свидѣтельствовали свою глубокую благодарность духовной школѣ и всякія покушенія на ея честь отвергали немедленно даже въ тѣхъ, кто по видимости казался ихъ союзникомъ. Вся работа наша проникалась именно этою горячею признательностію, опредѣлялась незыблемымъ убѣжденіемъ въ первостепенной важности духовной школы для великаго дѣла Церкви и для духовнаго прогресса русскаго народа и направлялась къ обезпеченію наилучшаго простора для всецѣлой плодотворности при выполненіи ея просвѣтительной миссіи. Возможно, что наше рѣшеніе рисуется для многихъ рискованнымъ и т. п., по одно не должно быть забыто въ этотъ торжественный поворотный моментъ, что нами руководило самое пламенное желаніе, чтобы прекратились наконецъ

теперешнія мрачныя времена нашей школьной жизни, и впредь оставалась дѣйствительно непостыдною наша чистая вѣра въ спасительность истинной духовной школы для блага и преуспѣянія членовъ православной Церкви во свѣтѣ Христовомъ, единственно просвѣщающемъ всякаго человѣка ¹⁾).

3) Многіе увлекаются мыслию о частичномъ преобразованіи духовныхъ школъ, но я не буду говорить о повторительныхъ докладахъ въ пользу духовно-учебной реформы въ направленіи устава 1867 года. Они—и въ цѣломъ и въ частностяхъ—ничуть не поколебали моего мнѣнія, которое я долженъ оградить немногими дополнительными аргументами.

Высказывалось, что проектъ отдѣленія обособленной церковно-пастырской школы отъ христіански-гуманитарной, при сохраненіи органической ихъ связи, покоится на субъективныхъ данныхъ и не имѣетъ объективной опоры.

Но, во-первыхъ, во всякомъ дѣлѣ, куда человѣкъ вкладываетъ всю душу, не ограничиваясь объективно-холоднымъ отношеніемъ къ нему, тутъ всегда бываетъ неизбѣжна извѣстная доля индивидуальной субъективности. Только въ настоящемъ случаѣ это—субъективизмъ совсѣмъ особаго характера и силы. Мы рождены духовною школой, и въ ней доселѣ находится все наше сердце, такъ что для многихъ изъ насъ внѣ ея немыслимо самое духовное бытіе наше. При такихъ условіяхъ наше субъективное убѣжденіе пріобрѣтаетъ свойство объективной несомнѣнности,—по крайней мѣрѣ, не ниже того, насколько безспорно и наше интеллектуально-духовное существованіе...

Во-вторыхъ, мы неизмѣнно приводили исключительно объективныя соображенія, заимствуемыя въ природѣ самой Церкви по потребностямъ и задачамъ ея христіански-просвѣтительнаго достоинства (см. выше стр. 14 сл.),—и не видѣть этого можно развѣ лишь при подмѣнѣ понятія объективной аргументаціи экспериментальными обоснованіями, почерпаемыми въ историческомъ опытѣ, какового, конечно, не бываетъ ни у одной новой идеи прежде ея фактическаго примѣненія.

Третье и самое главное въ томъ, что въ разсматриваемомъ вопросѣ недостаточно даже самаго авторитетнаго объективизма. Мы находимся теперь на поворотномъ пунктѣ въ исторіи духовной школы, когда со старымъ нельзя остаться, а нужно что-либо новое, болѣе жизнеспособное. Тутъ необходимо творчество, для котораго обязательна вѣра, способная сдвинуть всѣ горы недоумѣній и опасеній. При наличности послѣднихъ будутъ безплодны всякія реформы, потому что онѣ сразу явятся отравленными разлагающимъ ядомъ сомнѣній при самомъ возникновеніи и при постепенномъ осуществленіи. Въ этомъ смыслѣ всѣ ссылки на матеріальныя затрудненія, на неприспособленность духовно-училищныхъ зданій и проекты примѣрныхъ экспериментовъ ²⁾, заранѣе обреченныхъ на неудачу всякаго невѣрующаго опыта, говорятъ только о томъ, что

---

¹⁾ Сказано въ общемъ собраніи Предсоборнаго Присутствія 18-го мая 1906 года; см. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. II, стр. 509—510.

²⁾ См. «Журналы и Протоколы», т. II, стр. 528. 538.

здѣсь не чувствуется внутренней созидательной силы вдохновенія. А безъ этого всѣ частичныя улучшенія будутъ лишь заплатами на ветхой одеждѣ, которая вскорѣ изорвется совсѣмъ, оставивъ насъ совершенно нагими... И намъ, дѣйствительно, рекомендуютъ, чтобы вмѣсто покупки новыхъ сапоговъ мы продолжали ходить въ заплатанныхъ опоркахъ ¹⁾, или даже постарались обойтись безъ всякой обуви...

При такомъ маловѣріи мы непремѣнно потонемъ, потому что боимся сдѣлать необходимое героическое напряженіе, чтобы взять спасающую руку. Я же лично доселѣ стараюсь держаться горячей вѣры въ творческую силу обновляющейся церкви Русской, которая и не стремилась бы къ независимости, еслибы не обладала созидательною жизненностію (см. выше стр. 5. 18). Но въ этомъ достоинствѣ Церковь должна привлечь на служеніе себѣ достаточно добрыхъ элементовъ, готовыхъ ради нея подвергнуться особому пропедевтическому воспитанію въ специальныхъ заведеніяхъ, характерныхъ не по клерикальной замкнутости, а по высокому церковно-христіанскому озаренію. Когда погаснетъ моя вѣра въ самобытное возрожденіе Русской православной церкви,—я вынужденъ буду примириться съ системою внѣшней опеки и взять назадъ или отвергнуть всѣ реформаторскіе замыслы и предложенія. Не моя вина, если меня начинаютъ одолѣвать мучительныя сомнѣнія..., но, пока горитъ во мнѣ эта вѣра, я не перестану думать и твердить, что Церковь наша сильна, чтобы проникать свѣтомъ Христовымъ своихъ сыновъ въ христіански-гуманитарныхъ школахъ, и обязана имѣть особыя пастырскія учрежденія для приготовленія достойныхъ и преданныхъ носителей этого животворящаго свѣта ²⁾.

Вопросъ о типѣ средней духовной школы на засѣданіи V-го отдѣла Предсоборнаго Присутствія 14-го апрѣля 1906 года рѣшенъ былъ такъ: 9 лицъ (вмѣстѣ съ председателемъ) высказались за полное отдѣленіе богословскихъ классовъ отъ общеобразовательныхъ, съ обращеніемъ первыхъ въ особыя пастырскія школы; 9 подали голоса за сохраненіе единства и нераздѣльности, а одинъ остался при особомъ сужденіи ³⁾. Наоборотъ, въ общемъ собраніи 29-го мая 1906 года 20 членовъ (съ председателемъ Присутствія) склонились ко второму мнѣнію, 17 приняли первое и 6 воздержались отъ голосованія ⁴⁾. Такимъ образомъ, дѣло это оказалось какъ бы въ нѣкоторой точкѣ безразличія. Если на общемъ собраніи получится ничтожный перевѣсъ въ пользу существующаго строя, то больше всего повліяли здѣсь ссылки на матеріальныя затрудненія (см. выше стр. 19), которыми въ началѣ должно было бы сопровождать радикальное преобразованіе среднихъ духовно-учебныхъ заведеній—при необходимости считаться съ наличными зданіями и т. п. Само собою по-

---

¹⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. II, стр. 533а.

²⁾ Этотъ «вотумъ» приложенъ къ журналу общаго собранія Предсоборнаго Присутствія 29-го мая 1906 года; см. «Журналы и Протоколы», т. II, стр. 569—570.

³⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. II, стр. 155.

⁴⁾ См. *ibid.* II, стр. 568—569. 570.

нятно, что въ принципиальныхъ вещахъ такія ссылки не могутъ быть убѣдительными или окончательными, и насколько онѣ не пригодны въ рѣчи о церковныхъ реформахъ,—это вскорѣ подтвердилось самымъ нагляднымъ примѣромъ. По поводу проекта объ измѣненіи консисторій, съ учрежденіемъ особаго суднаго епархіальнаго института, опять энергически выдвинуты были матеріальныя препятствія, но председатель-же Присутствія (митрополитъ С.-Петербургскій Антоній) не менѣе рѣшительно «разъяснилъ (въ засѣданіи 27-го ноября 1906 года), что необходимо сначала установить принципъ, а осуществленіе его будетъ зависетьъ отъ времени и средствъ. По мѣрѣ изысканія средствъ и могутъ быть учреждаемы новые органы» ¹⁾. Въ результатъ это справедливое соображеніе и восторжествовало. Неужели же духовная школа менѣе важна для Церкви и государства, чѣмъ консисторія, чтобы первую душить изъ-за копѣекъ, а на вторую сыпать тысячи? Между тѣмъ вопросъ объ особыхъ пастырскихъ классахъ упорно выдвигается самою жпзнію и неумолимо стучится въ дверь. Рано или поздно, но уклониться отъ него никакъ невозможно. Не даромъ, вѣдь, большинство епархіальныхъ комиссій высказалось въ пользу пастырскихъ школъ, и за нихъ раздаются трезвые голоса представителей духовенства ²⁾ и просвѣщенѣйшихъ ревнителей изъ мірянъ ³⁾. При такихъ условіяхъ продолжающаяся доселѣ оппозиція этому проекту ⁴⁾ является борьбою противъ жизненной необходимости, а это можетъ только задержать разрѣшеніе вопроса, осложняя его излишнимъ кризисомъ и вызывая смуту въ умахъ и потрясеніе въ нашей духовной школѣ, которую другой комитетскій ревизоръ (Д. И. Тихомировъ) прямо назвалъ ⁵⁾ «страждущею».

---

¹⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. III (Спб. 1907) стр. 1976 общихъ собраній.

²⁾ См., напр., дѣльныя соображенія священника А. Юрикаса въ брошюрѣ: «Къ вопросу о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній» по оттиску изъ какого-то Владикавказскаго изданія (вѣроятно, изъ мѣстныхъ «Епархіальныхъ Вѣдомостей» за 1906 годъ).

³⁾ См. у О. Д. Самарина, Какія школы намъ нужны для приготоленія духовенства? Москва 1906, и въ «Журналахъ и Протоколахъ Предсоборнаго Присутствія», т. II, стр. 180—184. 536—538. 570—578.

⁴⁾ См., напр., у Ф. Н. Бѣляскаго въ «Церковномъ Вѣстникѣ» № 21 за 24-е мая 1907 г., столб. 670.

⁵⁾ См. «Прибавл. къ Церковнымъ Вѣдомостямъ» № 21 за 26-е мая 1907 г., стр. 848а.

ДУХОВНЫЯ АКАДЕМІИ ¹⁾.

1.

О существѣ, характерѣ и системѣ богословскаго научно-академическаго преподаванія ²⁾.

Частныя дебаты и случайныя пререканія нѣкогда не даютъ цѣлостныхъ законченныхъ результатовъ, способныхъ успѣшно подвинуть впередъ дѣло всякаго систематическаго построения, а опыты участія даннаго рода въ разныхъ «предсоборныхъ» обсужденіяхъ по предметамъ всѣхъ отдѣловъ Присутствія рѣшительно убѣдили меня въ томъ, что отсюда возникаетъ больше недоразумѣній и огорченій, чѣмъ разъясне-

¹⁾ При обсужденіи академическихъ вопросовъ нѣкоторые члены V-го отдѣла высказывались, что нужно выяснитъ общія начала, а частности и самое примѣненіе предоставить академическимъ совѣтамъ. По внутренней цѣлности академическаго организма, послѣдніе не могутъ имѣть здѣсь столь деспотически-вреднаго вліянія, какъ въ Университетахъ (о чемъ см. вопіющіе факты у г. С. А. въ «Новомъ Времени» № 11.202, 11.206 и 11.217 за 21-е и 25-е мая и 5-е іюня 1907 г.; ср. М. М. *ibid.* № 11.213 за 1-е іюня, а для иллюстраціи см. случай съ проф. М. Е. Красноженомъ въ его книгѣ: «Тернія и плевеи въ нашихъ Университетахъ», Юрьевъ 1905, стр. III—XII). Поэтому я признаю за академическими совѣтами извѣстную свободу, но основныя схемы предметной классификаціи необходимо наметить общимъ соглашеніемъ, по требованіямъ самаго существа и ради единства въ научно-богословскомъ строеніи всѣхъ нашихъ Академій. Мнѣ казалось, что если меня приглашаетъ къ разсмотрѣнію высшая инстанція, то я долженъ высказать основной принципъ и наметить главныя частности, въ которыхъ онъ могъ бы воплощаться фактически. Только при этомъ общія положенія могутъ получить характеръ практической приспособленности и активной жизненности. Ссылались, что Всероссийскій помѣстный соборъ есть слишкомъ «грандіозное явленіе», и его нельзя обременять подробностями уставовъ и т. п. Но это ничуть не снимало съ насъ обязанности выработать какъ общія нормы, такъ и частныя условія для ихъ примѣненія; безъ послѣднихъ первыя даже не могутъ быть оцѣнены вполнѣ по своей жизненной пригодности. Если мы желаемъ представить проектъ практическій, то необходимо формулировать и общее и частное, изъ которыхъ всегда слагается фактическое осуществленіе. Но—вопреки обратнымъ мнѣніямъ—я никогда не рѣшусь думать, чтобы мы могли предлагать «нѣчто должное» собору. Нѣтъ и ни въ какомъ случаѣ, ибо соборъ—самъ «великій господинъ», и для него всѣ проекты будутъ только матеріалами, въ которыхъ онъ собственно ничуть не обязанъ принимать ни основъ, ни деталей. При томъ же совершенно напрасно расторгаютъ и противоположаютъ обѣ эти стороны цѣлаго явленія, когда въ немъ на практикѣ первая или принципиальная служить теоретическимъ устоемъ рациональности проекта, а вторая своими подробностями иллюстрируетъ его и реально примѣняетъ къ дѣйствительной жизни. Одно безъ другого немислимо нигдѣ, никогда и ни въ чемъ при всякой созидательной работѣ осмысленнаго преобразованія общественно-государственныхъ интитуттовъ. Это безусловно вѣрно и по отношенію къ Академіямъ, для которыхъ соборъ, узаконяя принципы, непременно долженъ будетъ указать и ближайшія средства и прямые пути къ соотвѣтственной ихъ реализаціи. Противники опускаютъ изъ вниманія это обстоятельство и предназначаютъ для «грандіознаго» собора просто невозможную задачу, направляя къ сему и насъ... Нужно общимъ разумомъ посылно рѣшить «трудность», возникающую больше по фактическимъ условіямъ, чѣмъ по «природѣ вещей», а затѣмъ все уклоняющееся пусть идетъ въ качества отдѣльныхъ мнѣній—въ виду ихъ мотивированной авторитетности и по причинѣ отсутствія у насъ папистической вѣры въ непогрѣшимость V-го отдѣла. Здѣсь соборъ и будетъ «крайнимъ судіею», окончательно рѣшающимъ дѣло. Это вполнѣ естественно и всегда такъ бываетъ во всѣхъ сложныхъ вопросахъ.

²⁾ Этотъ докладъ былъ заслушанъ въ засѣданіи V-го отдѣла Предсоборнаго Присутствія 16-го ноября 1906 года и напечатанъ въ «Журналахъ и Протоколахъ», т. IV (Сиб. 1907), стр. 153—168 (№ 25).

ний и соглашений... Посему я предпочитаю высказаться округленно объ академическомъ изученіи вообще, чтобы мои отрывочныя замѣчанія имѣли принципиальную почву, въ ней находили идейную твердость и истинный смысл и приносили посильную пользу ко благу обновленія православно-русскихъ Духовныхъ Академій и для развитія серьезной богословской научности въ Россіи.

Вопросъ о группировкѣ академическихъ наукъ по отдѣленіямъ,—въ связи съ положеніемъ среди нихъ свѣтскихъ дисциплинъ,—получаетъ въ моемъ сознаніи далеко не простую практическую важность. Последняя для меня тоже несомнѣнна, но больше всего потому, что мы пока лишены фактическихъ возможностей дать идейное построение разработки и преподаванія богословія и вынуждены сообразоваться съ разными побочными требованіями—касательно количества каедръ, взаимнаго ихъ соотношенія, паличныхъ потребностей вѣры, мысли и жизни и проч. Съ этой стороны тутъ рѣчь идетъ собственно лишь о практическихъ удобствахъ наилучшаго приспособленія intra и ad extra богословско-научныхъ матеріаловъ, однако по существу дѣла этимъ затрогивается самая природа научно-академическаго знанія. Съ этой точки зрѣнія въ наличныхъ учебно-академическихъ планахъ и во всѣхъ предложенныхъ проектахъ я не усматриваю принципиальной удовлетворительности, которая опиралась бы на идейномъ основаніи. Для сего нуженъ объединяющій и производящій центръ, откуда должны исходить всѣ развѣтвленія, чтобы, питаясь его соками, раскрывать эту силу въ частныхъ обнаруженіяхъ и ими поддерживать свойственную ей жизненность. Въ дѣйствительности у насъ нѣтъ ничего подобнаго, и мы видимъ предъ собою просто болѣе или менѣе обширный цыклъ разнообразныхъ наукъ, которыя связываются лишь тѣмъ, что всѣ онѣ трактуютъ въ извѣстной степени о богословіи и нужны для его научно-педагогическаго развитія. Всѣ главнѣйшія реформы прошлаго столѣтія сводились собственно къ увеличенію или сокращенію академическихъ предметовъ и къ новому ихъ распорядку, какъ къ этому же именно направляются и наши реформаторскія начинанія, ибо мы говоримъ только о постановкѣ разныхъ дисциплинъ, введеніи новыхъ специальностей, о взаимной комбинаціи ихъ и проч. Но пора убѣдиться, что это, не будучи идеальнымъ, не приближается даже и къ относительной нормальности. Объективно—всѣ академическіе предметы остаются довольно безразличными между собою и нимало не слагаются такъ, чтобы одинъ вызывалъ и утверждалъ другой, этотъ раскрывалъ его въ опредѣленныхъ подробностяхъ и, создавая на немъ, служилъ фундаментомъ для третьяго и т. п. Въ нашихъ академическихъ наукахъ нѣтъ ни генетической преемственности, ни гармонической связи необходимаго дружескаго вспомошествованія. Это своего рода конгломератъ, образовавшійся не идейнымъ творчествомъ и органическимъ ростомъ, а путемъ послѣдовательныхъ наслоеній и напластованій по разнымъ историческимъ пуждамъ практическаго характера. Для наглядной иллюстраціи довольно упомянуть хотя бы о томъ, что академическіе преподаватели, являясь всѣ богословами, обычно всегда затрудняются въ принсканіи двухъ рецензентовъ и оппонентовъ даже для

богословскихъ диссертацій. Ясно отсюда, что въ научно-академической конструкціи у насъ не имѣется органическаго объединенія, гдѣ главное стягиваетъ къ себѣ всѣ частности и каждый членъ вдохновляется и привлекаетъ къ солидарной работѣ на общую пользу. Правда, и мы обособили нѣкоторые предметы, какъ общеобязательные, но едва ли можно спорить, что это сдѣлано больше по утилитарнымъ соображеніямъ. Достаточно лишь констатировать несходство самыхъ схемъ и разнородность наукъ этой академической группы, чтобы не требовалось особаго обоснованія данной истины. Но если она печальна объективно, то не менѣе вредною оказывается и субъективно или въ педагогическомъ примѣненіи, ибо и преподаватели не могутъ установить солидарнаго соотношенія своихъ научно-педагогическихъ вліяній, и студенты не имѣютъ опоры для надлежащаго «сосредоточенія» своихъ занятій, разбрасываясь своимъ вниманіемъ беспсистемно и при самомъ усердномъ усвоеніи не приобретаая закругленнаго, цѣлостнаго богословскаго образованія.

По сказанному очевидно, что главная бѣда современнаго научно-академическаго строя заключается въ отсутствіи предметной центрированности среди разныхъ отраслей. Слѣдовательно, намъ и нужно найти этотъ внутренне объединяющій центръ, а гдѣ и въ чемъ онъ находится? По самому безспорному и непосредственному своему смыслу, — богословіе есть слово о Богѣ, которое и все другое освѣщаетъ съ точки зрѣнія божественности. Но истинность и точность вѣдѣнія въ этой сферѣ требуютъ адекватныхъ силъ, способностей и орудій, какія принципиально невѣроятны въ ограниченныхъ существахъ даже при самомъ гениальномъ изощреніи ихъ ума и воли. Если вездѣ «подобное познается подобнымъ», то и здѣсь обязательно божественное посредство. Отсюда получаемъ, что богословіе, будучи «словомъ о Богѣ», должно всецѣло покоиться на «божественномъ словѣ». Это столь неизбѣжно и необходимо, что на подобныхъ началахъ базируются всѣ религіи и всякія богословствованія. Съ другой стороны, и исторически было такъ, что весь прогрессъ истиннаго богопознанія совершался путемъ божественнаго откровенія, закрѣплявшагося въ священномъ словѣ. Потому фактическимъ источникомъ боговѣдѣнія непремѣнно является Библія. Дальше необходимо слѣдуетъ, что христіанское богословское знаніе, оставаясь вѣрнымъ своему существу, обязано цѣликомъ утверждаться на библейскомъ фундаментѣ. Тогда академическая богословская наука будетъ строго и совершенно библиологическою, а вспомогательныя дисциплины должны быть проникнуты библейскимъ интересомъ соответственнаго приспособленія. Съ прискорбіемъ, но по необходимости нужно констатировать, что наша богословско-педагогическая практика далеко и рѣшительно уклонилась отъ этой нормы. Въ нашихъ Духовныхъ Училищахъ твердятъ книжки разныхъ «Священныхъ исторій Ветхаго и Новаго Завѣта» и совсѣмъ не заставляютъ заглядывать въ библейскіе тексты. Въ Духовныхъ Семинаріяхъ посматриваютъ туда лишь урывками и не только не прочитываютъ, напр., учительныхъ и пророческихъ писаній, но даже Новый Завѣтъ не проходить цѣликомъ, хотя бы по школьнымъ учебникамъ, какъ въ этомъ я 15 лѣтъ неотразимо убѣждаюсь на вступительныхъ академическихъ экза-

менахъ, гдѣ подвергаются испытаніямъ лучшіе семинарскіе воспитанники—первые студенты. При этихъ условіяхъ и въ Академіяхъ профессора въ состояніи сообщить развѣ основныя данныя научной библіологіи, но фактически лишены всякой возможности ввести своихъ слушателей во всю полноту и глубину непосредственного библейскаго содержанія. Въ концѣ концовъ наши Академіи значительно утратили библейскій духъ и прониклись характеромъ отвлеченнаго догматическаго доктринарства, при чемъ библейскіе тексты, привлекаемые несистематическими фрагментами, утилизируются скорѣе для внѣшне-авторитетныхъ иллюстрацій, да иногда еще къ тезисамъ, библейски очень сомнительнымъ. Въ этомъ направленіи порою проглядываетъ почти антибиблейское настроеніе, вполне соответствующее научной библейско-богословской «простотѣ». Осознательнымъ свидѣтельствомъ сего служить, напр., преобладающее отрицательное отношеніе къ «библейской исторіи», за которою не хотятъ признать особливыхъ правъ на самобытное научное существованіе, между тѣмъ въ библейскомъ смыслѣ казалось бы догматически безспорнымъ, насколько въ величайшей степени важно специальное изученіе историческаго хода божественнаго домостроительства. Безцѣнное для собственной сферы непосредственного обнаруженія,—оно давало бы истинный ключъ къ правильному пониманію и всего процесса всемірно-исторической жизни, а развѣ это такъ не дорого вообще, хотя бы въ виду господствующихъ противобиблейскихъ воззрѣній и антихристіанскихъ теорій? Не вѣрнѣ ли будетъ думать, что въ академическомъ преподаваніи «библейская исторія» должна бы доминировать среди всѣхъ другихъ историческѣхъ дисциплинъ? Пожалуй, еще болѣе характерна въ нашихъ интересахъ упорная пренебрежительность къ «библейскому богословію», самое пониманіе котораго у насъ является то совсѣмъ смутнымъ, то враждебно-скептическимъ. Но едва ли допустимо сомнѣніе въ величайшей полезности систематическаго познанія подлинныхъ библейскихъ ученій въ ихъ послѣдовательности и связи, въ историческомъ раскрытіи соответственнo міровому прогрессу, въ непреходящей ихъ независимости по существу и въ обусловленной относительности временно-приспособительныхъ деталей. Не говорю объ апологетической необходимости и плодотворности подобныхъ изысканій, ибо данная сторона очевидна безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій и аргументовъ. И помимо такого неизбежнаго примѣненія,—они вводятъ въ самую душу библейскаго созерцанія, и единственно ими разсудочная человѣческая мысль приникаетъ къ живому движенію богооткровеннаго вѣдѣнія. По этой причинѣ и догматика и этика,—если не желаютъ быть лишь рационально-богословскимъ ученіемъ о доктринальныхъ и моральныхъ религіозныхъ началахъ,—именно въ «библейскомъ богословіи» обязаны почерпать всю силу, а пасторологія и проповѣдничество всецѣло коренятся въ библейско-историческѣхъ первоосновахъ и ими ограждаются въ своемъ внутреннемъ достоинствѣ и практической дѣйственности, литургика же рѣшительно обуславливается мѣрою своего библейскаго соотношенія, поскольку богослуженіе православно-христіанское есть таинственное приобщеніе и священное воплощеніе фактической библейской спасительности, почему безъ

тѣснѣйшей связи съ нею превратится въ археологическое обозрѣніе ритуальныхъ обрядовъ и литургическихъ памятниковъ, открывая мѣсто реалистическимъ истолкованіямъ изъ аналогичныхъ языческихъ явленій и институтовъ.

Указанные примѣры, наглядно обнаруживая поразительное уклоненіе академической науки отъ своего обязательнаго библейскаго источника, убѣждаютъ, что этимъ она не мало лишается библейской авторитетности и внушительной жизненности. Отсюда прямой выводъ тотъ, что ее нужно вернуть къ библейскимъ началамъ, а потому богословское изученіе должно быть строго библиологическимъ, созидающимся на подлинномъ библеизмѣ, концентрирующимся въ немъ и проникающимся имъ во всѣхъ своихъ побочныхъ примѣненіяхъ.

Тогда въ научныхъ интересахъ необходимо на этомъ библейскомъ принципѣ построить и законченный учебно-академическій планъ. II по самой природѣ и по своей библейской производности наше богословіе *является единымъ, и всякая раздробленность въ немъ будетъ насильственной*. Съ идейной стороны оно должно бы усвоиться цѣликомъ во всемъ своемъ объемѣ, не допуская ограниченій лишь извѣстною категоріей изъ всей научной суммы. По весь циклъ соотвѣтственныхъ специальностей нельзя студентамъ воспринять научно во всей полнотѣ, и живой опытъ горестно убѣдилъ ближайшихъ свидѣтелей, что, гоняясь за многимъ, они ничего не выучиваютъ съ совершенною отчетливостію по фактической невозможности «объять необъятное». Мы вынуждаемся допустить извѣстную классификацію богословскихъ академическихъ предметовъ по категоріямъ, хотя послѣднія будутъ не столько независимыми отдѣленіями, сколько неразрывно связанными и взаимно родственными «развѣтвленіями» цѣлостнаго библейско-богословскаго вѣдѣнія. Значитъ, лишь практически потребно обособленіе *наукъ общеобязательныхъ* наряду съ «групповыми», изучаемыми съ возможною подробностію и всесторонностію. Первыми будутъ, конечно, библейскія дисциплины въ ихъ научныхъ первоосновахъ, каковы попреимуществу служатъ частныя вводныя изслѣдованія о библейскихъ книгахъ съ утвержденіемъ ихъ каноническаго достоинства въ цѣломъ и въ отдѣльности. Сюда же должны принадлежать «библейское богословіе» и «библейская исторія», какъ связно знакомящія съ библейскимъ содержаніемъ и принципиально освѣщающія ходъ божественнаго домостроительства. Необходимымъ и важнымъ дополненіемъ служить библейская филологія. Потребность и польза библейско-еврейскаго языкознанія нынѣ, кажется, всѣмъ принимаются, и нужно развѣ пожелать, чтобы оно получило самую серьезную научную постановку. Что касается надобности specialнаго изученія «греческаго библейскаго языка», то привнесеніе этой дисциплины тѣмъ неотложнѣе, что о ней у насъ всюду господствуютъ недоразумѣнія архаической отсталости и почти невѣжественной простоты ¹⁾. Фактически эта отрасль пріобрѣла на Западѣ

¹⁾ Это ясно и по студенческимъ заявленіямъ (въ «Журналахъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Читеніи» 1906 г., № 11, стр. 279) и по сужденіямъ нѣкоторыхъ членовъ V-го отдѣла (см. «Журналы и Протоколы Предсобор-

за не очень давнее время весьма широкое развитіе и захватывающій интересъ быстро обновляющейся свѣжести, въ связи съ съ изысканіями объ аттицизмѣ и непрерывными открытіями относительно *Koinḗ*. И если нынѣ «библейскій греческій языкъ» трактуется въ качествѣ момента въ развитіи послѣдняго и часто сливается съ нимъ до неразличимости, то этимъ для насъ создается неустраняемая задача—не допустить, чтобы филологическое отождествленіе разрѣшалось уравниемъ самаго содержанія греческой рѣчи «библейской» и «общей». На дѣлѣ же мы видимъ, что такіа филологическія сближенія не рѣдко наклоняются къ прямому умаленію доктринальной библейской самобытности и стремятся поколебать божественную исключительность существеннѣйшихъ библейскихъ ученій. Слѣдовательно, эта наука будетъ имѣть не отдаленную и вышнюю соприкосновенность съ библиологіей, а самое живое и тѣсное отношеніе дорогого средства къ уразумленію и истолкованію Библии. Къ общеобязательной группѣ должны отойти еще и всѣ теоретическія богословскія дисциплины (догматика и нравственное богословіе), какъ представляющія въ научно-систематической формѣ церковно-принятые доктрины, въ которыхъ закрѣпляются, раскрываются и освѣщаются библейскія основоположенія вѣры и морали. Въ ряду ихъ необходима и «христіанская апологетика» для научной защиты и рациональнаго разъясненія библейско-богословскихъ ученій, но эти задачи могутъ цѣлесообразно достигаться лишь при объективно-безпристрастномъ обоснованіи, когда христіанство фактически явится единственно богооткровеннымъ среди всѣхъ прочихъ міровыхъ религій, почему внимательное обозрѣніе послѣднихъ должно быть существенною ингредиентною частію апологетической системы. Но въ православной Академіи всякое изученіе обязывается ограждать именно православіе, а оно всего лучше познается въ своей индивидуальной правотѣ и свойственной самобытности черезъ сличеніе съ другими исповѣдными пониманіями единой библейской истины. По этой причинѣ въ общеобязательный курсъ непременно включается «сравнительная символика» съ подробнымъ историко-аналитическимъ разсмотрѣніемъ западныхъ христіанскихъ исповѣданій.

Первое групповое развитіе необходимо посвятить спеціальному изученію частныхъ библиологическихъ наукъ, изслѣдующихъ Библію въ ея подлинной глубинѣ и во всѣхъ подробностяхъ. Таковы, напр., исторія экзегетики (попреимуществу патристической и потомъ позднѣйшей), текста, переводовъ и библейскихъ изданій вмѣстѣ съ библейскою на-леографіей (и, пожалуй, библейскою географіей), всестороннее научное истолкованіе наиболѣе обширнаго круга библейскихъ писаній съ детальнымъ филологическимъ текстуальнымъ анализомъ, при чемъ эту послѣднюю задачу могли бы взять на себя преподаватели библейской филологіи. Въ связи съ этимъ весьма полезно было бы внимательное ознакомленіе съ главнѣйшими іудейско-раввинскими и іудейско-апокрифическими памятниками и съ «іудейскимъ богословіемъ»; всѣ эти свѣдѣнія

нужны для увѣренной раціональной законченности и въ апологетически-охранительныхъ интересахъ, которые пріобрѣтаютъ жизненную настоятельность при современномъ положеніи библейской науки, когда многія коренныя библейскія доктрины генетически выводятся изъ разныхъ іудейскихъ источниковъ. Всѣ эти спеціальности было бы удобно передать профессору библейской археологій, которая и сама по себѣ нуждается въ болѣе солидномъ научномъ преобразованіи. Частію по тѣмъ же причинамъ особыхъ научныхъ запросовъ теперешняго библейскаго знанія выдвигается новое требованіе о спеціальному изученіи соприкосновенныхъ съ Библіею народовъ Востока со стороны исторіи, археологій и религіи. Эта область вообще слишкомъ мало культивируется въ Россіи, но для библиологій она имѣетъ существенную важность непосредственно и въ виду результатовъ сравнительныхъ оріенталистическихъ изысканій, гдѣ наряду съ положительными заключеніями встрѣчается не мало и отрицательныхъ возрѣній, обязательно вызывающихъ на устраненіе и разъясненія. Посему надо этотъ предметъ обосновать отдѣльно и документально.

Думаю, что всѣ названныя дисциплины говорятъ сами за себя и ихъ права достаточно безспорны для всѣхъ безъ нарочитыхъ апологій. Заслуживаетъ нѣсколькихъ спеціальныхъ словъ «Жизнь Іисуса Христа», которая рекомендуется для академическаго научнаго цикла въ достоинствѣ особой преподавательской отрасли—даже съ независимую каедрой ¹⁾. По этому вопросу я косвенно, но рѣшительно высказывался въ отрицательномъ смыслѣ и въ русской ²⁾ и въ иностранной ³⁾ печати и, не встрѣтивъ серьезно опровергающихъ возраженій, доселѣ остаюсь при прежнемъ убѣжденіи. Мотивирую его съ краткою выразительностію. Всѣ защитники обсуждаемаго предмета трактуютъ собственно о несравнимой важности самаго фундаментальнаго освѣдомленія съ землею жизнью Спасителя. Это,—разумѣется,—вполнѣ несомнѣнно, только совсѣмъ не отвѣчаетъ цѣли по своей аксіоматичности, при которой всякія оправдательныя рѣчи абсолютно излишни. Нужно вѣдь доказать нѣчто другое, а именно: насколько возможно обычно-научное построеніе «жизни» Христовой? Вотъ здѣсь-то мы и наталкиваемся на непреодолимые затрудненія. По незыблемому научному и общечеловѣческому пониманію, всякая «жизнь» того или иного «героя» должна дать всецѣлое истолкованіе взятой личности изъ современныхъ историческихъ условій—господствующихъ запросовъ и настроеній эпохи, среды, воспитанія и т. п. Лишь тогда мы поймемъ ее съ научною отчетливостію по происхожденію, характеру и значенію ея дѣятельности, какъ историческаго фактора въ качествѣ одного изъ натуральныхъ звеньевъ неразрывной цѣпи агентовъ историческаго прогресса и всеобщей культуры. Съ этой стороны изъ земного и огра-

¹⁾ См., напр., спеціальную «записку» этого рода въ приложеніи къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 4 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 90—94.

²⁾ Евангеліе и Евангелія въ журналѣ «Вѣра и Разумъ» 1896 г., № 7, стр. 417—424. Ср. и въ «Православной Богословской Энциклопедіи», т. VI (Спб. 1905), столб. 629.

³⁾ The Gospel and the Gospels въ журналѣ «The Expository Times» XIII, 3 (Edinburgh, December 1901), p. 101—104.

ниченнаго только тварное и ограниченное,—хотя бы даже гениальное,—и может и должно разясняться съ необходимою удовлетворительностію, безъ которой нѣтъ и не бываетъ науки. Наоборотъ, вышемірное и божественное принципиально не можетъ раскрываться въ своемъ существѣ изъ космическаго и обязательно пострадаетъ и исказится по своей природѣ при такомъ неестественномъ комментированіи. Едва ли позволительно задумываться, что все это цѣликомъ и съ роковою неизбѣжностію относится къ «жизни» Иисуса Христа. Конечно, Онъ былъ *Богочеловѣкъ*, и Его земное служеніе ничуть не являлось случайнымъ эпизодомъ бытія; однако, весь земной подвигъ Спасителя опредѣлялся исключительно преміирыми божественными планами и былъ ихъ божественною реализаціей, прямо исчерпываясь идеею божественнаго искупленія. Какъ самая индивидуальность, такъ и всѣ корни земной миссіи Христа лежатъ въ недовѣдомыхъ тайнахъ неба и не могутъ быть сведены къ земнымъ историческимъ мотивамъ. Иначе получится насильственное приниженіе божественнаго до ограниченнаго съ совершеннымъ извращеніемъ перваго, а это всего менѣе научно и желательно. Понятно, далѣе, что тутъ все земное въ жизни Христовой имѣетъ важность не само по себѣ, но единственно по связи съ божественнымъ—въ качествѣ способовъ его примѣненія къ космическимъ условіямъ. Поэтому многое въ земномъ явленіи Господа Избавителя было лишь побочнымъ и не относилось непосредственно къ самому спасительному подвигу, будучи преходящимъ моментомъ, который не обладалъ собственной искупительною цѣнностію. Таковы, напр., дѣтство, бывшее просто человѣческою стадіей перехода къ возмужалости, и весь періодъ до выступленія на общественное служеніе. Вотъ почему въ Евангеліяхъ мы не встрѣчаемъ ни обычной біографической полноты, ни пунктуальной точности новѣтствованій, не чуждыхъ дисгармоніи въ частностяхъ и не содержащихъ скрупулёзной тщательности касательно топографіи, хронологіи и проч. Причина сего въ томъ, что они обосновываютъ и иллюстрируютъ божественную спасительность дѣла Христова и въ этомъ отношеніи идеально удовлетворяютъ своей цѣли, не смотря на внѣшніе литературно-исторіографическіе дефекты. Напротивъ, всѣ евангельскіе апокрифы, стремящіеся восполнить своими детальными и часто странными легендами «пробѣлы» нашихъ каноническихъ записей, рисуютъ крайне уродливый образъ Искупителя и рѣшительно затемняютъ величіе Его спасительнаго служенія, которое, не взирая на обиліе фактическихъ матеріаловъ, оказывается прямо непостижимымъ по своему вѣчному божественному достоинству.

Въ результатъ находимъ, что у насъ нѣтъ и достаточныхъ авторитетныхъ данныхъ для построенія научной «жизни» Христовой, а всѣ самыя искреннія усилія въ этомъ направленіи фатально наклоняютъ къ умаленію божественности и къ неизбѣжнымъ покушеніямъ на ея природу, когда послѣдняя мотивируется земными факторами. Въ этомъ смыслѣ всякая обычно-научная «жизнь» Христа непремѣнно бываетъ раціоналистическою и потому невозможна и недопустима на истинно библейской православной почвѣ. Въ этомъ съ неотразимостію убѣждаютъ всѣ безчисленные подобные труды, гдѣ даже самыя благочестивыя опыты

(напр., Фаррара) грѣшатъ многими раціоналистическими элементами и тенденціями. Православное богословіе должно только бороться съ ними и защищать библейско-евангельскую неприкосновенность, но для этого существуетъ «христіанская апологетика» и совсѣмъ неумѣстна особая кафедра, разѣ подлинная жизнь Христа Спасителя познается единственно детальнымъ изученіемъ нашихъ каноническихъ Евангелій въ ихъ непосредственности и соприкосновенности.

По всѣмъ отмѣченнымъ соображеніямъ я безусловно отрицаю самую возможность «жизни» Иисуса Христа, какъ особой научной дисциплины, и—естественно—отвергаю увеличеніе ею цикла академическихъ наукъ даже на спеціальному библейско-богословскомъ отдѣленіи. Разумѣется, я вполне цѣню полезность изученія историческихъ условій эпохи Христа Спасителя, но этимъ прежде всего аргументируются лишь фактическая необходимость и жизненная плодотворность подвига Христова, когда мы историческими наблюденіями удостоверяемся, что все это совершилось, дѣйствительно, въ «полноту времени» или послѣ того, какъ были исчерпаны всѣ доступные человѣческіе ресурсы, почему міръ неотложно нуждался въ божественномъ вмѣшательствѣ. Послѣднее, однако, не вызывалось человѣческими факторами съ такою принудительностію, чтобы они могли быть производящею причиною,—и намъ ясно сказано, что Своего божественнаго Сына послалъ въ міръ Самъ Богъ—Отецъ (Гал. IV, 4) по Своей абсолютной волѣ. Съ другой стороны, эти научно-историческія экскурсіи, конечно, помогутъ нашему разуму точнѣе и убѣжденнѣе понять все величіе и божественную спасительность искупительнаго дѣла Христова. Только это опять же не будетъ собственно научная «жизнь» Иисуса Христа, а лишь супплементарное пособіе къ осмысленному постиженію евангельскихъ повѣствованій. При данной постановкѣ мы получимъ въ этихъ изысканіяхъ то, что принято называть и разрабатывать на Западѣ подъ именемъ «исторіи новозавѣтныхъ временъ» (*Neutestamentliche Zeitgeschichte*). Въ этомъ видѣ указанная дисциплина, успѣшно культивируемая въ западной богословской наукѣ, весьма желательна въ академическомъ курсѣ въ качествѣ добавочнаго предмета (напр., при библейской археологіи, библейской исторіи) или особой штатной приватъ-доцентуры при существующихъ библейскихъ кафедрахъ; послѣднее было бы болѣе полезно и раціонально.

Библейскими науками не исчерпывается цѣлостный кругъ спеціальностей библіологическаго отдѣла. По существу своему, полнота божественной истины хранится въ Церкви, создаваемой Отцемъ чрезъ Сына въ Духъ Святой. Эта истина сообщается человѣчеству въ откровеніи, которое закрѣпляется въ словѣ Писанія и разъясняется пзъ неизсякаемаго источника подлиннаго церковнаго преданія. Второе неразрывно отъ перваго фактически и должно занять мѣсто наряду съ нимъ при научномъ познаніи. Такъ при библіологіи обязательна патрологія съ подробнымъ изученіемъ соотвѣтственныхъ памятниковъ. Однако и она можетъ превратиться въ холодное изслѣдованіе, получивъ характеръ просто «исторіи древне-христіанской литературы». Это именно нынѣ часто проектируется и съ успѣхомъ осуществляется во многихъ солидныхъ трудахъ

(напр., Ad Harnack'a, G. Krüger'a), да еще въ такой степени, что туда втягивается—почти съ равнымъ значеніемъ—вся повозавѣтная каноническая письменность. Подобное направленіе было бы противно самому положенію въ академическомъ научномъ циклѣ даннаго предмета. Его задача заключается вовсе не въ одномъ чисто литературномъ обзорѣ сохранившихся документовъ, а главнѣе всего въ томъ, чтобы отчетливо прослѣдить непрерывное развитіе, взаимную преемственность и внутреннее согласіе въ ходѣ историческаго раскрытія церковнаго преданія. Съ этой точки зрѣнія индивидуальная оригинальность того или иного патристическаго автора лишается обычной цѣнности, иногда получая характеръ даже случайнаго отклоненія отъ нормы, и—наоборотъ—вся сила сосредоточивается на принципиальномъ тождествѣ морально-догматическаго ученія съ библейско-христіанскими доктринальными первоосновами. По своему замыслу патрологическое изысканіе должно быть устремлено на догматическую стихію въ ея солидарномъ,—хотя бы и многообразномъ,—освѣщеніи, въ конечномъ же итогѣ оно обязано сводиться къ догматическому объединенію и завершаться послѣднимъ ¹⁾. Ясно, что въ академическомъ преподаваніи патрологическое изученіе можетъ имѣть полную важность лишь при неотлучной связи съ «патристикой», для чего требуется специальный курсъ или особая штатная приватъ-доцентура.

Въ результатѣ всего *первое отдѣленіе является «библейско-патристическимъ»*. На немъ будутъ всесторонне обслѣдованы библейско-богословскія истины, изысканіе которыхъ должно научнымъ методомъ убѣдять, что онѣ служатъ мѣриломъ христіанской вѣры и непремѣннымъ правиломъ достойной жизни. По этимъ свойствамъ вполнѣ безспорно ихъ всецѣлое и исконное предназначеніе къ практическому осуществленію во всемірно-историческомъ процессѣ. Здѣсь выступаетъ предъ нами новая великая задача основательнѣйшаго изученія міровой исторіи съ богословско-библейской стороны. Эта сфера тѣсно и внутренне соприкасается съ библиологіей, поскольку пріобрѣтаетъ всѣ права обособленной самобытности въ исключительности своего библейскаго первоисточника, изъ котораго проистекаетъ и который примѣняетъ въ извѣстныхъ конкретныхъ фактахъ. Уже по одному этому церковно-христіанская исторія требуетъ specialнаго изученія, но есть у нея еще и своя собственная цѣнность. Жизнь Церкви, служа частію посильнымъ воплощеніемъ, частію живымъ комментариемъ библейской истины, сама оказывается важнѣйшимъ моментомъ реализаціи цѣлѣположенныхъ божественныхъ плановъ. Тутъ она бываетъ главнѣйшею стадіей водворенія среди людей правды Божіей по пути отъ царства Христова чрезъ Церковь Господа и Спаса нашего Иисуса Христа съ завершеніемъ въ царствѣ Бога и Отца. Здѣсь церковная жизнь, будучи однимъ изъ элементовъ трехчленнаго замкнутаго круга, необходимо получаетъ нѣкоторую самостоятельность, почему для нея нужно и особое научное изслѣдованіе. Всѣмъ этимъ

---

¹⁾ Это, конечно, не исключаетъ обзорѣнія новозавѣтныхъ апокрифовъ и сектантско-еретическихъ писаній именно со стороны косвеннаго или отрицательнаго освѣщенія подлинно церковнаго преданія; въ случаѣ необходимости, для нихъ можно бы отвести отдѣльный курсъ, хотя бы даже и съ особою приватъ-доцентурой.

вызывается и обосновывается надобность во втором академическом отдѣленіи церковно-историческаго содержанія и характера. Таковое было у насъ всегда, достаточно оправдывается самою своею наличностію и дѣлаетъ излишнею всякую апологетическую аргументацію. Полезно развѣ прибавить нѣсколько словъ о болѣе широкой и детальной постановкѣ изученія соотвѣствующихъ предметовъ. Конечно, отзывается немалою крайностію то мнѣніе, будто (древняя общая) «церковная исторія является матерію всѣхъ богословскихъ наукъ», но отмѣченная нами важность христіанской церковно-исторической жизни принудительно обязываетъ къ самому внимательному ея обзорѣнію во всѣхъ главнѣйшихъ направленіяхъ и отношеніяхъ. Несомнѣнно, что количество кафедръ должно быть значительно увеличено. Для восточной церкви на всемъ ея протяженіи требуется minimum двѣ, да желательна хотя штатная приватъ-доцентура для «отдѣленныхъ восточно - христіанскихъ обществъ». Обособленное западное церковное развитіе едва ли можетъ быть пройдено въ академической системѣ безъ объективнаго разсмотрѣнія, которое нужно для научной полноты и ради безпристрастнаго самопознанія. Помѣстныя славянскія и румынскія православныя церкви тоже достойны спеціальнаго изученія. Не менѣе сего безспорно это для ближайшей къ намъ Русской церковной исторіи. По моему глубокому убѣжденію, для нея будетъ, пожалуй, мало и двухъ отдѣльныхъ кафедръ, если сообразить жизненность и непосредственность интереса касательно этой родной для насъ области, гдѣ, не надѣясь на чужую помощь, именно мы обязаны самостоятельно собрать, детально анализировать, научно сгруппировать и всесторонне освѣтить весь многоразличный матеріаль. Я настолько твердо увѣренъ въ этомъ, что—въ случаѣ необходимости—готовъ былъ бы пожертвовать особою кафедрой расколо-сектантства; она, обозрѣвая лишь одно изъ частныхъ явленій русской церковно-исторической жизни, не имѣетъ для своей самобытности равныхъ принципиальныхъ основъ и больше держалась соображеніями практической пользы ¹⁾, а для этого можно бы ограничиться штатными приватъ-доцентурами, ибо общая оцѣнка ихъ предмета будетъ дана въ церковно - историческихъ курсахъ. Но церковно-историческое теченіе должно совершаться по заповѣданнѣмъ для него христіанскимъ нормамъ и само постепенно вырабатываетъ приспособительныя юридическія начала для вѣрнаго и упорядоченнаго развитія. Отсюда въ церковно-историческомъ циклѣ Духовныхъ Академій съ неизбѣжностію является «церковно-каноническое право», которое и вообще можетъ быть постановлено вполне научно собственно на исторической почвѣ, хотя бы для этого потребовалось

¹⁾ Но и съ этой стороны я сомнѣваюсь, чтобы оо. и гг. миссіонеры приносили много пользы православію. Гдѣ дѣло касается упованій и воздыханій сердечныхъ, охватывающихъ религіозно все существо человѣка, тамъ, конечно, исполнѣ умістно и научно-раціональное убѣжденіе, но тутъ требуется напередъ подготовить почву для симпатическаго воспріятія, а это достигается прежде всего посильнымъ исполненіемъ апостольской заповѣди: *образъ буди върнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою* (1 Тим. IV, 12)... Для освѣдомленія же съ положеніемъ и полемикою насчетъ мѣстнаго расколо-сектантства достаточно дополнительныхъ семинарскихъ курсовъ, которые потомъ должны обогащаться пастырскимъ опытомъ и самостоятельными занятіями.

привлеченіе нѣсколькихъ спеціальныхъ юридическихъ вспомошествованій въ особыхъ отдѣлахъ или приватъ-доцентскихъ чтеніяхъ. Ничуть не забываю я церковной археологіи съ литургікою и — напротивъ — думаю, что для нихъ непременно нужны два преподавателя, при чемъ для меня наиболѣе желательно документальное изученіе всѣхъ литургическихъ памятниковъ, понынѣ остающееся у насъ въ горестномъ пренебреженіи; его совсѣмъ напрасно подавляетъ излишнее церковно-археологическое увелпченіе, гдѣ съ Академіями успѣшно конкурируютъ наши Университеты. Отвожу рѣчь объ этихъ академическихъ дисциплинахъ на конецъ по той естественной причинѣ, что здѣсь наука прямо соприкасается съ жизненною практикой. Слѣдовательно, въ академическомъ преподаваніи должно быть свое мѣсто и для послѣдней. И всегда исторія, рисуя въ научномъ освѣщеніи мпувшую жизнь, въ то же время направляетъ къ лучшему жизненному дѣланію, служить для него надежною пропедевтикой и объективнымъ учителемъ, засвидѣтельствованнымъ въ горнилѣ исторически-неложнаго и фактически-провѣреннаго опыта. Эта тѣсная связь обязываетъ включить въ церковно-историческую среду извѣстное колпчество «практическихъ» дисциплинъ, каковы еще, напр., пастырское богословіе съ пастырскою педагогикой и гомилетика или церковное краснорѣчіе съ исторіею христіанскаго проповѣдничества ¹⁾). Въ виду всего этого и *второе спеціальное академическое отдѣленіе справедливо бы назвать церковнымъ «историко-практическимъ»*.

Всѣми перечисленными и другими сродными предметами достаточно обнимаются важнѣйшія богословскія научныя отрасли. Они образуетъ взаимно сплоченный кругъ и собственно ничуть не нуждаются въ инородномъ предметномъ расширеніи. При такомъ пониманіи можно болѣе безпристрастно, проникновенно и безобидно взглянуть на составъ и положеніе въ академическомъ курсѣ всякихъ свѣтскихъ дисциплинъ. Послѣднія допустимы въ немъ лишь въ мѣру богословскихъ потребностей, насколько надобны для достиженія богословскихъ цѣлей и вспомогательно удовлетворяютъ имъ. Отсюда первое слѣдствіе будетъ то, что энергическія предложенія, — чуть не требованія, — о широкомъ увелпченіи теперешняго цикла академическихъ свѣтскихъ наукъ не находятъ незыблемой опоры въ существѣ библейско-богословскаго знанія и должны быть рѣшительно ограничены сообразно спеціальнымъ академическимъ идеаламъ ²⁾), при чемъ совершенно и принципиально устраняются упорныя

¹⁾ Касательно гомилетики и по отношеніи къ Духовнымъ Семинаріямъ я просилъ (на засѣданіи V-го отдѣла 26-го апрѣля 1906 года) обратить серьезнѣйшее вниманіе на истинно успѣшное культивированіе этого предмета, безъ котораго наша духовная школа (съ пастырскимъ задачами) является прямо уродливою. Вѣдь и горько и странно, что (будущіе) «служители слова» нынѣ не владѣютъ ни теоріею, ни практикой «слова», даже пренебрегаютъ ими... Крайне печально, что у насъ почти нѣтъ дѣйствительныхъ проповѣдниковъ, а выдѣляются лишь любители вышней аффектаціи и всякой мишурной шумихи...

²⁾ Съ особенно упорною настойчивостію рекомендовалась «необходимость введенія въ составъ академическаго курса основъ высшей математики и физики и учрежденія въ Академіи по этимъ предметамъ постоянныхъ приватъ-доцентуръ» (см. приложеніе къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ

притязанія на легализацію права получения въ Духовныхъ Академіяхъ всѣхъ и всякихъ ученыхъ степеней ¹⁾. Православная Духовная Академія не Universitas omnium litterarum divinarum et humanarum et artium и не можетъ служить запросамъ всякой человѣческой любознательности. Конечно, было бы симпатичною, благодарною и грандіозною задачей, еслибы богословская академическая наука взялась осмыслить и пере-

при «Христ. Чтеніи» 1907, № 4 [и отдѣльно, Спб. 1907], стр. 136 — 138 и въ «Журналахъ и Протоколахъ Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 171—172). На это я указывалъ (16-го ноября 1906 г.), что въ прежнее время, когда въ Академіяхъ было математическое отдѣленіе, отсюда выходили крайне неудовлетворительные преподаватели математики, а такъ какъ среди нашихъ студентовъ иногда бывають и нынѣ любители математическаго знанія, то лучше было бы, не учреждая особыхъ кафедръ академическихъ математическихъ наукъ, посылать склонныхъ къ математикѣ кандидатовъ богословія въ Университеты,—года на два,—для слушанія лекцій на физико-математическихъ факультетахъ (см. ниже стр. 40_а). Кромѣ того, въ настоящее время открыть болѣе свободный доступъ семинаристамъ въ Университеты. И можно думать, что изъ такихъ семинаристовъ найдутся желающіе поступить преподавателями математики въ близкія имъ Семинаріи, гдѣ теперь условія службы значительно измѣнились къ лучшему и почти сравнялись съ гимназическими. Затѣмъ, пусть математика полезна для «философін», но это значить только то, что самъ академическій преподаватель ея долженъ запастись нужными свѣдѣніями и изложить все въ доступной для слушателей формѣ. По существу дѣла вообще странно было бы учреждать особыя вспомогательныя кафедры для самихъ профессоровъ, какъ будто они неспособны къ собственному научному усовершенствованію даже въ необходимыхъ для нихъ дисциплинахъ... Вѣдь у богослововъ неизмѣримо больше такихъ потребностей,—и чтѣ бы тогда получилось у насъ въ Академіяхъ, еслибы они заявили подобныя притязанія?... Ни съ утилитарно-практической, ни съ научно-педагогической точки зрѣнія предложенный проектъ для меня совершенно непріемлемъ, а яко бы физиологію можно изучать самостоятельно, безъ лабораторій и опытовъ, для высшей же математики непременно требуется специальный менторъ,—этого я совсѣмъ не понимаю. И замѣчательнѣе всего то, что теперешній проповѣдникъ нивалидности академическихъ преподавателей для математическаго автодидактизма въ 1893 году даже о себѣ думалъ по этому вопросу совершенно иначе (см. «Журналы совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1893—1894 г., Спб. 1894, стр. 128)... О предполагаемомъ важномъ соучастіи математическихъ наукъ въ академическомъ богословско- философскомъ образованіи смѣю думать отрицательно, какъ усердный слушатель въ Московской Духовной Академіи «естественно-научной апологетики», построившейся преимущественно на естествонаучно-математическихъ основахъ, поскольку самая дисциплина эта замѣнила тамъ цѣлое математическое отдѣленіе, упраздненное уставомъ 1884 года. Наконецъ, весь разсматриваемый проектъ обсуждался въ С.-Петербургской академической комиссіи и не встрѣтилъ здѣсь сочувствія, при чемъ—по точнымъ справкамъ у специалистовъ—не оправдались и финансовыя расчеты соискателя математическихъ пособій:—онъ увѣрялъ, что потребуются лишь незначительныя средства, а у насъ получились довольно грандіозныя цифры...

¹⁾ Я думаю также, что на свѣтскія кафедры могутъ быть отводимы только сверхштатныя приватъ-доценты. Свѣтскіе академическіе предметы, будучи вспомогательными, по такому своему положенію собственно не въ правѣ даже и претендовать на дополнителныя пособія въ особыхъ дисциплинахъ, когда они сами обратились бы въ основныя науки, между тѣмъ упорное стремленіе ихъ къ чрезмѣрному расширенію грозитъ поглотить всѣ ресурсы, которые безусловно и жизненно необходимы въ специальныхъ интересахъ научнаго преподаванія для большинства библейско-богословскихъ, церковно-историческихъ и церковно-практическихъ кафедръ. А каковы по этой части аппетиты свѣтскихъ профессоровъ,—это показываетъ, напр., недавній случай въ С.-Петербургской Духовной Академіи, гдѣ сложными путями старались достигнуть того, чтобы «юбилейныя» и «Григоріевскія» капиталы, имѣющіе строго опредѣленное назначеніе, раздѣшено было утилизировать, между прочимъ, въ виду «образцena психологіи изъ опытной въ экспериментальную, нуждающуюся въ особыхъ приборахъ»; только митрополитъ Антоній приостановилъ эти замыслы категорическою резолюціей (отъ 23-го декабря 1905 года): «Проектъ комиссіи совершенно видоизмѣняетъ волю учредителей капитала, ясно и точно обозначенную, чего допустить нельзя» (см. «Журналы совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 г., Спб. 1907, стр. 124. 129)...

строить въ своемъ духѣ всѣ соприкосновенныя гуманитарныя человѣческія знанія ¹⁾, но теперь,—когда до сихъ поръ совсѣмъ не видно выдающагося участія академической науки въ ученомъ прогрессѣ гуманитарнаго вѣдѣнія,—это возможно развѣ по завершеніи научнаго богословскаго развитія—въ особой богословской «Академіи наукъ» ²⁾, а при наличныхъ средствахъ для академическихъ дѣятелей непосильно и скорѣе поведетъ къ искусственной тенденціозности, теоретически вредной и практически опасной.

Вторымъ примѣненіемъ библейско-богословскаго взгляда будетъ извѣстная трансформация во взаимныхъ отношеніяхъ свѣтскихъ предметовъ. Среди нихъ на первый планъ больше всего выдвигается исторія, какъ раскрывающая ту среду, которая служила почвой, гдѣ происходило творчество религіозной мысли и гдѣ совершалось возрастаніе церковно-христіанской жизни. Доселѣ эту дисциплину у насъ побѣдоносно оспаривала «философія», но я осмѣливаюсь думать, что она должна уступить немалую долю своего мѣста даже филологіи. Последняя изучаетъ важнѣйшій органъ человѣческаго духа и, вводя въ интимныя тайники его, всего больше помогаетъ серьезному разумному проникновенію въ глубины Слова Божія, въ которомъ закрѣплены вѣчные глаголы Единороднаго Слова Божественнаго. Отсюда безспорна вся плодотворность разносторонняго филологическаго изученія, и тѣмъ очевиднѣе жалкая безпомощность современнаго академическаго положенія. Не имѣя твердой опоры и соотвѣтственнаго примѣненія, греческій и латинскій языки теперь играютъ какую-то убогую, изгойную роль, почему въ Академіяхъ они нынѣ не могутъ ни усвоиться, ни развиваться въ должной степени. Этимъ объясняется печальный фактъ, что духовно-академическая филологія,—говоря вообще,—не даетъ специалистовъ и съ собственной сферѣ и въ библейской области. Понимая все это и скорбя о семъ, я вовсе не удивляюсь, что—въ качествѣ редактора «Православной Богословской Энциклопедіи»—во всѣхъ четырехъ Академіяхъ не нашелъ автора для статей о *Κατὰ* (въ связи съ «библейскимъ греческимъ языкомъ») и о библейско-церковной латыни, между тѣмъ свѣтскіе профессора быстро написали отличные научные трактаты. Этотъ грустный примѣръ ³⁾ только неотразимѣе убѣждаетъ меня, что въ нашихъ Академіяхъ необходимо солиднѣе и всестороннѣе поставить филологическое изученіе, хотя бы ради этого пришлось по-

¹⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 706 (V-го отдѣла).

²⁾ Нѣкоторые носятъ съ этою мыслію и теперь... Мы, конечно, можемъ мечтать о массѣ прекрасныхъ идей и вещей, но должны помнить, насколько осуществимы эти мечты. Кто желаетъ слишкомъ многого, тотъ чаще не получаетъ ровно ничего... Намъ надобно стараться улучшить наличныя условія академической жизни, чтобы лучше достигались ученія богословскія цѣли при помощи существующихъ учреждений. Будемъ думать не столько о проектахъ, сколько о дѣлѣ, и пожелаемъ служителямъ его самоотверженной преданности, готовой все принести на алтарь русской богословской науки... Тогда только и будетъ добрый успѣхъ.

³⁾ Въ виду удивительнаго, но несомнѣнно обнаруженнаго нѣкоторыми «академическими филологами» непониманія вынуждаюсь подчеркнуть, что я разумѣю не собственно лицъ, которые могутъ быть высоко авторитетными, а положеніе вещей, при чемъ мои слова относятся также и къ профессорскимъ ученикамъ—классикамъ.

жертвовать исторією греческой и латинской литературъ. — II прямая обязанность наша и несомнѣнная польза для академическаго библейскаго преподаванія вызываютъ выдѣленіе особой каедры для систематическаго научнаго обзорѣнія родной намъ рѣчи. Не странно ли, что слушатели и глашатаи «Божественнаго слова» не знаютъ всесторонне своего «слова человѣческаго» и часто не владѣютъ имъ въ необходимой чистотѣ? Но современный русскій языкъ, научно отсылающій къ «сравнительному языкознанію», генетически связанъ съ древнимъ церковнославянскимъ и постулируетъ къ нему. Къ этому принудительно наклоняютъ требованія Церкви и живого участія въ ея службѣ. Мы отвыкли отъ торжественныхъ, внушительныхъ и стройныхъ глаголовъ просвѣтившей насъ христіански Библии славянской, съ трудомъ постигаемъ ее во всѣхъ тонкихъ отгѣнкахъ, претыкаемся даже относительно позднѣйшей церковной рѣчи и вообще растеряли званіе и вкусъ въ области славянской филологіи. Непремѣнный долгъ Духовныхъ Академій со всею научною энергіей способствовать прогрессу и распространенію славяно-русскаго языковѣдѣнія.

Что до «философіи», то—по своему существу—она стремится къ рационально-разсудочному рѣшенію вопросовъ бытія, мысли и жизни. Въ такомъ случаѣ тутъ принципиально неотрицаемъ характеръ натуральной конкурентности съ богословіемъ—при внутренней разности главнѣйшихъ средствъ, одушевляющихъ упованій и исходныхъ началъ. За явною очевидностію,—о первыхъ излишне говорить подробно, но о вторыхъ слѣдуетъ замѣнить, что философія утверждаетъ на автономной компетентности человѣческаго разума и направляется къ рационально-самобытному пониманію, а богословіе базируется на отказѣ отъ рациональной человѣческой авторитетности, исповѣдуя догматически, что мы не столько сами познаемъ Бога, сколько бываемъ познаны отъ Него (Гал. IV, 9), и увѣнчивается вѣрой, которая иногда смѣло провозглашаетъ: *credo, quia absurdum est* ¹⁾! Равнымъ образомъ, первая чаще отправляется отъ сомнѣнія и своимъ лозунгомъ ставитъ категорическое «*dubito*», богословіе же создается на незыблемой внѣрациональной увѣренности и на своемъ знамени носитъ священный девизъ (Евр. XI, 3): *πίστεως νοοῦμεν* ²⁾). При условіяхъ подобной диспаратности ничуть не экстраординарно, если мы не встрѣчаемъ строгаго совпаденія обѣихъ стихій и въ формальномъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ. Съ изысненной библейской точки зрѣнія необходимо согласиться, что есть немалая доля

¹⁾ Ср. у *Тертуліана* еще слѣдующія сужденія: *credibile est, quia ineptum est... certum est, quia impossibile* (De carne Christi, cap. 5: Migne, lat. ser. t. II, col. 761). *Ipsae denique haereses a philosophia subornantur... Quid ergo Athenis et Hierosolymis? quid Academiae et Ecclesiae? Quid haereticis et Christianis?... Cum credimus, nihil desideramus ultra credere. Hoc enim prius credimus, non esse quod ultra credere debeamus* (De praescriptionibus adversus haereticos, cap. 7: Migne lat. II, col. 19. 20. 21). *Quid adeo simile philosophus et christianus, Graeciae discipulus et Coeli, famae negotiator et salutis, verborum et factorum operator, rerum aedificator et destructor, interpolator erroris et integrator veritatis, furator ejus et custos?* (Apologeticus, cap. 46 и ep. 47 sqq: Migne lat. II, col. 514. 515 sqq.). Ср. также De anima I, 3 (Migne lat. II, col. 647—648. 651—652).

²⁾ Любопытно подчеркнуть еще, что Апостолъ Павелъ привѣтствуетъ Ф и л о л о г а (Рим. XVI, 15), но внушаетъ не увлекаться ф и л о с о ф і е ю и тщетною лестію (Кол. II, 8)...

истины въ распространенномъ и авторитетномъ мнѣніи западной науки, будто привожденіе философскихъ и теософическихъ элементовъ омрачало библейскую чистоту и затемняло прозрачность библейскаго созерцанія въ ущербъ его натуральной цѣлостности. Для убѣжденія въ этомъ довольно будетъ напомнить хотя бы о неканоническихъ ветхозавѣтныхъ писаніяхъ, гдѣ библейскія основы пріобрѣтають рассудочную случайность, а иногда даже нѣсколько искажаются во многихъ пунктахъ. Для наглядности достаточно, напр., сравнить аналогичные моменты богословскаго ученія автора книги Премудрости Соломоновой и св. Апостола Павла. Въ дальнѣйшемъ не менѣе характерна весьма замѣтная разница между мужаами апостольскими, тѣсно примыкающими къ новозавѣтной канонической письменности, и послѣдующею патристическою литературой, начиная съ апологетовъ, когда рационально-философская теоретика постепенно вытѣсняетъ библейскую простоту и непосредственность. Правда, потомъ философія играла немалую роль въ догматическомъ церковномъ строительствѣ ¹⁾, но это вызывалось не внутренними потребностями, а внѣшними условіями. Дѣло въ томъ, что еретики и сектанты утверждались въ своихъ исключительныхъ воззрѣніяхъ на разныхъ философскихъ системахъ и началахъ, противопоставляя ихъ общецерковнымъ ученіямъ. Естественно, что въ интересахъ оппозиціи и самораскрытія Церковь примѣнила то же средство и къ своимъ догматическимъ конструкціямъ. Опять безспорно, что здѣсь философское сотрудничество призвано по случайнымъ мотивамъ, да еще остается серьезнымъ вопросомъ, насколько оно было вполне благотворнымъ... Нѣтъ надобности распространяться о всей позднѣйшей исторіи, но, кажется, для всѣхъ безспорно, что именно философскому участию она болѣе всего обязана мертвенною схоластикой, которая доселѣ тяготѣетъ надъ духовною нашею наукой, литературой и школой въ видѣ безжизненной отвлеченности. Мы ничуть не отрицаемъ важныхъ услугъ философіи богословскому званію и протестуемъ собственно противъ преувеличеній. Въ этомъ отношеніи совѣтъ напрасно съ такою тенденціозностію превлекаются и эксплуатируются ²⁾ нѣкоторыя древне-христіанскія сужденія съ отгѣнками философскаго фаворитизма (св. Іустина муч., Климента алекс.), поскольку они ничуть не были преобладающими, въ общемъ подавлялись обратными мнѣніями и—главное—имѣли не принципиальное обоснованіе, а почти исключительно апологетически-миссіонерскій смыслъ, почему всегда и доселѣ варьируются примѣнительно къ той или другой средѣ миссіонерскаго дѣланія христіанскаго. Для всей же совокупности фактовъ несомнѣнно, что философское содѣйствіе было лишь соподчиненно-вспомогательнымъ и разрѣшалось ощутительными уклоненіями отъ библейской нормы ³⁾ при всякихъ самоувѣренныхъ стремле-

¹⁾ Ср. и въ докторской диссертациі проф. А. А. Спасскаго, *Исторія догматическихъ движеній въ эпоху вселенскихъ соборовъ* (въ связи съ философскими ученіями того времени), т. I: Тринитарный вопросъ, Св.-Тр. Сергіева Лавра 1906.

²⁾ Между прочимъ, это несомнѣнно и для А. П. Высокоостровскаго, *О правѣ духовныхъ академій присуждать ученныя степени по философскимъ наукамъ въ «Христіанскомъ Читеніи»* 1906 г., № 5, стр. 769—761.

³⁾ Не отсюда ли объясняется страшное и отвѣтственное дерзновеніе проф.

ніяхъ къ совершенной независимости въ вопросахъ богооткровенной религiи ¹⁾. Естественно, что у насъ до сихъ поръ не имѣется религіозно-христiанской философской системы, которая вполне выдерживала бы безпристрастный искусь библейско-богословской критики. А на православно-русской почвѣ не было и законченныхъ попытокъ въ этомъ направленiи, и всѣ покушенія такого рода сопровождались неудачею по причинѣ неустранимой антиномiи библейско-православныхъ началъ съ рационально-философскою автономіей. И мы гордимся единственно тѣмъ, если можетъ назвать «русскаго Оригена» (Вл. С. Соловьева), но понятное и извинительное не позже первой четверти III-го вѣка совсѣмъ не столь законно, полезно и достохвально въ XX-мъ столѣтіи...

Мнѣ думается, не будетъ ни абсурдомъ, ни обидой утверждать на основанiи вышеизложеннаго, что для Академiй требуется пожелать лучшаго приспособленія къ собственнымъ цѣлямъ духовно-академическаго образованія всѣхъ налпчныхъ философскихъ дисциплннъ. Въ этомъ интересахъ едва ли нужно ихъ расширеніе, да еще со введеніемъ новыхъ, совершенно свѣтскихъ, вспомогательныхъ предметовъ. Наоборотъ, «метафизика» — въ достаточно извѣстной мнѣ академической постановкѣ — всего менѣе «нормативна» и заключаетъ мало собственного содержанія, являясь осмысленнымъ систематическимъ обобщеніемъ историко-философскаго обзорѣнія, а цѣнныя для богословія части ея входятъ въ составъ, напр., апологетики ²⁾. Посему эту науку можно бы присоединить къ «исторiи фплософiи», или назначить для нея приватъ-доцентуру ³⁾. Тогда логика отошла бы къ психологiи, съ которою связывается и исторически и по внутреннему сродству, какъ было до недавняго времени даже и въ С.-Петербургской Академiи, гдѣ разьединеніе произведено по не совсѣмъ яснымъ причинамъ ⁴⁾.

Въ равной мѣрѣ богословскіе запросы побуждаютъ къ особой аккомодативности въ постановкѣ самаго преподаванія «фплософiи» въ различныхъ ея развѣтвленіяхъ. Такъ, психологiя все болѣе и болѣе получаетъ экспериментальное паправление, начинающее пріобрѣтать сильное преобладаніе даже въ академическихъ «философскихъ» кругахъ, гдѣ про-

---

Н. К. Никольскаю, который говоритъ (въ «Христ. Читенiи» 1906 г., № 2, стр. 199), яко бы «вѣра питомца Академiй тяпеть къ протестантизму»? Истекое слово сіе, но — къ счастью — фактически оно не столько вѣрно, сколько хлестко, хотя даетъ поводъ къ рѣзкимъ антиакадемическимъ выходкамъ — въ родѣ иоричательныхъ статей г. *М. О. Меньшикова* (въ «Новомъ Времени» №№ 11.078, 11.085, 11.187, 11.194 и 11.201 за 14-е и 21-е января, 6-е, 13-е и 20-го мая 1907 года), которыя тяжко даже и читать... Впрочемъ, см. у *И. В. Преображенскаго* въ «Колоколѣ» № 406 и 408 за 9-е и 13-е іюня 1907 г., стр. 1.

¹⁾ О нѣкоторой взаимной противности христiанства и философиі см. еще авторитетныя замѣчанія у французскаго мыслителя *М. Гюйо* въ трактатѣ «Воспитаніе и наслѣдственность» въ собраніи сочиненій, т. IV (III), Спб. 1900 (1899), стр. 275.

²⁾ И сами служители академической «метафизики» иногда официально сознаются нынѣ, что преподавать ее въ теперешней постановкѣ невозможно...

³⁾ Въ заграничныхъ (напр., германскихъ) Университетахъ подъ именемъ и на каедрѣ «философiи» преподается совсѣмъ не наша «метафизика», доселѣ сохраняющая свой архаическій типъ.

⁴⁾ Сколько знаю по частнымъ авторитетнымъ свѣдѣніямъ (отъ проф. *М. И. Каринскаго*), — это присоединеніе логики къ «метафизикѣ» мотивировалось главнѣ всего скудностію содержанія второй, въ академическомъ ея преподаваніи.

повѣдуютъ и даже осуществляютъ «обращеніе ея изъ опытной въ экспериментальную» ¹⁾). Не оспариваю ни законности, ни плодотворности подобныхъ работъ въ собственной сферѣ, но не въ правѣ скрывать отъ себя, что главнѣйшія предпосылки ихъ далеко не солидарны съ библейскими. Экспериментальная психологія беретъ и рассматриваетъ человѣка въ эмпирическомъ опытѣ, всецѣло отправляясь въ своихъ построеніяхъ отъ послѣдняго, принимая его за базисъ всѣхъ дальнѣйшихъ реконструкцій. Для библейской антропологии человѣкъ дорогъ лишь постольку, поскольку онъ, будучи «душею живой» по творческому акту божественному, отражаетъ въ себѣ неэмпирической «образъ Божій». Библия смотритъ обратно—сверху внизъ—и второе оцѣниваетъ и судитъ по первому. Въ такого соотношенія все эмпирическое является равно тварнымъ, и въ немъ всѣ градаціи опредѣляются уже тѣмъ, въ какой степени и сохраняется ими или нѣтъ это тварное бытіе. Отсюда въ библейскомъ ученіи формулируется тезисъ, что—съ эмпирической точки зрѣнія—*живой нест той блазъ паче льва мертва* (Екклез. IX, 4). Теперь понятно, что въ Духовныхъ Академіяхъ необходимо пользоваться результатами психологическаго эксперимента (не всегда протнвополагаемаго интроспекціи: см. Osw. Külpe, Martius, Münsterberg, доц. П. П. Четвериковъ въ «Журналахъ совѣта Кіевской Дух. Академіи» за 1905—1906 г. при «Трудахъ» послѣдней 1906 г., № 11, стр. 361, и др.), но нѣтъ надобности спеціально культивировать экспериментальную психологію со всѣмъ соотвѣтственнымъ антуражемъ. Въдъ и въ наилучшихъ западныхъ учрежденіяхъ она разрабатывается въ этомъ видѣ вовсе не при богословскихъ факультетахъ и совсѣмъ не ради богословскихъ нуждъ ²⁾). Тѣмъ менѣе богословскихъ побужденій закрѣплять за нею столь исключительный характеръ въ спеціальной высшей православно-духовной школѣ, гдѣ доселѣ едва ли пробовали серьезно касаться библейскихъ психологическихъ доктринъ, а о систематическихъ занятіяхъ ими и совершенно не слышно даже «до днешняго дне», если не упоминать о нѣкоторыхъ печальныхъ опытахъ даннаго сорта ³⁾).

Общій итогъ нашихъ наблюденій и соображеній будетъ тотъ, что въ академическомъ курсѣ свѣтскія науки требуютъ цѣлесообразнаго ограниченія и плодотворнаго приспособленія къ главенствующимъ библейско-богословскимъ задачамъ. Этимъ самымъ вызывается мысль, что ихъ неудобно вводить въ общеправославскую классификацію, такъ какъ, будучи супплементарнымъ пособіемъ, свѣтскія дисциплины должны нарушать стройность чисто богословской конструкціи ⁴⁾). Съ другой стороны,—въ качествѣ вспомогательныхъ средствъ—онѣ могутъ потребоваться для самыхъ разнообразныхъ богословскихъ предметовъ при спеціальномъ изу-

¹⁾ См. «Журналы совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 г. (Сиб. 1907), стр. 124.

²⁾ См. объ институтахъ экспериментальной психологіи въ Лейпцигѣ, Парижѣ, Боннѣ, Гейдельбергѣ и Берлинѣ даже у спеціальнаго ея защитника проф. В. С. Сербренникова въ «Журналахъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1893—1894 г. (Сиб. 1894), стр. 113—123.

³⁾ См. для образца въ «Православной Богословской Энциклопедіи», т. V (Сиб. 1904), стлб. 130—139, и ср. къ сему т. VI (Сиб. 1905), стр. 1019.

⁴⁾ См. и ниже на стр. 49—50.

ченіи ихъ на группахъ или въ «семинаріумахъ». По всѣмъ этимъ причинамъ я склоненъ не только предлагать, но и настаивать, чтобы всѣ свѣтскія академическія науки—въ цѣлесообразно принятомъ объемѣ—были выдѣлены въ особую «необязательную» категорію, не входящую въ богословскую систему. Здѣсь по взаимному сродству всѣ части этого цикла разграничиваются на мелкіе, тѣсно сплоченные разряды (напр., историческій, филологическій, философскій, литературный),—и студенты могутъ выбирать любой изъ нихъ по собственному научному влеченію, когда для каждого достаточно выяснится личная надобность въ томъ или другомъ свѣтскомъ пособіи. Посему всячески справедливѣе и полезнѣе для педагогической плодотворности, чтобы это свѣтское изученіе началось не ранѣе, чѣмъ черезъ годъ пребыванія въ Академіи—послѣ приобрѣтенія солидныхъ научныхъ основаній къ осмысленному самоопредѣленію, которое, однако же, всегда будетъ нуждаться въ руководствѣ богословскихъ профессоровъ. Напрасное полемическое подозрѣніе, что при подобномъ строѣ свѣтскія науки потеряютъ свою важность и подвергнутся всякимъ случайностямъ въ своей самобытно-ученой устойчивости и практически-педагогической дѣйственности, устраняется просто тѣмъ, что извѣстная группа ихъ непременно будетъ обязательною для каждого изъ студентовъ, хотя—сверхъ избранной—имъ дозволительно слушать еще и другія или нѣкоторые предметы въ этихъ послѣднихъ ¹⁾. При этомъ удобно (—по крайней мѣрѣ, ничуть не хуже нынѣшняго—) будутъ достигаться и утилитарныя цѣли удовлетворенія запросовъ на свѣтскихъ преподавателей для духовно-учебныхъ заведеній. Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что заинтересованныя корпораціи, учрежденія и лица довольно энергически оспариваютъ эту роль у Духовныхъ Академій, предпочитая для сего питомцевъ высшихъ свѣтскихъ школъ ²⁾. Эти возраженія и упованія имѣютъ не малую принципиальную резонность, поскольку такое утилитарное предназначеніе вноситъ замѣтную раздвоенность въ академическую педагогію, которая, сосредоточиваясь на главномъ своемъ служеніи, естественно не достигаетъ вполне успѣшныхъ результатовъ въ побочныхъ аккомодацияхъ ³⁾.

По прямой ассоціаціи вынуждаемся особо сказать, что и вообще дѣло преподавательства въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ требуетъ самаго серьезнаго и самоотверженнаго вниманія. Наши кандидаты выходятъ знающими, но у нихъ всегда отсутствуетъ педагогическій опытъ, и нѣтъ для него солидной теоретической основы, а сверхъ того они часто (чуть ли даже не чаще) попадаютъ не на свои предметы, не соотвѣтствующіе ни специальнымъ академическимъ занятіямъ, ни личнымъ душевнымъ склон-

¹⁾ См. и ниже стр. 50.

²⁾ См., напр., мнѣніе С.-Петербургской епархіальной комиссіи въ «Отзывахъ епархіальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ» III (Спб. 1906), стр. 95, и ср. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 646.

³⁾ При нормальномъ теченіи «академической жизни» въ Россіи, студентамъ С.-Петербургской, Киевской и Казанской Академій можно бы, пожалуй, прямо дозволить слушаніе свѣтскихъ наукъ въ Университетахъ (съ обязательными экзаменами),—особенно же лицамъ, предназначающимъ себя къ преподавательскому служенію по физико-математическимъ предметамъ.

ностям¹⁾. Между тѣмъ и самъ я хорошо знаю, что первые преподавательскіе шаги бываютъ наиболѣе рѣшающими для всей педагогической карьеры и не рѣдко опредѣляютъ ея роковое теченіе на всю жизнь. Для устраненія этого зла нужно, чтобы каждый новый преподаватель нарочито и въ собственныхъ интересахъ подготовлялся къ выпавшей на его долю специальности. Это,—кажется,—лучше всего можно обезпечить, если таковыхъ лицъ будутъ оставлять при Академіяхъ для соотвѣтственнаго изученія еще на одинъ годъ, но, конечно, при условіи, что послѣдній будетъ засчитываться въ срокъ государственной службы и на пенсію, какъ у насъ нынѣ принято это, напр., для «профессорскихъ стипендіатовъ»; тою порой преподавательская обязанность поручается кому-либо изъ членовъ данной корпораціи за особое вознагражденіе. Подобнымъ путемъ могли бы замѣщаться и свѣтскія учительскія кафедръ, хотя для сего нужно откомандировывать академическихъ кандидатовъ богословія года на два уже въ свѣтскія спеціальныя учебныя заведенія (ср. и стр. 34, прим. 40₂). Наряду съ этимъ должно согласиться, что теперь академическая «педагогика» едва ли приноситъ достаточно теоретическихъ и практическихъ благъ. При современномъ положеніи вещей—она въ этомъ неповинна прямо, и для нея слѣдуетъ открыть всѣ благопріятныя условія, какихъ названная наука напрасно и безрезультатно ищетъ теперь, не находя для себя даже прочнаго мѣста среди существующихъ академическихъ дисциплинъ. Но я непоколебимо увѣренъ, что этихъ условій нельзя создать при всѣхъ Академіяхъ разомъ. Посему было бы полезнѣе и рациональнѣе хотъ при одной изъ нихъ, устроить своего рода цѣльный «педагогическій институтъ»²⁾ и именно тамъ, гдѣ имѣются всѣ научно-педагогическія удобства, устранивъ обычную «педагогику» изъ другихъ академическихъ программъ, чѣмъ освободятся потребныя средства. Тогда всякій новоназначенный преподаватель могъ бы приобрести всѣ пропедевтическіе запасы для своего великаго и отвѣтственнаго служенія, если обязать закономъ, чтобы каждый непременно прошелъ напередъ (въ теченіе вышеупомянутаго года) весь педагогическій курсъ со всѣми вспомогательными упражненіями.—Конечно, обрисованный кратко проектъ является лишь своего рода *plum desiderium*, но онъ повелительно вызывается неоспоримыми запросами духовно-учебной

¹⁾ Для упорядоченія духовно-учебнаго преподавательства многіе рекомендуютъ передачу вопроса о замѣщеніи преподавательскихъ вакансій академическимъ совѣтамъ. По фактическому положенію вещей я считаю это столь же невозможнымъ, какъ и усвоеніе ревизорства академическимъ профессорами. У послѣднихъ достаточно своего дѣла, и отвлекать отъ прямой обязанности было бы нежелательно даже при увеличеніи числа Академій. Но слѣдуетъ сохранить академическія рекомендаціи студентовъ на извѣстныя должности по духовно-учебному вѣдомству; только этимъ рекомендаціямъ нужно придавать рѣшающее значеніе, а не дѣлать ихъ пустою формою, какъ часто бываетъ теперь, когда кандидаты Академій—въ большинствѣ—назначаются не на тѣ мѣста, на которыя предназначилъ ихъ академическій совѣтъ. Впрочемъ, совѣтская рекомендація находится въ связи съ реформою Духовныхъ Академій:—если въ послѣднихъ будетъ введена большая спеціализація студенческихъ занятій, то рекомендаціи будутъ почти излишни.

²⁾ Потребность въ послѣднемъ столь ясно сознается и у насъ, что имѣется уже проектъ основанія въ С.-Петербургѣ «Педагогической Академіи», по образцу французской Grande école normale de Paris; см. «Церковный Вѣстникъ» № 22 за 31-е мая 1907 г., стлб. 713, и «Новое Время» № 11.221 за 9-е іюня 1907 г., стр. 3, стлб. 7.

педагогической жизни, которая уже слишком давно и крайне горестно воняет о своих нуждах во всех отношеніях...

Что касается самого порядка изученія и плана студенческих занятій, то въ этомъ отношеніи я продолжаю считать болѣе общающимъ проектъ С.-Петербургской академической комиссіи, чтобы 1) съ перваго года слушались общеобязательные предметы и общіе отдѣленскіе курсы, а 2) съ третьяго начинались групповыя занятія путемъ усвоенія специальныхъ лекцій и чрезъ практическія занятія въ «семинаріумахъ» самого разнообразнаго характера ¹⁾. Здѣсь возможны, конечно, многія измѣненія и приспособленія.

При исключительныхъ условіяхъ невѣроятной спѣшности,—когда приходится разрываться на части по самымъ различнымъ «предсоборнымъ» отдѣламъ и нѣтъ физической возможности всецѣло сосредоточиться на одномъ предметѣ, выгадывая для сего чуть не минуты,—нельзя обработать столь важной темы съ законченною детальностію и совершенною обоснованностію во всехъ частяхъ ²⁾. Понятно, что въ вышеизложенномъ у меня, пожалуй, окажется немало опущеннаго, недоговореннаго, проблемматическаго, не сведеннаго къ полному гармоническому согласованію. Все это я охотно признаю заранѣе, но мнѣ дороги собственно нормирующіе принципы съ зиждательною ихъ идеей. А она—смѣю думать—очевидна, если и не для всехъ безспорна. Конечно, для полнаго ея осуществленія потребуется радикальная реформа, и на возможность послѣдней,—въ необходимомъ размѣрѣ,—я слишкомъ слабо рассчитываю, такъ какъ вообще вижу крайне мало творческой рѣшимости во всехъ нашихъ церковныхъ преобразованіяхъ, а въ духовно-учебную сферу геній смѣлаго новаторства и совѣсьмъ не заглядывалъ ³⁾. Тутъ мы всегда двигались по чужой указкѣ, ждемъ ее со стороны даже въ теперешній критическій моментъ и едва-едва идемъ ощупью, наталкиваясь на постоянныя преграды. Тѣмъ не менѣе неотложно сдѣлать хоть

¹⁾ См. ниже стр. 47—53.

²⁾ Аналогичныя условія въ сугубой степени сохраняютъ для меня неодолимую силу и до настоящаго момента, почему я не могъ дать своимъ матеріаламъ даже надлежащей внѣшней упорядоченности, не говоря о систематическомъ раскрытіи и детальной обработкѣ.

³⁾ Частію—это было весьма замѣтно и въ начинаніяхъ Предсоборнаго Присутствія по духовно-школьной реформѣ. Задуманныя и подготовленные педагогическими силами Учебнаго Комитета, они—помимо желанія и намѣреній руководителя V-го отдѣла—получили канцелярское направленіе. Приглашеннымъ членамъ просто преподнесли обезличенные «своды» (—безъ стѣпъ и фундамента!) всехъ проектовъ и программъ, гдѣ совѣсьмъ нельзя разобраться относительно подлиннаго положенія вещей, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда (для Семинарій и Училищъ) находились непосредственные матеріалы въ «Отзывахъ епархіальныхъ архіереевъ». Механически перенутывались идеи и детали, все подгонялось къ шаблонному ранжиру съ кабалистическою ариеметичностію,—и въ итогѣ получился странный конгломератъ, въ которомъ совершенно исчезало реальное творчество трудившихся и уродливо искажались всѣ ихъ фізіономіи. Не было роздано даже академическихъ проектовъ, а многочисленныя особыя «записки» и специальные доклады частныхъ профессоровъ и цѣлыхъ корпорацій глухо отмѣчались голымъ упоминаніемъ, почему содержаніе этихъ трудовъ оказывалось недоступнымъ для большинства участниковъ V-го «предсоборнаго» отдѣла, и лишь о нѣкоторыхъ они узнавали по сообщеніямъ комитетскихъ референтовъ, не имѣя возможности сами лично провѣрить или выдвинуть заинтересовавшіе каждаго изъ затронутыхъ вопросовъ и пунктовъ. И здѣсь доминировала комитетская канцелярски-бумажная униформа, едва ли выгодная и умѣстная...

попытку въ этомъ направленіи, ибо православная (научная) духовная педагогія мыслима только подъ спасительнымъ вдохновеніемъ библейской идеи. Формулирую все въ краткой сентенціи, что духовная школа вообще и Академія въ особенности должны быть не только богословскими, но прежде всего библейскими по доктринальному содержанію и по педагогическому направленію, дабы и здѣсь находилъ неуклонное примѣненіе авторитетный апостольскій завѣтъ для возрожденной жизни и христіанскаго наученія: *живо слово Божіе, и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, и судительно помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ* (Евр. IV, 12), ибо лишь *священная писанія* могутъ *умудрити во спасеніе вѣрою, яже о Христѣ Иисусѣ, почему всяко писаніе богодухновенно и полезно есть ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, къ наказанію, еже въ правдѣ, да совершёнъ будетъ Божій человекъ, на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. III, 13—15).

Предшествующій рефератъ вызвалъ со стороны нѣкоторыхъ членовъ V-го «предсоборнаго» отдѣла возраженія не по существу, а относительно частныхъ подробностей. Указывалось собственно на многопредметность и на приниженіе гуманитарныхъ, литературно-философскихъ знаній. Въ отвѣтъ на это было подробно разъяснено, что увеличеніе количества богословскихъ каеодръ въ Академіяхъ необходимо, такъ какъ, напр., за годъ «преподать» во всей научной широтѣ Свящ. Писаніе Новаго Завѣта, состоящее изъ 27 книгъ, одному профессору невозможно, а ради научной полноты библейско-богословскаго образованія нужно употребить всѣ усилія, не останавливаясь предъ самыми героическими жертвами. Съ другой стороны, свѣтскія науки и въ частности философія и исторія литературы не исключаются мною изъ академическаго курса, но лишь приспосаблиются и распределяются по специальнымъ группамъ, при чемъ я всего менѣе сочувствую замкнуто-убоному итальянскому высшему религіозному обученію, гдѣ, яко бы, почти совсѣмъ игнорируются имена Канта, Гегеля, Спенсера ¹⁾, совершенно симпатизируя протесту даже лучшихъ и авторитетныхъ католическихъ педагоговъ противъ вредной изоляціи церковнаго знанія отъ современной общей культуры ²⁾, хотя хорошо извѣстно по опытамъ, какъ чрезмѣрное расширеніе богословскаго курса сопровождалось на практикѣ чистою эфемерностію ³⁾. Что же касается обширности и многопредметности предложеннаго академическаго плана то—въ виду этой трудности—въ Академіи должны быть принимаемы лица съ достаточнымъ образованіемъ, удостовѣреннымъ въ авторитетныхъ свидѣтельствахъ учебныхъ заведеній или на конкурсномъ приѣмномъ экзаменѣ. Кромѣ того, для сего требуется при переходѣ студентовъ съ 1-го курса во 2-ой производить самую радикальную «чистку» ихъ по степени подготовленности къ дальнѣйшимъ академическимъ занятіямъ.

¹⁾ См. «Revue internationale de théologie» XV, 57 (Janvier—Mars 1907), p. 204—205.

²⁾ См. у ректора «Католическаго Института» въ Тулузѣ *Pierre Batiffol*'а, Questions d'enseignement supérieur ecclésiastique (Paris 1907), p. 12.

³⁾ *Pierre Batiffol* ibid., p. 104.

Въ этихъ интересахъ нахожу не полезнымъ слпшкомъ свободный пріемъ въ Академіи всѣхъ желающихъ, откуда бы они ни приходили. Считаю необходимымъ и нравственно обязательнымъ обезпечить въ образованіи дѣтей справедливые сословные интересы нашего духовенства, я всегда высказывался противъ исключительной сословной замкнутости духовной школы, а только не раздѣляю оптимизма касательно пригодности свѣтскихъ воспитанниковъ къ богословско-академическому изученію. Двери Академіи надобно раскрыть широко безъ ограниченія сословіями, заведеніями и т. п., но лишь для достойныхъ и способныхъ. Въ этомъ отношеніи въ нашемъ обществѣ установился совершенно неправильный и крайне пагубный взглядъ, что разъ спасительная вѣра христіанская всѣмъ доступна, то и богословіемъ компетентенъ заниматься всякій христіанинъ,—даже въ правѣ судить, рядить и цѣнить богословскую науку безъ соотвѣтствующей систематической подготовки... Итъ ничего опаснѣе,—для обѣихъ сторонъ,—этого смѣшенія вѣры и знанія, но приходится напоминать и о такой самоочевидной истинѣ въ виду упорныхъ недоразумѣній по этому предмету, пріобрѣтшихъ у насъ силу общественнаго предразсудка, почти своего рода *idoli*... У многихъ это проглядываетъ и въ предложеніяхъ «безирепятственнаго» пріема свѣтскихъ питомцевъ въ Академію. Жизненный опытъ показалъ съ несомнѣнностію всѣ невыгоды подобнаго проекта,—и, конечно, не безъ дѣйствительныхъ основаній духовное начальство, сначала чрезмѣрно благоволительное къ свѣтскимъ аспирантамъ духовно-академическаго просвѣщенія, установило потомъ нѣкоторыя стѣсненія, хотя на практикѣ они, къ сожалѣнію, почти всѣмъ не соблюдались не по винѣ академическихъ корпорацій. Академическимъ преподавателямъ прекрасно извѣстно, что даже тѣ изъ свѣтскихъ воспитанниковъ, которые хорошо выдерживаютъ пріемныя испытанія, впослѣдствіи не оправдываютъ всѣхъ надеждъ и чуть не со второго академическаго курса начинаютъ стремительно спускаться книзу. Этотъ регрессъ замѣчается иногда и въ университетскихъ кандидатахъ. Причина сему въ томъ, что свѣтскія школы—по самымъ своимъ задачамъ—не готовятъ къ специальному богословскому образованію. Питомцы ихъ, направляющіеся въ Духовныя Академіи, сами должны восполнять эти пространныя пробѣлы и на первыхъ порахъ *ad hoc*—для экзаменовъ по программамъ—достигаютъ иногда внѣшнихъ успѣховъ, но безъ постепенной систематической выправки эти знанія оказываются лишенными прочнаго фундамента и не могутъ служить къ дальнѣйшему развитію и созиданію научно-богословской зрѣлости. Послѣднюю нельзя культивировать при отсутствіи внѣдренной закваски и безъ пріобрѣтенной заранѣе выдержки. Нужно, чтобы человекъ былъ натурально привыченъ для специальной научно-богословской сферы и являлся способнымъ воспринимать ея отличительныя вліянія. Въ этомъ смыслѣ, отвергая всякія излишнія преграды, я рѣшительно желаю, чтобы свѣтскіе сопскатели духовно-академическаго званія предварительно подвергались внимательной провѣркѣ ¹⁾ со стороны не столько обилія фактическихъ богословскихъ свѣдѣній,

¹⁾ Ср. и у о. *Мих. Левитова* въ «Церковномъ Вѣстникѣ» № 23 за 7-е іюня 1907 г., стлб. 740.

сколько по ихъ общей подготовленности къ основательному усвоенію специальныхъ богословскихъ чтеній ¹⁾).

По изложеннымъ причинамъ не вполне соглашаюсь и съ тѣмъ проектомъ, чтобы допускалось въ Духовныя Академіи питомцы Семинарій уже послѣ четвертаго класса ²⁾, ибо отмѣченные неудобства до извѣстной степени примѣнимы и къ нимъ. Если же при этомъ для кончившихъ семинаристовъ будетъ дозволена рекомендуемая льгота, чтобы они поступали прямо на третій академическій курсъ ³⁾, то на практикѣ получится отсюда, что такіе юноши, конечно, предпочтутъ первые два академическіе года послѣднимъ двумъ семинарскимъ и не пойдутъ въ 5-й и 6-й семинарскіе классы, которые обрекаются этимъ на заполненіе ихъ исключительно одними посредственностями, т. е. обратятся въ специально-пастырскія профессиональныя школы ремесленного типа. Само собою понятно, что при подобномъ порядкѣ существенно понизился бы уровень студенческаго академическаго образованія, разъ первые два курса Духовныхъ Академій будутъ замѣнять семинарскіе богословскіе классы.

Въ частности, по отношенію къ приемнымъ экзаменамъ я могу, пожалуй, согласиться, чтобы безъ нихъ допускались въ Академіи студенты Семинарій, рекомендуемые семинарскими начальствами за ихъ отвѣтственностію, но всѣ остальные аспиранты, — второразрядные воспитанники Духовныхъ Семинарій и окончившіе курсъ свѣтскихъ средне-учебныхъ заведеній, — должны подвергаться повѣрочнымъ испытаніямъ по строго опредѣленному плану, при чемъ для полученія казенныхъ стипендій конкурсъ обязателенъ рѣшительно для всѣхъ. Вообще же продолжаю считать весьма полезными и прямо защищаю приемные экзамены. Въ С.-Петербургской Духовной Академіи я непрерывно произвожу ихъ цѣлыхъ 15 лѣтъ. По опыту вижу, что, хотя они имѣютъ условное значеніе, однако не сводятся къ «игрѣ случайностей». Когда я ставилъ экзаменуемому балль 2, — кажется, ни разу не бывало большой ошибки. Экзамены представляютъ извѣстный контроль и достаточный авторитетъ, а затѣмъ они вовсе не отрицаютъ рекомендацій со стороны семинарскихъ правленій. И у насъ въ С.-Петербургской Академіи дѣлается средній выводъ изъ экзаменаціоннаго академическаго и общаго семинарскаго балловъ ⁴⁾. Академіи нынѣ потеряли связь съ Семинаріями, и

¹⁾ По этимъ причинамъ я высказываюсь противъ даже освобожденія подобныхъ лицъ отъ нѣкоторыхъ академическихъ предметовъ, прослушанныхъ ими въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Замѣчено въ послѣднее время, что сами кандидаты Университетовъ, поступаая въ Академію, сознаютъ нынѣ необходимость проходить полный курсъ всѣхъ академическихъ наукъ. И это понятно. Задача академическаго образованія не въ томъ, чтобы питомцы «начинались» знаніями и «сбывали» экзамены, а въ томъ, чтобы они возрастали и мужали научно. Отъ этого процесса ни одинъ серьезный академическій аспирантъ не долженъ уклоняться, и мы не въ правѣ сему потворствовать.

²⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 116 (V-го отдѣла).

³⁾ См. и у проф. М. Д. Муретова, Проектъ устава, стр. 44.

⁴⁾ Параграфъ 9-й соответствующихъ правилъ гласитъ слѣдующее: «При исчисленіи балловъ воспитанниковъ, подвергающихся повѣрочному испытанію, принимаются въ счетъ, при составленіи списка, кромѣ собственно экзаменскихъ балловъ, баллы воспитанниковъ по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса, при чемъ обращается надлежащее вниманіе

экзамены даютъ нѣкоторую возможность возстановить эту связь. На пріемныхъ экзаменахъ ученики иногда даютъ неудовлетворительные отвѣты,—и путемъ разспросовъ обнаруживается, что причина этой неудовлетворительности въ самомъ семинарскомъ преподаваніи. Такимъ образомъ, экзамены открываютъ еще возможность слѣдить за семинарскимъ преподаваніемъ и отчасти исправлять его недочеты; къ сожалѣнію, доселѣ центральная власть была невнимательна къ экзаменаціоннымъ академическимъ отчетамъ...

Всѣми указанными способами и мѣрами будетъ обеспеченъ вполне подготовленный контингентъ академическихъ слушателей, а этимъ уже достаточно гарантируется практически-успѣшное осуществленіе моей основной идеи. Въ послѣдней для меня заключается вся важность. Мнѣ пріятно отмѣтить, что съ этой стороны я получилъ немало выраженіе принципиальнаго согласія и коллегіальной симпатіи отъ многихъ авторитетныхъ ученыхъ и спеціалистовъ, познакомившихся съ моимъ «докладомъ». Приведу лишь мотивированное сужденіе извѣстнаго Гётттингскаго профессора *Наѳанайла Бонвеца* (G. Nathanael Bonwetsch) въ письмѣ ко мнѣ, полученномъ 29-го марта 1907 года. Онъ пишетъ (конечно, помѣщенки) слѣдующее: «Съ большимъ интересомъ прочиталъ я Вашъ проектъ касательно богословскаго изученія. Я могу только сочувствовать центральнаго положенію, какое Вы указываете экзегетикѣ и библейскому богословію въ цѣлостномъ организмѣ этого изученія. Я убѣжденъ, что это именно и есть путь къ жизненному преобразованію послѣдняго. Но мнѣ кажется нѣсколько великимъ количество богословскихъ доцентовъ, назначаемое Вами. Впрочемъ, я не вполне знакомъ со всѣми условіями въ Вашихъ Духовныхъ Академіяхъ, чтобы произносить рѣшительное сужденіе. Въ Германіи же мы, конечно, слишкомъ обременены чтеніями, и я прямо стою подъ тяжестью ихъ. Кромѣ церковной исторіи и догматики (со включеніемъ конфессіональной символики)—я долженъ читать еще новозавѣтное введеніе, жизнь Іисуса и апостольскій вѣкъ. Желалъ читать также и новозавѣтное богословіе, но мнѣ воспрепятствовали, однако въ богословскихъ фрейнахъ приходится трактовать вопросы и по этой дисциплинѣ. У насъ господствуетъ обратная крайность чрезмѣрной обширности курсовъ для отдѣльнаго профессора. Только для личностей въ родѣ Гарнака и Зееберга (въ Берлинѣ) это не является трудностію.—Какъ вижу изъ академическихъ протоколовъ (журналовъ совѣта), Ваша Академія при замѣщеніи профессорскихъ вакансій испытываетъ такіа же состязанія, какія происходятъ у насъ постоянно».

и на баллы по поведенію, а именно: при одинаковыхъ баллахъ по успѣхамъ, отдается предпочтеніе тому, кто имѣетъ высшій баллъ по поведенію. Общій баллъ выводится слѣдующимъ образомъ: средній баллъ по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса, удвоенный средній баллъ по сочиненіямъ и удвоенный средній баллъ по устнымъ отвѣтамъ на испытаніяхъ слагаются вмѣстѣ и сумма дѣлится на 5».

2.

О планѣ академическаго преподаванія.

Для плодотворной академической реформы требуется не только жизненная идея, но и рациональный планъ для ея осуществленія. По этому предмету я держусь проекта С.-Петербургской академической комиссіи ¹⁾ и, какъ одинъ изъ уполномоченныхъ совѣтомъ участниковъ послѣдней ²⁾, позволяю себѣ сдѣлать нѣсколько «опытныхъ» разъясненій ³⁾, которыя, можетъ быть, окажутся неизлишними, хотя бы по устраненію возникающихъ затрудненій, поелику тогда мы уже имѣли съ ними достаточно хлопотъ и заботъ... Прежде всего, мы исходили изъ того, жизненно удостовѣреннаго, убѣжденія, что уставъ Академій 1884 года теоретически совершенно справедливо требуетъ отъ академическихъ студентовъ изученія обширнаго цикла богословскихъ наукъ, по на практикѣ это было непосильно для надлежащаго выполненія и повело только къ печальной реализаціи принципа: «кто много проситъ, тотъ чаще не получаетъ ровно ничего»... Отсюда произошло безспорное пониженіе студентскаго научнаго уровня и въ смыслѣ основательности знаній и со стороны мыслительной продуктивности,—въ отсутствіи ожидавшейся солидности собственныхъ письменныхъ опытовъ академическихъ слушателей. И по силѣ вещей съ этимъ зломъ постепеннаго образовательнаго паденія были не въ состояніи бороться никакія напряженія академическихъ корпорацій, гдѣ въ каждой изъ нихъ всегда были блестящіе носители научнаго прогресса, доселѣ невиданнаго ⁴⁾. Приходилось по необходимости отказаться отъ учебнаго плана по уставу 1884 года, съ позднѣйшими измѣненіями и дополненіями къ нему. Однако матеріалъ оставался прежній,—и вся задача была лишь въ новой его комбинаціи приспособительно къ академическимъ требованіямъ. Тутъ по самому существу было невозможно чисто идейное построеніе, какъ и вообще такія «внѣопытныя» конструкціи изобрѣтаются «для исторіи», между тѣмъ большинство ихъ сдѣлаютъ канцелярскія или архивныя крысы... Важнѣе было воспользоваться положительными уроками академическаго прошлаго, чтобы устранить вышеуказанные наличные недостатки. Въ этомъ отношеніи авторитетныя свидѣтельства и объективныя данныя направляли къ уставу

¹⁾ Этотъ проектъ см. въ приложеніи къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 2 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 3—29.

²⁾ По весь проектъ разработанъ собственно профессоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи *Иваномъ Саввичемъ Пальмовымъ* и обстоятельно мотивированъ имъ въ приложеніи къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 2 и 3 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 33—38, 41—40, 47, 48—59, 69—74, 79—80, и въ «Журналахъ и Протоколахъ (V-го отдѣла) Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 174—176.

³⁾ Они были доложены 6-го іюня 1906 г. V-му отдѣлу Предсоборнаго Присутствія и напечатаны въ «Журналахъ и Протоколахъ» послѣдняго, т. IV, стр. 112—115 (№ 20).

⁴⁾ См. нѣсколько подробнѣе въ моемъ трактатѣ: «Къ вопросу о нуждахъ духовно-академическаго образованія» въ журналѣ «Странникъ» 1897 г., № 8, стр. 519.

1869 года ¹⁾. О немъ говорилось немало порицательнаго, но все-же безпорно, что за непродолжительный, — едва 14-ти-лѣтній, — періодъ онъ оправдалъ себя успѣхами въ научно-образовательной области гораздо лучше, чѣмъ его непосредственный преемникъ. И вотъ, соображая хорошее и тѣневое въ обонхъ уставахъ 1869 и 1884 г. г. по соотношенію съ предшествующимъ и по связи съ запросами академической науки и педагогій, мы сразу должны были согласиться въ неудобствѣ преждевременной «спеціализаціи» и ее самую обосновать прочнѣе. Здѣсь все наклоняло къ тому, чтобы постепенно достигать частнѣйшей «сосредоточенности» путемъ послѣдовательнаго сѣуженія общебogosловскаго образованія, когда всѣ частности должны были утверждаться на этомъ широкомъ фундаментѣ и почерпать въ немъ принципиальное значеніе, чтобы кругозоръ студентовъ не замыкался слишкомъ тѣсными рамками и не получалъ свойственнаго крайнимъ специалістамъ и несимпатичнаго характера ограниченной близорукости, даже не рѣдкой тупости. Такъ «спеціализація» естественно замѣнялась «сосредоточенностію» или «концентраціей» ²⁾. Въ интересахъ ея успѣшнаго достиженія было отвергнуто слишкомъ мелкое дробленіе академическихъ предметовъ по группамъ, крайне сомнительное и съ теоретической стороны по достоинству высшаго академическаго образованія; самое же распреѣленіе студентовъ по частнымъ спеціальнымъ наукамъ приурочено къ третьему курсу и распространено еще на четвертый, тогда какъ по плану 1869 г. все это было собственно на первыхъ трехъ курсахъ — съ предоставленіемъ четвертаго «на волю» самихъ академическихъ слушателей. По этимъ причинамъ и кандидатскія работы, служащія завершеніемъ предшествующей подготовки и конкретнымъ итогомъ всего академическаго развитія, отнесены на четвертый курсъ согласно уставу 1884 года. По силѣ этого принципа строгой комбинаціи общаго съ частнымъ, рекомендуются для полученія магистерской степени особые магистерскіе экзамены, которые энергически и убѣдительно защищаль † проф. И. Е. Троицкій и въ комиссіи по составленію нынѣ дѣйствующаго устава ³⁾. Однако, если нельзя было слишкомъ замыкать студентовъ узкими границами спеціализаціи, то не менѣе опасно было бы и оставлять на ихъ собственное усмотрѣніе выборъ самыхъ способовъ къ достиженію академической «сосредоточенности». Отвлеченныя упованія по платоническому довѣрію къ студенческой автономности на практикѣ жестоко сокрушаются печальными уроками преобладающей растерянности и тягостныхъ колебаній, какія наблюдаются и у лучшихъ студентовъ даже по отношенію къ кандидатскимъ сочиненіямъ... При подобныхъ условіяхъ едва ли возможно допускать рискованные эксперименты и, кажется, цѣлесообразнѣе заранѣе установить ближайшіе пути для академической «концентраціи» въ соотвѣтствующихъ отдѣленскихъ группахъ, которыя

¹⁾ Въ пользу его см. и у проф. Московской Духовной Академіи *М. Д. Муретова*, Прозекъ устава православныхъ Духовныхъ Академій (Св.-Тр. Сергіева Лавра 1906), стр. 10—17.

²⁾ Ср. у меня въ «Странникѣ» 1897 г., № 8, стр. 521 сл. и ниже 56.

³⁾ См. Объяснительную къ нему записку (Спб. 1883), стр. 73—77.

имѣли бы взаимоотношеніе органически связанныхъ «развѣтвленій». Въ результатѣ у насъ начертывался слѣдующій планъ «сосредоточеннаго» научно-академическаго образованія: 1) общеобязательные для всѣхъ студентовъ основные (богословскіе и—частію—вспомогательные) предметы, самые важнѣйшіе и дѣйствительно фундаментальные; 2) богословское самоопредѣленіе посредствомъ избранія того или другого разряда (на первыхъ двухъ курсахъ) самимъ слушателемъ; 3) богословское «сосредоточеніе» ихъ на нѣсколькихъ отдѣленскихъ предметахъ, существенно сродныхъ между собою (съ 3-го курса); 4) специализація богословская въ кандидатской работѣ (на 4-мъ курсѣ)¹⁾; 5) проверка достигнутой академически-научной зрѣлости на магистерскомъ экзаменѣ; 6) ея оправданіе въ магистерской диссертациі и 7) завершеніе въ докторскомъ сочиненіи.

Все изложенное обосновывается довольно естественно—и логически и съ фактической стороны. Больше препятствій представляется въ группировкѣ необщеобязательныхъ академическихъ дисциплинъ между отдѣленіямъ—особенно по отношенію къ свѣтскимъ предметамъ, для которыхъ наиболѣе трудно найти пригодное мѣсто, почему въ С.-Петербургской академической комиссіи здѣсь не было достигнуто единодушнаго соглашенія, хотя все-же подавляющее большинство членовъ по достаточнымъ соображеніямъ остановилось на одной схемѣ. Пока Духовная Академія не есть факультетъ при Университетѣ,—въ ней будутъ, пожалуй, необходимы и свѣтскія науки, нужныя для всесторонности, полноты и жизненности самого богословія. Но служить нѣкоторымъ вопросамъ положеніе ихъ въ ряду богословскихъ академическихъ предметовъ. Я ранѣе держался убѣжденія, что они не могутъ быть здѣсь равноправно самоцѣльными и являются супплементарными пособіями къ достиженію собственныхъ академическихъ задачъ (ср. выше стр. 3—4). Эта ничуть не субъективная мысль встрѣчала нѣкоторую оппозицію, стѣснявшую ея широкое примѣненіе, но,—къ моему удовлетворенію,—и въ V-мъ отдѣлѣ Предсоборнаго Присутствія безъ особыхъ возраженій многократно допускалось, что свѣтскіе предметы имѣютъ въ Академіяхъ лишь вспомогательное значеніе и должны соподчиняться богословскимъ требованіямъ²⁾. Это авторитетное подкрѣпленіе даетъ мнѣ смѣлость,—безъ

¹⁾ Не трудно бы примѣнить сюда еще идею особыхъ «государственныхъ экзаменовъ»; эта мысль имѣетъ далеко не одно «академическое» значеніе, а важна даже для всего служебно-государственнаго движенія академическихъ воспитанниковъ.

²⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 716. 127—128. Согласно сему, 14-го мая 1906 года мною заявлено было въ V-мъ отдѣлѣ Предсоборнаго Присутствія слѣдующее заключеніе: «О положеніи свѣтскихъ предметовъ въ Духовныхъ Академіяхъ говорилось не безъ колебательности, но иногда со внутреннимъ согласіемъ при наружномъ диссонансѣ. Если одинъ ораторъ готовъ изъять ихъ изъ академическаго комплекса, то другой—защитникъ—доказывалъ собственно необходимость свѣтскаго элемента *лишь въ помощь* для богословскаго изученія и преподаванія, а это можетъ успѣшно достигаться и распредѣленіемъ одной богословской дисциплины между двумя профессорами (напр., для древней и для новой русской церковной исторіи) безъ созданія особой свѣтской параллельной кафедры (хотя бы русской гражданской исторіи при церковной). Я вполне согласенъ съ нѣмъ не опровергавшимся мнѣніемъ, что свѣтскія науки должны имѣть въ Духовныхъ Академіяхъ вспомогательное значеніе и въ самомъ строѣ своемъ обязаны приспособляться къ богословско-академическимъ

тяжкого риска для себя,—снова (см. выше стр. 39—40) предложить, чтобы свѣтскія академическія дисциплины не вводилось въ специально-богословскія отдѣленскія классификаціи. Въ такомъ случаѣ мы, во-первыхъ, могли бы удачно воспользоваться идеями Московскаго академическаго проекта ¹⁾, еслибы согласились предоставить свободному выбору самихъ студентовъ эти свѣтскія науки. При этомъ вѣтъ всякаго сомнѣнія, что *обязательно* каждому академическому слушателю взять нѣсколько свѣтскихъ предметовъ (не менѣе трехъ) ²⁾, а комбинаціи ихъ слѣдуетъ узаконить заранее по объективнымъ соображеніямъ. Чувствую еще особую жизненную нужду съ рѣшительною выразительностію подчеркнуть, что я всего менѣе покушаюсь на современное положеніе въ Академіяхъ свѣтскихъ наукъ и—напротивъ—искренно желалъ бы обезпечить имъ наиболѣе плодотворное примѣненіе. И когда мнѣ возражали ³⁾, что при моемъ планѣ студенты будутъ выбирать неподходящіе для нихъ мелкія свѣтскія группы и тѣмъ лишаютъ свѣтскія дисциплины свойственнаго субсидіарнаго вліянія, то здѣсь просто не совсѣмъ понятное недоразумѣніе;—наоборотъ, и теперь и при всякомъ иномъ распорядкѣ свѣтскихъ предметовъ воздѣйствіе послѣднихъ ограничивается только отдѣленіемъ, куда они причислены, и закрывается для всѣхъ другихъ студентовъ, а по моей схемѣ каждый академическій воспитанникъ свободно и убѣжденно можетъ выбрать фактически полезное ему свѣтское вспомошествованіе. И едва ли позволительно думать, что студенты не счѣмъютъ сдѣлать этого основательно, поскольку тутъ заключается ихъ личный интересъ, осмысленный академическими занятіями подъ авторитетнымъ профессорскимъ контролемъ. Во-вторыхъ, при рекомендуемомъ мною планѣ легче было бы справиться съ возможно удовлетворительною классификаціей по специальнымъ группамъ всѣхъ необщеобязательныхъ богословскихъ наукъ. По опыту своихъ коммисіонныхъ академическихъ работъ хорошо знаю, что именно онѣ тормозятъ это распредѣленіе, поелику бываютъ вспомогательными для самыхъ разнородныхъ богословскихъ отраслей и не связываются до естественной неразрывности только съ одною изъ нихъ. И если въ тѣсномъ кругу немногихъ (шести) солидарныхъ членовъ С.-Петербургской академической коммисіи изъ одной корпораціи мы не достигли единства, то

потребностямъ. Посему ихъ лучше выдѣлить изъ богословской классификаціи въ особую необязательную группу, предложивъ выбирать извѣстное количество свѣтскихъ предметовъ самимъ студентамъ соответственно специальнымъ занятіямъ послѣднихъ и подъ контролемъ профессоровъ избранныхъ специальностей.

¹⁾ О немъ см. ниже на стр. 53—56.

²⁾ Значить, изученіе *всѣми* студентами извѣстнаго круга свѣтскихъ академическихъ предметовъ предполагается мною, какъ *безусловно обязательное* для нихъ, чѣмъ устраняются всѣ возраженія, будто моимъ проектомъ принижается достоинство свѣтскихъ дисциплинъ въ общемъ академическомъ циклѣ. Даже въ интересахъ ихъ собственнаго развитія и объективно-плодотворнаго богословскаго примѣненія—нужно свѣтскія науки въ Академіяхъ поставить особо, вовсе не предоставляя выбора произвольному усмотрѣнію студентовъ, если всѣ комбинаціи будутъ регулироваться внутреннею принципиальною связью самихъ предметовъ.

³⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 115б. 126б. 127б. 128б.

тѣмъ менѣе можно ожидать этого по отношенію къ четыремъ Академіямъ, съ различными традиціями, особыми взглядами и т. п. И я думаю, что тогда напрасно будетъ и браться за непосильный трудъ примиренія, которое будетъ лишь принудительнымъ компромиссомъ. Въ этомъ случаѣ намъ не безъ риска придется ограничиться подборомъ лишь общеобязательныхъ предметовъ, а отдѣленскую классификацію возложить на автономное и независимое усмотрѣніе каждой изъ Академій, которыя и станутъ осуществлять ее по своей системѣ,—послѣ необходимой законодательной апробаціи.

Предлагая свои краткія соображенія по столь важному и для всѣхъ дорогому вопросу, руководюсь убѣжденіемъ, что намъ неизлишня всякая попытка къ наилучшему обезпеченію академическихъ успѣховъ, съ которыми связаны величайшіе интересы вѣры и Церкви, мысли и жизни. Не забудемъ, что у насъ всего только четыре свѣтильника высшаго богословскаго вѣдѣнія ¹⁾, и всякій изъ насъ по мѣрѣ силъ своихъ дол-

¹⁾ Впрочемъ, въ засѣданіяхъ V-го отдѣла Предсоборнаго Присутствія я дважды (4-го и 9-го декабря 1906 года) заявлялъ, что намъ непремѣнно нужно съ заботливостію разсудить объ увеличеніи числа Духовныхъ Академій въ Россіи. Вопросъ этотъ давно и съ настойчивостію выдвинутъ самую жизнь, а нѣкоторые изъ епархіальныхъ Преосвященныхъ (напр., Никаноръ Гродненскій, нынѣ Варшавскій, и Тихонъ Костромскій въ «Отзывахъ епархіальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ» I, стр. 179; II, стр. 553) выражаютъ даже желаніе, чтобы Академіи были въ каждой (проектируемой или) митрополіи. Конечно, это лишь мечты, едва ли теперь осуществимыя; а еслибы онѣ исполнились, то скорѣе вышло бы превращеніе такихъ Академій въ заурядныя Семинаріи; между тѣмъ всячески справедливѣе резонная мысль С.-Петербургскаго митрополита, что первыя должны быть и теперь учеными институтами («Отзывы» III, стр. 94—97; ср. еще въ «Журналахъ и Протоколахъ Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 210). Но есть въ «Отзывахъ» и серьезныя предложенія. Такъ, исполнѣ законно указываютъ на учрежденіе особой Академіи въ Вильнѣ («Отзывы» III, стр. 185—186); я назвалъ бы еще Сибирь, не касаясь Кавказа, о которомъ умѣстна специальная рѣчь. Наши личныя вожделѣнія не идутъ слишкомъ далеко и не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшей притязательности, а очевидная польза ихъ для Церкви и государства безспорна и окупитъ всѣ небольшія затраты, которыя въ огромномъ количествѣ безплодно идутъ нынѣ на совершенно параллельные и дезорганизованные, или вредно прозябающіе Университеты, о которыхъ иные (даже въ Государственномъ Совѣтѣ) «съ дерзновеннымъ мужествомъ», но вопреки всякой очевидности (см. у С. Е. въ «Новомъ Времени» № 11.217 за 5-е іюня 1907 года, стр. 3, стлб. 1) заявляютъ, будто теперь они «функционируютъ, какъ никогда не функционировали» (слова ректора Московскаго Университета А. А. Мануйлова: см. «Новое Время» № 11.133 за 11-е марта 1907 г., стр. 4, стлб. 1)... Мы ограничиваемся пока скромнымъ пожеланіемъ, чтобы новыя Академіи были учреждены прежде всего въ Сибири и въ Вильнѣ. Мысль о послѣдней поддерживали еще митрополиты Іосифъ (Сѣмашко) и Макарій (Булгаковъ). Учрежденіе Виленскаго Академіи, столь энергично защищавшееся потомъ покойнымъ С.-Петербургскимъ профессоромъ М. О. Кояловичемъ и другими (напр., его преемникомъ по академической кафедрѣ П. Н. Жуковичемъ), есть дѣло не только учебно-духовное, или вѣдомственное, но и государственное, какъ это понятно само собою. Не менѣе важно устройство Духовной Академіи въ Сибири, гдѣ преобладаютъ буддизмъ и инныя языческія религіозныя вѣрованія. Во всякомъ случаѣ высказать скромное и осуществимое пожеланіе объ увеличеніи числа Академій и умѣстно, и соответствовало бы ожиданіямъ православнаго общества, которое иначе насъ справедливо осудитъ за невнимательность къ жизненнымъ церковно-просвѣтительнымъ потребностямъ. Не нужно забывать, что наши теперешнія Академіи слишкомъ шаблонны и однотипны, почему не могутъ удовлетворять вѣсьмъ церковнымъ запросамъ и важнѣйшимъ интересамъ православія въ огромной и разноплеменной Россіи. Новыя Академіи, сохраняя принципиальныя учебно-богословскія основы, должны быть институтами, строго приносившими къ опредѣленнымъ дѣламъ. Для Вильны и Сибири таковыми служатъ, напр., мисіонерскія и апологетическія задачи—въ каждой съ особымъ характеромъ и приспособленнымъ направленіемъ.

женъ способствовать цѣлесообразному рѣшенію отвѣтственной задачи чтобы наши православныя Духовныя Академіи сіяли полнымъ свѣтомъ христіанскаго знанія для разума и для воли.

Должно прибавить, что нѣкоторые оспаривали самыя основы представленнаго плана предметно-отдѣленной классификаціи и выдвигали для нея принципъ построения въ соответствии Откровенію, исторіи и разуму. Здѣсь, прежде всего, напрасно противопоставлялись проекты уставовъ С.-Петербургской академической комиссіи и совѣта С.-Петербургской Академіи²⁾ къ невыгодѣ перваго. Я охотно согласился бы съ этимъ, еслибы во второмъ выражался идейно-принципіальный общеакадемическій голосъ, которому, конечно, должны подчиняться частныя рѣшенія, но фактически дѣло совсѣмъ не таково. Въ комиссіонномъ проектѣ устройства учебной академической части положены опредѣленные основныя начала, которые и проведены съ возможною строгостію во всѣхъ деталяхъ, почему послѣднія опираются на выдержанныя теоретическія предпосылки и удовлетворительно оправдываются ими. Это есть планъ, достаточно стройный и въ пзвѣстной мѣрѣ идейный. Поскольку же исходные принципы почерпались въ самомъ существѣ академическихъ задачъ и требованій,—здѣсь члены комиссіи приходили къ убѣжденному единенію въ цѣломъ и солидарно принимали частности, исключая мелочей. Тутъ не было систематическихъ компромиссовъ, и потому несогласные (собственно одинъ) должны были идти своимъ путемъ—съ отдѣльными мнѣніями. Наоборотъ, въ совѣтскомъ проектѣ многое опредѣлялось лишь случайнымъ голосованіемъ, и въ немъ чаще всего закрѣпляется весьма прихотливое переплетеніе разныхъ воззрѣній, индивидуальныхъ интересовъ и т. п. И важнѣе всего еще то, что тамъ нѣтъ устойчиваго соотношенія большинства и меньшинства, а пропорціональность и комбинація ихъ смѣняются чуть не въ каждомъ параграфѣ весьма неожиданнымъ образомъ. Не даромъ же говорилось, что—въ цѣлокупности—совѣтскаго проекта не можетъ подписать, какъ собственнаго, ни одинъ членъ академическаго совѣта... Поэтому невѣрно фактически, что проектированный уставъ послѣдняго въ учебномъ планѣ своемъ воплощаетъ идейную триаду—а) Откровенія, б) исторіи и в) слова, въ какихъ реально выражалась божественная истина. Впрочемъ, эта по истинѣ своеобразная мысль для меня не нова. Она упорно выдвигалась въ нашей академической комиссіи и подвергалась заслуженному разсмотрѣнію, но было найдено, что она совершенно отвлеченна, не можетъ быть обоснована существомъ академическаго образованія и не имѣетъ ни идейныхъ, ни фактическихъ ручательствъ своей практической плодотворности; дѣйствительное же примѣненіе ея повело бы къ искусственной и насильственной классификаціи академическихъ наукъ, поскольку, напр., бібліологія, попавшая въ разрядъ «Откровенія», больше всѣхъ имѣла бы право занять мѣсто въ третьей категоріи, разъ Библія есть именно *слово* Божіе попреиму-

²⁾ Послѣдній см. въ приложеніи къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 6 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 154—179.

ществу и на всемъ пространствѣ говорить о Божественномъ *Словѣ*, какъ предвозвѣщаемомъ и воплощенномъ... Естественно, что обсуждаемая мысль ничуть не стала болѣе убѣдительною отъ повторенія ея чужими устами ¹⁾, ибо она исходила вовсе не отъ Моисея и передавалась ничуть не Аарономъ...

Въ заключеніе со всею рѣшительностію прошу принимать и понимать мои замѣчанія исключительно въ смыслѣ объективныхъ разъясненій, которыя дѣлаются только въ интересахъ обезпеченія нашимъ Академіямъ наилучшихъ научно-богословскихъ успѣховъ.

3.

Объ организаціи студенческихъ занятій при изученіи академическихъ наукъ и объ устроеніи студенческой жизни.

Установленіемъ учебно-предметнаго плана академическаго устройства обезпечивается далеко не все. Нужно еще сдѣлать, чтобы онъ наиболѣе успѣшно и плодотворно осуществлялся среди студентовъ. Тутъ выступаетъ авторитетный и компетентный проектъ Московской Духовной Академіи. Впрочемъ, я буду говорить не столько о немъ, сколько о связанныхъ съ нимъ принципиальныхъ предпосылкахъ, въ которыхъ заключается вся важность; критическій разборъ конкретнаго образца нисколько не входитъ въ мои виды.

По существу своему—здѣсь все утверждается на принципѣ предоставленія свободы самоопредѣленія студентамъ, ибо они сами намѣчаютъ себѣ ближайшія задачи и подбираютъ наиболѣе пригодныя средства; Академія и профессорскій персоналъ являются не отвѣтственными распорядителями дѣла, а болѣе удобными орудіями для достиженія разнообразныхъ стремленій смѣняющагося агрегата учащагося юношества. Подобное устройство, пожалуй, было бы еще позволительно, еслибы разумѣлся свободный учено-учебный институтъ, въ родѣ проектируемыхъ «вольныхъ Университетовъ» или древней греческой Академіи, куда молодые люди приходили просто «ради любознательности»—безъ строго формулированныхъ практическихъ предрѣшеній, почему обучающіе дѣлились своими умственными запасами, не интересуясь специально тѣмъ, чтобы подготовить своихъ слушателей къ одному извѣстному предназначенію. Если же наши Духовныя Академіи имѣютъ и должны осуществлять лишь опредѣленную задачу ²⁾, то рекомендуемая свобода оказывается для нихъ несоотвѣтственною,—и онѣ по самой природѣ своей обязаны вести студентовъ именно по собственному пути, не позволяя имъ уклоняться ни въ направленіи, ни въ способахъ образовательнаго совершенствованія.

¹⁾ См. въ «Журналахъ и Протоколахъ Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 116—117.

²⁾ А С.-Петербургскіе студенты утверждаютъ, что «кромѣ строго научнаго богословскаго образованія, *Духовная Академія никакихъ профессиональныхъ цѣлей не преслѣдуетъ*... См. приложение къ «Журналамъ С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Читаніи» 1907 г., № 6 (п отдѣльно, Сиб. 1907), стр. 149.

Помимо сего, — представляется спорною и принципиально передача академическому юношеству права автономной специализации по подбору предметов и по времени. Болѣе прочная группировка учебнаго академическаго матеріала, конечно, страдает многими недочетами во всѣхъ проектахъ и уставахъ, но это всегда и вездѣ будетъ неизбежно по ограниченности учебно-образовательныхъ средствъ при согласованіи ихъ съ предуказанною цѣлю. Тѣмъ не менѣ здѣсь можетъ быть выработана твердо регулирующая норма, хотя относительная, но объективная по своему достоинству, какъ основанная на объективныхъ данныхъ — въ задачахъ и способахъ учрежденія, принимающаго въ свою среду опредѣленно подготовленныхъ юношей съ извѣстными общими стремленіями. Наоборотъ, — въ обсуждаемой схемѣ берется индивидуально-субъективный критерій ¹⁾, не примѣняемый пока вполнѣ ни въ одномъ учебномъ институтѣ со специальною физиономіей, потому что онъ не гарантируетъ достиженія не только собственныхъ цѣлей заведенія, но даже частныхъ замысловъ каждаго изъ студентовъ: — вѣдь послѣдніе приходятъ *учиться* и прежде всего нуждаются въ томъ, чтобы ихъ любознательныя влеченія получили ясную форму систематически сложившагося и убѣжденно окрѣпшаго міросозерцанія подъ твердымъ контролемъ и неослабнымъ руководствомъ въ извѣстномъ направленіи, по характеру данной школы ²⁾!.. Если говорятъ, что возможныя комбинаціи маленькихъ предметныхъ группъ столь естественны по своему составу, что всегда будутъ почти тождественны, то я совсѣмъ не раздѣляю подобной увѣренности, зная по опыту своего участія въ выработкѣ проекта академическаго устава коммиссіею С.-Петербургской Духовной Академіи, какъ глубоко бываютъ разногласія въ группировкѣ предметовъ даже по болѣе широкому масштабу. Когда же разсматриваемое предложеніе старается ограничить неизбежность колебанія въ индивидуальномъ самоопредѣленіи студентовъ, — этимъ прямо нарушается основной принципъ учебно-студенческой автономіи, а мы должны заключать отсюда, что это начало можетъ имѣть лишь соподчиненное значеніе.

Питаю немалыя сомнѣнія и относительно «предметной системы» ³⁾. Правда, теперешнее преподаваніе и по методу и по содержанію далеко

¹⁾ С.-Петербургскіе студенты тоже «желаютъ»: «Въ основу (академическаго) изученія должна быть положена предметная система. *Каждый слушатель составляетъ себя группу самъ сообразно (своимъ) цѣлямъ и склонностямъ. Распределение группъ въ уставѣ должно быть только примѣрное*». См. приложение къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Читеніи» 1907 г., № 6 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 151.

²⁾ И насколько необходимо все это вообще, — мы видимъ по специальнымъ и детальнымъ руководствамъ у нѣмцевъ, заботливо регулирующихъ всю учебно-педагогическую жизнь студентовъ-богослововъ; см., напр., въ книгѣ Prof. D. Heinrich Bassermann'a *Wie studiert man evangelische Theologie?* Stuttgart 1905 (въ Violets Studienführer).

³⁾ Ср. объ этомъ у С. К., Фарисей автономіи въ «Новомъ Времени» № 11.173 за 20-е апрѣля 1907 года, стр. 3, столб. 2: Предметная «система» — такъ, какъ она понимается въ Россіи, — съ одной стороны, даетъ возможность профессорамъ не ломать головы надъ составленіемъ учебныхъ плановъ, съ другой, избавляетъ ихъ отъ досадныхъ конфликтовъ со студентами, которые могутъ не одобрить этихъ плановъ. Полное торжество этой системы, когда она будетъ введена цѣлкомъ, заключается въ правѣ студентовъ учиться, чему и какъ они вздумаютъ, и въ полномъ избавленіи профессора отъ необходимости заниматься организаціей студенческаго труда».

не идеально. Но если съ удивительною смѣлостію утверждаютъ, что это есть лишь «бездарная и бесполезная размазня» ¹⁾, то я вынужденъ констатировать, что нѣкоторые опыты «свободныхъ предметныхъ собесѣдованій» печально напоминаютъ безсодержательныя разглагольствованія *de omnibus rebus et quibusdam aliis*, или обо всемъ вообще и ни о чемъ въ частности... По существу же вопроса считаю пока вовсе неустраненнымъ зловѣщее опасеніе, что введеніе «предметной системы» внесетъ сильную дезорганизацию въ студенческое обученіе, которое и теперь не страдаетъ ни порядкомъ, ни стройностію. Въ предвѣдѣніи такихъ неудобствъ и обсуждаемая схема обставляетъ примѣненіе «предметной системы» въ Академіяхъ извѣстными рамками и стѣсненіями, требуя, напр., чтобы каждый студентъ прослушалъ академические курсы не менѣе четырехъ лѣтъ. Опять этимъ существенно колеблется самый рекомендуемый принципъ. Но смыслу его, каждый слушатель даетъ отчетъ по всѣмъ предметамъ, когда онъ самъ чувствуетъ себя преуспѣвшимъ въ нихъ и достаточно пропитаннымъ академическою атмосферою. Въ такомъ случаѣ всякая мѣра будетъ заключаться единственно въ способностяхъ и усердіи именно студента. Значитъ, почему бы не дозволить лучшимъ достигать всего хоть въ одинъ годъ, а не столь способнымъ, менѣе подготовленнымъ и не слишкомъ усерднымъ почему бы не разрѣшить свободу уподобленія нѣмецкимъ буршамъ, студенчеству и деморализующимъ товарищей чуть не до сѣдыхъ волосъ?.. Иначе получится несправедливое и вредное порабощеніе даровитыхъ и ревностныхъ студентовъ тупыми и лѣнливыми, разъ первые задерживаются въ заведеніи собственно ради того, чтобы соблюсти норму, обязательную лишь для посредственностей...

Итакъ: всѣ принципиальныя слагаемыя разбираемой системы кажутся мнѣ спорными по самымъ основамъ своимъ, а потому въ глубинѣ своихъ убѣжденій я не нахожу необходимой смѣлости согласиться, чтобы устройство учебной части въ специальныхъ православныхъ Академіяхъ было произведено на такихъ условно-субъективныхъ основаніяхъ.

Не поколебали меня въ отрицательномъ взглядѣ на первоосновы Московской академической системы и представленныя разъяснительныя возраженія ²⁾. Не говорю о полемическихъ преувелченіяхъ моихъ замѣчаній (—гдѣ у меня рѣчь о «произволѣ»?—), о невниманіи къ другимъ опытамъ «специализаціи» (напр., въ С.-Петербургскомъ коммиссіонномъ проектѣ) и т. д. Не буду оправдываться и отъ дѣйствительно неожиданныхъ обвиненій въ формализмѣ, какого совсѣмъ нѣтъ, разъ трактуется о принципиальныхъ предположеніяхъ, и послѣднія только иллюстрируются примѣрами изъ конкретнаго образца... Обращусь лишь къ нѣкоторымъ идейнымъ сужденіямъ по поводу Московской академической схемы. Было сказано, что тамъ дана самая разумная комбинація регулирующей дисциплины профессорской корпораціи и самодѣятельной свободы учащагося юношества, при чемъ обѣ стороны, яко бы, всегда

¹⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. II (Спб. 1906), стр. 236а.

²⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 74—76.

останутся въ своихъ естественныхъ границахъ и не выйдутъ изъ нихъ къ собственному ущербу для нормальнаго исполненія своихъ обязанностей. Но до какой степени проблематичны упованія на твердость студенческаго учебно-групповаго самоопредѣленія,—это ясно изъ рѣшительной просьбы именно Московскихъ студентовъ о правѣ свободнаго перехода по группамъ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ—по причинѣ невозможности для нихъ сразу избрать надлежащую предметную комбинацію ¹⁾. Такое признаніе тѣмъ несомнѣннѣе по фактической истинности, что сдѣлано при явномъ протпворѣчїи высокой самоувѣренности, господствующей въ студенческой «запискѣ», которая назойливо твердитъ о студенческой «зрѣлости»... Значить, самая основная база построеній оказывается достаточно зыбкою въ Московской академической конструкціи.

Не думаю, чтобы только въ ней одной лучше всего обезпечивалась истинная «спеціализація» академическаго преподаванія для студентовъ. Скорѣе тутъ возможна раздробленность, при которой будутъ спорными широта, послѣдовательность и систематичность студенческаго образованія. Желательна «спеціализація» въ смыслѣ «концентраціи» студенческихъ занятій, чтобы на фундаментѣ болѣе или менѣе обширнаго богословскаго образованія постепенно воспитывались способность и опытность къ «сосредоточенію» на извѣстныхъ предметахъ, а въ нихъ—на опредѣленныхъ вопросахъ (см. выше на стр. 48—49). Лишь при этомъ условіи и сами студенты будутъ успѣшно «спеціализироваться» въ пространной области богословскаго вѣдѣнія, и профессора получать вѣрные средства руководить слушателей въ этомъ направленіи нарочитыми чтеніями, практическими занятіями въ «семинаріумахъ» ²⁾ и т. п. Этотъ дѣйствительно многообѣщающій принципъ осуществляется, по моему мнѣнію, не столько въ проектѣ Московскомъ, сколько, напр., въ С.-Петербургскомъ коммисіонномъ.

Главный же итогъ моихъ краткихъ дополнительныхъ замѣчаній—тотъ, что для истинно плодотворной и жизненной постановки нашихъ Духовныхъ Академій прежде всего необходимо съ полною ясностію и ответственною отчетливостію опредѣлить ихъ существо, задачу и цѣль ³⁾.

Для такой практической дѣятельности нашихъ начинаній, конечно, требуется, чтобы сами студенты принимали сознательное и самостоятельное участіе въ ихъ учебно-педагогической реализаціи. Въ этихъ интересахъ нужно дозволить и поощрять учрежденіе студенческихъ

¹⁾ См. студенческую «записку» въ «Журналахъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 г. (Спб. 1907), стр. 281.

²⁾ Впрочемъ, послѣдніе не должны получать слишкомъ «ремесленнаго», пропедевтически-экзаменационнаго характера, какъ это имѣетъ мѣсто—при нѣскольکو аналогичномъ порядкѣ—въ Оксфордскомъ Университетѣ, судя по отчету М. М. Хвостова въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета» 1904 г., № 5—6, стр., 163—172.

³⁾ Оба изложенія мнѣнія были заявлены мною V-му отдѣлу Предсоборнаго Присутствія 14-го мая 1906 года и напечатаны въ «Журналахъ и Протоколахъ», т. IV, стр. 72—73. 76—77.

научныхъ кружковъ и обществъ, но только соответствующихъ прямымъ цѣлямъ Академій и лишь съ разрѣшенія совѣта и подъ руководствомъ профессоровъ¹⁾. Равнымъ образомъ слѣдуетъ опредѣлить и нормальный жизненный укладъ студентовъ. Напр., я совсѣмъ не согласенъ, чтобы въ академическомъ уставѣ не упоминалось о соблюденіи постовъ и объ исповѣди по тому соображенію, яко бы это есть дѣло личной совѣсти. Последнее, конечно, несомнѣнно, по въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о частной жизни внутренне-индивидуальныхъ отношеній къ Богу и Церкви Христовой, а объ общемъ образѣ жизни студентовъ, требующемъ извѣстной регламентаціи съ точки зрѣнія существа Академій, въ качествѣ учено-учебныхъ православно-церковныхъ заведеній²⁾. Этого замалчивать нельзя и не слѣдуетъ. И сами воспитанники охотно подчиняются обязательствамъ своего христіанскаго званія. Такъ, у меня предъ открытіемъ годичнаго курса лекцій обыкновенно читается молитва; если гдѣ, то именно въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ слѣдуетъ соблюдать святое правило: «съ Богомъ начинай!» Все, отвлекающее отъ непосредственныхъ академическихъ цѣлей, должно быть устранено изъ студенческаго обихода. Съ этой точки зрѣнія едва ли можно вводить въ норму дозволеніе студентамъ жениться въ теченіе учебнаго курса. Мыслимы лишь исключенія. Такіе экстраординарные случаи бывали у насъ и при дѣйствіи устава 1884 г.; напр., въ С.-Петербургской Академіи былъ женатый студентъ Соловьевъ, не имѣвшій священнаго сана. Это произошло по особой протекціи, но по печальнымъ примѣрамъ знаю, что бывають столь трагическія обстоятельства, когда наилучшимъ выходомъ является бракъ. Можно обставить эту *редкую* льготу особыми правилами для обезпеченія безпрятственности и успѣшности академическихъ занятій даннаго студента. Вообще же проф. Ad. Harnack вѣрно сказалъ, что научное служеніе есть своего рода богослуженіе,³⁾ — и въ идеальномъ смыслѣ именно здѣсь вполне уместенъ заветъ Апостола Павла (1 Кор. VII, 7. 8): *Хощу, да вси человеки будутъ якоже и азъ... Глаголю же безбрачными и вдовцами: добро имъ есть, аще пребудутъ якоже и азъ...* Тѣмъ паче обязательно это для юношей, которые должны со всѣмъ пламенемъ своихъ свѣжихъ силъ и съ чистою кипучею энергіей готовиться къ жизни. Преждевременныя увлеченія — особенно въ столь соблазнительной области — всегда опасны и часто разрѣ-

¹⁾ О послѣднихъ условіяхъ совсѣмъ не упоминается въ «пожеланіяхъ» С.-Петербургскаго академическаго студенчества, которое заявляетъ: «Студенты пользуются свободой собраній, обществъ, сходокъ, организацій, какъ съ участіемъ профессоровъ, такъ и безъ него». См. приложение къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 6 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 152.

²⁾ Наоборотъ, С.-Петербургскіе студенты желаютъ, кажется, совсѣмъ иного, когда говорятъ: «Студенчество во внутренней своей жизни *всёцѣло* предоставляется самому себѣ (тѣмъ естественно исключается возможность инспекторскаго надзора и совершенно упраздняется должность помощниковъ инспектора)». См. приложение къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 6 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 152.

³⁾ См. у него въ «ректоратской» рѣчи *Sokrates und die alte Kirche* (Giessen 1901), S. 23; ср. у меня въ «Православной Богословской Энциклопедіи», т. IV (Спб. 1903), столб. 116.

шаются горькими разочарованиями, губящими все существование... Посему желательно, чтобы свѣтскіе студенты Академіи были неженатыми, и только въ необходимыхъ случаяхъ разрѣшалось имъ вступленіе въ бракъ на извѣстныхъ опредѣленныхъ условіяхъ.

Всякія студенческія учрежденія терпимы единственно при строгомъ соотвѣтствіи прямымъ учебно-педагогическимъ интересамъ. Въ силу ихъ я (вопреки и проф. *М. Д. Муретову*, Проектъ устава, стр. 7. 20. 38—39) для Академій тоже отрицаю (см. выше стр. 9,) корпоративные «суды чести»¹⁾. Разсматривая этотъ вопросъ принципиально и въ примѣненіи къ частнымъ конкретнымъ случаямъ всей духовно-академической жизни, мы видимъ, что товарищескій судъ явился бы учрежденіемъ, параллельнымъ совѣту, откуда неизбежны взаимныя пререканія, конфликты съ совѣтскими коллегами и т. п. Это достаточно доказала дѣятельность узурпаторски возникшихъ студенческихъ «хозяйственныхъ комиссій», вызвавшихъ больше смятеній и разстройствъ, чѣмъ устранившихъ различные дефекты или улучшившихъ фактическое положеніе экономическихъ порядковъ. Еще важнѣе другія студенческія организаціи «профессіональнаго характера». Нѣкоторые говорили, что пусть эту задачу выяснитъ сама жизнь, но «обойти молчаніемъ» жизненное явленіе невозможно. Напр., институтъ «курсовыхъ старостъ» — нормаленъ онъ или нѣтъ? Тутъ нужно извѣстнаго рода рѣшеніе. У насъ въ С.-Петербургской Академіи этотъ институтъ возникъ незаконнымъ путемъ и безъ всякой дѣйствительной надобности; благодаря ему, у профессора прерывается непосредственная связь со студентами²⁾, а этимъ въ корнѣ убивается жизненность педагогическаго дѣла, созидающагося на прямомъ взаимоотношеніи душъ. Контингентъ нашихъ слушателей вовсе не многочисленный, и здѣсь абсолютно неумѣстна обычная ссылка на Университеты, гдѣ для огромной массы теоретически дозволительно легализованное «представительство» по учебно-педагогическимъ предметамъ. Но въ интересахъ научно-педагогическаго вліянія, обязательно требующаго непосредственности взаимообщенія, я всегда предпочту объясняться съ 200 студентовъ, чѣмъ съ какими то «замѣстителями». Душу замѣнить невозможно, а жить чужимъ умомъ — постыдно... Значитъ, пока студенческія организаціи представляютъ собою только фактъ, не облекшійся еще въ общепризнанную форму, непременно слѣдуетъ обсудить вопросъ объ этихъ организаціяхъ и такъ или иначе отвѣтить на него. Неужели намъ и тутъ ждать особаго краха?... А вѣдь наше молчаніе будетъ при-

¹⁾ Вопреки сему С.-Петербургскіе академическіе студенты «желаютъ»: «По дѣламъ чисто студенческимъ (т. е.?) учреждается студенческій судъ чести, а по дѣламъ общимъ съ профессорами — смѣшанный судъ студентовъ и профессоровъ, при равномъ числѣ членовъ съ той и другой стороны». См. приложение къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 6 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 152.

²⁾ Напр., С.-Петербургское академическое студенчество говоритъ о немъ такъ: «Для официальныхъ (т. е.?) сношеній студентовъ съ Совѣтомъ, для созыва и регулировки сходовъ и пр. учреждается выборный институтъ старостъ». См. приложение къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 6 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 152.

нято за допущеніе. Въ такихъ серьезныхъ вещахъ всего опаснѣе всякія лукавыя или дипломатическія недомолвки. Наши студенты—народъ серьезный, и они поймутъ и примутъ разумное, благожелательное слово. Я въ нихъ вѣрю, всегда живу этою вѣрой и ею одушевляюсь теперь. При возраженіяхъ по этому пункту нѣкоторые обостряли трудность, и одинъ заявилъ, что онъ говоритъ, какъ «честный человѣкъ»... Это и неделикатно и только запутываетъ дѣло до безысходности... Тѣмъ не менѣе осмѣливаюсь сказать, что я смотрю совсѣмъ иначе на положеніе нашего студенчества. Оно находится въ нѣкоторомъ смущеніи (—и не по своей винѣ—), но не перестаетъ искать правды и знанія. Дадимъ же ему это прямо и откровенно! И если мы выработаемъ извѣстныя мѣры въ такомъ именно тонѣ искренней благожелательности и взаимной пользы, а не ради прещеній и ретроградства, то—непоколебимо вѣрю!—студенты насъ послушаютъ и за нами пойдутъ. Будемъ только сами достойны своего званія, которому въ ясныхъ студенческихъ глазахъ всего болѣе повредила бы наша пагубная дипломатичность. Упрекаютъ, что, отрицая автономно-профессіональныя студенческія организаціи, мы стоимъ на «археологической точки зрѣнія», проводимъ «ископаемые» взгляды средневѣковья. Охотно возвращаю этотъ нескромный комплиментъ... Именно средневѣковые Университеты во многомъ пользовались такимъ «автономными» правами, которыхъ нынѣ нигдѣ нѣтъ. Совѣтую прочитать хотя бы книгу проф. Н. С. Суворова ¹⁾, откуда полемисты могутъ (— при желаніи! —) убѣдиться, что педагогическіе архаисты—они, а не мы... Что же касается пожеланій, чтобы студенты наши воспитывались въ атмосферѣ современнаго свѣтскаго студенчества, то скажу коротко и прямо: «не дай Господи»! Неужели мнѣ нужно напоминать и ужасными фактами иллюстрировать, что тамъ вышло и совершается на позоръ всему свѣту ²⁾?... Здѣсь я всего менѣе думаю о формальной сторонѣ, чуждой всѣмъ моимъ настроеніямъ, склонностямъ и привычкамъ... Въ ссылкахъ на средніе вѣка мой возражатель вовсе не отмѣчалъ однѣ духовныя школы, а позднѣйшее ограниченіе его католичествомъ крайне неудачно, ибо строй духовной (католической) педагогіи Запада, въ существенномъ, остается на прежнемъ «археологическомъ» уровнѣ. Что до смѣшенія понятій, то скорѣе это замѣчается у моего оппонента, поскольку научно-литературные кружки мы выдѣляемъ, какъ дозволительные въ мѣру соотвѣтствія

¹⁾ См. его сочиненіе «Средневѣковые Университеты», Москва 1898; ср. актовую рѣчь проф. С. А. Предтеченскаго «Парижскій университетъ въ средніе вѣка» при отчетѣ Казанской Духовной Академіи за 1900—1901 г. и въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1901 г., № 12, стр. 787—832.

²⁾ Для моего возражателя, какъ члена профессорской академической коллегіи, приведу только слѣдующее свидѣтельство (г-на С. К. въ «Новомъ Времени» № 11. 217 за 5-е іюня 1907 года, стр. 3, стлб. 2): «Россійское студенчество уже успѣло прославиться такими подвигами, какъ публичное оскорбленіе профессора Харьковскаго университета, какъ потасовки, жертвой которыхъ сдѣлалось нѣсколько профессоровъ Московскаго университета, какъ избиеніе профессора Варшавскаго университета, и въ какихъ бы то ни было поощреніяхъ оно врядъ ли нуждается». Неужели этого же хочетъ мой оппонентъ для Духовныхъ Академій..., по крайней мѣрѣ, хоть для себя самого, да еще такъ, чтобы потомъ *motu proprio* извиняться публично предъ обидѣвшими?...

съ прямыми академическими цѣлями, а рѣчь у насъ идетъ о специальныхъ организаціяхъ для упорядоченія и защиты какихъ-то особыхъ «студенческихъ» интересовъ, которыхъ не можетъ быть помимо общей академической жизни, подвѣдомой авторитету отвѣтственной коллегіи профессоровъ. Отстаивая вторыя, апологетъ подмѣниваетъ ихъ первыми, но... этимъ меня совсѣмъ не убѣждаетъ... По отношенію къ студенческимъ сходкамъ тоже опасна и вредна ихъ легализація. Здѣсь нужно всегда и твердо помнить слѣдующее. Частное собраніе, созданное по личной инициативѣ, ни для кого необязательно, но если сходка, назначенная узаконенною организаціей, не состоится за неприбытіемъ нужнаго числа студентовъ, то вторая сходка по тому же вопросу при всякомъ числѣ участниковъ выносить постановленія отъ имени всего студенчества, принудительная (юридически, а нынѣ и физически) для всѣхъ его членовъ и даже для академическихъ совѣтовъ ¹⁾. Вообще опасно вводить деспотизмъ большинства, убивающій индивидуальность, да еще такой, когда лучшіе, работающіе элементы будутъ подавляться агитаціею «коноводовъ». Это вездѣ бываетъ, но едва ли желательно въ нашей мирной академической семьѣ, гдѣ доселѣ царствовали взаимное довѣріе, искренняя простота, святая свобода личности ²⁾.

4.

Объ отношеніи епархіальнаго архіерея къ Духовнымъ Академіямъ.

Много, пламенно и справедливо говорилось у насъ, что связь между Академіями и епархіальными Преосвященными должна быть чисто нравственною. Вполнѣ соглашаюсь съ этимъ и прибавлю дальше, что такимъ слѣдуетъ быть и всякимъ человѣческимъ соприкосновеніямъ—даже не по одному только библейско-христіанскому воззрѣнію... Тѣмъ болѣе это обязательно для отношеній между православно-христіанскими училищами высшаго богословскаго знанія и архипастырями Церкви Христовой. Объ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго спора ни для кого изъ насъ. Но на практикѣ эти отношенія должны выражаться въ конкретныхъ фактахъ, опредѣляющихъ взаимное положеніе обѣихъ сторонъ и устанавливающихъ между ними весьма различныя условія совмѣстнаго бытія. Вотъ здѣсь-то и важно дать справедливыя регулирующія нормы. Отъ лицъ и учреждений будетъ зависѣть, чтобы послѣднія всегда оду-

¹⁾ Одно изъ «пожеланій» С.-Петербургскихъ академическихъ студентовъ гласитъ: «Рѣшеніе сходки, вынесенное *простымъ большинствомъ* (—при сколькихъ участникахъ?—), считается Совѣтомъ мнѣніемъ всего студенчества», при чемъ *«постановленія сходокъ поступившія въ Совѣтъ путемъ подачи, подлежатъ непремѣнному съ его стороны разсмотрѣнію»*. Ст. 2 приложеніе къ «Журналу совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 6 (отдѣльно, Спб. 1907), стр. 152.

²⁾ Всѣ эти мелкія замѣчанія, теперь нѣсколько скомбинированныя, были заявлены мною въ засѣданіи V-го отдѣла Предсоборнаго Присутствія 4-го декабря 1906 года.

хотворялся и направлялся ко взаимному созиданію христiанскимъ братолюбіемъ и сыновнимъ почтеніемъ, но необходимо напередъ обезпечить прочнымъ закономъ, чтобы эти идеальныя нравственныя отношенія фактически не улетучивались совершенно, не оставляя мѣста епархіальному Преосвященному для особаго касательства къ Академіямъ, по сравненію со всѣми другими архипастырями, и не обращая его въ простого «почетнаго члена» ¹⁾; не менѣе требуется устранить опасность, чтобы не было ни малѣйшей опоры ни для произвола, ни для вызывательства. Этого всего легче достигнуть, если эти нравственныя отношенія будутъ функционировать въ дѣйствительности на незыблемомъ фундаментѣ признанія взаимныхъ правъ и соотвѣтственнаго соподчиненія ихъ. Таковую именно комбинацію я нахожу въ академическомъ уставѣ 1869 года (§§ 3 и 12—19), ничуть не противорѣчащаго здѣсь по существу «временнымъ правиламъ», и высказываюсь за восстановленіе его въ данномъ пунктѣ тѣмъ рѣшительнѣе, что авторитетнѣйшіе свидѣтели неложно удостовѣряютъ намъ, что тогда Духовныя Академіи жили со своими мѣстными іерархами въ искреннихъ отношеніяхъ дорогихъ дочерей съ благодѣтельными отцами. Возобновимъ же то, чѣмъ гарантируются столь желанныя для всѣхъ насъ миръ, любовь, довѣріе и свобода ²⁾!...

5.

О приготовленіи академическихъ преподавателей и объ ученыхъ академическихъ званіяхъ.

Для приготовленія академическихъ преподавателей нынѣ существуютъ такъ называемые «профессорскіе стипендіаты». Но они оставляются для подготовки по опредѣленной специальности, а вакансии въ Академіяхъ открываются иногда по другому предмету. И такимъ образомъ на освободившуюся кафедру приходится брать или стипендіата неподготовленнаго, или человѣка со стороны. Исторія показала, что стипендіатство не дало всѣхъ ожидавшихся плодовъ (хотя его защищаетъ, напр., и Казанскій проф. И. А. Богородскій въ «Отзывахъ епархіальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ», т. I, Спб. 1906, стр. 278—279). Поэтому лучше было бы возвратиться къ институту приватъ-доцентуры. Приватъ-доцентъ, готовясь къ профессорской дѣятельности, еще и фактически принимаетъ участіе въ ней. Учреждать приватъ-доцентуру по каждому штатному предмету, конечно, невозможно по финансовымъ затрудненіямъ, но въ виду сродности нѣкоторыхъ дисциплинъ приватъ-доцентъ могъ бы быть при цѣлой группѣ наукъ. Вознагражденіе приватъ-доцентамъ слѣдовало бы устроить, напр., примѣнительно къ уставу 1869 года. Вообще, опытъ приватъ-доцентуры по послѣднему

¹⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 89а.

²⁾ Это мнѣніе приложено къ журналу № 17-му V-го отдѣла Предсоборнаго Присутствія за 18-е мая 1906 года.

уставу, мнѣ кажется, былъ болѣе удаченъ, чѣмъ стипендіатство по уставу 1884 года. Введенный вторымъ институтъ «профессорскихъ стипендіатовъ» далеко не оправдалъ всѣхъ возлагавшихся на него надеждъ ¹⁾. Въ этомъ отношеніи у меня, какъ бывшаго стипендіатомъ, уже давно образовалось вполне обоснованное убѣжденіе ²⁾, и его ничуть не поколебала направленная противъ меня апологія академическаго стипендіатства не извѣдавшимъ его на себѣ лицомъ. Я не буду подражать послѣднему и расцѣпывать своихъ коллегъ по С.-Петербургской Духовной Академіи, выдавая имъ свои аттестаціи—безъ всякихъ правъ и полномочій на это. Думаю, что всѣ они стараются быть на высотѣ своего призванія, но въ интересахъ дѣла долженъ отмѣтить слѣдующіе факты. 1) Изъ числа новыхъ преподавателей, включенныхъ въ нашу среду послѣ 1885 года, цѣлыхъ 10 взяты изъ лицъ, не бывшихъ стипендіатами при С.-Петербургской Академіи, а 7 и вовсе нигдѣ такими не состояли. 2) Затѣмъ, 5 лицъ работали не по тѣмъ предметамъ и готовились не къ тѣмъ кафедрамъ, которые они теперь занимаютъ. 3) Только 6 членовъ, дѣйствительно, попали на свои науки, хотя нѣкоторые изъ нихъ не сразу и въ обходъ болѣе молодыхъ кандидатовъ, т. е. не за стипендіатскую подготовку, а единственно за даровитость, которая была рѣшающимъ факторомъ и въ первыхъ двухъ случаяхъ. Въ результатѣ получается пропорція, весьма неблагоприятная для академическаго стипендіатства, какъ и въ другихъ Академіяхъ доселѣ *ищутъ* замѣстителей внѣ круга своихъ стипендіатовъ, между тѣмъ ихъ въ каждой имѣется свыше 40 человекъ. Значитъ, приведенный моимъ оппонентомъ примѣръ говорить только противъ него самого, а вмѣстѣ и противъ всего стипендіатскаго института со стороны его правоспособности къ восполненію академическихъ коллегій достойными кандидатами. И, мнѣ кажется, предложенное увеличеніе стипендіатскаго срока на одинъ годъ мало поможетъ дѣлу. Если я выбранъ на опредѣленный предметъ, то къ нему именно и подготавливаю; между тѣмъ кафедра этого предмета можетъ и не освободиться. Въдѣ «профессорскій стипендіатъ» (по § 54 Уст. 1884 года) оставляется «для приготовленія къ занятію преподавательскихъ вакансій въ Академіи» и потому даже не въ правѣ погружаться въ писаніе своего сочиненія ³⁾. Попавши, затѣмъ, въ глухую провинцію, онъ получаетъ еще менѣе удобствъ заниматься научнымъ трудомъ по отсутствію научныхъ пособій и, если не желаетъ обрекать себя на тяжкую внутреннюю муку, *долженъ* забыть всякую науку, какъ это знаю по собственному горькому опыту... И, въ общемъ, молодой энергіи хватаетъ очень не

¹⁾ См. «Объяснительную записку» къ проекту академическаго устава 1884 г., стр. 40—41.

²⁾ См. у меня въ «Странникѣ» 1897 г., № 8, стр. 533, и ср. замѣчанія проф. А. И. Пономарева въ приложеніи къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Читеніи» 1907 г., № 2 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 45—46.

³⁾ Послѣднее совсѣмъ не разрѣшалось официально въ Московской Академіи моихъ временъ (т. е. въ 80-хъ годахъ) и даже нынѣ не дозволяется гласно въ нѣкоторыхъ другихъ (напр., въ Казанской), гдѣ для каждаго стипендіата назначается специальный предметъ занятій по особой программѣ, утвержденной совѣтомъ.

надолго, или же дѣло кончается плачевно... Такимъ образомъ, эти люди не могутъ служить къ пополненію кадра специалистовъ для профессорскихъ кафедръ... Лучше бы, по-моему, привать-доцентура. Для нея будетъ достаточно кандидатовъ. Если при дѣйствіи устава 1869 года, когда старые профессора съ трудомъ выходили въ отставку, находились желающіе быть привать-доцентами, то тѣмъ болѣе вѣроятно это теперь, съ улучшеніемъ пенсіонныхъ профессорскихъ окладовъ.

Привать-доцентство будетъ въ связи съ избраннымъ специальнымъ предметомъ и дастъ возможность написать сочиненіе. Впрочемъ, я убѣжденъ, что одно сочиненіе на ученую степень не будетъ фактическимъ удостовѣреніемъ способности быть хорошимъ академическимъ преподавателемъ. Для профессора нужны не только ученые труды и спеціальныя знанія, но также и педагогическій извѣстный опытъ. А это можетъ быть приобрѣтено лишь въ томъ случаѣ, если будетъ привать-доцентура. Всѣ возраженія противъ нея совершенно неубѣдительны со стороны приведшихся иллюстрацій. Привать-доценты назначались въ помощь штатнымъ профессорамъ и для занятія соотвѣствующихъ кафедръ, въ случаѣ ихъ освобожденія. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ они оправдали себя въ достаточной степени. Ихъ научно-профессорская репутация, — говоря вообще, — никогда не подвергалась сомнѣніямъ и засвидѣтельствована какъ педагогическими успѣхами, такъ и учеными трудами. О полезномъ привать-доцентскомъ вспомоцествованіи вспоминають съ одинаковою благодарностію и профессора, и академическіе воспитанники. Нельзя забывать, что тогда вакантныя кафедры сразу замѣщались готовыми и опытными преподавателями, а не пустовали болѣе или менѣе продолжительное время, между тѣмъ нынѣ это бываетъ не рѣдко. Тѣхъ же результатовъ естественно ожидать и теперь. Нужно помнить еще, что, получая профессуру, привать-доценты будутъ имѣть столь важную для профессорскаго дѣла педагогическую практику, какой у нашихъ стипендіатовъ нѣтъ и быть не можетъ. И если привать-доценты не всегда будутъ попадать на предметъ своихъ спеціальныхъ занятій, то во всякомъ случаѣ это будетъ болѣе сродная наука, чѣмъ при господствующихъ порядкахъ, когда церковный историкъ избирается на догматику или Свящ. Писаніе, канонистъ призывается преподавать расколъ, котораго онъ совсѣмъ не слушалъ, и т. п. Наконецъ, каждый профессоръ-богословъ нуждается въ адъюнктѣ для полноты и законченности своего курса дополнительными чтеніями, но этой отвѣтственной миссіи не могли нести наши стипендіаты, и къ ней вполне правоспособны только привать-доценты, какъ показалъ опытъ. Что до частныхъ указаній относительно ученыхъ степеней, то громадное большинство привать-доцентовъ представили диссертации или же, не подавъ ихъ по уважительнымъ причинамъ, ознаменовали себя многими равноцѣнными научными трудами, при чемъ необходимо указать, что по уставу 1869 г. полученіе магистерства много затруднялось обязательнымъ требованіемъ, чтобы диссертационныя сочиненія изготовлялись непременно по избранной спеціальности, а нынѣ каждый академическій преподаватель пишетъ по любому предмету, иногда нimalo не связанному съ его кафедрой.

Вообще, привать-доцентура «опорочивается» совсѣмъ напрасно, и въ интересахъ научно-педагогическаго профессорскаго дѣла этотъ институтъ несравненно полезнѣе для Духовныхъ Академій. чѣмъ «*профессорскіе стипендіаты*», столь мало оправдавшіе свой почетный эпитетъ.

Объ академическихъ степеняхъ прежде всего нужно имѣть въ виду слѣдующее. Духовныя Академіи призваны специально обучать молодыхъ людей именно въ «богословіи», почему успѣшно закончившіе полный курсъ питомцы ихъ могутъ быть и называться только «кандидатами богословія». Говорить о нихъ, какъ о «кандидатахъ Духовныхъ Академій», значило бы неосторожно забывать или тенденціозно затушевывать самую существенную цѣль послѣднихъ, а допустить этого невозможно, не затрогивая самой природы духовно-академическаго образованія. Вѣдь и въ Университетахъ, напр., кандидаты именуется по свойству всѣхъ дисциплинъ своего факультета (кандидатъ правъ, физико-математическихъ наукъ и т. п.). Тѣмъ болѣе обязательно это для академическаго цикла, строго объединеннаго богословіемъ, которое представляетъ цѣлостное, недѣлимое знаніе.

Вопросъ о точномъ наименованіи академическихъ магистровъ тѣсно связанъ въ вопросомъ о количествѣ академическихъ ученыхъ степеней вообще. Нѣкоторые упорно рекомендуютъ сократить ихъ до двухъ, оставивъ только кандидатовъ и докторовъ ¹⁾. Объективный генезисъ этой необычайной мысли, не встрѣчающейся ни въ одномъ изъ академическихъ проектовъ, мнѣ совершенно непонятенъ, и съ нею я никакъ не могу согласиться. Ссылка на проектируемые университетскіе порядки—безусловно неубѣдительна. Вообще *comparatio non est ratio* и въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе спорно, что мы пользуемся примѣрами университетскаго строя довольно эгоистически—только тогда, когда это выгодно именно намъ, т. д. больше лицамъ, чѣмъ дѣлу ²⁾. Затѣмъ, предположенное (въ 1906 г.) для Университетовъ сокращеніе ученыхъ степеней было достигнуто не объективною аргументаціей, а небезпристрастнымъ плебисцитомъ заинтересованныхъ участниковъ, гдѣ всегда преобладаютъ индивидуальныя мотивы ³⁾. Естественно,

¹⁾ См. въ приложеніи къ «Журналамъ С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 3 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 84—85, 87, 88, 139—141, и въ «Церковномъ Вѣстникѣ» №№ 9 и 12 за 2-е и 23-е марта 1906 г., столб. 270—274, 364—368. См. еще «Сводъ проектовъ Устава Православной Духовной Академіи», стр. 35.

²⁾ Такъ, приходилось доказывать, что было бы противоестественно не включать въ заслуженное академическое профессорство исполнѣ равноправной службѣ въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ,—тоже профессорской. И крайне странно, что въ штатахъ и всякихъ преимуществахъ мы усиленно желаемъ сравняться съ университетскими коллегами, а здѣсь игнорируемъ даже университетское преподавательство, какъ недостойное зачета въ срокъ академической профессуры... Нужно быть, по крайней мѣрѣ, послѣдовательными.

³⁾ Весь процессъ этого дѣла за послѣднее время весьма поучителенъ. По вопросу о количествѣ ученыхъ университетскихъ степеней были разныя мнѣнія (см. «Труды Высочайше учрежденной комиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній», вып. III, стр. 58 сл.), но голоса въ пользу сохраненія прежняго количества *для всѣхъ факультетовъ* восторжествовали (ibid. III, стр. 111—113, 128 сл. 153—155, IV, стр. 143—157),—и это рѣшеніе принято 21 членомъ противъ 11 (ibid. II, стр. 93—94), о чемъ и внесена соответствующая (130-я) «статья» въ «Проектъ общаго устава Императорскихъ Россій-

что противъ такихъ персональныхъ вождѣлнй доселѣ высказы-
ваются самыя серьезныя возраженія, съ которыми невозможно бороться
на чисто научной почвѣ ¹⁾). Извѣстно еще, что цѣлая мни-
стерская коммиссія (такъ называемая Зенгеровская) отвергала по-
добныя явленія даже для медицинской области ²⁾), гдѣ докторство имѣетъ
особый смыслъ—служебной прерогативы ³⁾). Въ Духовныхъ же Акаде-
міяхъ,—по существу дѣла и по фактическому положенію,—кандидатское
сочпненіе бываетъ только завершеніемъ студенческихъ ученическихъ
занятій и само по себѣ не можетъ быть и признаваться ученымъ тру-
домъ въ собственномъ смыслѣ. Въ такомъ случаѣ между кандидатствомъ
и докторствомъ, какъ вершиною собственно ученой карьеры, образуется
цѣлая пропасть, которую необходимо слѣдуетъ посредине звеномъ,
чтобы послѣдовательная связь не прерывалась. Этому и должно служить
магистерство, знаменующее начальную стадію специально ученаго служе-
нія чистымъ научнымъ интересамъ. Всѣмъ этимъ принципиально устра-
няются основныя возраженія противниковъ тройственности существую-
щихъ академическихъ степеней; а о частностяхъ говорить не приходится
уже потому, что онѣ не имѣютъ серьезной важности и всего менѣе оправ-
дываются потребностями русской богословской науки. Въмѣстѣ съ тѣмъ
очевидно, что магистерство является лишь началомъ ученаго богослов-
скаго поприща, но въ этотъ періодъ, когда всякая специальная работа
бываетъ только отраженіемъ полной законченности общаго богослов-
скаго образованія и именно въ немъ почерпаетъ широкую научную цѣн-
ность, нельзя допускать раздробленія по маленькимъ группамъ богослов-
скихъ предметовъ, ибо это явно противорѣчило бы нераздѣльной цѣлост-
ности богословскаго знанія. Такое обособленіе (въ принятой по уставу
1884 года классификаціи) дозвоительно единственно для докторства по
той причинѣ, что тутъ уже раиѣе научно (т. е. ученымъ магистерствомъ,
а не студенческимъ кандидатствомъ) удостовѣрена общепословская зрѣ-
лость. Посему академическіе магистры непрежнему должны быть и титу-
ловаться «магистрами богословія».

Съ другой стороны, по моимъ соображеніямъ, докторство безусловно

скихъ Университетовъ» (Спб. 1905, стр. 47; ср. «Приложенія» къ этому проекту,
стр. 2. 59). Потомъ возобладали обратныя теченія и окончательно утвердились въ «измѣ-
неніяхъ къ проекту» (Спб. 1905, стр. 12), но лишь превышеніемъ 28 противъ 13-ти,
при 3 хъ воздержавшихся (см. «Труды совѣщанія профессоровъ по университетской ре-
формѣ, образованной при Министрѣ Народнаго Просвѣщенія, подъ предѣлательствомъ
Министра Графа Н. Н. Толстого, въ январѣ 1906 г., Спб. 1906, стр. 16—17), однако
и здѣсь были серьезныя разногласія (ср. стр. 238—243), а проф. В. В. Стекловъ подалъ
мотивированное и весьма основательное мнѣніе за status quo ante (стр. 227—237 и ср. 335).
По всему видно, что «при заключеніи исторіи» просто «воспользовались моментомъ»,
когда у насъ вездѣ играли роль больше цифры, чѣмъ сужденія,—не столько солидныя
sententiae, сколько всякія capita...

¹⁾ Ср. у проф. М. Д. Муретова, Проектъ устава православныхъ Духовныхъ Ака-
демій (Св.-Гр. Сергіева Лавра 1906), стр. 42—43.

²⁾ Ср. «Труды Высочайше учрежденной коммиссіи по преобразованію высшихъ
учебныхъ заведеній», вып. III, стр. 181. 140—141.

³⁾ См. обо всемъ этомъ у г. А. А., Къ университетской реформѣ въ «Новомъ Вре-
мени» № 11. 103 за 3-е февраля 1907 г. и въ «Объяснительной запискѣ къ проекту общаго
устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ» (Спб. 1905), стр. 128 сл.

необходимо въ профессорствѣ,—и я готовъ былъ бы допустить, что академическій преподаватель, долженствующій стоять на высотѣ научнаго авторитета, но не приобрѣтшій высшей ученой степени, обязанъ оставить службу послѣ 25 лѣтъ. Учено-литературная разработка составляетъ непремѣнную и натуральную функцію профессорскаго призванія, и его носители по существу не имѣютъ нравственнаго права отказываться и въ томъ случаѣ, еслибы отъ нихъ потребовалось не 3, а 5 или 7 диссертаций черезъ извѣстные сроки. Это внутренно исповѣдуютъ и лица совсѣмъ иныхъ убѣжденій, разъ они, добиваясь *extra ordinem* высшихъ служебно-финансовыхъ преимуществъ, выдвигаютъ предъ своими властными покровителями всѣ свои статьи и замѣтки, не исключая каталоговъ маленькихъ библіотекъ, чтобы взять хоть числомъ и нѣсколько прикрыть свои тенденціозные поклепы ¹⁾ на ученыхъ работников... Научное преуспѣяніе не можетъ не обнаруживаться соотвѣтственными внѣшними результатами на общую пользу,—и безъ нихъ подвергается вполне понятному сомнѣнію плодотворность, иногда даже наличность истинной научной жизни, имѣющей объективную цѣнность. И развѣ мы не знаемъ, сколько славныхъ (по преданіямъ) академическихъ именъ осталось теперь простыми звуками для науки или сохранилось въ ней по юридическому, либо фактическому принужденію?... Хороша свобода, но опасно освобожденіе отъ естественныхъ обязательствъ, неразрывно связанныхъ съ самымъ ея конкретнымъ положеніемъ...

Вообще, академическое положеніе профессоровъ опредѣляется ихъ ученымъ цензомъ, а этотъ послѣдній устанавливается соотвѣтствующими учеными степенями, которыя нормируютъ служебное движеніе. И если признано, что магистерская степень даетъ экстраординатуру, открывающую доступъ къ «совѣтскому» управленію, то,—мнѣ кажется,—каждый изъ академическихъ преподавателей непосредственно по приобрѣтеніи степени магистра долженъ *eo ipso* получать званіе экстраординарнаго профессора и всѣ права члена совѣта. Безъ этого оказывается прямое противорѣчіе съ существомъ академическо-профессорской службы, что успѣхи въ ней фактически условливаются нынѣ уже не учеными достоинствами лицъ, но случайностями освобожденія платныхъ экстраординарныхъ вакансій, т. е. чисто финансовыми соображеніями, чего не должно быть съ принципиальной точки зрѣнія. Само собою понятно, что всякій новый экстраординарный профессоръ вознаграждается соотвѣтствующимъ окладомъ лишь въ предѣлахъ узаконенныхъ штатовъ по мѣрѣ открытія платной экстраординатуры въ порядкѣ старшинства со времени полученія магистерской степени, а до тѣхъ поръ долженъ довольствоваться доцентскимъ жалованьемъ.

Если это предложеніе мое не будетъ принято,—я высказываюсь въ томъ смыслѣ, чтобы всякій доцентъ *de jure* и *de facto* становился полноправнымъ членомъ академическаго совѣта чрезъ пять лѣтъ по полученіи магистерской степени, когда онъ приобрѣтетъ достаточную и

¹⁾ См. приложение къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ, стр. 84—85.

всестороннюю академическую опытность, безъ которой активное участіе въ академическомъ управленіи едва ли можетъ быть полезнымъ для него самого и для академическаго дѣла.

Въ виду сдѣланныхъ уже и возможныхъ возраженій вынуждаюсь прибавить, что всегда и вездѣ высота правъ обуславливается предварительнымъ искусомъ удостовѣренной практики въ исполненіи обязанностей, а фактическій абсентизмъ представительства въ академическомъ совѣтѣ «отъ цѣлой группы наукъ» ¹⁾ есть явленіе ненормальное, какого не должно быть по закону и не было бы въ дѣйствительности, еслибы молодые академическіе преподаватели своевременно и послѣдовательно получали положенныя для нихъ ученые степени.

Что касается утвержденія въ богословскихъ академическихъ степеняхъ, то, откровенно говоря, я не нашелъ вполнѣ счастливаго исхода изъ разсматриваемаго затрудненія. Съ одной стороны, права высшей церковной власти въ этомъ отношеніи стоятъ для меня неизблемо (см. выше стр. 3—4), и едва ли они могутъ быть оспариваемы принципиально, а при послѣднихъ «автономныхъ» вольностяхъ по этой части выдвигаются съ особенною остротой по нашей собственной винѣ... Признавая принципъ свободы для плодотворности научно-богословскихъ изслѣдованій, все-же думаю, что въ истинномъ православіи заключается для нея достаточно простора,—и примѣръ такъ называемыхъ «ареопagitикъ» ²⁾ не убѣдилъ меня въ противномъ, яко бы мы должны бояться законнаго и разумнаго контроля церковнаго. Если у насъ читается въ церквахъ извѣстное «пасхальное слово» Іоанна Златоуста, то неужели этимъ воспрещается объективное отрицаніе его подлинности, когда тамъ высокія мысли просто прикрываются и освящаются авторитетомъ великаго вселенскаго учителя?.. Если Діонисій Ареопагитъ считается просвѣтителемъ и патрономъ Парижа, гдѣ есть цѣлый кварталъ St.-Denis, то развѣ французская (даже католическая) наука связана рабскимъ молчаніемъ по вопросу объ «ареопагитическихъ» сочиненіяхъ?... Вообще, *abusus* никогда нельзя выдвигать для устраненія *usus*'а, который, конечно, долженъ имѣть свои границы, опредѣляемые существомъ дѣла. Однако синодское утвержденіе въ академическихъ степеняхъ представляетъ и немалыя неудобства. Не говорю уже о томъ, что такимъ путемъ слишкомъ рѣшительно выражалось бы убѣжденное недовѣріе въ компетентности академическихъ коллегій въ ихъ собственной сферѣ и заранѣе подрывался бы учено-академическій авторитетъ. Помимо сего, самъ Св. Синодъ необходимо встрѣчалъ множество преградъ, усвоивъ себѣ послѣдній судъ въ ученой области, и потому иногда долженъ былъ прибѣгать къ героическимъ средствамъ... Здѣсь ему часто приходилось переносить дѣло съ научной почвы на догматическую, но чрезъ это частное сочиненіе получало обще-церковную важность, какой не можетъ имѣть личная работа собственнаго уразумѣнія и поспѣшнаго разъясненія христіанскихъ истинъ. Синодъ придавалъ особенную санкцію ограниченному труду

¹⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 97б. 98а.

²⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 67а.

и сообщалъ ему неподобающую санкцію. Отсюда возникло изрядное количество разныхъ конфликтовъ, сильно осложнявшихъ наше церковное правленіе. Вспомнимъ, напр., случаи съ нѣкоторыми сочиненіями по расколу, вызвавшими жгучія обостренія вопреки авторскимъ намѣреніямъ... По этой причинѣ Синодъ—во избѣжаніе подобныхъ смущающихъ злоупотребленій—вынуждался налагать свое veto даже тогда, когда едва ли въ этомъ была надобность для него самого... А тою порой богословское научное развитіе въ Россіи тормозилось къ явному ущербу для всѣхъ ¹⁾... Мнѣ думается, мы достигнемъ болѣе удовлетворительнаго результата, если будемъ трактовать богословскія диссертациі просто въ качествѣ частныхъ научныхъ попытокъ и отнимемъ у нихъ несвойственное достоинство догматической учительности. Присужденіе степени доктора богословія еще не означаетъ признанія за даннымъ лицомъ права церковнаго учительства, котораго ни одинъ академическій профессоръ—самъ по себѣ—не имѣетъ... И если дѣйствительно появляются сочиненія, сомнительныя съ догматической стороны ²⁾, то на этотъ счетъ могутъ быть у церковнаго начальства свои особыя мѣры. Такъ, въ VII-мъ отдѣлѣ Предсоборнаго Присутствія, гдѣ я также принималъ участіе, выработаны разныя «правила церковнаго наблюденія» ³⁾, часть которыхъ (съ цѣлесообразно приспособленными измѣненіями) уже утверждена Св. Синодомъ ⁴⁾. Здѣсь указывается достаточно средствъ и возможностей къ тому, чтобы церковная власть—въ необходимыхъ случаяхъ—авторитетно объявляла вѣрующимъ свой догматическій судъ и относительно ученыхъ богословскихъ трудовъ ⁵⁾. Желаю и надѣюсь, что это будетъ совершаться не только въ отрицательномъ, но и въ положительномъ смыслѣ... Дай Богъ, чтобы для общаго блага рекомендація и одобреніе всегда шли впереди предупрежденій и запрещеній!

Въ православіи всего легче заподозрить. Вѣдь нѣкоторые—даже іерархи ⁶⁾—и теперь считаютъ катихизисъ митрополита Филарета слишкомъ католическимъ... Ученое сочиненіе должно попреимуществу оцѣниваться лишь съ ученой стороны, а догматическая мѣрка примѣнима только въ

¹⁾ См. у меня выше стр. 4 и въ «Странникѣ» 1897 г., № 8, стр. 531—533.

²⁾ При этомъ (преосвященнымъ председателемъ V-го отдѣла) указывалось на магистерскую диссертацию Московскаго профессора С. И. Смирнова о духовникѣ («Духовный отецъ въ древней восточной Церкви», ч. I, Св.—Тр. Сергіева Лавра 1906), яко бы затрогивающую *таинство* исповѣди. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности штудировать этотъ трудъ въ цѣльномъ видѣ, а просматривалъ его лишь по отрывочнымъ статьямъ въ «Богословскомъ Вѣстникѣ», но тѣмъ не менѣе рѣшаюсь твердо поставить вопросъ: справедливо ли такое подозрѣніе? Не идетъ ли у автора рѣчь собственно о *формѣ* позднѣйшаго и современнаго церковнаго института?

³⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. II, стр. 390—399.

⁴⁾ См. «Церковныя Вѣдомости» № 48 за 2-е декабря 1906 г., стр. 505—507.

⁵⁾ Какъ участвовавшій и въ специальной С.-Петербургской епархіальной комиссіи (подъ предсѣдательствомъ епископа Нарвскаго Антонина) и въ VII-мъ отдѣлѣ Предсоборнаго Присутствія (подъ предсѣдательствомъ архіепископа Финляндскаго Сергія),—я имѣю право утверждать, что разумѣемая «правила» не содержать и не преслѣдуютъ ничего инквизиціоннаго—вопреки тенденціоннымъ подозрѣніямъ о. проф. И. Я. Святлова въ С.-Петербургскомъ журналѣ «Звонарь» 1907 г., № 1, стр. 19—41: «Зачѣмъ же инквизиція?»...

⁶⁾ См., напр., «Колоколъ» № 341 за 17-е марта 1907 года въ сообщеніи о «Лекціяхъ архіепископа (Волынскаго) Антонія» (Храповицкаго).

исключительныхъ случаяхъ, когда возможны экстраординарные мѣры законнаго свойства. Напр., если упомянутыя мною «правила перковнаго наблюденія за произведеніями печати» будутъ дѣйствительно приняты на практикѣ, то по нимъ даже епархіальный архіерей получаетъ законную возможность «наблюдать» за благонадежностію въ православно-церковномъ отношеніи всякаго, — въ томъ числѣ и ученаго, — сочиненія. Тѣмъ больше не отнимаютъ этого у высшей церковной власти, а усвоить ей такую компетенцію специально — особымъ §-фомъ — совсѣмъ нелегально. Какъ Академія можетъ дать право, которое само собою принадлежитъ Св. Синоду?... Съ другой стороны, послѣдній едва ли станетъ отнимать то, чего нѣ давалъ (хотя по отношенію къ кандидатству нѣкогого Толстого былъ и такой казусъ въ Московской Академіи въ половинѣ 90-хъ годовъ), но въ крайности онъ можетъ и въ правѣ поручить пересмотрѣть сочиненіе, оставивъ тогда послѣднее рѣшеніе за собою, а иначе долженъ бы осудить цѣлый академическій совѣтъ и на него распространить свои прещенія. Удобно ли это? Указываютъ на нѣкоторые рѣдкіе эксцессы въ родѣ зазорной павнихиды въ одной изъ Академій¹⁾. Но этотъ случай и подобные имъ говорятъ вовсе не противъ «ученыхъ», которые къ нимъ не причастны, а противъ другихъ лицъ; да только объ этомъ распространяться здѣсь неудобно, хотя открылись бы тогда совсѣмъ новые горизонты касательно нашихъ академическихъ нестроений... Нельзя винить исключительно студентовъ и преподавателей, забывая о «стражахъ дома Израилева»... Вообще, для дѣла и для Св. Синода лучше, если — при сомнѣніяхъ объ извѣстной диссертации — онъ просто поручитъ пересмотрѣть вопросъ другому академическому совѣту, сохранивъ окончательное сужденіе за собою. Это будетъ согласно и съ дозволенною практикой соисканія ученыхъ степеней въ другихъ Академіяхъ. Напомню хотя бы послѣдніе примѣры: † проф. М. А. Олесницкаго, К. А. Чемены, архимандрита (нынѣ епископа) Иннокентія (Пустынскаго); всѣ они — кіевляне, но первый получилъ докторство въ С.-Петербургѣ, второй пріобрѣлъ магистерство въ Московской Академіи, третій достигъ магистерской степени къ Казани. Подобныхъ случаевъ не мало. Самъ я, будучи Петербургскимъ профессоромъ, удостоенъ докторства по рѣшенію дорогой и родной мнѣ Московской *Almae Matris*.

Не сочувствую я и *раздачѣ ученыхъ степеней honoris causa*, а по отношенію къ самимъ членамъ академическихъ корпорацій безусловно не признаю этого соблазнительнаго и коварнаго порядка. Стою здѣсь на отрицательной точкѣ зрѣнія, выраженной еще приснопамятнымъ митрополитомъ Исидоромъ (Никольскимъ): когда совѣтъ С.-Петербургской Академіи хотѣлъ присудить ему степень доктора *honoris causa* за редактированіе русскаго перевода Библии, — святитель рѣшительно отъ этой чести отказался, какъ и въ другомъ аналогическомъ случаѣ (одного С.-Петербургскаго протоіерея) онъ авторитетно указалъ на законный и для всѣхъ доступный путь соисканія ученыхъ академическихъ степеней. Это мудро и справедливо. У насъ по этому предмету чаще практиковалась

¹⁾ Ср. у Н. Болговецкаго въ «Миссіонерскомъ Обзорѣнѣ» 1907 г., № 5, стр. 811.

своего рода любезность, а играть любезностями въ ученѣмъ дѣлѣ неудобно. Отрицать подобныя факты въ академическомъ прошломъ было бы несогласно съ исторіей, однако я не буду приводить конкретныхъ примѣровъ—по причинамъ, для всѣхъ понятнымъ... Бывали, конечно, и вполне достойныя honorigati, но тѣмъ прискорбнѣе, что употреблялись обходныя пути, хотя легко было примѣнить законныя средства. Естественно, что отсюда возникли потомъ злоупотребленія, потребовавшія вмѣшательства высшей церковной власти. Опытъ неотразимо показалъ, что академическая степень доктора honorigis causa присуждалась не столько за ученые труды, сколько по вниманію къ особому положенію извѣстной персоны ¹⁾. Въдѣ эти примѣры всѣмъ намъ хорошо извѣстны! Зачѣмъ закрывать глаза на дѣйствительность и не предусматривать самыхъ ясныхъ вещей?... Но—говорять—обычная процедура соисканія не всегда удобна,—особенно для лицъ іерархическихъ... Позволяю себѣ спросить: присужденіе ученой академической степени доставляетъ честь или нѣтъ? Если честь, то почему же унинительно искать этой чести законнымъ порядкомъ?... Изъ этого совсѣмъ не понимаю... Придется вѣдѣ предполагать, что эти «ученые» аспиранты просто боятся за свою компетентность и намѣренны избѣгать открытаго суда тѣхъ, у кого ищутъ научныхъ отличій... При томъ же и прежде допускалось иногда освобожденіе отъ нѣкоторыхъ формальностей ученой «промоціи» ²⁾ — болѣе для того, чтобы выдвинуть людей вліятельныхъ и властныхъ и заручиться ихъ покровительствомъ. Вотъ это для Академіи было по-истинѣ унинительно ³⁾!

Наоборотъ, слѣдовало бы расширить «почетныя» отношенія Академій введеніемъ института и званія *членовъ - корреспондентовъ*.

По академическому уставу 1814 г., академическія конференціи могли имѣть у себя не только членовъ дѣйствительныхъ и почетныхъ,

¹⁾ Наоборотъ, даже по послѣднимъ «либеральнымъ» проектамъ Университеты доискусаютъ эти гоноратныя отличія только «за особые труды въ наукѣ» (см. «Труды совѣщанія профессоровъ по университетской реформѣ, образованнаго при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ Министра Графа П. П. Толстого, въ январѣ 1906 г., Спб. 1906, стр. 93) лицамъ, «приобрѣвшимъ широкую извѣстность въ наукѣ своими учеными трудами» (стр. 335). Еслибы у насъ фактически было тоже, тогда никто не сталъ бы и спорить, но здѣсь «сказка жизни» совсѣмъ иная...

²⁾ По «особому» настоянію ꙗвляющемуся ректора С.-Петербургской Духовной Академіи Бориса (Плотникова), это было, напр., съ магистерскою диссертацией епископа (нынѣ Полоцкаго и Витебскаго) *Серафима* (Мещерякова) «Прорикатель Валаамъ» (Спб. 1899). Я и тогда былъ несогласенъ съ этимъ лиценріатнымъ рѣшеніемъ, поскольку оно явно нарушало и требованія академическаго устава и права другихъ магистрантовъ, которые обязывались выжидать подолгу, переживать исключительныя волненія публичной защиты и нести немалые расходы; а ссылка, яко бы оппоненты могутъ (даже намѣренно!) поставить іерарха въ неловкое положеніе, доселѣ кажется мнѣ оскорбительною и для Академій и для профессоровъ... Были у меня еще сомнѣнія и касательно всей полноты достоинствъ разсматриваемой книги,—и они оправдались. Авторъ успѣлъ издать свой трудъ поанглійски (The Soothsayer Balaam, or The Transformation of a Sorcerer into a Prophet, London 1900), но (вопреки «Христ. Чтенію» 1901 г., № 2, стр. 303—307) эту работу поднялъ чуть не на смѣхъ простой англійскій пасторъ (см. у Reverend Henry Hayman въ «The Critical Review» XI, 3 [May, 1901], p. 195—201, и ср. «Христ. Чтеніе» 1901 г., № 12, стр. 1000)... Здѣсь мы имѣемъ конкретное предостереженіе противъ всякаго фаворитизма въ ученыхъ дѣлахъ...

³⁾ Всѣ изложенныя замѣчанія были высказаны мною на засѣданіяхъ V-го отдѣла Предсоборнаго Присутствія 23 ноября, 31 мая и 28-го ноября 1906 года.

но еще *членовъ-корреспондентовъ*, — послѣднихъ на тотъ конецъ, чтобы получать чрезъ нихъ полезныя свѣдѣнія о всѣхъ открытіяхъ, относящихся къ духовной учености. Эти корреспонденты избирались изъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія, которыя своими сообщеніями могли содѣйствовать пользамъ духовнаго просвѣщенія и, въ частности, способствовать избравшимъ Академіямъ въ выполненіи научно-педагогическихъ задачъ соотвѣтственными услугами. Весьма желательно возстановить этотъ институтъ и въ настоящее время. Сохранившіяся свидѣтельства отъ Академій С.-Петербургской ¹⁾ и Казанскій ²⁾ съ рѣшительностію удостовѣряютъ, что бывшіе у нихъ члены-корреспонденты оставили по себѣ признательную память активнымъ участіемъ ради академическихъ интересовъ и рисуются весьма жизненными членами академическихъ организмовъ. Посему и самое званіе это было настолько почтенно, что Академіи иногда удерживали своихъ дѣйствительныхъ членовъ, перечисляя ихъ въ члены—корреспонденты, какъ было съ архим. Даніиломъ при перемѣщеніи его изъ Казани въ Иркутскъ ³⁾. Думаю, что для Академій теперь и нужда въ этомъ институтѣ больше и польза отъ него можетъ быть существеннѣе. Научно-педагогическія задачи Академій постоянно разрастаются и захватываютъ столь широкіе интересы, что для наилучшаго ихъ осуществленія необходимы въ самыхъ различныхъ центрахъ міра способные агенты, которые были бы готовы и имѣли бы внутреннія побужденія съ охотою и преданностію послужить академическимъ потребностямъ. Этого нельзя достигнуть иначе, какъ только сдѣлавши академическими членами — корреспондентами подобныхъ людей, для которыхъ тогда академическіе запросы будутъ ихъ собственными нуждами. Иногда для Академій важно «представительство», — и опять же члены-корреспонденты съ честію могли бы выполнять эту миссію, не безразличную для академическаго успѣха и престижа. Съ другой стороны, и количество лицъ, способныхъ къ отправленію этихъ функций, достаточно многочисленно, почему всегда найдутся достойные кандидаты. При такихъ условіяхъ имѣются всѣ основанія надѣяться, что корреспонденты станутъ не номинально, а дѣйтельно—членами Академій и будутъ имъ полезны много и во многомъ. По этимъ причинамъ обязательно возстановить званіе *членовъ-корреспондентовъ*, которые выбираются ежегодно ко дню годовыхъ актовъ — изъ лицъ, полезныхъ для академическаго просвѣщенія непосредственно. Наряду съ ними могутъ быть избираемы въ корреспонденты и такія лица, которыя не служатъ прямо интересамъ православной науки и потому не даютъ права на включеніе въ ряды почетныхъ членовъ, но косвенно весьма способствуютъ ея успѣхамъ и заслуживаютъ соотвѣтственнаго признанія отъ представительницъ православно-научнаго просвѣщенія. Само собою понятно, что о каждомъ кандидатѣ компетентны судить лишь сами акаде-

¹⁾ См. у + проф. И. А. Чистовича, *Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи* (Спб. 1857), стр. 395—396.

²⁾ См. у проф. П. В. Знаменскаго, *Исторія Казанской Духовной Академіи I* (Казань 1891), стр. 277—278.

³⁾ См. у проф. П. В. Знаменскаго *loc. cit.*

мическіе совѣты, почему послѣдними и должны утверждаться члены-корреспонденты Академій ¹⁾).

6.

Вопросъ о присужденіи Духовными Академіями ученыхъ степеней по философскимъ наукамъ.

Эта тема заслуживаетъ нарочитаго разсмотрѣнія по особому положенію, созданному спеціальными усиліями, которыя собственно и вызвали настоящій «вотумъ» ²⁾).

Въ дѣлѣ, столь важномъ принципиально и столь обостренномъ субъективно, какъ вопросъ о присужденіи свѣтскихъ степеней въ Духовныхъ Академіяхъ, каждому необходимо мотивировать свое мнѣніе, а потому и я предлагаю краткія соображенія по этому предмету.

1) Вопросъ объ ученыхъ академическихъ степеняхъ по «философіи» выдвигается въ ущербъ другимъ наиболѣе энергично и неотвязно ³⁾, однако онъ не можетъ быть рѣшенъ безъ отношенія къ прочимъ свѣтскимъ предметамъ, преподаваемымъ въ православныхъ Духовныхъ Академіяхъ. Равныя привилегіи многими принимались у насъ для словесныхъ наукъ ⁴⁾, но то же вѣрно, напр., и для гражданской исторіи. Правда, послѣдняя пока поставлена и представлена неудовлетворительно,—и тѣмъ не менѣе нельзя забывать, что она имѣетъ опору въ цѣлой группѣ родственныхъ ей церковно-историческихъ дисциплинъ. Значить, если давать ученые академическія степени по «философіи», то обязательно допустить подобное право и для другихъ свѣтскихъ академическихъ предметовъ ⁵⁾, а совмѣстимо ли это съ природою и задачами спеціально-богословскихъ ученыхъ и учебно-воспитательныхъ учреждений? Не получится ли тогда, что Духовныя Академіи будутъ производить не столько богослововъ, сколько «философовъ», «гражданскихъ историковъ», «словесниковъ» и т. п.?

¹⁾ Это мнѣніе, напечатанное въ приложеніи къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 2 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 38—40, заявлено мною въ совѣтской академической комиссіи и принято какъ С.-Петербургскимъ академическимъ совѣтомъ, такъ и V-мъ отдѣломъ Предсоборнаго Присутствія.

²⁾ Этотъ «вотумъ» приложенъ къ журналу V-го отдѣла Предсоборнаго Присутствія № 26 за 23-е ноября 1906 года и напечатанъ въ «Журналахъ и Протоколахъ», т. IV, стр. 189—195.

³⁾ См. приложеніе къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., №№ 3 и 4 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 83—84. 87, и «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 124—125. 186.

⁴⁾ См. приложеніе къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г. № 3 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 76—77. 78, и «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 187—189.

⁵⁾ См. «Сводъ проектовъ Устава Православныхъ Духовныхъ Академій, составленныхъ комиссіями профессоровъ С.-Петербургской, Киевской, Московской и Казанской Духовныхъ Академій» (Спб. 1906), стр. 35, и приложеніе къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 3 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 75—77.

Не будетъ ли этимъ внесенъ роковой разладъ въ самое существо духовно-академическаго служенія и не нарушится ли основной смыслъ обособленнаго его существованія, коль скоро будутъ культивироваться совсѣмъ иные интересы? Отвѣтовъ я не формулирую ¹⁾, ибо вполне очевидно, что при этомъ Духовныя Академіи рѣшительно уклонятся отъ своихъ прямыхъ функцій.

Съ другой стороны, не менѣе ясно, что судьба всѣхъ другихъ свѣтскихъ академическихъ предметовъ по данному вопросу должна съ неизбѣжностію опредѣляться участію «философіи».

2) Обращаясь специально къ послѣдней, я прежде всего не могу не констатировать, что точка отправленія для ея притязаній вызываетъ не мало недоумѣній. Такъ, заявляютъ, что занятіе диссертациею богословскаго значенія отвлекаетъ академическихъ «философовъ» отъ своего дѣла и «прямого долга» ²⁾, а сами, никѣмъ же гонимые, въ горячія минуты роковыхъ рѣшеній они врываются съ удивительно-смѣлыми приговорами въ спеціальныя богословскіе споры, гдѣ для нихъ неясны простыя элементарныя вещи ³⁾... Затѣмъ, указанною ссылкой не внушается ли подозрѣніе, что академическая «философія» чужда богословію, если даже частичное уклоненіе въ его область оказывается вреднымъ для «философскаго» профессорства? Выводъ отсюда неизбѣженъ, и я радъ, что онъ намѣченъ не мною ⁴⁾.... Нельзя не задуматься еще и о томъ, почему это представители академическихъ «философскихъ» кафедръ, столь панически избѣгая «отвлеченія» богословіемъ, допускаютъ для всѣхъ преподавателей самыя удивительныя совмѣстительства, иногда совершенно чуждыя и Академіи, и наукъ, и даже вообще литературѣ, въ которой опять многіе упражняются вовсе не по своей спеціальности и далеко не по научнымъ потребностямъ... Примѣровъ сему вездѣ слишкомъ много, а протестовъ совсѣмъ не слышно именно тамъ, гдѣ они были бы всего резоннѣе и законнѣе... Другой академическій «философъ» говоритъ, что онъ затрудняется «выдумывать» предметы для кандидатскихъ студенческихъ сочиненій ⁵⁾, но С.-Петербургскій его коллега по той же самой кафедрѣ хвалится «увеличеніемъ числа студентовъ, желавшихъ (за послѣднія лѣтъ 15—20) получить кандидатскую степень чрезъ сочиненія на философскія темы» ⁶⁾, — и мы хорошо знаемъ, что въ нѣкоторыхъ Академіяхъ «философы» производятъ больше всего кан-

¹⁾ Но см. у проф. М. Д. Муретова, Проектъ устава православныхъ Духовныхъ Академій (Св.-Тр. Сергіева Лавра 1906), стр. 37.

²⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 125а.

³⁾ Особенно поучительный образчикъ сего по дѣлу о докторствѣ проф. А. А. Бронзова см. въ «Журналахъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1899—1900 г. (Спб. 1902), стр. 198—199.

⁴⁾ Нельзя еще не изумляться, что, говоря такія вещи, человѣкъ забываетъ о своихъ коллеггахъ—«философахъ», которые пріобрѣли докторскія степени обычнымъ законнымъ порядкомъ... Вѣдь выходитъ, какъ будто эти профессора пренебрегали своимъ обязательнымъ «дѣломъ», измѣняли «прямому долгу» и т. под. Что подумать и сказать объ этомъ?...

⁵⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 125а.

⁶⁾ См. въ «Христ. Чтеніи» 1906 г., № 5, стр. 750.

дидатовъ «богословія»... Значить, здѣсь вся причина въ субъективныхъ особенностяхъ, хотя бы и совершенно уважительныхъ.

3) Съ принципиальной стороны насъ убѣждаютъ, что «между систематическимъ богословіемъ и философіею существуетъ органическая связь» ¹⁾, что вторая есть самая вѣрная союзница и надежная помощница перваго, и многое другое въ этомъ умплительномъ тонѣ ²⁾. Однако факты удостовѣряютъ совсѣмъ противное. Мы вѣдь опытно освѣдомлены, что психологи даже вторыми рецензентами отказываются читать диссертациі по общимъ вопросамъ этики, такъ какъ—де это не относится къ ихъ специальности, и, протерзавъ безплодно для себя и для дѣла около полугода, сваливаютъ подобные труды на руки библеистамъ... Впрочемъ, отъ воспоминаній безопаснѣе обратиться къ объективнымъ аргументамъ. Беру специальную статью наиболѣе усерднаго раторборца за «философскія» академическія степени ³⁾, поскольку она является п официальную ходатайственную запиской отъ С.-Петербургской Академіи въ Св. Синодъ ⁴⁾, а затѣмъ поступила въ V-ю «предсоборную» секцію. Здѣсь проповѣдуется какая-то «духовная философія» (стр. 766. 774), которая всего ближе стоитъ къ богословію (стр. 768), но первой усвоается «совершенная самостоятельность» (стр. 772), при чемъ произойдетъ «опредѣленное разграниченіе богословскаго отдѣленія и философскаго» (стр. 772—773). Въ результатѣ проектируется въ Академіяхъ «философскій отдѣлъ» при равныхъ съ богословіемъ «признакахъ и прерогативахъ своего *спеціального ученаго самоопредѣленія*» (стр. 752) и при «полной самостоятельности и свободѣ научныхъ изысканій, со всѣми ихъ „правовыми“ послѣдствіями» для «науки разума—философіи» (стр. 760). Такимъ образомъ, въ академическомъ самосознаніи, которое должно быть тождественнымъ въ самомъ себя и объединяющимъ всѣ проявленія, водворяется уже особое «самоопредѣленіе», а это въ корнѣ разрушаетъ натуральную цѣлостность духовно-академическаго обученія. Понятно, что при такихъ условіяхъ «философія» возносится въ Академіяхъ на одинъ уровень съ богословіемъ, какъ независимая величина. Тогда неудивительно слышать далѣе, что «для „вышей“ степени богословскаго образованія или просвѣщенія, для выработки въ воспитанникѣ академіи постояннаго, всепроникающаго и такъ сказать безапелляціоннаго (?) богословскаго умонастроенія и умоначертанія» необходима именно философія (стр. 757) наравнѣ съ богословіемъ (стр. 757—758), почему они будутъ «совершенно равными» и «одинаково соподчиненными» какой-то «главной» академической «цѣли» (стр. 758). Здѣсь «философія» прямо обособляется и на самомъ богословскомъ отдѣленіи формируется въ «полноправную группу» со строгою

¹⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 138а.

²⁾ См. *ibid.* IV, стр. 138. 188б.

³⁾ И. д. доцента А. И. Высокоостровскаго, О правѣ духовныхъ академій присуждать ученныя степени по философскимъ наукамъ въ «Христ. Чтеніи» 1906 г., № 5, стр. 748—777.

⁴⁾ См. приложение къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 5 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 141.

«самодовлѣмостью» (стр. 752), требуя введенія въ Духовныя Академіи «нѣкоторыхъ физико-математическихъ наукъ, хотя бы въ видѣ основъ естествознанія и основаній высшей математики, равно какъ и наукъ соціологическихъ» (стр. 752—753). Но два, равно «самоопредѣляющіеся» и «самодовлѣющіе», члена по необходимости бываютъ одинаково обязательными другъ для друга въ общемъ служеніи. По силѣ этого «философія» дѣлается не менѣе нужною и заправляющею для богословія, чѣмъ и наоборотъ. Отношенія неизбѣжно перевертываются,—и теперь сама вѣра оказывается «въ подобной вспомогательной роли» по сравненію съ разумомъ (стр. 767), ибо «голосъ его способенъ руководить вѣрою» (стр. 763). Тутъ послѣдняя незамѣтно разрѣшается въ вѣрующую или самоувѣренную разумность, откуда естественно, что въ «самой вѣрѣ усматриваютъ *разумъ же*» (стр. 767), стараясь обосновать этотъ тезисъ апокрифическимъ текстомъ Писанія: «вѣрою *проразумѣваемъ*» (стр. 767), котораго въ такой формѣ нигдѣ въ Библии не существуетъ (см. Евр. XI, 3). При этомъ съ необыкновенною страстностію эксплуатируется библейскій эпизодъ объ Агари и Саррѣ (стр. 760—762), бывшимъ яко бы «одинаково женами отца вѣрующихъ Авраама» ¹⁾. Съ объективной точки зрѣнія такая симпатія академическихъ «философовъ» совершенно неопостижима. Этотъ примѣръ, пущенный въ подобный утилитарный оборотъ іудейскимъ еретикомъ Филономъ, примѣнялся имъ для аргументаціи нѣкотораго пропедевтическаго соучастія философіи въ богословской сферѣ, какъ въ этомъ именно смыслѣ онъ употреблялся и всѣми церковными писателями—согласно прямому значенію подлиннаго библейскаго разсказа, а намъ теперь хотятъ внушить, будто этимъ утверждается философское равноправіе въ самомъ богословіи со всѣми спеціальными его дисциплинами... Тутъ всего менѣе убѣдительности и слишкомъ много субъективной увѣренности по извѣстной аксіомѣ: *quod volumus, credimus libenter*...

Впрочемъ, мы не входимъ въ разборъ отмѣченныхъ положеній и подчеркиваетъ ихъ только для нагляднаго освѣщенія принципиальной истины, что дарованіе ученыхъ степеней по «философскимъ» академическимъ дисциплинамъ *рѣшительно противорѣчитъ самой природѣ Духовныхъ Академій, какъ спеціально богословскихъ православныхъ учреждений*. И можно ли сомнѣваться въ этомъ, разъ академическая «философія», провозглашаемая «свободною» ²⁾, изъявляетъ энергическое притязаніе на собственное «самоопредѣленіе», независимую «самодовлѣмость» и успѣшную конкурентность разума съ вѣрою въ самой богословской области? А вмѣстѣ съ этимъ апеллируется въ пользу одинаковыхъ правъ и для другихъ общеобразовательныхъ академическихъ наукъ ³⁾, при чемъ рекомендуется для Академій ученые степени лишь по тремъ богословскимъ группамъ и, по крайней мѣрѣ, по пяти свѣтскимъ ⁴⁾. Будетъ ли исполняться тогда основное академическое предназначеніе, гдѣ—даже по сло-

¹⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 1886.

²⁾ См. *ibid.* IV, стр. 1886.

³⁾ См. въ «Христ. Чтеніи» 1906 г., № 5, стр. 775, и ср. выше стр. 33—34.

⁴⁾ См. «Сводъ проектовъ»..., стр. 35, § 144.

вамъ апологетовъ философскаго сепаратизма—и теперь «свѣтскіе наставники составляютъ $\frac{5}{12}$ общаго числа наставниковъ» ¹⁾, если изъ нашихъ Духовныхъ Академій станетъ выходить больше «ученыхъ» «философовъ», «гражданскихъ историковъ», «словесниковъ», «филологовъ», чѣмъ богослововъ-спеціалистовъ? Я думаю, отвѣтъ безспоренъ и именно въ томъ смыслѣ, что присужденіе свѣтскихъ ученыхъ степеней Академіями безусловно не мирится съ исключительною цѣлю ихъ прямого богословскаго служенія.

4) Съ другой стороны, это не менѣе несомнѣннѣе и со вспомогательнымъ положеніемъ *всѣхъ свѣтскихъ дисциплинъ въ учебно-образовательномъ академическомъ стропѣ*. Подобная роль ихъ принималась всѣми безъ соотвѣтственныхъ возраженій ²⁾. Въ такомъ случаѣ соподчиненное, стремясь къ равенству съ главнымъ, превышаетъ свои «правовыя» полномочія и забываетъ о своихъ ближайшихъ функціяхъ, ради которыхъ оно и допускается. Служебныя науки обратятся въ кардинальныя съ тенденціею къ нѣскольکو доминирующему господству надъ основными, какъ мы видѣли это съ неотразимостію по опытамъ нарочитой аргументаціи въ защиту правъ академической «философіи» на собственные ученыя степени, когда, при томъ же, въ богословскихъ Академіяхъ были бы компетентными судьями ученыхъ достоинствъ философской или иной свѣтской диссертации не всѣ члены корпораціи, а только тѣсный кружокъ коллегъ по данной спеціальности... Нѣтъ надобности прибавлять, что все это было бы совершенною ненормальностію.

5) Сверхъ сего, *Духовныя Академіи, какъ богословскія заведенія, и не компетентны присуждать свѣтскія ученыя степени*, которыхъ вполнѣ справедливо не будутъ признавать другія заинтересованныя учрежденія. Ссылаются ³⁾, что, напр., «философія» поставлена и представлена въ Академіяхъ шире и основательнѣе, чѣмъ въ Университетахъ, потому что въ первыхъ имѣются три философскихъ преподавателя, а во вторыхъ всего лишь одинъ (умалчивая о приватъ-доцентахъ). Пусть такъ, но въѣ правоспособность къ извѣстнымъ ученымъ «одареніямъ» опредѣляется совсѣмъ не количествомъ людей, работающихъ въ родственной области, гдѣ иногда одинъ человекъ дѣлаетъ больше и лучше цѣлаго десятка... Иначе, каждый организованный философскій кружокъ съ значительнымъ контингентомъ членовъ могъ бы претендовать на присужденіе ученыхъ степеней по своей отрасли тверже и успѣшнѣе всѣхъ нашихъ Академій, взятыхъ вмѣстѣ... Здѣсь напрасно и ошибочно смѣшивается фактическое положеніе съ юридическою компетентностію. Послѣдняя же всегда условливается не самими лицами и не численностію ихъ (не рѣдко не отвѣ-

¹⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 124б.

²⁾ Ср. выше стр. 3—3. 49—50. См. подробнѣе у проф. М. Д. Муретова, Прозѣтъ устава православныхъ Духовныхъ Академій, стр. (4—) 6: «Свѣтскія кафедры въ Духовныхъ Академіяхъ всегда были и будутъ какими-то оторванными отъ Университета жалкими дохмотьями настоящей науки и, какъ таковыя, по меньшей мѣрѣ бесполезными и излишними, если только можно ручаться въ безвредности всякаго излишества и всякой безполезности... Поэтому всѣ существующія въ Академіяхъ свѣтскія науки надо преобразить въ болѣе имъ соотвѣтствующія или сродныя богословскія...» Ср. и стр. 32. 35.

³⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 186а.

чающихъ своему призванію), но исключительно природою всего учрежденія, въ цѣломъ своемъ составѣ правоспособнаго для своего собственнаго предназначенія. А «философія» и прочія свѣтскія академическія науки суть дисциплины гуманитарныя, почему ихъ ученость законно и таксируетъ гуманитарный институтъ въ Universitas omnium litterarum humanarum. Наоборотъ, Духовныя Академіи являются богословскими заведеніями и потому правомощны къ ученымъ «промоціямъ» только въ богословіи. Это я считаю довольно аксіоматичнымъ и не нуждающимся въ подробномъ раскрытіи ¹⁾).

6) Указываютъ, наконецъ, на затруднительность свѣтскихъ академическихъ преподавателей въ приобрѣтеніи ученыхъ богословскихъ степеней, говоря, что «философамъ» весьма трудно быть специалистами хотя по нѣкоторымъ богословскимъ дисциплинамъ ²⁾ и развернуть свое «научное творчество» при отсутствіи отвѣчающихъ ему индивидуальныхъ способностей и расположеній ³⁾. Такое состояніе крайне прискорбно... больше для академическаго дѣла, чѣмъ для лицъ, которыя начинаютъ трактовать о своей обиженности уже по включеніи въ штатъ профессорской академической коллегіи, между тѣмъ это должно быть имъ извѣстно ранѣе и лишь тогда могло оправдывать предьявленіе своихъ условій, а не послѣ добровольнаго принятія узаконенныхъ нормъ. Къ счастью, приведенный тезисъ не подтверждается фактами, ибо отъ свѣтскихъ академическихъ профессоровъ мы имѣемъ много богословски-цѣнныхъ трудовъ, которыми—иногда резонно—гордится русская богословская наука. Ненормальность по этой части стала водворяться у насъ въ послѣднее время—и она заключалась въ томъ, что разными сепаратными циркулярами принуждали, чтобы всѣ академическія диссертациі писались непременно на «строго богословскія» темы. На этой почвѣ родилось въ Россіи не мало курьезныхъ сочиненій, гдѣ свѣтское содержаніе искусственно и неуклюже расшивалось нищенскими богословскими заплатами ⁴⁾, хотя нужно было только съ обстоятельностью разъяснить богословскій интересъ данной ученой работы. Такая вопіющая и абсолютно вредная аномалія по прискорбному недоразумѣнію культивируется доселѣ. Ее необходимо устранивъ, замѣнивъ требованіемъ, чтобы академическія диссертациі имѣли богословскую пригодность, которая должна быть документально раскрыта. При такомъ условіи не будетъ особыхъ препятствій къ ученому движенію свѣтскихъ академическихъ преподавателей. «Философы» академическіе свидѣлствуютъ обратное, но иное мы видимъ у ихъ западныхъ коллегъ. Отмѣчу немногіе «живые» примѣры. Знаменитый историкъ древней греческой философіи Целлеръ извѣстенъ разнообразными богословскими трудами и еще недавно (въ 1899 г.)—85-лѣтнимъ старикомъ—опубликовалъ трактатъ объ эссенцизмѣ, т. е. по вопросу, доставившему К. А.

¹⁾ Ср. еще у проф. М. Д. Муретова, Проектъ устава православныхъ Духовныхъ Академій, стр. 37.

²⁾ См. въ «Христ. Чтеніи» 1906 г., № 5, стр. 776—777.

³⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 189.

⁴⁾ Объ одномъ примѣрѣ этого сорта см. въ сборникѣ «Духовная школа» (Москва 1906), стр. 344.

Чемъ степень магистра богословія отъ Московской Духовной Академіи уже на нашихъ дняхъ. Берлинскій профессоръ «философіи» Паульсенъ издалъ «Этику», важную вообще для богословской морали и серьезно обсуждающую соотвѣтственные новозавѣтныя ученія, какъ и Копенгагенскій философъ Гёфдингъ. Глава и основатель современной научной экспериментальной психологіи—Вундтъ подарилъ намъ тоже «Этикой», богословская пѣнность которой безспорна. Послѣ этого можно ли согласиться, что наши «философы» стѣснены до безвыходности въ своей ученой «промоціи»? А если такъ бываетъ, то позволительно спросить и задуматься, отъ существа ли дѣла зависитъ все это, или отъ чего-нибудь другого?...

7) Нельзя въ заключеніе умолчать, что свѣтскіе академические преподаватели, желающіе замкнуться въ узкія рамки своихъ гуманитарныхъ специальностей, имѣютъ возможность соисканія ученыхъ университетскихъ степеней, которыя всѣми почитаются равноправными служебно съ богословско-академическими. Ученость вездѣ одинакова и,—увѣренная въ себѣ,—не должна требовать ограниченій для своего признанія только тѣснымъ кружкомъ «своихъ людей». И не академическимъ бы «философамъ» избѣгать университетскаго суда, разъ они съ такимъ самоуниженіемъ превозносятся предъ университетскими коллегами, которые платятъ имъ за это, кажется, равною монетою... И для полученія докторской степени аспиранты,—не смогая на обратныя утвержденія ¹⁾,—вовсе не обязываются держать особый университетскій экзаменъ ²⁾, хотя послѣднему иногда съ успѣхомъ подчинялись и академические преподаватели. Всякій въ правѣ искать докторства при Университетѣ, и тутъ нѣтъ ни малѣйшаго униженія въ выпрашиваніи милости, коль скоро она юридически обусловлена. Не даромъ же нѣкоторые академические профессора, менѣе самодовольные своею исключительностію, благополучно воспользовались учеными услугами Университетовъ.

Указанныя соображенія ясно свидѣтельствуютъ, что свѣтскіе академические преподаватели—вопреки ихъ жалобамъ ³⁾—ничуть не обижены въ ученыхъ средствахъ къ поступательному служебному движенію по сравненію со своими богословскими сотоварищами. И если для послѣднихъ отвергнуты V-мъ отдѣломъ Предсоборнаго Присутствія ⁴⁾ всѣ (практикуемые и проектируемые) обходные пути къ полученію ординатуръ помимо докторской степени (см. «Сводъ проектов»..., стр. 15, прим. 1), то вполнѣ неизбежно это и для первыхъ. Поэтому я рѣшительно не могу принять компромисса (въ свое время не апробированнаго С.-Петербургскимъ академическимъ совѣтомъ) о предоставленіи свѣтскимъ академическимъ профессорамъ ординарныхъ должностей за чисто свѣтскія сочиненія, одобренныя лишь въ этомъ смыслѣ. Во-1-хъ, здѣсь была бы немалая льгота передъ богословами, обязанными пройти нелегкую процедуру полученія докторства; во-2-хъ, она не оправдывается дѣйствительными трудностями для свѣтскихъ академическихъ педагоговъ въ пользованіи обыч-

¹⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 125.

²⁾ См. *ibid.* IV, стр. 1246.

³⁾ См. *ibid.* IV, стр. 124—125.

⁴⁾ См. *ibid.* IV, стр. 182а.

ными средствами къ приобрѣтенію ординатуръ; въ 3-хъ, этимъ способомъ было бы окончательно узаконено рѣшительное отчужденіе свѣтскихъ преподавателей отъ предназначеннаго для нихъ богословскаго служенія, разъ всего можно достигнуть безъ малѣйшаго приспособленія къ богословскимъ интересамъ; въ 4-хъ, вершителями ординарной правоспособности свѣтскихъ преподавателей въ Духовныхъ Академіяхъ оказались бы тогда не непосредственные представители послѣднихъ, а лишь крайне немногія лица изъ ограниченнаго круга специалистовъ по той или другой свѣтской группѣ, вообще слишкомъ ревнивыхъ въ охраненіи исключительной компетентности въ своей сферѣ.

Изложенные аргументы не являются новостію и всегда признавались настолько солидными, что всѣ авторитетныя ходатайства о свѣтскихъ академическихъ ученыхъ степеняхъ (напр., части совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи въ концѣ 1901 года) прямо отклонялись компетентною властію—согласно господствующему доселѣ убѣжденію весьма многихъ членовъ духовно-академическихъ коллегій¹⁾.

Въ свою очередь и я вынуждаюсь научною совѣстію присоединиться къ отрицательному рѣшенію, которое совершенно неизбѣжно, если наши православныя Духовныя Академіи желаютъ оставаться вѣрными своему специально богословскому призванію и не измѣнить самой природѣ своего особаго существованія. А послѣдняго да не будетъ во вѣки!

¹⁾ Естественно, что и оправданія обратной мысли не являются новостію для освѣдомленныхъ лицъ, какъ видно по приложенному (см. «Журналы и Протоколы», т. IV, стр. 195—196) вмѣстѣ съ мною «вотумомъ» «отдѣльному мнѣнію». Поскольку послѣднее предполагаетъ и стремится опровергать меня, я вынужденъ возразить слѣдующее: 1) Тутъ приводятся слишкомъ общія соображенія, примѣнимыя къ другимъ свѣтскимъ наукамъ ничуть не менѣе, чѣмъ къ «философіи», почему они не доказываютъ именно того, quod erat demonstrandum. 2) Болѣе специальна ссылка на общее сужденіе академическихъ совѣтовъ, но а) оно фактически не было «единодушнымъ»,—и это ясно по подписямъ (одной условной и одной неакадемической изъ 7-ми); вѣдь хотя собирали ихъ даже у лицъ, не бывшихъ при голосованіи въ засѣданіи 23-го ноября 1906 года, но все-таки не нашлось ни одного представителя Университетовъ, на которые такъ любятъ ссылаться въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ (напр., въ пользу двойства ученыхъ академическихъ степеней), а при «отрицательныхъ инстанціяхъ» отрицають и третируютъ ихъ (см. выше стр. 64). б) Рѣшеніе С.-Петербургской академической комиссіи вовсе не благоприятно притязаніямъ «отдѣльнаго мнѣнія». Тамъ допускалась *лишь уступка* требованіямъ объ академическихъ свѣтскихъ ученыхъ степеняхъ, но только *для всѣхъ группъ свѣтскихъ предметовъ и подъ непремѣннымъ условіемъ* образованія словесно-философскаго «факультета», который былъ бы компетентенъ и отвѣтственъ въ этомъ дѣлѣ (см. приложение къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 г., стр. 57—69). Вотъ здѣсь-то и характерно, что (по мотивамъ, которые остались неясными и тогда и для V-й секціи Предсоборнаго Присутствія) сами же «философы» нарочито постарались «провалить» этотъ излишне благовольтельный проектъ (см. *ibid.*, стр. 80—87 и въ «Журналахъ и Протоколахъ Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 138—140) и тѣмъ устранили единственно рациональный фундаментъ для своихъ страстныхъ вождѣній, слишкомъ выдвинувъ свои частные интересы въ ущербъ совершенно равноправнымъ коллегамъ своимъ, не менѣе полезнымъ для Академіи и для богословія (ср. «Журналы и Протоколы», т. IV, стр. 1246)... Это ли не аргументъ для философскаго верховенства при обидномъ сепаратизмѣ даже отъ другихъ свѣтскихъ дисциплинъ?... Въ итогѣ, и генезисъ утрируемаго «мнѣніемъ» «единодушія» (о чемъ можно бы сказать нѣчто подобное сообщенному на стр. 52. 64—65) вовсе не говоритъ за исключительныя «философскія» претензіи, если и не уничтожаетъ ихъ прямо. И «философамъ» академическимъ надо бы знать, помнить и строго примѣнять, что истина всегда утверждается своею внутреннею состоятельностью, а не спорными цифрами случайныхъalebисцитовъ...

Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ и состояніе духовной школы—въ исторической перспективѣ ¹⁾).

Amicus Plato, sed magis amica veretas...
Ὑπὲρ πάντα νικᾷ ἡ ἀλήθεια... Μεγάλη ἡ ἀλήθεια καὶ ὑπερσούρει.
*Есѣрасъ А' (2 Ездр., III Есдр.) III, 12. IV, 41.

Обсуждая Учебный Комитетъ, какъ главнѣйшій заправляющій органъ духовнаго образованія въ православной Россіи, мы вмѣстѣ съ тѣмъ по необходимости и осуждаемъ его, но для этого нужно брать все дѣло въ исторической перспективѣ, въ связи съ разнообразными условіями и послѣдовательными измѣненіями послѣднихъ ²⁾. Съ этой стороны данный институтъ рисуется намъ далеко не въ одинаковомъ свѣтѣ.

Учебный Комитетъ преемствовалъ Комиссіи Духовныхъ Училищъ (1808—1839 г.г.) и Духовно-учебному Управленію (1839—1867 г.г.) ³⁾. О второмъ извѣстно, что оно функционировало «въ качествѣ главнаго исполнительнаго мѣста по поставленіямъ и распоряженіямъ, относящимся къ образованію духовнаго юношества». Это не соотвѣтствовало жизненнымъ потребностямъ духовной школы 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія, и графъ Д. А. Толстой по сему предмету писалъ слѣдующее: «Оче-

¹⁾ Настоящій трактатъ по первоначальной редакціи (—въ качествѣ «доклада» —) приложенъ въ журналу № 29 V-го отдѣла Предсоборнаго Присутствія и напечатанъ въ «Журналахъ и Протоколахъ» послѣдняго (т. IV, стр. 239—271), гдѣ (на стр. 227б. 228б. 229. 230а. 234. 236б) помѣщены еще мои мелкія замѣчанія. По поводу его отъ авторитетныхъ и компетентныхъ лицъ изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ я получилъ много рѣшительныхъ выраженій сочувствія и одобренія, а характеристика реферата дана (по корректурѣ) проф. А. И. Лебедевымъ въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 153, 165. Этого мнѣ пока вполне достаточно для моего принципиальнаго оправданія и для нравственнаго удовлетворенія въ виду исключительныхъ условій происхожденія и опубликованія моей работы...

²⁾ Для сего имѣется въ печати только замѣтка С. И. Митропольскаго «Двадцатипятилѣтіе Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ (1867—1892 г.)» въ №-рѣ 23 «Прибавленій къ Церковнымъ Вѣдомостямъ» за 6-е іюня 1892 года (стр. 829б—884б), а у насъ подъ руками была еще статья покойнаго († 4-го іюня 1906 года) помощника правителя дѣлъ Учебнаго Комитета А. Г. Болдовскаго, которая появится въ соотвѣтствующемъ томѣ «Православной Богословской Энциклопедіи». Первая написана человѣкомъ знающимъ, но, къ сожалѣнію, проникнута слишкомъ юбилейно-панегирическимъ тономъ, что Комитетъ «старался стоять на высотѣ положенія и быть ревностнымъ исполнителемъ», дѣйствовалъ обстоятельно, безотлагательно и пр...

³⁾ О первой, а частію и о второмъ см. у проф. П. А. Чистовича, Руководящіе дѣятельности духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго (XIX-го) столѣтія: Комиссія Духовныхъ Училищъ, Спб. 1894, и у В. Н. Самуилова въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 7 за 12-е февраля 1905 г., стр. 280—289. Ср. еще у Ф. Н. Блாவскаго, О реформѣ духовной школы, часть I (Спб. 1907), стр. 36—145. Крайне желательно, чтобы этотъ послѣдній авторъ поспѣшилъ издать и всѣ доступные ему подлинныя матеріалы съ необходимыми реально-историческими комментаріями.

видно, Святѣйшему Синоду необходимо имѣть по этимъ дѣламъ не исполнительное управленіе, а такое учрежденіе, которое само могло бы обсуждать учебные вопросы, занимаясь этимъ дѣломъ исключительно и постоянно, и результаты своихъ обсужденій представлять на утвержденіе Святѣйшаго Синода [—безъ упоминанія хотя бы о малѣйшемъ посредствѣ Оберъ-Прокурора!—] и которое вмѣстѣ съ тѣмъ могло бы производить чрезъ своихъ членовъ ревизіи взаимнѣ назначавшихся доселѣ отъ академическихъ Правленій и совершавшихся за неимѣніемъ свободныхъ для того людей рѣдко и не вполне обстоятельно»¹⁾. Въ этомъ именно смыслѣ и открытъ былъ «при Святѣйшемъ Синодѣ» «Учебный Комитетъ» на основаніи особаго о немъ «Положенія»²⁾, санкціонированнаго Государемъ Императоромъ Александромъ II 14-го мая 1867 года.

Какъ видимъ отсюда, первоначальныя предначертанія были столь же широкія, сколько и высокія. Къ несчастію, при выполненіи ихъ Учебный Комитетъ съ самаго начала очутился въ совершенно ненормальныхъ условіяхъ. Будучи вспомогательнымъ органомъ собственно Св. Синода, онъ по закону лишенъ былъ прямого общенія съ послѣднимъ, ибо всѣ комитетскія «заключенія поступаютъ» туда «на разсмотрѣніе и зависящее распоряженіе (лишь) чрезъ предложенія Оберъ-Прокурора» (§ 14 «Положенія»), чрезъ котораго происходятъ и всѣ сношенія «съ высшими мѣстами и лицами» (§ 11). Сверхъ сего, прокурорская власть оказывалась на одномъ уровнѣ съ синодскою, поскольку была уполномочена давать Комитету обязательныя порученія наравнѣ со второю (§ 11). Въ результатѣ являлось неизвѣстнымъ, кто специально вѣдалъ духовнымъ просвѣщеніемъ въ Россіи, — и по самому существу Учебный Комитетъ вынуждался къ механически-приспособительному колебанію между двумя силами, которыя далеко не всегда были согласны и не во всемъ дѣйствовали солидарно. Комитетъ, принципиально лишенный независимой и отвѣтственной инициативы, заранѣе обрекался на печальную роль переметной суммы, а на практикѣ долженъ былъ ливировать между Сциллой и Харибдой, фактически не рѣдко попадая «изъ огня да въ полымя»... Въ этомъ заключается грустная трагедія всей комитетской исторіи. Печальные плоды подобнаго строя бьются въ глаза на всемъ протяженіи и во всѣхъ сторонахъ, но эти дефекты столь близки и ощутительны для насъ, что, характеризуя общее, необходимо бываетъ иллюстрировать его индивидуальными примѣрами и по нимъ оцѣнивать самый принципъ. Отсюда естественно, что и мною будутъ затрогиваться слишкомъ реальные случаи, которые человѣческая ассоціація склонна приурочивать къ извѣстнымъ лицамъ, сваливая на нихъ всѣ бѣды. Посему категорически предупреждаю, что все это рѣшительно чуждо моимъ намѣреніямъ. Я прекрасно понимаю, что не

¹⁾ Но см. ниже стр. 120.

²⁾ См. его и въ брошюрѣ «Положеніе объ Учебномъ Комитетѣ и штатъ онаго съ относящимися къ нимъ послѣдующими узаконеніями и разъясненіями» (Спб. 1907), стр. 3—6.

призванъ ни судить, ни казнить людей или сводить личные счета, какихъ съ Комитетомъ не желаю имѣть... Отъ меня требуютъ лишь сообщеній, наблюденій, указаній. Однако всѣ разсматриваемыя событія еще живы для насъ, и замѣчанія о нихъ неизбежно получаютъ индивидуалистическій колоритъ конкретныхъ ссылокъ. Тѣмъ не менѣе личности играютъ здѣсь второстепенное значеніе,—и я глубоко убѣжденъ, что многія изъ нихъ были безъ вины виноватыми, невольно страдавшими отъ коренной фальши въ самой системѣ. Но по этой причинѣ послѣдняя всего нагляднѣе обрисовывается по степени своей практической «пригодности» именно реальными актами комитетской корпораціи, о которой нельзя и несправедливо умалчивать, если отъ этого хирѣло и чахло самое духовно-учебное дѣло. Πάντα θεὸς λίθον κινεῖν κατὰ τὴν παρομίαν, ὥστε τὸ ἀληθές ἐξερεῖν ¹⁾). Въ такомъ освѣщеніи всѣ мои намеки теряютъ индивидуалистическій смыслъ и должны быть комментируемы единственно въ качествѣ фактическихъ свидѣтельствъ о ненормальности самой природы Учебнаго Комитета.

Впрочемъ, на первыхъ порахъ принципиальныя неудобства не обнаруживались рельефно и—напротивъ—проектированныя цѣли находили посильное примѣненіе, но—къ сожалѣнію—не прогрессивное, а регрессивное. Въ почти сорокалѣтнемъ существованіи Учебнаго Комитета нужно различать два періода, раздѣлительною гранью которыхъ служить 1884-й годъ. До этого времени была эпоха творческо-созидательной работы, во многомъ симпатичной и плодотворной. Предстояла великая задача радикальной реформы духовной школы. Недостатки стараго строя, осужденнаго исторіей и заклеянного отверженіемъ въ самой жизни, были слишкомъ осязательны и не требовали особыхъ подвиговъ для своего устраненія. Посему Учебный Комитетъ справедливо сосредоточилъ преимущественное вниманіе на организаціонной части. Центромъ всего были учебные планы, гдѣ достигнуты несомнѣнные успѣхи по сравненію съ предшественными. Учебныя программы этого времени, безспорно, выше прежнихъ,—и позднѣйшія только ухудшали ихъ съ роковою систематичностію (см. ниже стр. 87, 96 сл.). Всегда наблюдалась возможная заботливость и о томъ, чтобы онѣ проводились и выполнялись съ одушевленною цѣлесообразностію. Здѣсь замѣтна тщательность въ подборѣ надлежащаго преподавательскаго персонала. Академіи того времени не имѣли разрядныхъ списковъ для выпускаемыхъ кандидатовъ и не доставляли механическаго удобства для ихъ распредѣленія по чисто формальному арифметическому принципу. Необходимо было обсуждать этотъ вопросъ по существу въ каждомъ конкретномъ случаѣ,—и для сего прекраснымъ пособіемъ являлись «отдѣленскія» академическія классификаціи, которыми безошибочно намѣчался кругъ специальной компетенціи и личныхъ научныхъ симпатій всякаго академическаго питомца. Поэтому тогдашніе преподаватели прочно сидѣли на избранныхъ мѣстахъ и—вопреки позднѣйшимъ преемникамъ—не перепархивали поптичьи съ кафедры на кафедру, не смотря на свое убогое до нищенства положеніе. Такъ—взаим-

¹⁾ *B. Theodoretі Eranistes*, dial. II: Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 165C.

нымъ согласіемъ образовательныхъ идей и соотвѣствующихъ педагоговъ—зараждался новый организмъ духовной школы. Но пока это былъ лишь ростокъ, нуждавшійся въ неослабномъ уходѣ, чтобы не погибнуть задолго до зрѣлости или не принять ложнаго направленія. И Учебный Комитетъ, хорошо понимая эту сторону, попечительно слѣдитъ за своими насажденіями. Это были его собственныя дѣтища, дорогія для высшаго духовно-учебнаго управленія во всѣхъ мелочахъ и реальностяхъ фактическаго уклада. Естественно, что—подъ видомъ ревизоровъ—посылались на мѣста не грозные олимпійцы бюрократическаго величія, а любящіе и опытные няньки, способныя и готовые помогать добрымъ совѣтомъ и авторитетнымъ указаніемъ, но не холодными прещеніями и страшными карами. Самъ я, напр., съ искреннею благодарностію вспоминаю почившаго С. В. Керскаго ¹⁾, который къ заброшенной мелюзгѣ Никольскаго Духовнаго Училища (въ Вологодской губерніи) обнаруживалъ трогательную заботливость, входя во всѣ наши рябаческіе интересы и нужды. Даже суровый по внѣшности позднѣйшій ревизоръ съ ухватками такихъ членовъ новѣйшей формациі—Степ. Исид. Лебедевъ ²⁾ не чуждъ былъ сердечныхъ порывовъ, хотя нагонялъ на Вологодскихъ семинаристовъ немало фальшиваго ужаса своими безцеремонными и грубыми покрикиваніями на всѣхъ и на все. При подобныхъ условіяхъ и ревизорскіе отчеты не были мертвыми бумагами. Въ нихъ до извѣстной степени отражалась подлинная духовно-школьная жизнь, которая лучше всякихъ канцелярски-красивыхъ фразъ говорила, что у нея есть хорошаго и полезнаго для обезпеченія дальнѣйшаго процвѣтанія. Эти отчеты были настоящими педагогическими трактатами или «томами» ³⁾ съ массою яркихъ наблюденій и удостовѣренныхъ соображеній. Въ компетентныхъ источникахъ сообщается, что таковы именно были донесенія С. В. Керскаго, которыя «составляли цѣлую библіотеку педагогическихъ замѣтокъ и матеріаловъ для исторіи духовнаго образованія въ Россіи» ⁴⁾. Впрочемъ, это не сопровождалось задержками въ непосредственныхъ педагогическихъ мѣропріятіяхъ, ибо ближайшія указанія и соображенія давались тотчасъ же и въ печатныхъ оттискахъ разсылались по учебнымъ заведеніямъ, гдѣ чрезъ библіотеки были доступны всѣмъ, не исключая воспитанниковъ, а послѣ этотъ порядокъ прекратился ⁵⁾.

¹⁾ Скончался въ С.-Петербургѣ 1-го октября 1903 года: см. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.», № 41 за 11-е октября 1903 года, стр. 1583—1585.

²⁾ Скончался во время ревизіи въ Пензѣ 16-го апрѣля 1882 года: см. «Церковный Вѣстникъ» № 19 за 8-е мая 1882 года, стр. 9.

³⁾ См. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 840а.

⁴⁾ Проф. И. В. Знаменскій, Исторія Казанской Духовной Академіи, т. III (Казань 1892), стр. 380.

⁵⁾ Весьма знаменательно, что печатаніе ревизорскихъ отчетовъ совершалось и прекратилось исключительно по распоряженію Оберъ-Прокурора: см. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 840а. Любопытно по сему предмету и опредѣленіе Св. Синода отъ 14—24 декабря 1883 года (т. е. предъ самымъ введеніемъ нынѣшнихъ духовно-учебныхъ уставовъ) за № 2.593; оно гласитъ: «печатаніе полныхъ ревизорскихъ отчетовъ по ревизіи духовно-учебныхъ заведеній, какъ оказавшееся [почему?] въ настоящее время [—для 1884-го и слѣдующихъ годовъ это безусловно вѣрно!—], по заключенію Учебнаго Комитета [—и, значить, для него!—] при Святѣйшемъ Синодѣ, не вполнѣ цѣлесообразныхъ [—т. е.?—], прекратить и взамѣнъ сего, по мѣрѣ надобности, а не въ
6*

Совокупностію всѣхъ отмѣченныхъ факторовъ выяснялось, что Учебный Комитетъ имѣетъ своего спеціальнаго дѣла болѣе, чѣмъ «по горло», — и онъ особенно сосредоточивался на своей прямой задачѣ, не отклоняясь много въ сторону и не увлекаясь излишніе тенденціями къ бюрократическому самовозвеличенію, чѣмъ послѣ чрезмѣрно страдало данное учрежденіе, забывшее, что мишурное превознесеніе, попирающее свои обязанности, и смѣшно, и грѣшно, и гибельно, а скромность интенсивной работы въ соподчиненной области есть истинная слава всякаго участника общаго церковно-государственнаго просвѣтительнаго строенія...

Это не было понято и остановлено своевременно, откуда грустныя послѣдствія явились съ фатальною неизбѣжностію. При неестественномъ и непосильномъ расширеніи своей компетенціи Учебный Комитетъ оказался безъ достаточныхъ средствъ, чтобы продуктивно справляться съ живымъ педагогическимъ дѣломъ. Для поддержанія своего внѣшняго достоинства ему по необходимости пришлось замкнуться въ чисто бумажной сферѣ, такъ какъ онъ не хотѣлъ покинуть широкое поле и возвратиться на «тѣсный путь» — къ своей собственной педагогической роли. Къ тому же обнаружились важныя дефекты по воспитательной организаціи духовной школы. Эта часть вообще была въ изрядномъ пренебреженіи у прежняго Учебнаго Комитета и къ концу перваго періода достигла большого разстройства и многихъ аномалій. Нужно было направить творческое вліяніе на эту главнѣйшую область духовно-школьной педагогіи и постепенно устранять недостатки, пользуясь добрымъ наслѣдіемъ прошлаго въ другихъ отношеніяхъ. Но Учебный Комитетъ уже потерялъ здоровое чутье и не желалъ сойти съ гладенькой бюрократической дороги; да и временами къ 80-мъ годамъ радикально измѣнились. Начались новыя вѣянія — канцелярскаго правленія, бюрократической централизаціи и самомнительно-чиновничьяго недовѣрія ко всякимъ мѣстнымъ органамъ. Неудивительно, что воспитательныя недочеты духовной школы наружно вполнѣ оправдывали эти тенденціи, а Учебный Комитетъ прямо и рѣшительно стремился навстрѣчу имъ и самъ помогъ своему крушенію.

При такихъ предзнаменованіяхъ открылась съ 1884 года вторая эпоха. Ея дѣятели находились въ довольно невыгодномъ положеніи по сравненію съ піонерами возникшаго Учебнаго Комитета. Тамъ для всѣхъ было безспорно жалкое убожество духовно-школьныхъ институтовъ, и упраздненіе послѣднихъ принималось всѣми сочувственно — съ готовностію поддерживать и осуществлять обновительныя реформы, за которыя энергически высказывался громкій голосъ самой жизни. Теперь все было иначе. Духовная школа была не настолько плоха, чтобы ее уничтожить съ легкимъ сердцемъ, и на акты систематическаго подозрѣнія она отвѣ-

---

опредѣленные сроки [—когда задумается?—], печатать въ формѣ циркуларовъ [—превращая отчетныя замѣчанія въ законополагающія предписанія—] только общія руководственныя указанія и распоряженія духовно-учебной *власти* [sic!], какія потребуются по ревизіямъ членовъ-ревизоровъ, а равно и разъясненія вопросовъ, возбуждаемыхъ практикою духовно-учебныхъ заведеній, дабы таковыя могли быть извѣстны и всѣмъ прочимъ [—кому или чему?—], для соотвѣтственнаго въ подобныхъ случаяхъ *исполненія* и руководства... См. въ брошюрѣ «Положеніе объ Учебномъ Комитетѣ» (Сиб. 1907), лдз. 10—11.

чала равнымъ отпоромъ пассивнаго сопротивленія или энергичнаго протеста. Въмѣсто дружнаго взаимодействія постепенно формировался непримиримый антагонизмъ двухъ враждующихъ лагерей, изъ коихъ одинъ обладалъ опытомъ (хотя бы отрицательнымъ), другой имѣлъ власть деспотическую. Доброе соучастіе обоихъ факторовъ прогрессивно вытѣснялось упорною борьбой. И если вездѣ господствуетъ принципъ, что «сила соломѣ ломить», то здѣсь онъ получилъ нѣсколько особое примѣненіе. Оторванная отъ дѣйствительности, власть—по самой своей отвлеченности—неспособна замѣнить живое явленіе и вынуждена подавлять его всяческими нагнетаніями сверху. Въ этомъ смыслѣ и Учебный Комитетъ долженъ былъ тянуться къ правящимъ вершинамъ и за свое противоестественное возвеличеніе въ концѣ концовъ наказанъ былъ тѣмъ, что совершенно превратился въ рабски-послушную «Канцелярію Оберъ-Прокурора» ¹⁾. Всякая самостоятельность была потеряна, а выиграли лишь комитетскіе засѣдатели, гдѣ иногда простые «служилые» чиновники быстро двигались по іерархической лѣстницѣ вплоть до тайныхъ совѣтниковъ, украшались высокими знаками орденаго созвѣздія, осыпались крупными добавочными пособиями, рентами, квартирными и многими великими и богатыми милостями чиновнаго міра, когда даже 50-тилѣтніе профессора, воспитавшіе цѣлый рядъ іерарховъ до митрополитовъ включительно, едва выходили дѣйствительными статскими совѣтниками безъ особыхъ орденскихъ декораций и скромною пенсіей на недолгую, истинно маститую старость ²⁾... За-то подобные комитетскіе чины были безусловно покорными и канцелярски лѣвкими исполнителями всякихъ мѣнній и предначертаній, хотя комитетскія «дѣла прежде, чѣмъ достигнуть Синода, получали то или иное направленіе въ зависимости отъ усмотрѣнія посредствующей [прокурорской?] власти» ³⁾ и вообще крайне затягивались ⁴⁾. Съ другой стороны, отдаленная власть, воюющая съ живымъ опытомъ, всегда устранивается отъ послѣдняго и предпочитаетъ дѣйствовать съ нимъ чрезъ мертвое орудіе бумаги, которая и накоплялась въ комитетскихъ архивахъ въ ужасающемъ количествѣ. Понятно безъ аргументовъ, что здѣсь предложеніе точно соотвѣтствовало спросу. Съ мѣстъ, боявшихся расплаты за откровенное слово, поступали одни формальныя донесенія и крючкотворныя отписки по готовымъ трафареткамъ (см. «Циркуляръ по духовно-

¹⁾ Ср. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. II, стр. 556—557; т. IV, стр. 224б. См. и ниже стр. 89..

²⁾ И вообще комитетскіе и другіе чиновники духовнаго вѣдомства по чинамъ и оренамъ двигаются съ такою стремительною быстротой, какая совершенно недоступна для педагоговъ даже изъ профессоровъ, при чемъ заслуженные учителя изъ категоріи послѣднихъ не могутъ унаться за своими молодыми учениками, а иногда и принципиально лишены всякой надежды на отличія, легко добываемыя «канцелярскими подвижниками»... Разумѣется, все это не важно и мало интересуетъ педагогическихъ труженниковъ, если, напр., Московская Академія прямо проектируетъ отміну всякихъ орденскихъ декораций для всего профессорскаго состава... Тѣмъ не менѣе для характеристики положенія вещей полезно указать и на этотъ фактъ несомнѣнной обиды по отношенію къ педагогическимъ дѣятелямъ, чтобы всѣ видѣли, въ какомъ пренебреженіи находится у насъ духовно-педагогическое служеніе... Ср., впрочемъ, и у проф. А. И. Лебедева въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 152. 159—160.

³⁾ См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. II, стр. 557а.

⁴⁾ См. *ibid.* IV, стр. 224б.

учебному вѣдомству» № 18 за 1898 г., стр. 3—5), гдѣ указывалось даже точное раздѣленіе на графы (ibid. № 21 за 1901 г., стр. 9), при чемъ строго требовалось соблюденіе всѣхъ формъ (ibid. № 10 за 1892 г., стр. 3—4), а отчеты все-таки посылались неудовлетворительные ¹⁾; не смотря на внушенія и напоминанія Комитета (ibid. № 5 за 1889 г., стр. 3—4; № 18 за 1898 г., стр. 2—3; № 20 за 1900 г., стр. 13) ²⁾. Въ свою очередь выѣзжавшіе для ревизій комитетскіе чины заботились больше о критикѣ, разнотахъ и увлеченіяхъ и вовсе не доставляли живыхъ наблюденій и реальныхъ педагогическихъ указаній. Вѣдь важно было просто отбыть повинность по готовой директивѣ! И въ этомъ отношеніи бывали поразительныя явленія, что давались лучшія рекомендаціи о преподавателяхъ, къ которымъ ревизоръ забѣгалъ на краткое время при первомъ ихъ вступленіи въ классъ, когда еще не начиналось даже внѣшнее знакомство съ учениками ³⁾. Невнимательность къ наличному обнаруживалась иногда въ самомъ курьезномъ видѣ. Такъ, одинъ комитетскій менторъ вмѣсто епархіальнаго женскаго училища попалъ въ женскую гимназію и, яко бы, лишь при прощаніи съ начальницею узналъ о своей траги-комической ошибкѣ. Другой перепуталъ свои аттестаціи и въ отчетѣ приписалъ ихъ совершенно не тѣмъ лицамъ, о чемъ корпорація со страхомъ и изумленіемъ освѣдомилась по доставленному извлеченію. Третій растерялъ записи и просилъ самихъ преподавателей прислать свои автохарактеристики ⁴⁾. Четвертый, въ недавнюю пору, распрашивалъ академическихъ студентовъ о преподавательскихъ персоналахъ, чтобы по этимъ даннымъ «прижать» столь случайно опороченныхъ педагоговъ. Примѣровъ такого рода — съ оттѣнками чисто полицейскаго свойства, когда ревизоръ, какъ будто уѣзжавшій, неожиданно возвращался вскорѣ послѣ 20-го числа, — слишкомъ достаточно. Вообще же, отзывы о педа-

¹⁾ Достоверно знаю, что это оправдывалось общимъ убѣжденіемъ семинарскихъ корпорацій, будто въ Учебномъ Комитетѣ совсѣмъ не читаютъ этихъ «отчетовъ», почему послѣдніе лишь переписывались изъ года въ годъ; прибавляли — послѣ особыхъ напоминаній — только свѣдѣнія статистическія, о томъ, не преподаются ли гдѣ-нибудь гигиена, медицина, живопись, переплетное мастерство и пр. Вносились иногда замѣчанія о несовершенствѣ программъ, неудовлетворительности официальныхъ учебниковъ, о замѣнѣ ихъ другими и т. под. пожеланія, но все это, яко бы, не просматривалось и во всякомъ случаѣ «оставлялось безъ послѣдствій». Извѣстны примѣры, когда «отчеты» иными Семинаріями за нѣкоторые годы и вовсе не посылались въ Учебный Комитетъ.

²⁾ У насъ имѣются подъ руками 22 №-ра этихъ «Циркулярныхъ по духовно-учебному вѣдомству» (съ 1888-го по 1903-й годъ) и къ нимъ отличный «Алфавитный указатель» помощника правителя дѣлъ Учебнаго Комитета А. Д. Кузнецова (Спб. 1904). Прибавимъ, что мы совершенно несогласны съ мнѣніемъ С. И. Миропольскаго (въ «Прибавл. къ «Перк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 840б), будто «по содержательности своей, циркуляры по духовно-учебному вѣдомству, помимо прямой пользы для духовно-учебныхъ заведеній, составляютъ цѣнный вкладъ въ нашу педагогическую литературу»... Любопытно бы знать, гдѣ — «помимо» духовной школы — этотъ «вкладъ» имѣлъ «цѣнное» педагогическое примѣненіе... А вотъ въ «Церковномъ Вѣстникѣ» 1906 г., № 47 за 23-е ноября, стлб. 1530, я читаю, что и «черки, какіе года 3—4 ставъ давалъ Учебный Комитетъ, будучи скудными даже въ статистическомъ отношеніи, ни въ какомъ случаѣ не могутъ претендовать на вѣрную картину духовной школы», между тѣмъ первоисточникомъ для нихъ служатъ именно ревизорскіе отчеты... См. и стр. 119.

³⁾ Изъ личныхъ воспоминаній отъ конца 1890 года.

⁴⁾ См. и «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 232б.

гогии и педагогахъ собирались по городскимъ слухамъ, анонимамъ¹⁾ или на корридорахъ, при чемъ вслѣдствіе искусственно внесенныхъ и под-держиваемыхъ раздоровъ верхъ былъ либо за начальствомъ, либо за кор-пораціей. Естественно, что ревизорскіе доклады большею частію оказы-вались «канцелярскими бумагами», которыя почему-то усердно охраня-лись отъ архивныхъ крысъ...

Въ результатѣ вышло, что во второй періодъ своего существованія Учебный Комитетъ получилъ характеръ бюрократическаго и бумажно-канцелярскаго учрежденія. Воздвигались цѣлые Монбланы всякихъ бу-магъ и лились широкою рѣкой циркуляры явные и тайные, обычные и сепаратные²⁾, а жизнь педагогическая окончательно заслонялась ими и убѣгала за черту комитетской досягаемости въ невѣдомую даль. На прогрессивно возрастающихъ бумажныхъ постаментахъ и монументахъ из-бранное чиновничество комитетское возносилось до бюрократическихъ не-бесъ и на этой головокружительной высотѣ не чувствовало органической по-требности считаться съ жизненными запросами. Живое дѣло рѣзко прио-становилось и превратилось въ бумажно-нараставшій каралловый рифъ, опасный для духовно-педагогическихъ кораблей и лодокъ. Иллюстрація тому хотя бы въ крайней медлительности комитетскаго движенія по послѣдней духовно-школьной реформѣ, тянувшейся изнурительно и иногда попятно безъ всякаго успѣха почти десять лѣтъ (съ 1896-го по 1905-й годъ)³⁾, истомившей всѣ мѣстныя педагогическія силы и раз-строившей созидательную работу⁴⁾. Между тѣмъ духовно-учеб-

¹⁾ Такъ было, напр., при ревизіи Подольскихъ духовно-учебныхъ заведеній + А. А. Завьяловымъ, при чемъ «анонимы» представлены и въ самый Комитетъ...

²⁾ С. И. Миропольскій удостовѣряетъ (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 8406) слѣдующее: «Количествомъ, такъ сказать, о дѣятельности Комитета можно судить уже по тому, что число *журналовъ* его, восходящихъ на утвержденіе Святѣй-шаго Синода и Синодальнаго Оберъ-Прокурора, ежегодно восходитъ до 500, разныхъ должностныхъ дѣлъ до 1.480 и внѣшнихъ сношеній свыше тысячи нумеровъ... Пола-гаемъ, что съ тѣхъ поръ послѣдующихъ въ этомъ отношеніи солидный прогрессъ, едва ли утѣшительный для духовно-педагогической жизни... См. еще въ сборникѣ «Духовная школа» (Москва 1906), стр. 232 (и ср. стр. 240) о «безпрестанномъ потокѣ канцелярскихъ бумагъ», достигающемъ ужасовъ потопа...

³⁾ См., напр., отдѣльно изданный «Журналъ Учебнаго Комитета» о засѣданіи Св. Синода 8-го іюня 1905 г., стр. 1, а также «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 46 за 12-е ноября 1905 г., стр. 1044; ср. у о. проф. Ф. И. Титова, Преобразования Духовныхъ Ака-демій въ Россіи въ XIX в. (Кіевъ 1906), стр. 104 сл., и у Ф. Н. Блываскаго, О ре-формѣ духовной школы, ч. I, стр. 169 сл.

⁴⁾ Фактически—«настоящее» дѣло о новыхъ духовно-учебныхъ программахъ на-чалось лишь въ 1901 г., когда для сего специально приглашались нѣкоторые излюблен-ные членами преподаватели въ Учебный Комитетъ, подвергавшій потомъ постепеннымъ измѣненіямъ выработанные проекты, которые въ отпечатанномъ видѣ представлены въ 1905 г. на утвержденіе Св. Синода, но согласно его опредѣленію отъ 16—19 августа 1906 г. предварительно разосланы во всѣ Семинаріи и Училища для отзывовъ (см. по-дробнѣе у Ф. Н. Блываскаго, О реформѣ духовной школы, ч. I, стр. 187 сл.). По этому вопросу одинъ ректоръ Семинаріи пишетъ мнѣ слѣдующее: «Новыя программы — лишь сокращенія старыхъ, съ небольшими передѣлками. По многимъ предметамъ семинар-скаго курса онѣ признаны правленіями Семинарій не отвѣчающими ни существу наукъ, ни запросамъ и потребностямъ времени, о чемъ и посланы въ Учебный Комитетъ со-отвѣтствующія замѣчанія... Дѣло это тянулось семь лѣтъ и... пока доселѣ не разрѣшено. Могло ли за эти семь лѣтъ идти нормально учебное дѣло въ Семинаріяхъ, когда всѣ знали о томъ, что высшая церковная власть сама считаетъ нѣкоторые учебные пред-меты (напр., библейскую исторію, обличительное богословіе) излишними, программы же

ныя заведенія шумно волновались и воспитанники настойчиво допрашивали—даже за уроками—своих преподавателей по этому предмету, а тѣ сами ничего не знали и своими уклончиво-смущенными отвѣтами усугубляли напряженную тревогу.

Разумѣется, при такихъ порядкахъ и въ самомъ Комитетѣ не ощущалось нужды въ настоящихъ, живыхъ дѣятеляхъ, которыхъ столь не любить канцелярская бумага, гдѣ доселѣ часто играетъ главнѣйшую роль казуистическая задача, помѣтитъ ее «отношеніемъ» или «предложеніемъ», — написать «поступокъ» или «проступокъ» ¹⁾... Вполнѣ естественно, что одно время было *всеобщее* непоколебимое убѣжденіе, что тамъ всѣмъ вершилъ безконтрольно шефъ бумажнаго дѣлопроизводства, и ему являлись на поклонъ всѣ просители, а онъ ссылки на свои права по академическому уставу 1884 г. (§ 56) самихъ «профессорскихъ стипендіатовъ» властно парировалъ рѣшительнымъ вердиктомъ, что «мы назначимъ на первое мѣсто по собственному усмотрѣнію» ²⁾. Энергичные работники были излишни, и комитетскій составъ заполнялся лицами «по особымъ соображеніямъ» связей и протекціи, ради кормленія и для синекуры ³⁾. Упорно говорили, что нѣкогда члены подбирались по удобству «для партіи» совсѣмъ особаго рода ⁴⁾... Сколько можно судить по нѣкоторымъ рѣчамъ въ общемъ

всѣ вообще—неудовлетворительными?... Преподаватели оказывались въ ложномъ положеніи предъ воспитанниками, разъ никто изъ нихъ не могъ выяснитъ даже себѣ, учиться ли учащимся ненужнымъ предметамъ, да еще по устарѣлымъ и негоднымъ программамъ?... А въ «передовикѣ» С.-Петербургскаго «Колокола» № 409 за 14-е іюня 1907 года говорится еще такъ: «Учебный Комитетъ при Св. Синодѣ, довольно „освободительно“ пополняющійся теперь членами изъ „далекихъ и чуждыхъ“ для духовно-учебнаго дѣла „странъ“, уже цѣлый годъ слишкомъ усиливается пойти въ ногу съ преобразователями свѣтскихъ школъ. Онъ не ограничился тѣмъ, что, не желая „вѣдать, коего духа“ должна быть наша духовная школа, исковеркала программы Духовныхъ Семинарій и Училищъ, „подгоняя“ ихъ къ гимназическимъ, что и прошло по Божьему поученію. Онъ „подогналъ“ было и программы епархіальныхъ женскихъ училищъ къ программамъ женскихъ гимназій Мин. Народн. Просвѣщенія и въ своемъ журналѣ, представленномъ на разсмотрѣніе Св. Синоду, мотивировалъ такую подгонку желаніемъ облегчить поступленіе „епархіалокъ“: учительницами въ школы названнаго Министерства и для продолженія образованія въ высшія учебныя заведенія. Однако Св. Синодъ, разсмотрѣвъ этотъ журналъ, отклонилъ комитетскую затѣю. Принявъ во вниманіе неудовлетворительность учебно-воспитательной части женскихъ гимназій Мин. Нар. Просв., которыя, кстати, сами наканунѣ реформы, а также и то, что подготовленіе воспитанницъ епархіальныхъ женскихъ училищъ въ высшія учебныя заведенія дѣло для нихъ училищъ побочное, Св. Синодъ не нашелъ возможнымъ ломать, по приведеннымъ Комитетомъ мотивамъ, учебно-воспитательный строй епархіальныхъ училищъ. Училищныя программы онъ призналъ отвѣчающими своему назначенію: дать образованіе дочерямъ православныхъ клириковъ и подготовить ихъ для учительствованія въ народныхъ школахъ. Программы эти Св. Синодъ постановилъ лишь углубитъ и расширить—какъ въ общеобразовательной, такъ и педагогической части; и въ этомъ смыслѣ поручилъ Комитету заняться преобразованіемъ учебно-воспитательнаго строя епарх. училищъ»...

¹⁾ Это — факты изъ комитетской практики конца 1906-го и начала 1907 года.

²⁾ Изъ личнаго опыта въ августѣ 1890 года.

³⁾ Ср. сборникъ «Духовная школа» (Москва 1906), стр. 231: «при такомъ назначеніи (членовъ Учебнаго Комитета) замѣтную роль всегда играютъ знакомство, кумовство и другія формы протекціи».

⁴⁾ Совершенно неожиданное разъясненіе и подтвержденіе сего встрѣтились намъ послѣ въ «Христіанскомъ Читеніи» 1907 г., № 2, стр. 199 въ статьѣ о. проф. *Θ. И. Титова*: «Двѣ справки по вопросу о преобразованіяхъ Духовныхъ Академій въ Россіи въ XIX в.».

собраніи Предсоборнаго Присутствія, измѣненія къ лучшему по этой части и теперь идутъ весьма туго, а многія аномаліи покровительствуются и терпятся ¹⁾, и члены изъ профессоровъ съ гордостію отмѣчаютъ обиліе своихъ должностей даже въ справочномъ городскомъ указателѣ... Постепенно образовался тѣсный кружокъ «своихъ людей», у которыхъ, конечно, были и «свой» интересы—помимо школы и жизни, если не считать того, что мѣста «переуступались» другъ другу по любовному договору о казенной квартирѣ, сохранявшейся за предшественникомъ, когда преемникъ, обязанный ежедневно бывать въ С.-Петербургѣ, соглашался жить вдали отъ города... Взаимная услужливость доходила до того, что комитетскій чиновный правитель ухитрился «законно» отправлять еще и функции члена вопреки самой природѣ службы и всякимъ правамъ и правиламъ ²⁾... Не менѣе характерный примѣръ сего мы имѣемъ въ томъ, что Учебный комитетъ второго періода усиленно рекомендовалъ и усердно распространялъ разные учебники и учебныя пособія чуть не исключительно фабрикаціи своихъ сочленовъ (*nomina sunt odiosa*!), хотя, казалось бы, самый простой тактъ долженъ былъ всячески удерживать отъ подобной взаимопомощи ³⁾. На дѣлѣ далеко не всѣ эти творенія,

¹⁾ Объ этомъ свидѣтельствовалъ, напр., тогдашній предсѣдатель Учебнаго Комитета преосвященный *Арсеній* (Стадницінъ) на засѣданіи общаго собранія Предсоборнаго Присутствія 29-го мая 1905 года, но соотвѣтствующій пассажъ не по винѣ оратора выпущенъ въ печатныхъ «Журналахъ» (т. II, стр. 556а), у меня же сохранился въ официальной корректурѣ. Тамъ значится слѣдующее: «Я опытно позналъ, что Учебный Комитетъ есть Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода и Канцелярія не изъ первыхъ, а самая послѣдняя. Оберъ-Прокуроръ есть посредникъ между Учебнымъ Комитетомъ и Святѣйшимъ Синодомъ. Журналы сначала докладываются Оберъ-Прокурору, а потомъ сдаются въ Канцелярію. Назначеніе преподавателей тянется до 2-хъ мѣсяцевъ. Проще было бы поставить Учебный Комитетъ въ непосредственныя отношенія къ Святѣйшему Синоду. Докладываются дѣла Учебнаго Комитета чиновникомъ, который не былъ при сужденіяхъ о нихъ въ Учебномъ Комитетѣ, а такихъ сужденій бываетъ немало. Изъ кого состоитъ Учебный Комитетъ? Одинъ изъ членовъ два года болѣетъ, другой совсѣмъ не живетъ въ Петербургѣ, третій въ постоянныхъ разъѣздахъ и я его почти не вижу, четвертый [большинство такихъ!] занимаетъ нѣсколько должностей и не въ состояніи бывать исправно на засѣданіяхъ. Чтѣ можно сдѣлать при такихъ условіяхъ?».

²⁾ См. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 831б, и ср. комментарий къ сему проф. *А. И. Амазова* въ «Журналахъ и Протоколахъ Предсоб. Присут.», т. IV, стр. 225б.

³⁾ Были вѣдь случаи, что комитетскій ревизоръ, составитель учебника, давалъ свой отзывъ о преподавателѣ въ зависимости отъ того, употребляетъ ли педагогъ книжку его издѣлія или нѣтъ. Изъ многихъ извѣстныхъ приведу только примѣръ, сообщенный мнѣ однимъ нынѣшнимъ университетскимъ профессоромъ *П. Д. А.* Нѣкогда онъ былъ семинарскимъ преподавателемъ въ Симферополѣ. Весною 1895 года прошесть слухъ, что туда ѣдетъ специально командированный комитетскій ревизоръ *П. И. П.* (нынѣ покойный). А нужно имѣть въ виду, что Таврическая Семинарія была недавно оставлена (переведеннымъ въ Харьковъ) ректоромъ о. *И. П. Знаменскимъ* (о которомъ см. ниже на стр. 116, 126). При немъ шла борьба партій—семинарской и консисторской. Ревизія неизбежно должна была затронуть прежнее управленіе и рѣшить дѣло въ пользу Семинаріи или Консисторіи. И вдругъ педагогическій персоналъ узнаетъ, что послѣдняя еще до отправления изъ С.-Петербурга *П. И. П.*—ва послала заказъ на его «Практическое руководство» (конечно, дѣльное и нынѣ вышедшее 9-мъ изданіемъ подъ редакцію *Н. Ѳ. Маркова*, Спб. 1907) въ количествѣ экземпляровъ, соотвѣтствующемъ числу церквей епархіи... Я,—пишетъ мой корреспондентъ,—ничего не хочу выводить отсюда и готовъ полагать, что *П. И. П.* даже не подозревалъ, что столь неожиданный и крупный заказъ надо ему «обдумать». Но послѣ этого заказа многіе изъ преподавателей въ ожиданіи ревизіи чувствовали себя скверно... Пишущій занимался философскими предметами «по настоящему», и придраться къ нему было мудрено. Но «вотъ гдѣ таилась гибель» его:—учебникъ † проф. *В. Д. Кудрявцева-Платонова* великъ и растянутъ, почему его не

квалифицированные у официального комитетского историка «вкладами» ¹⁾, отличались высокой пробой даже по отзывам комитетских коллег. Мы сами знаем такой случай (въ Воронежѣ), что ревизоръ рѣзко оборвалъ преподавателя на урокъ за яко бы неумѣстныя выраженія при объясненіяхъ по «практическому руководству», но тотъ молча взялъ книжку комитетского принципала († о. А. И. П.) и заставилъ прочесть вслухъ предъ всѣмъ классомъ соответствующій параграфъ;—къ ужасу и стыду оказалось то же самое, и чиновный ревнитель вынужденъ былъ дипломатически отговариваться, что ранѣе онъ не разслышалъ, а теперь криминальныя фразы находить законными и благоговѣйными... Конечно, никто этому не повѣрилъ, и соблазнъ былъ истинно великій. Одобренія всѣхъ сортовъ для изданій постороннихъ лицъ опять разсыпались вопреки ихъ фактическимъ качествамъ, и часто излюбленные труды быстро смѣнялись тисненіями съ сохраненіемъ абсурдныхъ нелѣпостей. Вотъ для примѣра крошечная иллюстрація. Учебный Комитетъ (въ своемъ журналѣ 16-го декабря 1892 г. № 441) поспѣшилъ ввести семинарскимъ учебникомъ «Истолковательное обзорѣніе» посланій апостольскихъ и Апокалипсиса о. протоіерея Мих. Иван. Хераскова ²⁾, удостоенное (по отзыву † о. протоіерея А. А. Лебедева) Макаріевской преміи въ 500 р. (см. «Циркуляръ» № 12 за 1893 г., стр. 71—74). Въ такомъ смыслѣ сдѣлано было представленіе Св. Синоду, однако послѣдній, благодаря своему докладчику не изъ комитетской семьи (А. В. Гаврилову), затруднился согласиться на это и препроводилъ рукопись на разсмотрѣніе профессору Казанской

обходимо «размѣчать» для воспитанниковъ. Во «Введеніи въ философію», между прочимъ, было зачеркнуто нѣсколько строкъ, и на одной изъ нихъ стояло слово «Богъ»... Ревизоръ построилъ на этомъ обвиненіе, что пропускъ тенденціозенъ и можетъ скверно вліять на учениковъ, а потому «общашъ» доложить о семъ по начальству... «Винновѣнный» былъ ошеломленъ подобною абсурдностью, но хорошо понималъ свое горькое будущее въ самомъ скоромъ времени. Его спасло лишь совершенно случайное обстоятельство. Прокуроръ К. П. Побѣдоносцевъ поручилъ обзорѣ и дѣла Епархіального Училищнаго Совѣта, а тамъ предсѣдательствовалъ жившій въ Херсонесѣ подъ Севастополемъ (т. е. за 75 верстъ отъ Симферополя) безграмотный архимандритъ А. (уволненный потомъ слѣдующимъ Преосвященнымъ). Вся работа велась «провинившимся» семинарскимъ преподавателемъ, — и она была безукоризненна. Къ чести ревизора, онъ оцѣнилъ этотъ безкорыстный трудъ и согласился не воздвигать за «пропуски» изъ учебника опасныхъ криминаловъ. «Тѣмъ не менѣе,—прибавляетъ разумѣемый мною педагогъ,—у меня навсегда осталось тягостное чувство:—вѣдь я не былъ выброшенъ только случайно!.. Говорю это сейчасъ спокойно и не по личной обидѣ. П. И. Н. и послѣ, какъ я слышалъ, дѣлалъ обо мнѣ лестныя отзывы въ частныхъ бесѣдахъ. Но въ томъ-то и трагизмъ семинарской службы, что сегодня вы прекрасный человѣкъ и работникъ, а завтра васъ гонять на улицу... Въ ту же ревизію пострадалъ преподаватель церковной исторіи Д. К. Якимовичъ, окончившій въ Московской Академіи (въ 1881 году) первымъ по историческому отдѣленію, безспорно лучший учитель Таврической Семинаріи. По отзыву же ревизора онъ оказался худшимъ. Это совсѣмъ пришло бѣднугу. Онъ скоро ушелъ изъ семинарской корпораціи и недолго прожилъ:—ему была нанесена смертельная обида... Для разъясненія эпизода неизлишне отмѣтить, что и корреспондентъ мой и г. Якимовичъ были противъ консисторскихъ притязаній и не скрывали своихъ симпатій къ опальному тогда ректору І. П. Знаменскому, а выводы отсюда формулируются сами собою... Однако первый заключаетъ свою повѣсть и примирительно и вѣрно: «лично я не хочу П. И. Н. ни подозрѣвать, ни винить, но тѣмъ болѣе проклинаю систему»...

¹⁾ См. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 833б.

²⁾ Бывшій ректоръ Владимірской Духовной Семинаріи, потомъ Суздальскій протоіерей; скончался 9-го сентября 1901 года (см. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 40 за 6-е октября 1901 года, стр. 1469—1470).

Духовной Академіи М. И. Богословскому, который—вопреки комитетским панегиристамъ—далъ отзывъ вовсе не похвальный. Авторъ воспользовался компетентными профессорскими указаніями и, исправивъ согласно имъ свое пособие, обратился (въ 1895 г.) въ Учебный Комитетъ за одобреніемъ,—п оно условно было присуждено членомъ А. М. Ванчаковымъ. Но другой комитетскій специалистъ † протоіерей Е. И. Мегорскій «навелъ» усиленную критику на профессорскую рецензію,—и въ результатъ «трудъ о. Хараскова низведенъ со степени „учебника“ на степень „учебнаго пособия“, *вслѣдствіе переработки его въ рукописи по замѣчаніямъ экстраординарнаго профессора Казанской Духовной Академіи М. Богословскаго*», какъ о томъ свидѣлствуетъ самъ авторъ въ февралѣ 1895 г. въ своемъ прошеніи въ Учебный Комитетъ и какъ это оправдывается печатными документами ¹⁾, двумя критическими отчетами о. Е. И. Мегорскаго и соотвѣствующими комитетскими вердиктами. Почтенный о. М. И. Харасковъ настолько былъ «разстроенъ» всѣми этими мытарствами, что одно время серьезно пытался возратить свое литературное дѣтище изъ зрѣлаго состоянія въ первобытное, устранивъ всѣ профессорскіе приросты ²⁾. Видимо, комитетскіе засѣдатели совсѣмъ не читали рекомендуемыхъ книжекъ, потому что всякій разумный человѣкъ при самомъ бѣглому штудированіи замѣтилъ бы вопіющія странности ³⁾, а безъ особой протекціи крайне затягивали разсмотрѣніе и подвергали такимъ «вистязаніямъ», что авторы вынуждались искать обходныхъ путей къ напечатанію своихъ рукописей ⁴⁾. При введеніи новыхъ или улуч-

¹⁾ См. и «Циркуляръ» № 12 за 1895 годъ стр. 73: «Отъ такой передѣлки [—согласно замѣчаніямъ проф. М. И. Богословскаго—] сочиненіе [о. М. И. Хараскова] выиграло относительно полноты и подробностей обовѣренія священныхъ книгъ, но стало не *цѣлнмъ пригоднымъ для учениковъ въ качествѣ учебника*», каковымъ Комитетъ признавалъ его прежде—до исправленія...

²⁾ См. Дѣло Учебнаго Комитета № 13 за 1895 годъ въ Архивѣ Св. Синода (№ 288) и дѣло Св. Синода (по 2-му столу I отдѣленія) о соисканіи премій митрополита Макарія въ 1892 годъ № 649 тамъ же (№ 297).

³⁾ Укажу одинъ примѣръ. Даже въ «третьемъ», «исправленномъ» изданіи «Обовѣренія посланій апостольскихъ и Апокалипсиса» А. В. Иванова удостовѣряются завышенность и пользованіе во 2-мъ посланіи Петровомъ изъ посланія Іуды (Слб. 1886, стр. 86), которое «написано *послѣ паденія Іерусалима* и, можетъ быть, во времена Доміціана (81—96 г.)» (стр. 86), между тѣмъ «появленіе того мы должны отнести къ 65 или 66 году» (стр. 44). Попросту говоря, выходитъ, что *мертвый списывалъ у живого*... А вѣдь это «руководство» одобрено Учебнымъ Комитетомъ (и—по его докладу—Св. Синодомъ 6—9 іюня 1890 года № 1.265) для употребленія въ Семинаріяхъ, въ большинствѣ которыхъ дѣйствуетъ въ качествѣ учебника, — и лучшіе семинарскіе питомцы на приемныхъ академическихъ экзаменахъ bona fide докладываютъ подобныя нецѣпности... Обо всемъ этомъ официально сообщалось Учебному Комитету (по дѣлу, о которомъ см. ниже на стр. 97—98) еще въ 1894 году...

⁴⁾ Такъ, объ одной «Догматикѣ» въ іюлѣ 1899 года официально было представлено законное цензурное разрѣшеніе (изъ Москвы) въ Св. Синодъ и препровождено имъ «на заключеніе» въ Учебный Комитетъ, а туда отзывъ члена поступилъ только 18-го апрѣля 1901 года. Потомъ выяснилась, что рукопись просто лежала у назначеннаго комитетскаго цензора († о. П. А. Лебедева) и по смерти его лишь случайно обрѣтена была въ числѣ другихъ бумагъ, хотя, конечно, могла и затеряться... Все «дѣло» объ изданіи этой труда тянулось,—благодаря особенно комитетскому участию,—отъ мая 1899 года до января 1902 года, когда послѣдовало окончательное дозволеніе печатать. Учебный Комитетъ усматривалъ препятствія не только въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, казавшихся комитетскому рецензенту неправильными или неточными, но даже

шенных учебниковъ и пособій—ихъ не пускали въ обращеніе, пока не былъ исчерпанъ весь заготовленный комплектъ стараго хлама; это случилось не столь давно, напр., съ исправленнымъ изданіемъ учебнаго пособия по Русской церковной исторіи профессора П. В. Знаменскаго, котораго долго нельзя было достать даже послѣ одобренія въ 1895 г. («Циркуляръ» № 15 за 1895 г., стр. 59) ¹⁾...

въ ошибкахъ переписчика. Мольбы автора — «разрѣшите, исправлю все при печатаніи»—были напрасными. Иногда похвальный пропускъ изъ чистилища Цензурнаго Комитета затруднилъ дальнѣйшее движеніе. Напр., въ 1894 году учебно-комитетскій критикъ († о. В. И. Ж.) прямо заявлялъ почтенному писателю солидной работы, врученной ему чрезъ Св. Синодъ: «еслибы духовная цензура сдѣлала свои замѣчанія и возраженія, мы охотнѣе пропустили бы Вашу книгу, а такъ какъ оттуда имѣется похвальный отзывъ, то намъ нужно внимательно прочитать рукопись и непремѣнно присовокупить свои указанія»... Это повело къ тому, что произведеніе вышло изъ печати позднѣе на цѣлый годъ (по синодскому разрѣшенію отъ 28-го марта 1902 года), хотя предметной пользы отсюда не было ни малѣйшей... Бывало, что порою между самими членами возникали разногласія по поводу появившихъ въ Комитетѣ сочиненій и обострялись до того, что готовилась официальная полемика, а авторъ сиди у моря и жди погоды...

¹⁾ Съ этою «Исторіей» была очень длинная «исторія», весьма интересная для характеристики Учебнаго Комитета. Книга проф. П. В. Знаменскаго издавна употреблялась по всѣмъ Семинаріямъ въ достоинствѣ учебника, но въ 1888—1889 г.г. выступилъ ему конкурентомъ одинъ семинарскій преподаватель г. М., который своею покорностію официальной программѣ магически плѣнилъ комитетскаго «спеціалиста», † протоіерея І. Я. Образцова. Послѣдній далъ о рукописи наилучшій отзывъ, а Комитетъ одобрилъ ввести ее (по напечатаніи) въ качествѣ учебнаго семинарскаго руководства. Но синодскій докладчикъ (А. В. Гавриловъ), не принадлежавшій къ комитетской дружинѣ, справедливо обратилъ вниманіе на совершенную несообразность этой конкуренціи преподавателя съ профессоромъ, почему Св. Синодъ препроводилъ работу перваго на новое независимое разсмотрѣніе † архіепископа Литовскаго Алексія (Лаврова). Въ результатъ была обнаружена несомнѣнная зависимость ея, между прочимъ, отъ «учебника» проф. П. В. Знаменскаго, излагаемаго «въ разбавленномъ и разжиженномъ видѣ», и отъ сочиненія другаго семинарскаго педагога (нынѣ профессора Новороссійскаго Университета) А. П. Доброклонскаго, не удостоивающагося за аналогичный трудъ такой комитетской благосклонности по причинѣ излишней учености... Тогда Св. Синодъ (опредѣленіемъ отъ 24 мая 1889 г. за № 904) рѣшилъ обратиться къ проф. П. В. Знаменскому, чтобы онъ пересмотрѣлъ и приспособилъ свою книгу къ новымъ требованіямъ семинарскаго преподаванія по Русской церковной исторіи. Тотъ охотно исполнилъ это, но попалъ подъ судъ къ поименованному комитетскому критику, забравшему прежній учебникъ съ предпочтеніемъ ему компіляціи семинарскаго педагога. Прот. І. Я. Образцовъ въ 1892 г. соорудилъ пространный разборъ, гдѣ поставилъ въ урекнѣ проф. П. В. Знаменскому даже его профессорскую компетентность. Весь отзывъ былъ настолько пристрастенъ, что даже Оберъ-Прокуроръ († К. П. Побѣдоносцевъ) успѣлъ усмотрѣть это и сдѣлалъ двѣ ограничительныя помѣтки своею рукой. Наоборотъ, сочиненіе семинарскаго педагога расхвалено было у о. Образцова самымъ усерднымъ образомъ. Учебный Комитетъ поспѣшилъ согласиться и постановилъ свой приговоръ въ пользу преподавателя, не одобрявъ профессорскаго произведенія (журналомъ отъ 15-го іюля 1892 г. № 213). Св. Синодъ—по указанію своего докладчика (А. В. Гаврилова)—опять замѣтилъ прежнюю странность и послалъ обѣ книги на компетенцію † проф. Кіевской Духовной Академіи И. И. Малышевскаго, который прямо склонился на сторону своего Казанскаго коллеги. По прокурорскому распоряженію, комитетскій членъ † протоіерей А. А. Лебедевъ, подводившій окончательный итогъ, долженъ былъ высказаться за преимущества проф. П. В. Знаменскаго, свидѣтельствуя, что онъ исправлялъ свой трудъ и по комитетской рецензій о. Образцова, хотя «съ нѣкоторою болью сердца». Св. Синодъ (опредѣленіемъ отъ 19—25-го мая 1895 г.), наконецъ, одобрилъ профессорское «руководство» «въ качествѣ учебника» (см. дѣло Учебнаго Комитета № 10 за 1892 г. въ Архивѣ Св. Синода № 287 и дѣло Св. Синода № 697 за 1888 [по 3-му столу I-го отдѣленія] тамъ же № 298). Дальше началась явная затѣжка съ печатаніемъ, и трудъ проф. П. В. Знаменскаго увидѣлъ свѣтъ только чрезъ годъ—въ октябрѣ 1896 г., когда выпущенъ въ 12 тысячахъ экземпляровъ. Однако еще въ декабрѣ 1897 г. прежній конкурентъ, продолжавшій употреблять при преподаваніи свои книжки, доносилъ Учебному Коми-

На педагогическіе запросы не обращали вниманія ¹⁾. Для преподавателей и дѣльных педагогическихъ совѣтовъ не допускалось по этой части независимой инициативы, и всякія проявленія ея осуждались и пресѣкались (по поводу замѣны учебниковъ Чистовича, Маркова и Знаменскаго книгами Гиляревскаго, М. А. Остроумова и Малицкаго см. «Циркуляры» № 2 за 1888 г., стр. 21; № 20 за 1900 г., стр. 12); отъ заинтересованныхъ лицъ не требовали даже оправдательныхъ соображеній, хотя они могли быть вполне резонными. Последнее же несомнѣнно по систематическому употребленію учителями собственныхъ «записокъ», составленіе которыхъ есть трудъ весьма не легкій и сверхдолжный, но это дѣло не только не поощрялось, а преслѣдовалось безъ надлежащаго разсмотрѣнія такихъ рукописныхъ пособій и безъ выясненія всѣхъ причинъ (см. «Циркуляры» № 1 за 1888 г., стр. 2—3; № 2 за 1888 г., стр. 25; 22 за 1903 г., стр. 67)...

И при такой-то косности Учебный Комитетъ присвоилъ себѣ роль верховнаго цензора всей духовной и вспомогательной литературы ²⁾!.. Вѣдь это было въ Россіи единственное учрежденіе, гдѣ выдавались всякія апробаціи для всѣхъ богословскихъ сочиненій, которыя не имѣли иныхъ способовъ добиться авторитетнаго церковнаго признанія. Все вѣдалъ безапелляціонно одинъ Учебный Комитетъ, не умѣвшій или не хотѣвшій серьезно разобратъ даже въ своихъ учебныхъ азбукахъ... Но, пользуясь такимъ великимъ правомъ, онъ не желалъ видѣть въ этомъ для себя отвѣтственнаго долга и потомъ (въ 1898 году) формально устранился отъ обязательнаго разсмотрѣнія представляемыхъ на одобреніе сочиненій,

---

тету въ свое оправданіе, что въ Тульской Семинаріи до сихъ поръ нѣтъ «учебника» проф. П. В. Знаменскаго, между тѣмъ онъ своевременно заявлялъ объ этомъ ревизору С. П. Миропольскому (см. въ дѣлѣ Учебнаго Комитета № 10 за 1892 г. въ Архивѣ Св. Синода № 287 и ср. еще «Циркуляръ» № 20 за 1900 г., стр. 12). Тоже повторилось и со вторымъ исправленнымъ изданіемъ (1903-го года), котораго, — напр., въ Полтавѣ — нельзя было достать даже въ 1905 г. Нужно прибавить, что и при первомъ тисненіи 1896 г. и при второмъ — 1903 года (въ количествѣ 10 тысячъ экземпляровъ) — профессорскаго труда С.-Петербургская Синодальная Типографія принимала самое энергическое и истинно-интеллигентное участіе, употребляя всѣ мѣры и средства къ тому, чтобы новый семинарскій учебникъ по Русской церковной исторіи имѣлъ наилучшій видъ не только по внѣшности и формѣ, но и по содержанію (см. дѣла С.-Петербургской Синодальной Типографіи по сему предмету №№-ра 38 и 59). Не дивно ли, что въ комитетско-педагогическомъ дѣлѣ Типографія стояла безмѣрно выше Комитета въ сферѣ ближайшихъ и обязательныхъ его интересовъ?!

¹⁾ Такъ, въ семинарскихъ «отчетахъ» многократно указывалось Комитету на крайнюю нужду въ изданіи греко-славянскаго Новаго Завѣта, строго приспособленнаго къ потребностямъ школьнаго преподаванія, но настоящаго удовлетворенія не послѣдовало доселѣ, между тѣмъ Норовско-Саввантовское издѣліе (1861-го, 1866 года) подозрительно и теперь почти не встрѣчается въ продажѣ, а четырехглутная обработка — вполне неудачна и не закончена, какъ и задумана она (въ 1886 году + справщикомъ С.-Петербургской Синодальной Типографіи П. А. Гильдебрандтомъ) совершенно нерационально...

²⁾ По опредѣленію Св. Синода (отъ 12 декабря 1884 года — 25 января 1885 г.), последнему представляются комитетскія заключенія *только* о книгахъ, принимаемыхъ *въ качествѣ учебныхъ руководствъ* для духовныхъ училищъ по священной исторіи, катихизису и изъясненію богослуженія съ церковнымъ уставомъ, а для духовныхъ семинарій по изъясненію Св. Писанія и всѣмъ богословскимъ предметамъ; все прочее и во всѣхъ отношеніяхъ принадлежитъ окончательному усмотрѣнію Комитета, утверждаемому *только* Оберъ-Прокуроромъ... См. въ брошюрѣ «Положеніе объ Учебномъ Комитетѣ» (СПб. 1907), стр. 12.

продолжая сохранять всё цензорскія прерогативы *ab libitum* (см. «Циркуляръ» № 18 за 1898 г., стр. 1—2, и въ брошюрѣ «Положеніе объ Учебномъ Комитетѣ», стр. 9—10). А вершителями были члены, совмѣщавшіе иногда самыя удивительныя спеціальности, напр., гомиетику, литургику и Законъ Божій для начальныхъ школъ; или философію, психологию, логику и академическія дѣла; даже греческій языкъ, математику и вопросы по женскимъ училищамъ; наконецъ, греческій языкъ и книги для чтенія (см. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 831—832)... Понятно, что комитетскія рекомендаціи получали только рыночную цѣнность, особенно крѣпкую при существованіи разныхъ проскрипціонныхъ каталоговъ, хотя иногда вызывали отрицательный успѣхъ въ публикѣ и для одобренныхъ и для забракованныхъ твореній. Не менѣе неизбѣжно, что эта цензорская работа совершалась безъ твердыхъ принциповъ, а больше нормировалась всякими теченіями и вѣяніями. Отсюда случались печальные казусы въ родѣ того, что профессорскія диссертации, строжайше запрещенныя для всѣхъ ученическихъ библіотекъ и порою не выдававшіяся на руки академическимъ студентамъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ всячески восхвалялись и назначались въ руководство при школьномъ преподаваніи ¹⁾. Бывали и такіе примѣры, что книга съ тяжкимъ трудомъ появлялась на свѣтъ и систематически преслѣдовалась суровыми вердиктами, но потомъ неожиданно принималась въ основу для апологіи важнѣйшихъ церковныхъ актовъ ²⁾... Тѣмъ временемъ Учебный Комитетъ, узурпировавъ несвойственную и непосильную ему миссію верховнаго богословскаго судьи, забывалъ о живыхъ книжныхъ интересахъ духовной школы. Всѣ школьно-книжные кредиты произвольно и безконтрольно исчерпывались заранѣе центральнымъ распоряженіемъ безъ всякаго вниманія къ наличнымъ потребностямъ и дѣйствительнымъ нуждамъ ³⁾. Въ счетъ этихъ кредитовъ, очень ограниченныхъ, разсылался по Семинаріямъ всякій бумажный балластъ, который обременялъ тѣсныя библіотечныя помѣщенія и лежалъ мертвымъ грузомъ безъ всякаго употребленія. Еслибы собрать точныя свѣдѣнія, мы приобрѣли бы истинно архивный перечень поразительнаго состава, гдѣ часто фигурируютъ завѣтные произведенія, которыхъ цѣлыми годами не покупали ни по одному экземпляру, духовная же школа со скорбнымъ терпѣніемъ заваливала ими библіотечные шкафы и должна была тщательно блюсти за ними, ибо ревизоры всего старательнѣе слѣдили за сохранностію этихъ именно писаній. Разсо-

¹⁾ Рѣчь у насъ о докторской диссертации проф. *А. П. Лебедева*, о чемъ см. и у него самого въ статьѣ: «Взглядъ на условія развитія церковно-исторической науки у насъ» въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 4, стр. 720,, гдѣ сообщается, что его книгу иногда «арестовывали» у семинаристовъ и а р а в ѣ съ запрещенными изданіями...

²⁾ Обѣ разумѣемыя мною диссертации (Московскихъ профессоровъ *А. П. Лебедева* и *Е. Е. Голубинскаго*, для которыхъ см. еще въ «Запискахъ» † архіеп. *Саввы* въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1906 г., № 10, стр. 291) указаны нынѣ въ книгѣ проф. *А. П. Лебедева* «Слѣпые вожди: четыре момента въ исторической жизни церкви» (Москва 1907), стр. 44—45, но для второго я имѣю въ виду и его трудъ «Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви» (2-е изд., Москва 1903) по соотношенію съ дѣломъ о прославленіи препод. *Серафима Саровскаго*.

³⁾ О подобныхъ явленіяхъ прежняго времени (—особенно по отношенію къ митроп. *Макарію Булгакову*—), когда изъ-за этого даже Академія «цѣлый годъ томилась книжнымъ голодомъ», см. у проф. *А. П. Лебедева*, «Слѣпые вожди» (Москва 1907), стр. 69.

вались иногда иностранныя изданія, и по языку и по содержанію никуда не пригодны; они сразу обрекались на вѣковой покой библиотечнаго забвенія, попадая въ регистрацію «мало доступныхъ сочиненій» .. Присылались даже труды, ранѣе приобретенные данною Семинаріей и для нея излишніе ¹⁾). Чрезъ это заведенія лишались послѣднихъ крохотныхъ средствъ и вынуждались отказываться отъ необходимыхъ учебныхъ и вспомогательныхъ пособій, а Учебный Комитетъ съ олимпійскимъ равнодушіемъ взираетъ на это хозяйничанье помимо его воли и не возвышалъ хотя бы робкаго голоса протеста — вопреки прямой своей обязанности, между тѣмъ иногда не стѣснялся изобличать педагогическія корпораціи за «нецѣлесообразный выборъ выписываемыхъ книгъ» (см., напр., «Циркуляръ» № 22 за 1902 г., стр. 71)... Это вызвало новое зло. Школа, пользовавшаяся вмѣсто учебниковъ истерзаннымъ хламомъ, лишена была возможности удовлетворять любознательные запросы своихъ воспитанниковъ по преподаваемымъ и соприкосновеннымъ наукамъ для расширенія ихъ умственнаго горизонта собственнымъ чтеніемъ, такъ какъ располагала слишкомъ архаическимъ и неподходящимъ книжнымъ матеріаломъ. Ученики по необходимости обращались «на сторону», гдѣ не было педагогическаго контроля, а модныя общественныя теченія, естественно, захватывали увлекающуюся молодежь, для которой въ особенности сладокъ всякій

¹⁾ По этому предмету уже въ самомъ концѣ апрѣля 1907 года одинъ заслуженный и авторитетный семинарскій ректоръ писалъ мнѣ слѣдующее: «По Семинаріямъ разсылаются учебныя книги и пособия для казенныхъ учениковъ на средства, находящіяся въ распоряженіи центрального управленія. Книгъ высылается недостаточно; часто высылаются ненужныя, не просимыя, а нужныя и спрашиваемыя правленіями Семинарій не высылаются. Учебный Комитетъ относится ко всему этому совершенно безучастно. — О физическихъ кабинетахъ и вовсе не заботится центральное управленіе. Съ Учебнымъ Комитетомъ и сношеній по сему дѣлу не бываетъ. Наша В. Семинарія еще въ декабрѣ 1906 года обратилась въ Хозяйственное Управленіе о высылкѣ или денегъ или приборовъ для физическаго кабинета, ибо мѣстныхъ средствъ не имѣется по бѣдности епархіи. Отвѣта на просьбу доселѣ нѣтъ... Ежегодно удерживается по 75 руб. съ каждой Семинаріи изъ ассигнуемыхъ на ея содержаніе Хозяйственнымъ Управленіемъ суммъ за предположенныхъ къ высылкѣ въ теченіе года книги для фундаментальной библиотеки. При скудномъ семинарскомъ бюджетѣ по этой статьѣ (400 руб., а за изыятіемъ 75—325 руб.), — казалось бы, — необходимо съ осмотрительностію расходовать 75 руб. и *дѣйствительно* высылать на эти деньги все цѣнное. Учебный Комитетъ такимъ способомъ могъ бы съ пользою пополнять семинарскія библіотеки, а онъ, къ сожалѣнію, *едва ли и знаетъ* объ этихъ суммахъ... Творится десятки лѣтъ нѣчто весьма своеобразное и неприглядное. *Отчетовъ и полного* перечня книгъ, высылаемыхъ на эти средства, доселѣ не печаталось. Ни одно семинарское правленіе ни за какой годъ не можетъ отвѣтить даже приблизительно, на какую сумму и какія книги высланы въ счетъ *этого* кредита... Любопытно и важно по существу, еслибы хоть только за 3—5 послѣднихъ лѣтъ собрать *точные* свѣдѣнія по этому предмету. Прямо, Лидвале-Гурковское дѣло!.. Вѣдь несомнѣнно, что на 75 руб. не высылается книгъ въ годъ ни въ одну Семинарію. А чтѣ посылается? Рѣдко дѣйствительно цѣнное и необходимое изданіе, но обычно такія изданія выписываются самими семинарскими правленіями раньше присылки ихъ изъ центрального управленія. Хорошо, конечно, имѣть и два и три экземпляра такихъ изданій, да ужъ очень рѣдко они доставляются. Напр., по полугодіямъ и четвертямъ года высылаютъ „*Εκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια*“. Нѣсколько лѣтъ шлютъ старокатолическій журналъ (т. е. „*Revue internationale de théologie*“) по 4—5 книжекъ заразъ. А дѣйствительно нужнаго не высылаютъ; приходится изворачиваться — откуда-нибудь урвать средства, чтобы выписать нужныя изданія. По опытамъ своей службы (за 22 года), едва ли ошибусь, если скажу, что нѣтъ въ нашихъ Духовныхъ Семинаріяхъ всѣхъ твореній отцовъ Церкви, *даже переведенныхъ на русскій языкъ*... И выписать не на что»... Все это до слезъ краснорѣчиво, чтобы требовались еще мои комментаріи...

запретный плодъ. При томъ же къ послѣдней категоріи относились иногда авторитетные богословскіе труды,—и юношество теряло всякій критерій для сужденія о дозволенности разныхъ книгъ, коль скоро въ проскрипціонныхъ индексахъ находило докторскія диссертациі академическихъ и университетскихъ профессоровъ, у которыхъ должны были получать высшее образованіе наилучшіе его представители. Въ свою очередь духовное начальство съ подозрѣніемъ смотрѣло на всякую новую книгу и систематически развивало въ ученикахъ пылкую любовь ко всевозможнымъ запретнымъ писаніямъ... Постепенно установились въ духовной школѣ навѣкъ, вкусъ и традиціи для чтенія именно нелегальной литературы,—и она произвела страшныя опустошенія въ молодыхъ умахъ и сердцахъ, гдѣ все запретное накапливается съ необыкновенною интенсивностію и откуда вырывается потомъ вулканическою бурностію. Результаты у всѣхъ на лицо, и мы теперь пожинаемъ то, что сами сѣяли прежде съ бюрократическимъ упорствомъ. Въ нашемъ мірѣ всегда отъ малыхъ причинъ бываютъ большія послѣдствія, какъ отъ одной искры сгорѣла Москва... Духовно-педагогическія корпораціи прекрасно предвидѣли это заранѣе и обращались (хотя бы изъ Полтавской Семинаріи) съ энергичными ходатайствами въ Учебный Комитетъ, но оттуда не было «ни гласа, ни послушанія» ¹⁾, а школа кипѣла, страдала и разлагалась... И вообще внѣклассное чтеніе было поставлено неудовлетворительно и настолько странно, что одобрялась, напр., такая явно ирраціональная мѣра, чтобы лишать малоуспѣвающихъ и неспособныхъ воспитанниковъ «права читать» всякія неучебныя книги изъ школьныхъ библіотекъ даже на два мѣсяца (ст. «Циркуляръ» № 1 за 1888 г., стр. 6)... Трудно вѣрится подобному педагогическому абсурду, но фактъ на лицо ²⁾...

Отгородившись бумажною стѣной отъ своихъ педагогическихъ задачъ, Учебный Комитетъ былъ не менѣе пассивенъ и въ самомъ ихъ исполненіи. Это прежде всего сказалось на учебныхъ планахъ. Они вырабатывались внѣ соображеній съ педагогическою жизнію и направлялись къ корректной униформѣ путемъ приспособленія къ господствующимъ правительственнымъ взглядамъ, для которыхъ школа была иногда не столько средствомъ воспитанія, сколько орудіемъ инородныхъ административныхъ тенденцій. Въ педагогическомъ смыслѣ всѣ позднѣйшія программы много ниже прежнихъ и часто уступаютъ послѣднимъ даже по учебному матеріалу ³⁾. Прямымъ мнѣніямъ и наблюденіямъ заинтересованныхъ

¹⁾ Вообще, испытывался крайній стѣсненіи по дѣлу пополненія ученическихъ библіотекъ,—и заинтересованныя лица не считали возможнымъ собственною властію выписывать даже такія книги, которыя — согласно утвержденнымъ Св. Синодомъ программамъ для церковно-учительскихъ школъ — назначены были для изученія въ послѣднихъ... Посему изъ Полтавской Семинаріи послали (въ 1901 году) объ этомъ специальное ходатайство въ Учебный Комитетъ, но оттуда отвѣта такъ и не дождались... Только уже въ 1905 году, когда много семинарскихъ святлицъ закрылись *volens-nolens*, напечатали циркуляръ, которымъ давались педагогическимъ собраніямъ *права* по выбору книгъ для ученическаго чтенія, хотя это всегда должно было составлять *отвѣтственную обязанность* истинно педагогическихъ учреждений...

²⁾ Вообще по вопросу о внѣшкольномъ чтеніи въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ см. еще въ сборникѣ «Духовная школа» (Москва 1906), стр. 237—239.

³⁾ Поскольку въ Комитетѣ преобладали филологи,—отмѣчаю, напр., такой при-

педагогических труженников предпочитались формальные начальственные «отчеты», которые едва ли кѣмъ-нибудь читались для дѣла и просто умножали количество нумеровъ входящихъ комитетскихъ бумагъ. Иногда, — хотя крайне рѣдко, — запрашивали педагогическихъ работниковъ, но совершалось это какъ будто не въ серьезъ и вело лишь къ увеличенію архивныхъ комитетскихъ «богатствъ»¹⁾. Бывало иногда и нѣчто худшее, достаточно характеризующее минувшія настроенія Учебнаго Комитета. Вотъ достоверно и лично мнѣ извѣстный случай изъ первой половины 1895 года. По обязанности одинъ академическій доцентъ въ своемъ экзаменаціонномъ отзывѣ (о приемныхъ испытаніяхъ 1893 г.) помѣстилъ нелестныя замѣчанія о семинарской программѣ по своей специальности и о неправильной постановкѣ въ самомъ семинарскомъ преподаваніи. Это задѣло комитетскаго принципала, слишкомъ причастнаго къ этимъ недостаткамъ, — и потомъ въ Академіи полученъ былъ формальный документъ (отъ 16-го мая 1894 года за №-ромъ 2.128) съ категорическимъ предписаніемъ, чтобы разумѣемый критикъ представилъ свою программу съ подробнымъ ея развитіемъ и обоснованіемъ. Ничего не подозревая, этотъ профессоръ разъяснилъ, что по данному предмету нѣтъ необходимости въ новой программѣ, а требуются лишь соотвѣтствующія измѣненія и улучшения, которыя были раскрыты и отмѣчены пунктуально и съ достаточною подробностію. Ожидались соотвѣтственные результаты, но вышло прямо наоборотъ. Не вдолгѣ авторъ узнаетъ, что противъ него изготовлено «по Учебному Комитету» грозное прокурорское «предложеніе» (отъ 21-го

скорбный курьезъ, что и при программахъ по уставамъ 1884 г. рекомендовалось для преподаванія латинскаго языка устарѣвшее нѣмецкое руководство F. Spiess'a въ подлинникѣ, между тѣмъ это пособие давно уже существовало на русскомъ языкѣ, а для Корнелія Непота указывался нѣмецкій подстрочникъ (частіми тоже издававшийся по-русски, напр., къ Гомеру † Н. С. Бровковичемъ) изъ Freund's Schüler—Bibliothek (см. Уставы православныхъ Духовныхъ Семинарій и Училищъ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года, съ относящимися къ нимъ постановленіями Святѣйшаго Синода, Спб. 1888, стр. 176), извѣстный у педагоговъ Германіи подъ характерною кличкой Esels-Brücke, т. е. «ослиный мостъ» (см. и у проф. А. И. Малгина въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 6, стр. 316)... Теперь дѣло по этой части едва ли улучшается. Такъ, по самоновѣйшимъ планамъ для греческаго языка оставлены въ Семинаріяхъ только Ксенофонтъ и Платонъ, но опущены Геродотъ и Гомеръ, хотя въ IV-мъ классѣ требуется сообщеніе свѣдѣній о гекзаметрѣ и пентаметрѣ—безъ предшествующаго и параллельнаго штудированія самыхъ образцовъ; педагогически нераціонально и въ противность природѣ языкового развитія вводится съ начала семинарскаго курса смѣшанное чтеніе классиковъ наряду съ отрывками изъ Новаго Завѣта (въ I-мъ классѣ изъ Евангелія Луки, во II-мъ изъ книги Дѣяній, въ III-мъ изъ посланія къ Евреямъ, въ языковомъ отношеніи болѣе близкаго въ нѣкоторыхъ частяхъ именно къ Евангелію Луки, и изъ 1-го посланія св. Іоанна Богослова, во многомъ очень труднаго и не столь характернаго, какъ его Евангеліе), хотя послѣдній изучается воспитанниками позднеѣ. Въ трудныхъ мѣстахъ для Новаго Завѣта рекомендуется больше «перифразъ» славянскаго перевода, чѣмъ обращеніе къ греческому подлиннику. Программы по богословіямъ основному и догматическому прямо имѣютъ въ виду *пониженіе* богословскаго образованія будущихъ пастырей, не согласованы ни съ существомъ этихъ наукъ, ни съ запросами и потребностями времени. Во всемъ этомъ бесспоренъ явный регрессъ, который—надѣмся—не будетъ узаконенъ при окончательномъ рѣшеніи.

¹⁾ Напр., по нѣкоторымъ «богословіямъ» спеціально привлекали одного заслуженнаго ректора и академическаго профессора, но комитетскіе дѣльцы постарались потомъ выкромить *свои* «программы», гдѣ дѣйствительные авторы совсѣмъ не узнаютъ своихъ трудовъ...

февраля 1895 года) самого репрессивного свойства. Ему удалось добыть точную копию, и изъ нея онъ съ изумленіемъ убѣдился, что его за неподачу ни для кого ненужной программы укоряють даже въ неисполненіи высшаго повелѣнія и категорически обвиняють въ «непростительной неотчетливости богословской мысли и языка» за нѣкоторыя безобидныя выраженія. Власти поспѣшили лишить строптиваго профессора предназначеннаго ордена, но онъ принялъ свои мѣры. Подобравъ тоже-ственные фразы изъ синодскихъ, прокурорскихъ и комитетскихъ изданій, профессоръ препроводилъ отвѣтную записку съ рѣшительнымъ заключеніемъ, что по силѣ проектируемаго Указа придется напередъ признать «нетвердыми» православно Синодъ, Оберъ-Прокурора и Учебный Комитетъ. Это вызвало неожиданный переворотъ и перемѣнило всѣ роли:—разосланный къ синодальнымъ членамъ для подписи Указъ не былъ выпущенъ въ первоначальной формѣ, а инкриминируемая профессорская записка возвращена Комитету со внушеніемъ, чтобы ее взяли за основу для пересмотра вопроса о лучшей постановкѣ семинарскаго преподаванія по обсуждаемому предмету. Такъ-то на разстояніи чуть ли не мѣсяца одно и тоже оказывалось и неправославнымъ и краугольнымъ для православія... Правда, и отсюда не получалось ничего путнаго, ибо «записку» разослали во всѣ другія Академіи «для отзывовъ», собрали послѣдніе и преспокойно образовали цѣлое «дѣло» въ синей папкѣ, мирно почивающее за извѣстнымъ номеромъ ¹⁾... Этотъ маленькій эпизодъ, пстерзавшій откровеннаго профессора, наглядно свидѣтельствуетъ, въ какомъ духѣ и разумѣ Комитетъ разрабатывалъ учебные планы. Въ общемъ, они были безжизненны и своею бюрократическою обязательностію душили педагогическое творчество, поскольку преподаватели вынуждались неуклонно соблюдать узаконенные параграфы по рекомендованнымъ книжкамъ.

Для подобнаго верховнаго режима и при такихъ педагогическихъ требованіяхъ живые труженники съ собственною инициативой были эссенціально неудобны и потому мало находили себѣ пріюта въ духовной школѣ. Бывали даже некраткіе моменты, когда Учебный Комитетъ питалъ

---

¹⁾ Если не считать нѣкоторыхъ отраженій къ синодскому опредѣленію отъ 15-го декабря 1899 года—12-го марта 1900 г. (№ 5.359), то лишь въ самонѣйшей (отъ 1905 г.). «Запискѣ къ программѣ преподаванія Священнаго Писанія въ духовныхъ семинаріяхъ» замѣтны явные слѣды несомнѣннаго вліянія указаній и замѣчаній разумѣмаго профессора, хотя на первыхъ порахъ Комитетъ ограничивался лишь «циркулярною полемикой» съ нимъ, стараясь софистически уличить его въ неправдѣ (см. «Циркуляръ» № 13 за 1893 г., стр. 31—34), по объ этомъ не было сообщено заинтересованному лицу, которое узнало о семъ уже послѣ изъ случайнаго разговора съ ректоромъ Таврической (потомъ Харьковской) Семинаріи (въ г. Симферополѣ)—при лѣтнемъ посѣщеніи послѣдней въ цѣляхъ собственнаго ознакомленія... Теперь, впрочемъ, можно радоваться нѣкоторому успѣху, хотя бы въ духѣ Апостола (Филипп. I, 18)... Однако «Тамбовскій семинаристъ» свидѣтельствуетъ (въ «Колоколѣ» № 383 за 12-е мая 1907 г., стр. 3, стлб. 2), что фактически все идетъ попрежнему: «Нашу Семинарію не безъ основанія упрекають въ безжизненной постановкѣ преподаванія Св. Писанія. Семинаристъ получаетъ знакомство не съ самымъ Св. Писаніемъ, а съ толкованіемъ его, подчасъ казуистическимъ. Этотъ недостатокъ былъ замѣченъ на приемныхъ экзаменахъ въ Академіяхъ. Тамбовцы толкуютъ каждое слово, сыплютъ изъ Златоуста, Зигабена, Василія Великаго, Іоанна Дамаскина, а попросить профессоръ передать тоже самое мѣсто въ логической связи съ предыдущимъ,—не всякій сможетъ»...

особое «нелюбіе» къ «ученымъ» кандидатамъ богословія—тѣмъ паче съ магистерскою степенью, громко высказывая, что ему надобны учителя, а не «ученые», пбо они-де будутъ отвлекаться «разнымъ науками», слишкомъ притязательны и не обладаютъ смиренною скромностію. Ссылка на ученые запросы для полученія мѣста въ центральныхъ городахъ была самымъ отрицательнымъ аргументомъ, чаще всего обрекавшимъ на полную неудачу ходатайства. Нужны были не люди, но покорные исполнители. Своевременно подошли на помощь и академическіе разрядные списки, давашіе легкое средство для растасовки молодыхъ аспирантовъ духовной педагогикъ. Сначала при нихъ препровождались характеристики выпускаемыхъ студентовъ относительно подготовленности каждаго къ той или иной специальности. Однако скоро всѣ убѣдились, что на эти рекомендаціи не обращаютъ надлежащаго вниманія и, если заглядываютъ, то исключительно въ конфиденціальныя отзывы инспекторскіе о благонадежности... Дѣло это по необходимости заглохло, и даже я — достаточно послужившій профессоръ—совершенно не знаю, представляются ли теперь эти вѣдомости и въ какомъ видѣ и кѣмъ сочиняются ¹⁾... Личностей замѣняла разрядная цифра, а реальное содержаніе почерпалось изъ побочныхъ пособій ²⁾... Производились искусныя манипуляціи и съ аттестатными «отмѣтками», изъ конхъ устроили «свободныя» комбинаціи, нужныя для комитетскихъ пѣлей или вершителей. Опредѣленія на мѣста совершались механически, безъ строгаго соображенія съ достоинствами конкурентовъ ³⁾. Отсюда цѣлый рядъ неестественныхъ и противоестественныхъ назначеній. И нѣсть числа примѣрамъ, что философъ загонялся на невѣдомый ему латинскій языкъ, хотя онъ свободно читалъ и говорилъ погречески, а латыни совсѣмъ не изучалъ, историкъ преображался въ библеиста, моралистъ становился лингвистомъ, словесникъ попадалъ на историческія дисциплины и т. п. Понятно, что такіе педагоги не засиживались на чужихъ стульяхъ и съ необыкновенною подвижностію перепрыгивали съ кафедръ на кафедру по картѣ всей Европейской Россіи. На первыхъ порахъ они искали своего излюбленнаго предмета, но потомъ подъ житейскими давленіями просто стремились туда, гдѣ лучше и удобнѣе. Сверху какъ будто поощряли эти перепархиванія, потому что открыва-

¹⁾ А вѣдь даже въ 1882 году покойный предсѣдатель Учебнаго Комитета протоіерей А. И. Парвовъ жаловался, что «академіи обыкновенно даютъ (о своихъ кандидатахъ) рекомендаціи неопредѣленныя и уклончивыя, изъ которыхъ трудно сдѣлать какое-либо (sic!) употребленіе», но ꙗ проф. Н. О. Пильскій доказалъ, что тутъ сваливается вина съ болной головы на здоровую... (см. у о проф. *Θ. И. Титова*, Двѣ справки по вопросу о преобразованіяхъ духовныхъ академій въ Россіи въ XIX в. въ «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 4, стр. 506). Последнее еще болѣе вѣрно для новѣйшаго періода...

²⁾ Во время засѣданія V-го «предсоборнаго» отдѣла 9-го декабря 1906 года указывали, что нынѣ въ Учебномъ Комитетѣ имѣются профессора, дающіе свои аттестаціи объ академическихъ кандидатахъ, почему я вынужденъ былъ констатировать, что отъ другихъ Академій (кроме С.-Петербургской) нѣтъ тамъ представителей; слѣдовательно, рекомендація получается односторонняя, и ея не нужно бы допускать ни въ какомъ случаѣ (если сами разумѣемые члены не догадываются объ этомъ)—въ интересахъ единства системы назначенія преподавателей и ради равноправности конкуренціи для всѣхъ аспирантовъ духовно-педагогическаго служенія...

³⁾ Достойно особаго вниманія, что и доселѣ преподаватели духовно-учебныхъ заведеній назначаются «приказами» синодальнаго Оберъ-Прокурора...

лась широкая возможность беспрепятственно располагать всѣми педагогическими фигурами. Нѣтъ надобности подчеркивать, насколько вредно отзывалось это явленіе на всемъ педагогическомъ строѣ духовной школы ¹⁾, гдѣ многое напоминало игру маріонетокъ ²⁾. На бѣду сюда вторглась еще педагогическая монахоманія ³⁾, вызвавшая окончательную путаницу ⁴⁾. Тутъ уже прямо вся важность была не въ человѣкѣ, а въ кускѣ матеріи извѣстнаго цвѣта. Главныя начальственныя и административныя должности заполнялись молодыми чернецами ⁵⁾, получавшими самый невѣроятный ходъ,—точно они были воплощеніемъ педагогической мудрости и образцовыхъ добродѣтелей. Эти радужныя перспективы окрыляли академическихъ посредственностей свѣтлыми надеждами на легкую поправку своей ученой отсталости, и—вопреки прежнимъ временамъ—позднѣе пошли въ монахи совсѣмъ не лучшіе студенты. Со стороны, «отъ виѣшнихъ», тоже ринулись всякіе неудачники, которые сразу «авансомъ» заявляли, что чрезъ академическое монашество желаютъ устроить свою духовную карьеру—отъ смотрительства къ ректорству и затѣмъ къ архіерейству, достигавшемуся иногда чуть не въ тридцать лѣтъ ⁶⁾... Были, конечно, люди искрен-

¹⁾ Проф. А. И. Лебедевъ даже пишетъ (въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 147), что «научный прогрессъ по части церковной исторіи въ семинаріяхъ начнется тогда, когда Учебн. Ком. перестанетъ вмѣшиваться въ преподаніе свѣтскихъ наукъ»... Вотъ такъ аттестация по отношенію къ главнѣйшей обязанности, которая—по закону—лежитъ на этомъ церковно-правительственномъ и государственномъ учрежденіи?... Докопѣ, Господи?...

²⁾ См. по этой части важныя указанія въ «Церковномъ Вѣстникѣ» 1906 г., № 45 за 9-е ноября, столб. 1452—1453.

³⁾ Какъ начала она прививаться въ описываемый періодъ,—см. у о. проф. О. П. Титова, двѣ справки по вопросу о преобразованіяхъ духовныхъ академій въ Россіи въ XIX в. въ «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 4, стр. 494 сл., при чемъ крайне знаменательнъ вопросъ (на стр. 500) † проф. И. О. Нильскаго: «кто кого развращаютъ—студенты монаховъ, или же монахи студентовъ?» Отвѣтъ на это можно находить, напр., у Н. Болловецкаго, который пишетъ («Ученое монашество» и наша духовная школа въ «Миссіонерскомъ Обзорѣніи» 1907 г., № 5, стр. 809—810): «Въ нравственномъ отношеніи иноки-студенты ничуть не возвышались надъ уровнемъ академическаго благочестія, а во многихъ случаяхъ стояли и ниже этого уровня, „по искушенію“... „Лицъ, принявшихъ монашескій постригъ по призванію, съ рѣшимостью навсегда подчиниться игу иноческихъ обѣтовъ, я не зналъ ни во время своего обученія въ академіи, ни, насколько то было мнѣ извѣстно, во время болѣе чѣмъ десятилѣтней службы по окончаніи академическаго курса... „Мірскихъ“ же „благъ“ они никогда не чуждались и не отрекались отъ нихъ на будущее время“...», при чемъ констатируется у нѣкоторыхъ изъ нихъ и «отсутствіе всякихъ нравственныхъ устоевъ»...

⁴⁾ См. и у Н. Болловецкаго въ «Миссіонерскомъ Обзорѣніи» 1907 г., № 5, стр. 808: «Бышше савонники духовнаго вѣдомства проводили „протекціонную“ политику по отношенію къ „ученому монашеству“ и въ немъ одномъ, кажется, видѣли спасеніе и нашей духовной школы и нашей церкви. А что эиимъ „протекціонизмомъ“ къ ученымъ монахамъ въ товарищахъ послѣднихъ по академіи и сослуживцахъ по семинаріи самымъ безцеремоннымъ образомъ разрушалось чувство правды и парализовалась энергія къ идейному служенію „дѣлу, а не лицамъ“, отъ чего страдала и страдаетъ духовная школа,—сіе новидному не входило въ соображеніе этихъ савонниковъ. Факты же такого „протекціонизма“ были чудовищны по своей несправедливости».

⁵⁾ Ср. у Н. Болловецкаго въ «Миссіонерскомъ Обзорѣніи» 1907 г., № 5, стр. 812—813.

⁶⁾ Нѣкоторые удивительные факты этого рода см. у Н. Болловецкаго въ «Миссіонерскомъ Обзорѣніи» 1907 г., № 5, стр. 815—816, при чемъ прибавляется (стр. 810), что такъ двигались даже тѣ, «которые въ академіи достойно были „притчею во языцѣхъ“ по своему невѣжеству и отсутствію всякихъ нравственныхъ устоевъ».

ніе и идейные, но не грѣхъ сказать, что они относились къ разряду исключеній и двигались служебно едва ли не медленнѣе своихъ коллегъ иногда склада и другихъ упованій. Во всякомъ случаѣ всѣ монахи—начальники, попадавшіе на отвѣтственные посты прямо со школьной скамьи, не имѣли для сего ни опыта, ни знаній, ни такта, а рангъ, диспозиція и инструкции обязывали ихъ держаться «славно и грозно», открывая имъ просторъ къ свободному и безконтрольному хозяйничанью казенными кредитами на свои личныя нужды или причудливые капризы. Тогда оставалось одно средство—закутаться въ начальственное велпчіе и свои несомнѣнные недочеты восполнять не менѣе безспорною властностію, для подчиненныхъ мало пріятною и почти неотразимою при доступности духовнаго правительства для первыхъ ¹⁾ и при равной замкнутости его для вторыхъ, которые часто и не предчувствовали уготовляемыхъ имъ прещеній. Развивался глухой антагонизмъ, и—по подобію цирковыхъ партій разлагавшейся Византіи—образовались въ духовной школѣ столь вредныя оппозиціонныя теченія «рясофоровъ» и «фрачниковъ» или «сюртучниковъ», не рѣдко питавшихъ непримиримое взаимное недоброжелательство. Бывало даже такъ, что молодой монахъ поступать начальникомъ туда, гдѣ служили его сѣдовласые учителя, и онъ порою расправлялся съ ними «безъ стѣсненій», повелительно высылая ихъ изъ официальныхъ педагогическихъ засѣданій при непокормномъ протестѣ ²⁾. Гораздо чаще встрѣчались случаи, когда монахъ изъ захудалыхъ студентовъ, извѣстный въ Академіи подъ кличкою «іерокапитана» ³⁾ оказывался ректоромъ, либо смотрителемъ, хотя его лучшей товарищъ являлся при

¹⁾ И Н. Болховецкій упоминаетъ (въ «Миссіонерскомъ Обзорѣніи» 1907 г., № 5, стр. 816) о «quasi—ученыхъ монашенкахъ, состоящихъ наперсниками спартанскихъ владыкъ».

²⁾ Отсюда—«при пагально поправшейся двигателями „ученыхъ монаховъ“ справедливости”—вытекало, что «воспитанники академій и во время своего обученія и послѣ, на службѣ въ духовно учебныхъ заведеніяхъ, не могли не развращаться такимъ наспіемъ надъ правдою и презрѣніемъ къ наукѣ и учебно-воспитательной пользѣ духовной школы» (Н. Болховецкій въ «Миссіонерскомъ Обзорѣніи» 1907 г., № 5, стр. 810), ибо, напр., «въ духовныхъ академіяхъ, этихъ разсалинахъ и начальства и учительства въ духовныхъ семинаріяхъ, ректорствуютъ исключительно монахи, и ректорствуютъ въ качествѣ заѣзжихъ на время на постоянный дворъ до полученія епархіальной касседы» (стр. 813). Воспитывалось «утилитарно-мѣщанское настроеніе: наука для жизни—нуль, нравственная порядочность тоже не цѣнилась, нужна одна наука—всеми возможными способами устроить себѣ обезпеченную жизнь, т. е. настроеніе, чуждое всякихъ дѣйствительнаго человѣческихъ идеаловъ. „Ученое монашество“ наше въ подавляющемъ большинствѣ первымъ слѣдовало этому настроенію и, будучи поощряемо сверху, развращало культурную силу духовной школы. Къ наукѣ оно собственно рѣдко прикасалось. Подъ знаменемъ церковности оно большею частію дѣлало себѣ карьеру. Руководимое имъ духовное юношество это чувствовало и „на законномъ основаніи“, такъ сказать, обворовывалось въ своихъ порывахъ къ идеаламъ „разумнаго, добраго, вѣчнаго“» (стр. 811). «Монашество это представляетъ собой теперь особый типъ людей, какъ и прочіе челоѣки, жаждущихъ мірскаго блага, но во имя и для сего отречшихся отъ сюртука для рясы. Этому „ученому монашеству“—наука собственно чужда и монастыри—неизвѣстны» (стр. 812). «„По неволѣ“ же ставить [такихъ] монаховъ ректорами „за послушаніе“ только (въ смыслѣ ли награды за послушаніе или въ качествѣ послушанія—все равно), значитъ за вѣдомо презирать ректорское дѣло, какъ таковое» (стр. 814).

³⁾ Объ этомъ «иноктѣ» см. «непосредственныя» свидѣтельства Н. Болховецкаго въ «Миссіонерскомъ Обзорѣніи» 1907 г., № 5, стр. 809—810. 811 подъ №№:—рамн 1 и 4-мъ.

немъ въ скромной роли надзирателя, помощника инспектора, сверхштатнаго поурочнаго преподавателя п т. п. И на инспекторскихъ сѣдальцахъ въ Академіяхъ возсѣдали иногда такіе иноки, о которыхъ, поистинѣ, «удобѣе молчаніе», а они все-таки скоро сподоблялись чести архіерейства, едва ли измѣняясь по природѣ; другіе же свободно разѣзжаютъ по отпускамъ и совсѣмъ не читають своихъ обязательныхъ лекцій... Стали сбѣгать (въ С.-Петербургѣ) не только академическіе эконотомы изъ свѣтскихъ, растратившіе деньги казенныя, студенческія и своихъ учителей—профессоровъ, но исчезали (въ Кіевѣ) внезапно даже семинарскіе ректора—архимандриты, квартиры которыхъ приходилось взламывать и находить тамъ совершенно неожиданныхъ насельниковъ. Подобные принцыпалы, конечно, удалялись, и пхъ смѣняли юные чернецы, сразу получавшіе у воспитанниковъ кличку «молокососовъ»¹⁾... Можно ли было ожидать тутъ авторитетности и вліятельности, да еще въ такое тревожное время²⁾?... Все это сразу создавало противоестественное положеніе и фатально вносило роковую дезорганизацію во всю духовную педагогію. Причина коренилась въ природѣ вещей, и никакія усилія самихъ молодыхъ монаховъ и корпорацій не могли устранить того, что было въ существѣ дѣла и требовало радикальнаго улучшенія именно въ послѣднемъ. Не пришло еще время писать правдивую исторію нашего педагогическаго монашества, а кое о чемъ и совсѣмъ нельзя говорить³⁾.

¹⁾ Ср. къ сему «Церк. Вѣдомости» № 37 за 16-е сентября 1906 года, стр. 4066, пунктъ XVII.

²⁾ Это относится не только къ духовной школѣ, но и ко всей церковной жизни. Приводимъ безъ всякихъ комментариевъ слова отъ 1-го іюля 1906 г. † К. П. Побѣдовосцева, которому никто не можетъ отказать ни въ авторитетности, ни въ пронизательности: «Удивляться надо всеобщему безумію. Видно, нѣчто роковое есть въ этомъ вниманіи со дна кѣмъ-то брошеннаго камня! И какъ будто никто не замѣчаетъ, какъ они подвизаются рѣзкими на воздухѣ, точно „воздухъ бѣ“, не имѣя подъ собою почвы. Какое же можетъ стоять зданіе безъ основанія? Какой домъ построишь, не соображая ни материка, ни почвы? И всѣ нынѣ проповѣдуютъ выборы! Какіе могутъ быть выборы, когда никто самъ на своихъ ногахъ не стоитъ и не имѣетъ твердаго мѣстна, кромѣ каприза!» См. въ брошюрѣ «Константинъ Петровичъ Побѣдовосцевъ въ его письмахъ» [къ А. В. Гаврилову], Спб. 1907, стр. 14, но этотъ пассажъ не былъ пропущенъ къ напечатанію въ «Прибавл. въ Церк. Вѣдом.» № 12 за 24-е марта 1907 года на стр. 544а...

³⁾ Конечно, о данномъ предметѣ писано и даже напечатано у насъ достаточно, но все это слишкомъ субъективно и пристрастно. Если одна сторона не прочь была признать Римъ II, 24 именно къ духовнымъ педагогамъ изъ монаховъ, то послѣдніе доселѣ (см. «Колоколь» № 311 за 8-е февраля 1907 г., стр. 5) рѣшительно обвиняють своихъ критиковъ, будто они «клеветаютъ (!?) на ученое (!?) монашество сознательно»... Бывали въ первомъ отношеніи крайнія преувеличенія (см. противъ о. проф. П. Я. Свѣтлова у епископа Каширскаго *Георгія*, гдѣ причина упадка духовной школы? въ журналѣ «Вѣра и Церковь» VIII [1906 г.], кн. 6—7, стр. 199—210), но безспорно, что ни у кого изъ свѣтскихъ дѣятелей духовнаго просвѣщенія нѣтъ даже самаго мѣтшаго принципіальной вражды къ монашеству, какъ подвигу христіанскаго устройства своего спасенія,—и я лично,—соглашаясь съ мнѣніемъ епископа Томскаго Макарія (въ «Отзывахъ епархіальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ», т. III, Спб. 1906, стр. 378), что «истинное паство есть подвижничество болѣе высокое, чѣмъ иночество»,—въ то же время нахожу вполне резонными соображенія архіепископа Финляндскаго Сергія (Страгородскаго) о взаимоотношеніи епископства и монашества (ibid., стр. 266—267: «всякій, кто ясно представляетъ себѣ всю глубину доступнаго человѣку самоотреченія, которая требуется отъ епископа, какъ продолжателя дѣла Ангга Божія, вземлющаго грѣхъ міра,—всякій, прежде чѣмъ принять на себя этотъ великій санъ

Впрочем, и теперь для безпристрастного наблюдателя незыблемо, что оно вольно и невольно способствовало падению педагогического уровня наших духовно-учебных заведений. Понизилось какъ будто и внѣшнее благочестіе, хотя Комитетъ давалъ точнѣйшія инструкціи касательно стихирь, антифоповъ, тропарей (см. «Циркуляръ» № 5 за 1889 г., стр. 8—13), предусмотрительно заботился о разстановкѣ воспитанниковъ по лучшимъ мѣстамъ въ церквахъ (№ 13 за 1893 г., стр. 36—36), а попеченія о нравственности простирались до того, что не допускалъ участія учениковъ даже въ «обществахъ благотворительныхъ, гимнастическихъ и другихъ» (№ 17 за 1897 г., стр. 5) и самимъ преподавателямъ официально воспрещалъ карточную игру въ клубахъ (№ 7 за 1890 г., стр. 2)... На практикѣ же получилось не «уповаемыхъ извѣщеніе», а нѣчто совсѣмъ обратное... Вѣдь извѣстенъ, напр., не очень давній случай, когда воспитанники южной (Таврической) Семинаріи обошлись со своею святыней болѣе непочтительно ¹⁾, чѣмъ университетскіе (Кіевскіе) студенты (изъ евреевъ?) съ иконой ²⁾... А въ одномъ

[если къ нему призвать], самъ почувствуетъ внутреннюю необходимость пережить то дѣйтельное отданіе себя въ жертву Господу, которое составляетъ (госп. должно составлять!) сущность монашества и, въ частности, чина постриженія; впрочемъ, въ послѣднемъ для меня есть нѣчто искусственное). Вся причина существующихъ обостреній заключается въ несомнѣнныхъ ненормальностяхъ положенія вещей, когда и нынѣ всю русскую Церковь желаютъ сдѣлать чисто монашескою (ibid. III, стр. 15: «не слѣдуетъ допускать ни одного свѣтскаго сюртучника на службу въ патриаршее или епархіальное управленіе. Главную силу въ Церкви долженъ имѣть монашескій духъ и дисциплина»), объявляютъ монашество «сущностію христіанства» (ibid. III, стр. 217), при постриженіи даже вдовыхъ священниковъ прямо провозглашаютъ, что они лишь теперь начинаютъ жить истинно христіанскою жизнью (ср. «Церковный Вѣстникъ» №№ 2 и 12 за 8-е января и 18-е марта 1904 г., стлб. 40 сл. 356 сл. и въ книгѣ епископа [архіепа. Финляндскаго] *Сергія*, Слова и рѣчи, Спб. 1905, стр. 131 сл. 138 сл.), рѣзко бичуютъ «реформатствующихъ іереевъ» («Отзывы» II, стр. 459) за «пресвитеріанское движеніе» (ibid. III, стр. 24), а стремящихся къ церковному соучастію зрящихъ прямо титулуютъ «разрушителями» (ibid. III, стр. 4) и видятъ у нихъ «дьявольскія ухищренія» (ibid. III, стр. 493), школы же духовныя на всѣхъ ступеняхъ—вплоть до Академій (ibid. I, стр. 179; II, стр. 353)—мечтаютъ превратить въ чисто монашескіе институты (ibid. I, стр. 130; II, стр. 137—138; III, стр. 389—390. 392 и др.)... Подобныя крайности, отзывающіяся на практикѣ чрезвычайно тяжело, иногда вынуждали къ атимонашескимъ разслабленіямъ и ограниченіямъ даже самыхъ коррективныхъ и авторитетныхъ лицъ (см. у бывшаго ректора и профессора С.-Петербургской Духовной Академіи, нынѣ о. протопресвитера *И. И. Янышева*, Православно-христіанское ученіе о нравственности, 2-е изданіе, Спб. 1906, стр. 7, с. 18, с. 200, с. 423, с. 423)... Болѣе спокойное, хотя довольно отвлеченное, разсмотрѣніе настоящаго вопроса мы встрѣтили въ брошюрѣ г. *С. Н. Введенскаго*, Наше ученое (?) монашество и современное церковное движеніе, Москва 1906.

¹⁾ Вообще для характеристики Таврической Семинаріи см. официальный документъ въ «Колоколѣ» № 341 за 17-е марта 1907 г.

²⁾ А изъ Вятки сообщаютъ (въ «Новомъ Времени» № 11.191 за 10-е мая 1907 года, стр. 5, стлб. 3, и въ «Колоколѣ» № 384 за 13-е мая 1907 г., стр. 3, стлб. 3), что въ 1907 году «на Пасхѣ нѣсколько семинаристовъ, очевидно освободившихъ себя отъ всякой совѣсти, носили иконы въ спальной комнатѣ общежитія, раскололи одну изъ нихъ на щепы для растопки печи, а остальные побросали въ ватеръ-клозетъ, а на мѣсто иконъ повѣсили метлу». Въ Тамбовѣ же семинаристы въ Страстной четвергъ, передъ отпразднованіемъ въ церковь къ св. причащенію, демонстративно на глазахъ начальства пили чай и ѣли колбасу и ветчину. Послѣ такого кощунства они невозбранно приступили къ величающему изъ таинствъ, востину оправдывалъ слова воспитываемаго въ тотъ день канона: «слава долготерпѣнію Твоему, Господи!» (см. «Свѣтъ» № 128 за 17-е мая 1907 г., стр. 1, стлб. 2)...

епархіальномъ женскомъ училищѣ былъ массовый эксцессъ возмутительнаго свойства по этой части ¹⁾... Совсѣмъ недавно Симбирскіе семинаристы устроили «химическую обструкцію» даже въ самой своей церкви во время богослуженія ²⁾, Петербургскіе же привѣтствовали (чрезъ газеты) торжественнымъ адресомъ «освободительнаго» члена Думы «священника» Тихвинскаго и отъ имени предстоящаго выпуска 1907 года въ своемъ печатномъ (въ газетѣ «Русь») обращеніи къ «совѣту профессоровъ С.-Петербургскаго университета» прямо заявляютъ, что у нихъ «нѣтъ ни призванія, ни желанія идти въ священники и въ духовную академію» ³⁾, т. е. именно туда, куда ихъ специально готовили цѣлыхъ 10—11 лѣтъ ⁴⁾. Факты эти глубоко горестны, но не слѣдуетъ спорить противъ очевидности ⁵⁾,

¹⁾ Во время своихъ занятій въ С.-Петербургской епархіальной комиссіи (въ концѣ 1995 г.) мы съ удовольствіемъ убѣждались, что изъ всей столичной духовно-учебной молодежи самыя разумныя пожеланія заявили воспитанницы Исидоровскаго женскаго училища. Къ прискорбію, зараза стала проникать и въ эту среду, куда послѣдній обще-семинарскій съѣздъ (см. ниже стр. 105,, 126) направилъ особое воззваніе «товарищамъ-епархіалкамъ» съ приглашеніемъ войти въ эту организацію, устроить «освободительные» кружки и пр. Начали образовываться (въ г. Курскѣ) «сознательныя епархіалки» буйнаго типа (см. «Колоколь» № 363 за 12-е апрѣля 1907 г., стр. 3), а было слышно даже и то, что (въ одномъ изъ поволжскихъ городовъ) онѣ требовали дозволенія для себя на легальные и «гражданскіе» браки еще во время обученія, ибо-де нельзя стѣснять свободу любви... О Курскихъ воспитанницахъ ревидоръ Д. И. Тихомировъ пишетъ: «онѣ въ октябрѣ 1906 г.,—въ то время, когда въ Курской семинаріи волненія производились „группою сознательныхъ семинаристовъ“,—у себя въ училищѣ (съ 11 по 21 октябріа) также многократно поднимали шумъ, крикъ, стукъ въ спальняхъ комнатахъ, корридорахъ, столовой и другихъ комнатахъ, тушили электричество, пѣли марсельезу, устраивали кошачьи концерты и проч.» (см. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 21 за 26-е мая 1907 года, стр. 849—250)... Этого слишкомъ достаточно, чтобы задуматься о состояніи епархіальныхъ женскихъ училищъ, о которыхъ даже не поднималось и вопроса при обсужденіи учебныхъ дѣлъ на Пресоборномъ Присутствіи..., но см. стр. 88, прим.

²⁾ См. «Новое Время» № 11.159 за 6-е апрѣля 1907 года, стр. 6, стлб. 2, и «Колоколь» № 360 за 8-е апрѣля 1906 г., стр. 3, изъ «Симбирянина».

³⁾ Объ этихъ же семинаристахъ «Русь» сообщаетъ (№ 149 за 10-е іюня 1907 года, стр. 4, стлб. 6): «Окончили полный курсъ Слб. Духовной Семинаріи въ текущемъ (1907) году 42 ч., изъ нихъ только 8 ч. принимаютъ священство, остальные же поступаютъ въ высшія свѣтскія учебныя заведенія, или же идутъ въ сельскіе учителя». А «Колоколь» поясняетъ (№ 409 за 14-е іюня 1907 г., стр. 2, стлб. 2): «Такое бѣгство г.г. питомцевъ духовной школы отъ служенія вскормившей и воспитавшей ихъ церкви лишній разъ—и весьма ярко—указываетъ на потерю нынѣшней Духовной Семинаріей ея духовнаго облика, на утрату духа церковности въ строгъ нынѣшняго обученія и воспитанія нашей духовной молодежи». См. еще стр. 105,,.

⁴⁾ См. еще категорическое заявленіе Тобольскихъ семинаристовъ (въ сборникѣ «Духовная школа», Москва 1903, стр. 278, и ср. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. II, стр. 491а): «принимавшихъ санъ священства по искреннему убѣжденію изъ окончившихъ нашу семинарію мы ни одного не знаемъ»... Неужели мы должны согласиться съ извѣстнымъ публицистомъ М. О. Меньшиковымъ (въ фельетонахъ «Новаго Времени» №№ 11.174 и 11.208 за 21-е апрѣля и 27-е мая 1907 года), что «духовная школа потеряла секретъ давать духовныхъ пастырей» и что «даже сама святыня не осталась въ иной душѣ русской—даже семинарской, даже поповской душѣ»?

⁵⁾ У насъ даже самыя авторитетныя іерархическо-духовныя власти любятъ считать, что нынѣ забастовки, волненія, безпорядки происходятъ и въ тѣхъ Семинаріяхъ, гдѣ ректорами состоятъ протоіерей. Тяжело опровергать это очевидное и пристрастное недоразумѣніе... Фактъ, конечно, вѣренъ, но надобно задуматься въ его генезисъ и природу. Вѣдь вся важность въ томъ, откуда пошло, какъ и кѣмъ создалось теперешнее страшное положеніе духовной школы? А здѣсь для отвѣта достаточно констатировать, что при прежнихъ выборныхъ семинарскихъ ректорахъ изъ благаго духовнаго ничего подобнаго не было и не предвидѣлось... Когда же все испортилось и разстроилось, тутъ и героическія отдѣльныя усилія хотя бы геніевъ не могутъ поправить дѣла, пока не

если мы искренно ищем доброй пользы для духовной школы, которая для своей плодотворности должна обновиться, «яко орля»¹⁾. Въ этомъ монашески—начальническомъ увлеченіи Учебный Комитетъ не вполне

будетъ радикально-обновительной и возражающей реформы. Значитъ, всё подобныя рѣчи убѣждаютъ развѣ въ томъ, что требуется ужасающій громъ гнѣва Божія, чтобы мы перекрестились и, благословясь, начали соображать своимъ «крѣпкимъ заднимъ умомъ»... Позволительно упомянуть еще и о томъ, что новые «бѣды» ректора назначались административно, а не выборно, часто вопреки общему голосу духовенства и педагогическаго міра и всегда безъ ихъ участія, которое въ большинствѣ случаевъ едва ли одобрило бы подобныя «промоціи» иногда подозрительнаго свойства (см. ниже стр. 116)... Такъ, я имѣю самолюбивѣйшій фактъ, что въ одной многолюдной и не спокойной Семинаріи (В-ской) при замѣщеніи свободной ректорской вакансіи рѣшающую роль играютъ «соборяне» (т. е. нѣкоторые близкіе къ архіерею члены соборнаго клира), хотя мнѣніе корпораціи совѣтъ иное.

1) А еще академическіе ректора заявляли, что «на академію въ нашей средѣ, къ сожалѣнію, привыкли смотрѣть, какъ на удобный способъ избѣжать духовнаго званія» (см. «Церковный Вѣстникъ» № 2 за 8-е января 1904 г., стлб. 41 и у епископа *Сергія*, Слова и рѣчи, Спб. 1905, стр. 133), при чемъ иногда (напр., въ Казани) студенты отказываются пѣть въ своей церкви иначе какъ за плату... Значитъ, не идетъ ли теперь дѣло и къ принципиальному отрицанію?.. Вѣдь свидѣлствуетъ же «Колоколъ» (въ №-рѣ 364 за 13-е апрѣля 1907 года, стр. 2—3) о «движеніи семинаристовъ... *противъ богослуженія*»... Напр., въ Тамбовской Семинаріи въ послѣднее время воспитанники занялись изданіемъ подпольнаго журнала «Факелъ» и здѣсь «не только всячески глумятся и издѣваются надъ своимъ начальствомъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ неугодымъ имъ, но,—чтобы добиться „свободы“,—призываютъ всѣхъ своихъ товарищей къ забастовкѣ—отказаться отъ посѣщенія богослуженія» (см. «Колоколъ» № 395 за 26-е мая 1907 года, стр. 2, стлб. 4)... Самъ «Тамбовскій семинаристъ» пишетъ, что его коллеги «рѣшились добиться отмены обязательнаго посѣщенія богослуженій, рѣшили не ходить въ церковь. Первоклассниковъ силой принуждали не идти въ церковь. У всенощной были только 5-й и 6 классы, пѣвчіе, да человекъ 20 изъ низшихъ классовъ, не послушавшихся „убѣдительныхъ“ доводовъ товарищей... Отъ бездѣлья семинаристы энергично взялись за политику (прошлогодняя демонстрація въ стѣнахъ Семинаріи съ красными флагами и революционными лѣнгами, забастовка 1 мая, выстрѣлъ въ предсѣдателя „союза русскихъ людей“, арх. Θεодора, облитіе кислотой Царскаго портрета, звѣрское покушеніе на о. Симеона, приговоръ къ смерти нѣкоторыхъ преподавателей). Нѣкоторые изъ семинаристовъ состоятъ въ боевой дружинѣ с.-р. (двое посылали письма г-ну Платинину за печатью боевой дружины социаль-революціонеровъ съ требованіемъ денегъ на нужды революціи). Тамбовская Семинарія числится въ союзѣ 32 Семинарій. На декабрьскомъ Московскомъ съѣздѣ союзниковъ былъ депутатъ и отъ Тамбовской Семинаріи. На этомъ съѣздѣ было рѣшено приступить къ террористическимъ мѣрамъ противъ начальства и первой жертвой этого постановленія былъ о. Симеонъ. А теперь носятъ слухи, что къ смерти приговорены нѣкоторые изъ преподавателей. Въ Семинаріи есть свой комитетъ,—внѣрѣе подготдѣлъ революціоннаго тамб. комитета. Эготъ комитетъ имѣетъ свой органъ—„Факелъ“, собираетъ пожертвованія на нужды убійцъ, политическихъ заключенныхъ, завѣдуетъ подпольной бібліотекой, состоящей главнымъ образомъ изъ массы копѣечныхъ брошюръ по аграрному вопросу, противъ церкви и государства, сочиненій Ренана, Дарвина, Ницше и др.» (см. «Колоколъ» № 383 за 12-е мая 1907 г., стр. 3, стлб. 2—3). Въ Нижегородской Семинаріи «13-го мая между 3 и 5 часами дня воспитанники совершили страшное кощунство: въ своей церкви разбили изъ сада камнемъ окно въ рамѣ, на горнемъ мѣстѣ, затѣмъ отворили разбитое окно и ножемъ разрѣзали крестообразно икону „Моленіе о Чашѣ“, написанную на полотнѣ и вставленную въ окно и, наконецъ, бросили два камня чрезъ образовавшееся въ иконѣ отверстіе, при чемъ одинъ камень упалъ на св. плащаницу, а другой, не долетѣвъ до св. престола, упалъ у седмишвѣтника» (см. «Колоколъ» № 394 за 24-е мая 1907 года, стр. 2, стлб. 4)... Откуда, почему и когда пошло все это, развѣ для «старыхъ» Академій (напр., С.-Петербургской) «характеристическою чертой» было такое явленіе, что громадное большинство питомцевъ посвящали себя *священническому* и преподавательскому служенію (*А. С. Родоскій*, Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII-ми курсовъ С.-Петербургской Духовной Академіи: 1814—1860 гг., Спб. 1907, стр. LXXXIV), а нынѣ мы видимъ совсѣмъ обратное (ср. у проф. *А. А. Бронзова* въ «Странникѣ» 1907 г., № 4, стр. 634; см. и выше стр. 104-я.), хотя прежде спросъ на академическихъ кандидатовъ для свѣтскихъ профессій былъ неизмѣримо больше?..

повиновенъ и самъ часто творилъ, «не еже хотѣлъ» ¹⁾, будучи страдательнымъ орудіемъ по причинѣ ненормальности своего устройства, рабски подчинившаго этотъ институтъ возобладавшимъ тенденціямъ церковно-правительственной политики. При всемъ томъ для него была ясна грозившая опасность, а онъ не изрекалъ ни звука и повиновался тогда, когда молчаніе хуже нарушенія; между тѣмъ требовалось необязанно исполнять божественно-спасительный заветъ (Дѣян. XVIII, 9): *молчи, и да неумолкнешь...* Вѣдь еще римско-каноническій афоризмъ (Бонифація VIII) гласитъ: *Qui tacet, consentire videtur*.

Ошибочная система давила все учрежденіе и всѣхъ его дѣятелей. Тою порой отмѣненное настроеніе приобрѣтало господство и всячески поощрялось «предержащими властями», потому что давало имъ рѣшительное средство перегонять духовно-педагогическихъ «правителей» по картѣ Россійской Имперіи съ не меньшею легкостью, чѣмъ пѣшки на шахматной доскѣ. Отсюда опять новое неблагопріятное слѣдствіе отъ подобныхъ калейдоскопическихъ передвиженій ²⁾. Нетерпимый въ одномъ мѣстѣ—педагогъ-начальникъ долженъ бы былъ прямо удалиться съ педагогическаго поля, но его переводили въ равноправный педагогическій институтъ, какъ будто педагогическое дѣло не вездѣ тождественно и не требуетъ всюду преданныхъ и опытныхъ работниковъ (см. и ниже стр. 116, прим. 127). Разсуждали и поступали иначе, неизбѣжно утверждая тотъ взглядъ, что духовно-школьное служеніе есть своего рода «прібѣжище заяцемъ»... Иллюстрацій этому слишкомъ много. Довольно напомнимъ для примѣра, что люди, неудобные въ качествѣ членовъ Консисторій, получали отвѣтственные смотрительскіе посты въ важнѣйшихъ пунктахъ, начинали чрезъ близкихъ имъ податливыхъ архіереевъ хозяйничать чуть не по всей епархіи и, не смотря на официальный запретъ (см. «Циркуляръ № 11 за 1892 г., стр. 6—7), совмѣщаютъ здѣсь еще священническія обязанности настоятеля городской церкви,—вопреки достойнѣйшимъ конкурентамъ, а ужъ кажется, на что плоха была слава нашихъ консисторскихъ заведеній...

Понятно, что при описанныхъ условіяхъ педагогическое дѣло стремительно падало. Индивидуальное творчество поглотилось безцвѣтною

¹⁾ Впрочемъ, теперь для меня и это сомнительно, судя по слѣдующему извѣстію: «Въ виду участившихся за послѣднее время нестроенія въ Духовныхъ Семинаріяхъ, при чемъ, въ большинствѣ случаевъ, является недовольство учащихся монашествующимъ начальствомъ, (по словамъ „Голоса Правды“) Учебный Комитетъ при Св. Синодѣ возбуждаетъ, по слухамъ, вопросъ о томъ, чтобы въ Духовныхъ Семинаріяхъ одна изъ должностей—ректора или инспектора—замѣшалась лицомъ изъ блага духовенства или даже однимъ изъ старѣйшихъ преподавателей Семинарій» (см. «Колоколъ» № 387 за 17-е мая 1907 года, стр. 2, столб. 3). И никогда не повѣрилъ бы этому странному «мѣропріятію», еслибы не зналъ хорошо Учебнаго Комитета, способнаго только къ шаблону и механикѣ по четыремъ дѣйствіямъ ариметики. Вѣдь прямо обидно напоминать, что здѣсь рѣчь должна быть не о внѣшнемъ положеніи лицъ, а объ ихъ достоинствахъ и пригодности къ педагогическому «правленію», что и монахи бывають хорошими, бѣлыми же и свѣтскіе плохими и наоборотъ etc. Все это ясно для младенцовъ, но Учебному Комитету какъ будто невѣдомо, и онъ хочетъ удивить міръ новымъ педагогическимъ раритетомъ...

²⁾ См. поразительныя данныя у г. С. (И. Соколова), къ вопросу о постановкѣ дѣла воспитанія въ Духовныхъ Семинаріяхъ въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1905 г., № 4, стр. 784—785; ср. въ сборникѣ «Духовная школа» (Москва 1906), стр. 132.

сѣренькою формой, и она возводилась въ идеалъ. Водворялась покорная корректность при холодномъ безучастіи и канцелярской мелочности ¹⁾. Благостные начальники и ревнительные преподаватели были неугодны самою своею правдой ²⁾. Мнѣ извѣстно, что начальство внушало членамъ одной семинарской (В—ской) корпораціи возможно меньше ставить неудовлетворительныхъ балловъ, предупреждая, что—при обиліи таковыхъ—это будетъ зачтено въ вину ихъ педагогической неопытности; такимъ даже прямо угрожали (въ П—гѣ), что изъ столицы они будутъ удалены гораздо подальше тѣхъ трущобныхъ мѣстъ, откуда пріѣхали ³⁾. И вотъ худое превратилось въ хорошее, но съ избѣжнымъ результатомъ, что послѣднее потеряло всякую цѣнность. Чтò изъ этого вышло въ школѣ и жизни,—ясно безъ словъ, а я только спрошу, нѣтъ ли именно здѣсь нѣкоторой разгадки того печальнаго явленія, что юношество нынѣ съ легкимъ сердцемъ совершаетъ и одобряетъ самые возмутительные акты съ видомъ по ореоломъ

¹⁾ Самъ Комитетъ констатируетъ канцеляризмъ ректора, формализмъ и мелочность инспектора при безучастномъ отношеніи послѣдняго къ питомцамъ (см. «Циркуляръ» № 11 за 1892 г., стр. 50—52), даже формалистическую холодность цѣлой корпораціи одного Училища (№ 8 за 1890 г., стр. 36—37).... Бывали, дѣйствительно, страшные примѣры въ этомъ родѣ... Я самъ знаю случай, что вечеромъ выбросили чуть не мальчика въ трескучій декабрьскій морозъ (1884 года) изъ семинарскаго зданія (въ Виваніи близъ Сергіева Посада) прямо на улицу, когда кругомъ не было ни единого частнаго дома ближе 4-хъ верстъ; страстное заступничество «профессорскаго стипендіата» († А. И. Струнникова), который напелъ потомъ на грязномъ постояломъ дворѣ несчастнаго изгнанника съ жалкими пожитками, притащенными на собственной спинѣ, лишило его профессуры, а семинарскій ректоръ (о. А.) вскорѣ удостоился епископства (въ Калугѣ)... На личномъ опытѣ навѣдалъ, какъ одинъ изъ первыхъ студентовъ Академіи былъ увозенъ съ четвертаго курса за полгода до окончанія и едва не попалъ въ солдаты по ложному подозрѣнію, при чемъ властный начальникъ (Хр.) на всѣ резонныя объясненія сурово твердилъ: «извѣстно, что въ такихъ случаяхъ всегда страдаютъ невинные»... (Объ этомъ случаѣ со мною въ 1887 году и съ проф. П. В. Тихомировымъ въ 1890 г. упоминается и въ объяснительной запискѣ къ проектамъ академическаго устава Московской Духовной Академіи на стр. 24). И это говорилъ человѣкъ въ санѣ святительскомъ!... (О данномъ лицѣ см. у проф. А. И. Лебедева въ «Вогословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 168—169 и въ «Запискахъ» † архіеп. Саввы ibid. 1907 г., № 4, стр. 529—530). Впрочемъ, не долгъ ректорская репутація его была разгадана по дѣйствіямъ побочнымъ, а первовинновникъ всей исторіи изъ инспекторскаго персонала кіевлянинъ же († іеромонахъ Макарій Орловъ) прославился весьма печально; тѣмъ не менѣе академическій владыка получилъ послѣ самостоятельныя епархіи, гдѣ заявилъ себя съ доброй стороны, но за-то на себѣ испыталъ всѣ горькія тяготы подобнаго властвованія... По-истинѣ, *ἐλπίς αἰς ὑμῶν ἀρχισιν* (B. Theodoret, Eranistes II: Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 168B), ибо для этихъ лицъ всегда вѣрно: *ὁμᾶς τοῖς ὁμωτέροις βέλγησθε, κατὰ τὴν παροιμίαν, πτεροῖς ἢ πτελοῖς* (B. Theodoret, Graecarum affectionum curatio, sermo I: Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 805B и по изданію Joannes Raeder, Lipsiae 1904, p. 19), почему *σαυτὸν τοῖς τοῖς ἐβαλες βέλαιον* (Eran. III loc. cit., col. 260A)...

²⁾ Такъ, смотритель Тотемскаго Училища (Вологодской губерніи) С. И. Бѣляевъ (по семинарскому прозванію «Гасило») подвергся комитетскимъ ирешеніямъ за слишкомъ близкія отношенія къ своимъ питомцамъ—даже до организаціоннаго участія въ ихъ играхъ; хотя при этомъ онъ нимало ни терялъ ни попечительности отца, ни авторитетности начальника. За это его возвратили въ «первобытное состояніе» — преподавателя церковной исторіи, но только не въ Вологдѣ, а въ Крехеницѣ, гдѣ онъ вскорѣ (17-го ноября 1899 года) и скончался. См. о данномъ лицѣ у А. С. Родосскаго, Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXXIII-ми курсовъ С.-Петербургской Духовной Академіи (1814—1860 гг.), Спб. 1907, стр. 63 подъ словомъ: «Бѣляевъ Сергій Ивановичъ».

³⁾ И самъ Комитетъ благопопечительно заботится о «неослабномъ исполненіи» требованій «объ ежемѣсячныхъ отмыткахъ успѣховъ учениковъ» (см. «Циркуляръ» № 9 за 1891 г., стр. 4).

психопатического героизма ¹⁾? Вспомнимъ, что всякая педагогія у насъ заброшена и пала ²⁾, а во всѣхъ другихъ заведеніяхъ молодые люди также воспитываются «по ту сторону добра и зла» ³⁾: — тогда многое

¹⁾ И вотъ о такомъ-то юншества — при «разрушеніи школы» (см. «Колоколъ» № 362 за 11-е апрѣля 1907 года, стр. 1) — свидѣлствуютъ (*В. С. Кривенко* въ «Новомъ Времени» № 11.164 за 11-е апрѣля 1907 года, стр. 14), что «доминирующее положеніе въ русскомъ политическомъ движеніи заняла учащаяся молодежь»!... А нѣкогда думали: *sunt pueri, pueri puerilia tractant* — согласно Апостолу (1 Кор. XIII, 11)...

²⁾ Вотъ что говорить г. Л — й въ «Новомъ Времени» № 11.225 за 14-е іюня 1907 года, стр. 3 стлб. 2: «Въ дѣлѣ просвѣщенія мы не только не двинулись впередъ, а отошли назадъ. Уровень научной и педагогической дѣятельности понизился, опустылась „трудолюбивая пылливость“, за-то выросли самонадѣянность, болтливое резонерство и пичливость призрачнымъ, кажущимся образованіемъ»...

³⁾ Для иллюстраціи достаточно указать на «Огарки» (—название взято изъ разсказа Л. Андреева) или «Тайное общество пива и воли», образовавшееся въ г. Орлѣ среди самой зеленой гимназической молодежи мужскаго и женскаго пола (—къ счастью, кромѣ духовной: см. «Колоколъ» № 391 за 22-е мая 1907 г., стр. 3, стлб. 3) — съ явно циническими задачами, которыя нисколько не прикрываются, а даже афишируются на страницахъ мѣстныхъ газетъ, ставятся въ связь съ политическимъ положеніемъ страны, защищаются не только несчастными участниками, но «литераторами» и зрѣлыми людьми изъ публики etc. См. о семъ «Новое Время» № 11.145 (за 23-е марта 1907 года) и ср. № 11.153 (за 31-е марта), № 11.178 (за 27-е апрѣля, стр. 5, стлб. 1). При этомъ нужно знать и помнить, что — въ той или иной формѣ — подобные союзы учениковъ существуютъ во многихъ педагогическихъ центрахъ (см. еще «Новое Время» № 11.156 и 11.182 за 3-е апрѣля и 1-е мая, стр. 6, стлб. 2, стр. 6, стлб. 5 — 6; «Колоколъ» № 357 за 5-е апрѣля, стр. 4, стлб. 3)... Незрѣлые юнцы въ формахъ хулиганствуютъ и разбойничаютъ въ Калугѣ (см. «Новое Время» № 11.231 за 20-е іюня, стр. 4, стлб. 2), производятъ публичные скандалы на глазахъ избраннаго общества и учиняютъ здѣсь дерзкія насилия даже надъ генералами (см. о подобномъ казусѣ на концертѣ въ г. Павловскѣ, близъ С.-Петербурга, вечернія «Виржевыя Вѣдомости» № 9.906 за 21-е мая 1907 года, стр. 6, стлб. 2—3, и «Колоколъ» № 391 за 22-е мая, стр. 4, стлб. 1); интеллигенты и студенты активно участвуютъ въ петербургскихъ экспроприаціяхъ (*ibid.*, вечерній № 9.951 за 18-е іюня, стр. 3, стлб. 2)... Стали аксіоматически говорить объ «одичавіи» учащейся молодежи (см. «Колоколъ» № 410 за 15-е іюня 1907 г., стр. 2, стлб. 2, изъ «Русской Рѣчи»). Духовные питомцы теперь какъ-будто менѣе извѣстны подобными подвигами, но «Тамбовскій семинаристъ» пишетъ (въ «Колоколѣ» № 383 за 12-е мая, стр. 3, стлб. 2): «Главный грѣхъ Семинаріи, какъ духовной школы, — недостатокъ религіозной настроенности ея питомцевъ. Пойдите въ семинарскую церковь къ обѣднѣ или всенощной. Тамъ вы увидите челоуѣкъ 300 семинаристовъ и даже того менѣе (всѣхъ семинаристовъ около 700 чел.). Прежде всего вамъ бросится въ глаза порядокъ, въ которомъ они стоятъ; выраженное лицъ — скучающее; крестятся какъ-то нехотя, машинально; переглядываются съ знакомыми гимназистками (порядочная публика уже рѣдко ходитъ въ семинарскую церковь, смущаясь этихъ перекрестныхъ взглядовъ); изъ рядовъ семинаристовъ слышатся громкіе, иногда совершенно неприличные разговоры, кашель, шарканье ногами по полу и т. д... Посмотрите теперь, что семинаристы читаютъ и какъ читаютъ: болѣе всего въ Семинаріи имѣютъ успѣхъ Ренанъ, Дарвинъ, Ницше и масса „конфетныхъ“ брошюръ нигилистическаго содержанія. Все это читается съ жаромъ, а о критическомъ отношеніи здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Съ упадкомъ религіозности упала и нравственность. Среди семинаристовъ развито пьянство и хулиганство (здѣсь всѣмъ извѣстно, какъ много семинаристовъ и за что сидѣли въ полицейской части), картежная игра и даже воровство»... А что бывало по этой части въ Университетахъ вовсе не «отай», — о томъ «срамно есть и глаголати»... Это уже симптомъ губельнаго нравственнаго распада, проникающаго до послѣдней глубины!... *Аше ми начатокъ святъ, то и примыченіе: и аше корень святъ, то и плоды* (Рим. XI, 16)... Въѣдъ издаются (Москва 1907 [1906] г. въ серіи: «Свободное воспитаніе и образованіе» подъ редакціей Н. Г о р б у н о в а - П о с а д о в а, вып. 6-й) даже книги въ «Борьбу за свободную школу» (*К. Н. Вестцеля*) и спеціальныя педагогическія журналы, проповѣдующіе устройство «новыхъ школъ» на социалистическихъ началахъ безъ библейской религіи и безъ христіанской морали (ср. и С.-Петербургскій «Пѣкъ» № 12 за 25-е марта 1907 года, стр. 146—148)... А въ Ригѣ «союзъ мѣстныхъ учителей на послѣднемъ своемъ съѣздѣ принявъ резолюцію, согласно которой члены должны всячески бороться противъ преподаванія въ училищахъ закона Божьяго; воспитывать дѣтей въ матеріалистическихъ воззрѣніяхъ

если не вполне объяснится для насъ, то станеть ближе къ нашему пониманію, хотя и гораздо чувствительнѣе для нашей совѣсти, которую мы привыкли усыплять фарисейскими ссылками на необузданность новаго молодого поколѣнія... Въ связи съ другими факторами это раскроетъ намъ, почему духовная школа пришла къ печальному разстройству, ибо въ основѣ сего лежатъ причины не интеллектуальнаго, а моральнаго свойства ¹⁾; во всякомъ случаѣ вторыя создали почву, ростъ и силу для первыхъ ²⁾.

и всячески дискредитировать въ глазахъ народа официальную церковь» (см. телеграмму въ вечернемъ №-рѣ 9.898 «Биржевыхъ Вѣдомостей» за 16-е мая 1907 года на стр. 1)... Поучительны и слѣдующія постановленія С.-Петербургскаго родительскаго кружка: «1) Родители, дома и въ школѣ, сами избираютъ религію для своихъ дѣтей, но ихъ долгъ съ уваженіемъ относиться къ другимъ религіямъ и насильственно не подавлять въ дѣтяхъ такихъ идей, которыя не согласуются съ религіозными взглядами родителей. Родители—атеисты должны воздерживаться отъ исключительнаго вліянія на дѣтей въ дѣлѣ религіозно - нравственнаго воздѣйствія. 2) Религіозное воспитаніе въ семьѣ, начинаясь съ ранняго возраста ребенка, не должно подавлять въ немъ ни физическихъ, ни духовныхъ силъ. Религіозное обученіе, которому школа удѣляетъ больше вниманія, чѣмъ религіозному воспитанію, можетъ быть ввѣряемо не только духовенству, но и другимъ лицамъ съ богословской подготовкой. 3) Для христіанъ изученіе Ветхаго Завета не должно предшествовать Новому Завету. 4) Для укрѣпленія религіознаго мировоззрѣнія можно пользоваться данными различныхъ наукъ, но не слѣдуетъ опровергать то, что считается въ наукѣ неизбѣжимымъ; должно отличать вѣру и знаніе. Заучиваніе текстовъ навзусь излишне. 5) Столь важное для религіознаго подѣма посѣщеніе богослуженія должно основываться на нравственномъ вліяніи законоучителей и воспитателей. Самое богослуженіе должно быть освобождено отъ того, что объясняется лишь историческими традиціями и не имѣетъ связи съ настоящимъ эпохой. Въ него должно быть введено большее активное участіе со стороны мірянъ—взрослыхъ и дѣтей наравнѣ. Слѣдуетъ изучать смыслъ богослуженія, а не учить наизусть молитвы, читаемыя священнослужителями. 6) Для лучшей постановки преподаванія законоучитель долженъ назначаться лишь на извѣстный срокъ на основаніи избранія, въ которомъ участвуютъ родители, педагоги и представители церкви. 7) Отмѣтки и экзамены по закону Божію должны быть уничтожены. Помимо этого мнѣнія большинства собранія С.-Петербургскаго родительскаго кружка, представлено было и отдѣльное мнѣніе, требующее болѣе значительныхъ реформъ въ постановкѣ религіознаго воспитанія» (см. «Биржевыя Вѣдомости» вечерній № 9.912 за 24-е мая 1907 года, стр. 6, столб. 1—2). Имѣются еще самыя авторитетныя свидѣтельства, что даже въ военно-учебныхъ заведеніяхъ господствуетъ у воспитанниковъ «непростительно слабое знакомство не только со Св. Писаніемъ вообще, но даже съ Евангеліемъ» (см. извлеченіе изъ приказа по военно-учебнымъ заведеніямъ Августѣйшаго главнаго начальника въ №-рѣ за 13-е мая 1907 года «Русскаго Ивалида» и въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 24 за 16-е іюня 1907 г., стр. 9666)... Кажется, теперь педагогическимъ девизомъ и идеаломъ становится формула: ni maître, ni Disciple..., но частію потому, что tel maître, tel valet... Ср. ниже стр. 127.

¹⁾ Ср. еще фельетонъ *М. О. Меньшикова* въ «Новомъ Времени» 11.180 за 29-е апрѣля 1907 года.

²⁾ Въ этомъ отношеніи къ нашимъ временамъ гораздо больше, чѣмъ къ 80-мъ годамъ прошлаго столѣтія, примѣнимы разъясненія и предостереженія къ извѣстной брошюрѣ *† А. И. Побѣдоносцева*, Доброе слово воспитанникамъ Духовныхъ Семинарій и Академій по поводу нынѣшнихъ страшныхъ событій, Спб. 1881. Какъ мало въ этомъ отношеніи дѣло измѣнилось къ лучшему и какъ далеко шагнуло къ худшему,—видно изъ того, что этотъ государственный мужъ и великій знатокъ духовной школы не задолго (въ февралѣ 1907 г.) до смерти († 10-го марта 1907 года) прямо назвалъ Семинаріи «домами разврата» (см. въ брошюрѣ «Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ въ его письмахъ» [къ А. В. Гаврилову], Спб. 1907, стр. 16, по оттиску изъ «Прибавленій къ Церковнымъ Вѣдомостямъ» № 12 за 24-е марта 1907 года, но здѣсь на стр. 5446 данныя слова тоже опущены...). Какое страшное признаніе!... Однако его высказалъ (—со своей точки зрѣнія и въ еще болѣе грубой формѣ—) рѣшительно о всѣхъ русскихъ правительственныхъ школахъ (не исключая Духовныхъ Академій, специально упомянутыхъ) и графъ *Л. Н. Толстой*, если вѣрить «интервьюеру» «Биржевыхъ Вѣдомостей» (см. фельетонъ въ вечернемъ №-рѣ 9.862 этой газеты за 24-е апрѣля 1907 года)...

Какъ видно, кризисъ этотъ подготовлялся давно. Своевременными предупредительными мѣрами морально-воспитательнаго характера можно было предотвратить его, разъ духовно-учебные институты долго оказывались болѣе твердыми даже при всеобщемъ педагогическомъ бурленіи и при всяческихъ эксцессахъ. Къ сожалѣнію, Учебный Комитетъ давно потерялъ ключъ къ успѣшной діагностикѣ и направлялся по невѣрной дорогѣ. Онъ замкнулся отъ жизни, которую замѣнила бумага, вытравившая самую нужду общенія съ нею. Непосредственный педагогическій голосъ сталъ ненадобенъ, а потому и не достигалъ до центра, куда сыпались формально-корректные «отчеты» и «отзывы». До Учебнаго Комитета доходили только рѣзкія проявленія школьного кипѣнія, — и, не зная всѣхъ глубинъ и теченій педагогическаго моря, центральное управленіе считало всѣ ненормальности мѣстной рябью или мертвою зыбью отдаленной миновавшей бури ¹⁾. Естественно, что все вниманіе было устремлено лишь на подавленіе крайностей, для чего имѣлся подъ руками готовый кадръ членовъ—ревизоровъ. По самому строю комитетскому, теперь не требовалось жизненныхъ педагогическихъ наблюденій и «опытной» провѣрки комитетскихъ «предначертаній», предлагавшихся къ безпрекословному механическому исполненію. Съ другой стороны, — при неизвѣстности истиннаго генезиса духовно-педагогическихъ вспышекъ — вся задача сводилась не къ изученію и профилактикѣ, а чуть ли не единственно къ тушенію пожаровъ, чтобы наружно царили тишь да гладь, хотя и безъ Божьей благодати, никогда не бывающей въ искусственно и случайно дезинфицируемой атмосферѣ. Такъ съ роковою неизбежностію педагогическое ревизорство превратилось въ полицейское, — помимо качествъ, волн и желанія лицъ, отмѣченныхъ многими достоинствами въ прежнее время или на иныхъ должностяхъ. Люди чисто педагогическаго склада, вскрывавшіе дѣйствительныя педагогическія раны, были просто «не по сезону» и ихъ держали въ загонѣ подъ разными предлогами, что это «монахобойцы» и «монахофобы», дисгамонирующие съ господствующимъ режимомъ, и т. п. Ревизоры новой формации по необходимости превратились въ своеобразныхъ усмирителей, а эта роль столь общедоступна, что и начали поручать ее совершеннымъ юнцамъ, едва сошедшимъ со студенческой скамейки и перескакивавшимъ въ Учебный Комитетъ черезъ прямо отрицательныя инстанціи, благодаря случайнымъ вершителямъ, которые ранѣе имѣли касательство къ духовному вѣдомству развѣ по прописки — разностороннему толкованію слова *spiritus*. И легко догадаться, что *такіе* чиновники часто расправлялись со всѣми приемами укротителей, видѣвшихъ въ подвѣдомыхъ школахъ лишь плохо

---

¹⁾ Между прочимъ, здѣсь часто указываютъ на общее политическое состояніе, яко бы обуславливающее духовно-школьную дезорганизацию, но, во-1-хъ, прежде именно Семинаріи были излюбленными пріютами политической пропаганды — и однако педагогія велась въ нихъ удовлетворительно; во-2-хъ, опять полезно спросить, *кто* создалъ въ семинаристахъ воспримчивость ко всякимъ вторженіямъ политической агитаціи, которая встрѣтила бы отпоръ или не нашла бы успѣха безъ удобной почвы, а ее-то здѣсь и приготовили заранѣе? Пусть же отвѣчаютъ творцы всѣхъ этихъ «благоприятныхъ условий», но не позднѣйшія невольныя ихъ жертвы, каковыми равно бываютъ и монахи и бѣльцы!..

дрессированные звѣринцы ¹⁾. Въмѣсто отечески внимательныхъ педагоговъ стали развѣзжать грозные соглядатаи, сочинявшіе для себя самые удивительные маршруты (напр., Воронежъ-Пермь-Полтава), которыхъ совсѣмъ не могла постигнуть провинціальная простота, думавшая съ геометрическою азбучностію, что прямая линія всегда есть кратчайшее разстояніе между двумя точками ²⁾... Это были столичныя царьки «съ началомъ и властію». Предъ ними ухаживали даже всѣ архіереи, иногда встрѣчавшіе и провожавшіе съ торжественнымъ обрядомъ, устранивавшіе парадныя обѣды, предоставлявшіе свои лучшія кареты и пр. Они любили сваливаться, какъ снѣгъ на голову, и вызывали впечатлѣніе неожиданно грянушаго грома, отъ котораго пногда, яко бы, потрухивали и губернаторы. Въ ихъ рѣчахъ неизмѣнно звучала нота великихъ спасителей отечества,—и, владѣя этимъ магическимъ средствомъ, ревизоры больше занимались тѣмъ, что пушили и разносили всѣхъ и вся,—не рѣдко въ крайне грубыхъ формахъ. И бывало не разъ, что комитетскіе

¹⁾ Exempli gratia привожу выписку изъ семинарскихъ воспоминаній С. Я. Емловскаго, помѣщенныхъ въ «Отчетъ С.-Петербургскаго общества вспоможенія нуждающимся питомцамъ Новгородской Духовной Семинаріи за 1906 годъ въ связи съ десятилѣтіемъ» (Спб. 1907). Вотъ что повѣствуется здѣсь (стр. 38—39) объ упомянутомъ выше (стр. 83) Ст. Ис. Лебедевѣ: «Великое слово: ревизоръ. Онъ явился. Всѣ перемены между уроками сократились до неузнаваемаго минимума, исчезли заочные мундиры на преподавателяхъ и рѣже двойки стали появляться въ журналахъ: должно быть, и воспитанники подтянулись. Явился ревизоръ въ столовую и *пришелъ въ ужасъ отъ манеры обращаться съ ножами и вилками*, что существовала среди голоднаго семинарства. Какъ разъ на томъ столѣ, гдѣ я обѣдалъ, *генералъ показывалъ, какъ нужно обращаться съ этими орудіями цивилизованнаго способа питаться*. Нужно было наблюдать страданія того несчастнаго бѣдока, которому были показаны способы обращаться съ ножомъ и вилкой—и тутъ же было приказано это продѣлать... Не мудрое, казалось бы, дѣло... А потъ такъ и лилъ съ бѣдной жертвы обученія: вилка и ножъ не хотѣли дѣлать своего дѣла, а только прыгали и стучали по тарелкѣ. Вотъ ревизоръ на урокъ русской словесности у А. И. Миловидова... превосходнаго чтеца литературныхъ произведеній („Ревизоръ“, „Недоросль“, „Мертвыя души“). Обычное дѣло идетъ своимъ чередомъ. И вздумай генералъ спросить названнаго воспитанника,—какіе онъ знаетъ на память стихи? Спрошенный отозвался незнаемъ.—Кто знаетъ какіе-нибудь? Изъ всего класса встанутъ два устюжанина: устюжане поддерживали своего бывшаго смотрителя. Назвалъ я „Полтавскій бой“, „Казакъ“ и нѣкоторые другіе.—„Ну, скажи (*разговоръ велся на ты!*), говоритъ генералъ, „Полтавскій бой“. Начинаю: „Горитъ востокъ зарею новой, ужъ на равнинахъ по холмамъ грохочутъ пушки“... Конечно, повородецъ примѣнилъ и чтеніе новгородское съ особеннымъ усиленіемъ звука „о“. *Генералъ такъ и взялся на чтеца и самъ прочиталъ, какъ это принято читать, смягчая букву о въ а*. „Вотъ“, говоритъ, „какъ надо читать“. Тогда между преподавателемъ и ревизоромъ произошелъ такой диалогъ.—„Это будетъ ужъ слишкомъ на-масковски“—слова А. И. Миловидова.—„А здѣсь читаютъ“, говоритъ генералъ, „по-новгородски“. Нечего и говорить о томъ, что симпатин воспитанниковъ были на сторонѣ мужественнаго защитника семинаристовъ А. И. Миловидова. *Но постыдному заступничеству не прошло даромъ: то въ отчетѣ процедили и въ гораздо большей степени, чѣмъ онъ того заслужилъ и вообще заслуживалъ*. Такія картинки встрѣчались вездѣ, но съ тою особенностію, что постепенно выступали все болѣе черныя краски и иногда заполняли весь фонъ...

²⁾ Отсюда именно объясняется въ значительной мѣрѣ хвалебное самосвидѣтельство комитетскаго панегириста: «путь ревизоровъ надо считать многими тысячами верстъ; въ нѣкоторые командировки одному ревизору приходилось сдѣлать болѣе 10 тысячъ верстъ» (см. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 839а), при чемъ забыто упомянуть о солидныхъ вознагражденіяхъ за эти «владычныя странствія»... Тогда позволительно спросить: допускалась ли эта «протяженно-сложность» *только* ради интересовъ дѣла, если сами комитетскіе члены доселѣ усердно ничуть возможно отдаленныхъ ревизорскихъ экскурсій?... См. и ниже на стр. 116, прим.

члены, еще не давно панибратствовавшие съ семинаристами и расхаживавшие при нихъ въ красныхъ рубахахъ, потомъ являлись въ тѣхъ же школахъ типичнѣйшими «охранителями основъ», а послѣ ихъ ухода во-своаясь въ училищныхъ печахъ раздавались взрывы ¹⁾... Страхъ и трепетъ распространялись по заведенію, и суровые судьи не безъ сладости созерцали предъ собою испуганныя фізіономіи начальниковъ и воспитателей, надъ которыми съ злорадною чуткію наблюдали ученики. Педагогическіе результаты этихъ полувоеенныхъ операцій и экзекуцій были самые убійственныя ²⁾... Да и могло ли быть иначе, если все сосредоточивалось на томъ, что педагогическій персоналъ старался скрыть дѣйствительность, «втереть очки», показать товаръ лицомъ и извернуться, а учащееся юношество деморализировалось подобными сценами?... Собственно ревизорскія наблюденія часто были крайне поверхностны и ограничивались мимолетными посѣщеніями уроковъ, съ бѣглымъ просмотромъ ученическихъ тетрадокъ. За-то много скрупулёзности посвящалось изслѣдованію бумажныхъ «дѣлъ», но и тутъ преобладали казуистическіе интересы «съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ». Въ фокусѣ послѣдняго всѣ факты раскрашивались несвойственнымъ колоритомъ и теряли самыя очевидныя очертанія, получая фантастическіе размѣры. Всѣмъ намъ хорошо памятенъ случай, что спеціально вызванный доточный ревизоръ († П. И. Нечасвъ) одного *высшаго* духовно-учебнаго заведенія (Московской Академіи) въ больничныхъ вѣдомостяхъ малограмотнаго фельдшера принималъ рукописную букву *б* за цифру *5*, превратилъ сотни въ тысячи и, никого не спросивъ, поспѣшилъ донести «по начальству», будто тамъ больные студенты выпиваютъ по десятку бутылокъ молока за день въ великомъ посту, а на протестъ заинтересованныхъ педагоговъ послѣдовали свѣше чувствительныя репрессаліи... Это были не наблюдательныя ревизіи, собиравшія жизненный педагогическій матеріалъ, но попрепмуществу полицейскіе отчеты съ велемудрыми соображеніями объ искорененіи непорядковъ и крамолъ. Не даромъ же стали называть комитетскихъ ревизоровъ «синадальными Шерлоками Хольмсами» ³⁾... Вынуждаемся съ грустію констатировать, что такія тепденціи, систематически и деспотично прививавшіяся по провинціи, ухудшили и всѣ мѣстныя отношенія. Постепенно погасалъ тонъ скромнаго труженничества и быстро замѣнялся пролазничествомъ, показностію, отличительствомъ. Даже архіереп, всегда питавшіе непосредственную искренность и отеческую простоту въ обра-

¹⁾ См. и въ «Журналахъ и Протоколахъ Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 230а.

²⁾ Обратное заключеніе С. И. Миропольскаго (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 838—839) совсѣмъ не подтверждается извѣстными мнѣ фактами.

³⁾ См. корреспонденцію изъ Курска о ревизіи мѣстной Семинаріи въ «Вѣкѣ» № 12 за 25-е марта 1907 года, стр. 149—150, и ср. «Колоколъ» № 363 за 12-е апрѣля 1907 г., стр. 3, столб. 3. Это вовсе не значитъ, что я согласенъ съ даннымъ сообщеніемъ по самому его содержанію, которое во всѣхъ частяхъ основательно опровергнуто заинтересованнымъ ревизоромъ Д. И. Тихомировымъ, Вынужное слово въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 21 за 26-е мая 1907 г., стр. 847—850. Для меня здѣсь важно единственно то, какъ смотреть на комитетскихъ пословъ и посланниковъ въ провинціяхъ, гдѣ—по идеѣ—они должны бы имѣть полный авторитетъ и высокое уваженіе...

щеніяхъ со своими школами ¹⁾, стали проникаться соглядатайскимъ формализмомъ. Извѣстны примѣры почтенныхъ іерарховъ изъ педагоговъ, которые изоцрали свое попеченіе на томъ, чтобы нагнать въ Семинарію въ 8 часовъ утра въ понедѣльникъ, когда онъ падалъ на 22-е число мѣсяца, т. е. послѣ получки жалованья наканунѣ свободнаго воскресенья, а во главу всѣхъ руководственныхъ завѣтовъ полагали требованіе преподавателямъ «не просрачивать больше пяти минутъ» предъ уроками, на чемъ съ удивительною ревностію настаивалъ и самъ Учебный Комитетъ (см. «Циркуляры» № 16 за 1896 г., стр. 40—41; № 22 за 1903 г., стр. 67—68). Вотъ какова была «благотворность» ревизорскихъ вліяній на мѣстахъ!... Къ сему надобно еще прибавить, что ревизоры не рѣдко прогнворѣчили другъ другу, взаимно опровергали и ослабляли себя и произвольно отмѣняли или толковали «по вдохновенію» компететскія инструкціи, въ которыхъ и безъ того было всего менѣ систематичности, стройности и внутренняго согласія. Напр., въ Полтавской Семинаріи произошелъ острый конфликтъ изъ-за инспекторскихъ ученическихъ отмѣтокъ по поведенію, и для избѣжанія горшихъ золь семинарское правленіе нѣсколько измѣнило баллы. Прибывшій ревизоръ (П. И. Нечаевъ) нашелъ это дѣяніе незаконнымъ и ссылку на соотвѣтствующій «циркуляръ» безапелляціонно отстранилъ тѣмъ, что онъ — авторъ послѣдняго и приказываетъ понимать въ смыслъ его разъясненій, а въ скорости послѣдовало изъ С.-Петербурга распоряженіе обратнаго характера... Выходило, что «всякъ молодецъ на свой образецъ», и каждый поддерживалъ только свое ²⁾. Тотъ же ревизоръ водворилъ миръ и тишину въ названномъ учебномъ заведеніи, перемѣнивъ все начальство. Для непосредственныхъ наблюдателей было очевидно, что эта реформа совсѣмъ не принесли педагогическихъ благъ и во многомъ сопровождалась ухудшеніями, но виновникъ ея въ ближайшій наѣздъ напелъ и донесъ, что—напротивъ—теперь все прекрасно, и о прежнихъ дефектахъ нѣтъ ни малѣйшаго помину, выдавъ себѣ похвальный аттестатъ и связавъ имъ школу въ узахъ чиновничьяго благополучія, разрѣшившагося потомъ тяжелымъ крахомъ ³⁾. Разумѣется, при такихъ условіяхъ и

¹⁾ См. и теперь призывное посланіе къ Вологодскимъ семинаристамъ мѣстнаго епископа *Никона* въ «Колоколѣ» № 830 за 8-е мая 1907 года, стр. 2—3.

²⁾ Бывали еще ревизіи и не членами Учебнаго Комитета, откуда происходили новыя осложненія. Такъ, въ 1902 году Подольскія духовно-учебныя заведенія инспектировалъ † А. А. Завьяловъ столь несогласно съ комитетскими традиціями, что въ слѣдующемъ году потребовалась новая ревизія исключительно ради улаженія недоразумѣній въ средѣ чиновничье-синодской и комитетской, о чемъ извѣстно со словъ † П. И. Нечаева.

³⁾ Въ краткихъ чертахъ,—исторія эта такова. Прежній ректоръ-протоіерей о. І. Хр. П. не понравился Петербургскому ревизору († П. И. Нечаеву), вышелъ въ отставку и нѣкій годъ оставался безъ всякаго мѣста, безплатно отправляя обязанности председателя Епархіальнаго Училищнаго Совѣта и живя исключительно на пенсію, о которой выше было сообщено специально, что она дана ему лишь во вниманіе къ ходатайству Преосвященнаго, хотя фактически была совершенно заслужена, ибо получившій ее провелъ на педагогическомъ поприщѣ почти 35 полныхъ лѣтъ непрерывно, а † епископъ Иларіонъ просилъ вовсе не объ этомъ, но объ усиленномъ вознагражденіи... Преемникъ его—архимандритъ Гавр. гимназическаго происхожденія началъ съ того, что всюду критико-

взглядах комитетскіе ревизоры не считали нужнымъ вступать въ педагогическія бесѣды съ преподавателями и приглашали нѣкоторыхъ лишь для устрашающихъ распеканій или милостивыхъ поощреній, вообще же играли своимъ величіемъ и всюду твердили о своей близости къ великимъ людямъ. Неудивительно, что послѣ комитетскихъ ревизій въ провинціи сначала воцарялось томительное ожиданіе, а затѣмъ открывалась усиленная путанина отъ новыхъ случайныхъ предписаній. Педагогическое

валъ и осмѣивалъ своего предшественника, почему семинарскіе преподаватели категорически потребовали, чтобы онъ не позволялъ въ ихъ присутствіи глумливыхъ отзывовъ о бывшемъ начальникѣ и учителѣ, пользовавшемся отъ всѣхъ немалымъ уваженіемъ и въ корпораціи и въ епархіи, гдѣ были цѣлыя сотни его питомцевъ, благодарныхъ ему за отеческую доброту. Самъ же новый ректоръ заботился больше о своеобразномъ церковномъ благолѣпіи (не забывая даже о тщательномъ благоустройствѣ своихъ пышныхъ власяныхъ) и иногда прямо смущалъ совѣсть вѣрующихъ, когда, напр., неумѣло устроилъ воздвиженіе креста съ обливаніемъ послѣдняго сверху, при чемъ особенно соблазнительна была поза діакона, стоявшаго противъ о. архимандрита, «присѣдавшаго» одновременно съ нимъ и державшаго тазъ, куда стекала вода, раздававшаяся потомъ на руки богомольцевъ въ бутылочкахъ, или—въ нарушение тамошнихъ обычаевъ—громко кричалъ въ церкви, чтобы послѣ пасхи молящіеся не смѣли преклонять колѣни во время великаго славословія... Въ 1904 году на этой почвѣ произошелъ жестокій инцидентъ. Ректору показалось, что за литією при многократномъ повтореніи «Господи, помилуй» нѣкоторые семинаристы производили особые звуки, будто бы напоминавшіе нѣчто въ родѣ пушечныхъ выстрѣловъ. На этомъ основаніи онъ затѣялъ *формальное* дѣло о «*демоническомъ и богоборственномъ пом-пом-пом*» (буквально!) и предложилъ уволить нѣсколькихъ воспитанниковъ, яко бы выдавшихъ себя своимъ смущеніемъ при его взглядѣ во время прохожденія по рядамъ для кажденія, хотя инспекторъ вовсе не слышалъ даже самыхъ диковинныхъ звуковъ, а помощникъ не замѣтилъ ни одного виновнаго. Не смотря на мотивированный протестъ большинства преподавателей, проникательный архимандритъ добился своего и, уѣхавъ въ Кіевъ, съ особою таинственностію отправилъ оттуда при собственномъ донесеніи всѣ документы въ Учебной Комитетъ, гдѣ мудрые эксперты посмѣялись надъ монашескою странностію, но не приняли серьезныхъ мѣръ для возстановленія правды... Въ результатъ—несчастные юноши безжалостно были выброшены за бортъ, а ректоръ продолжалъ свои обычные подвиги. Видя такое «воеводство», духовенство потеряло всякое довѣріе къ столь оригинальному воспитателю своихъ дѣтей и при немъ систематически отклоняло всѣ семинарскія ходатайства, будучи убѣждено, что въ подобныхъ рукахъ не можетъ быть добраго примѣненія... Сей ректоръ обладалъ лишь однимъ общепризнаннымъ талантомъ—быстро подмѣчать и схватывать особенности рѣчи и даже голоса собесѣдника и воспроизводить съ удачнымъ актерствомъ. Эту немонашескую способность онъ съ особенною любовію примѣнялъ по отношенію къ преподавателямъ, которыхъ презрительно называлъ «профессорами», карикатурно копируя ихъ предъ воспитанниками, высмѣивая привычныя выраженія, способъ пользованія носовыми платками во время уроковъ и т. п. Къ стыду для начальника и къ чести для семинаристовъ, все это отражалось на степеніи и характерѣ чувствъ ихъ не къ послѣднимъ, а къ первому. У него была манера ходить даже по улицѣ окруженнымъ толпою своихъ питомцевъ, иныхъ обнимать и пр. Однако ректору не удавалось снискать расположенія ни откуда:—его не уважали и ему не вѣрили! Напротивъ, отношенія съ корпораціею и семинаристами постепенно ухудшались и достигали крайняго напруженія. Въ 1906 году возникло общее движеніе, которое ректоръ поспѣшилъ обратить въ мятежный бунтъ, яко бы съ покушеніемъ книжалами на его особу, когда воспитанники просто искали товарищей-шпіоновъ, привитавшихъ въ его квартиру. И куда дѣвалась прежняя властность? Иночествующій начальникъ тайкомъ скрылся въ квартиру инспектора и здѣсь пробовалъ спрятаться даже въ гордеробъ жены послѣдняго, но неумѣстился въ немъ по своимъ обширнымъ размѣрамъ, а потомъ бѣжалъ подъ стражей въ архіерейскій домъ, откуда просилъ у полиціи-мейстера жандармской охраны для проѣзда на вокзалъ и до ближайшаго губернскаго города, въ чемъ ему было отказано (см. нѣкоторыя прикровенныя указанія въ «Подтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» № 14 за 10-е мая 1906 года, стр. 666 неофициальной части)... Тѣмъ не менѣе этотъ семинарскій повелитель успѣлъ быстро «оправиться» въ С.-Петербургъ и получилъ видный постъ въ Москвѣ съ лучшимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ. Мѣстное духовенство было такъ взволновано

дѣло стремительно принижалось и тормозилось, попадая въ коловратную ревизорскую толчею. Единственнымъ осязательнымъ результатомъ было внѣшнее усмиреніе, не всегда разбивавшее правыхъ и виноватыхъ ¹⁾, но оно чаще означало лишь притавившуюся пришибленность и вызывало не вдолгѣ болѣе рѣзкіе взрывы, ибо всякіе походы только опустошаютъ страну и никогда не культивируютъ ея ²⁾. И развѣ могло бы что-нибудь

этими индивидуальными смятеніями, столь тяжело затрогивавшими его жизненные интересы, что собиралось формально возбудить вопросъ о предоставленіи ему выбора начальниковъ своихъ духовно-учебныхъ заведеній, но въ концѣ концовъ отказалось отъ этой мысли, зная по примѣру отшедшаго ректора, что не достигнетъ своей цѣли, развѣ «путь» Петербургскихъ избранниковъ всегда «сбѣтается»... Здѣсь мы имѣемъ примѣръ и образецъ, почему въ духовной школѣ возобладали нынѣ автономическія стремленія и пріобрѣтаютъ иного характера страстнаго и крайняго увлеченія... «Враги человѣку—домашніе его» (Мат. X. 36), а власти стали искать причинъ на сторонѣ (ср. и «Колоколъ» № 371 за 26-е апрѣля 1907 года, стр. 1), когда они были у нихъ въ глазахъ или подъ глазами... Въ итогѣ, духовно-педагогическое дѣло опять пошло по «кривой», грозя новыми осложненіями... Вѣдь нужно же разобраться въ этомъ важнѣйшемъ вопросѣ *по совѣсти*—не ради лицъ, но для истины!

¹⁾ Это въ полной силѣ относится къ педагогическому персоналу, члены котораго спасались и погибали по несправедливымъ ревизорскимъ «усмотрѣніямъ». Такъ, въ 1892 г. одинъ преподаватель Александръ-Невскаго Духовнаго Училища (въ С.-Петербургѣ) «вылетѣлъ» по ревизорскому мановенію и принужденъ былъ искать убѣжища въ Финляндскомъ Духовномъ Правленіи, пока не попалъ въ синодскую канцелярію, а это былъ человѣкъ изъ лучшихъ «профессорскихъ стипендіатовъ» С.-Петербургской Академіи... Къ нему пламенный ревизоръ едва забѣжалъ на урокъ и здѣсь только нашумѣлъ вдоволь, но порученіе исполнилъ въ точности... И вся вина преподавателя была въ томъ, что онъ кому-то не понравился и былъ очень скромнымъ работникомъ, заботившимся больше о дѣлѣ, чѣмъ о внѣшнемъ блескѣ и высшемъ благоволеніи. Развѣ было даже такъ, что ревизоръ († И. К. Зинченко) «побудилъ» удалиться изъ Тамбовской Семинаріи преподавателя, а онъ черезъ 12—15 лѣтъ оказался въ ряду самыхъ первыхъ іерарховъ Россійской церкви... Вотъ сколько значать и стоять ревизорская пронизательность и комитетскій цензъ!..

²⁾ Для характеристики «достоинствъ» новѣйшаго комитетскаго ревизорства приводимъ слѣдующія компетентныя свидѣтельства. «Нынѣшнія ревизіи направляются къ поддержанію status quo духовныхъ школъ и потому уже не могутъ быть орудіемъ прогресса, а тѣмъ болѣе коренной реформы этихъ школъ». Онѣ «являются въ сущности безплодными, вовсе не имѣютъ руководящаго значенія для учебнаго дѣла и самими преподавателямъ не приносятъ почти никакой пользы. Ревизоры—не руководители и наставники учителей, а только посторонніе наблюдатели и, что особенно худо, наблюдатели опасные. Основываясь на своихъ внѣшнихъ наблюденіяхъ и доверяясь непробѣреннымъ слухамъ и даже сплетнямъ, ревизоръ постоянно рискуетъ впасть въ ошибку». «Помимо своихъ личныхъ наблюденій ревизоры не брезгаютъ и разными слухами, благодаря которымъ они проникаютъ во внутреннюю, интимную жизнь преподавателя и вообще въ такія стороны его личности, которыя нельзя усмотрѣть на урокахъ... Какъ бы ни былъ бесоснователенъ, какъ бы ни расходился съ дѣйствительностью этотъ отзывъ (ревизора), онъ влечетъ за собою тяжелыя послѣдствія въ видѣ замѣчаній, служебныхъ перемѣщеній и даже увольненій. Вотъ почему преподаватель боится современной ревизіи и на самого ревизора смотритъ лишь съ чувствомъ страха, какъ на грозу, которая тѣмъ и опасна, что, не освѣжая школьной атмосферы, приноситъ лишь градъ репрессій. Преподаватель старается обезопасить себя отъ этой грозы и пускается на всякія хитрости»... «Нынѣшнія ревизіи сосредоточиваютъ свое вниманіе только на внѣшней сторонѣ воспитанія». «Какимъ бы эффектомъ и помопомъ ни былъ обставленъ внезапный и только опасный, но не поучительный набѣдъ» ревизора,—результаты «оказываются безплодными для воспитательнаго дѣла въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ... Словомъ, односторонне-внѣшнія ревизіи даютъ и наставленія только для внѣшней стороны воспитанія... И это теперь, когда настроеніе проникло во всѣ семинаріи, когда, кажется, пошатнулись самые устои семинарскаго режима и обветшавшей системѣ семинарскаго воспитанія грозитъ полное банкротство! Наши ревизіи оказались неспособными проникнуть въ глубь семинарскаго воспитанія, усмотрѣть основныя недостатки этого воспитанія и указать радикальныя мѣры къ ихъ устраненію. Поэтому воспитаніе въ духовныхъ школахъ идетъ совершенно независимо отъ ревизій». По экономической части «на долю ревизора остается развѣ въ спальняхъ клопъ, въ ватерклозетахъ дурной запахъ, въ

другое, если заслуженные ректоры Семинарій, чуть не платившіеся жизнью, изгонялись и предпочитали разбѣгаться по кладбищенскимъ и приходскимъ церквамъ и здѣсь благословляли свою судьбу ¹⁾, когда ранѣ ректорская должность была величайшею честію духовно-пастырскаго и педагогическаго преуспѣянія? Стойкіе работники устранились «волею» или «нуждею» и замѣнялись удобными и ловкими оппортунистами съ невысокимъ цензомъ по мѣстной оцѣнкѣ... Ни добра, ни пути нельзя было тутъ и ожидать. И до самыхъ недавнихъ дней ревизіи назначались собственно прокурорскою властію даже въ столичныя Духовныя Училища—иногда по миѣическихъ и тенденціознымъ слухамъ о крысиномъ хвостѣ, яко бы найденномъ въ казенныхъ щаяхъ, а командируемые лица скрывали свое званіе отъ учениковъ подъ видомъ любознательныхъ посетителей и у малыхъ ребятъ выпрашивали разныя подробности отно-

столовыхъ недостатковъ вилочекъ или салфетокъ», почему и съ этой стороны «современныя ревизіи мало пользы приносятъ нашимъ духовнымъ школамъ: въ нихъ попрежнему царитъ грязь, воспитанники питаются скудно, все хозяйство ведется неумѣло, лицами прямо не призванными къ экономической дѣятельности (монахами), а иногда и сомнительной честности (экономами)». Вообще же, «цѣлѣнная ревизіи—плодъ бюрократическаго строя въ управленіи духовными школами... Давно пора отрѣшиться отъ ревизорскаго дилеттантизма»... «Нынѣ ревизорами состоятъ фактически три лица (хотя по штату полагается пять), которые помимо жалованья получаютъ генеральскіе прогоны, исчисляющіеся тысячами, да казенныя квартиры, стоящія при переводѣ на деньги также нѣсколькихъ тысячъ». Теперь ревизоръ «является въ роли грознаго Юпитера, наводящаго лишь страхъ и трепетъ на преподавателей... Теперь онъ—незванный гость; его встрѣчаютъ съ трепетомъ, а провожаютъ съ радостью, искренне желая, чтобы онъ долѣе не являлся вновь». Упоминается также о «невинныхъ жертвахъ ревизорскаго пристрастнаго суда» и о «дѣйствующемъ полицейско-воспитательномъ режимѣ въ нашихъ семинаріяхъ» (см. «Богословскій Вѣстникъ» 1905 г., № 12, стр. 683. 684. 685. 688. 689. 690. 691. 692. 693. 694. 695)—съ насажденіемъ «казенной методики» (см. сборникъ «Духовная школа», Москва 1906, стр. 223. 55—56 и ср. «Церковный Вѣстникъ» 1906 г., № 47 за 23-е ноября, стлб. 1532—1533). Архимандритъ Алексій (повидимому, ректоръ Тульской Семинаріи) пишетъ (въ «Колоколѣ» № 385 за 15-е мая 1907 года, стр. 1, стлб. 5): «Въ прежнее время ревизіи имѣли характеръ помпы и декорума, да и ревизовать въ сущности тогда было нечего: всѣ дѣлали свое дѣло, въ Семинаріяхъ царила серьезность, воспитанники, и не только воспитанники, но и преподаватели были подъ крѣпкою властію (!?) ректора, и дѣло шло прекрасно, и выходили прекрасныя цѣлныя люди. За послѣдніе годы ревизіи нѣсколько измѣнили свой характеръ. Онѣ стали тѣмъ шкваломъ, который все перевертываетъ вверхъ дномъ. Послѣ ревизіи часто не оставалось камня на камнѣ; назначались новыя начальники; преподаватели переводились изъ одной Семинаріи въ другую, низводились въ Духовныя Училища,—а дѣло попрежнему и при новыхъ начальникахъ, при другихъ преподавателяхъ шло плохо, даже все хуже и хуже. Какъ ни глубока бывала ревизія,—она радикально не измѣняла положенія. Въ самомъ дѣлѣ, какая польза въ томъ, что дрянной преподаватель переводился изъ одной Семинаріи въ другую? Вѣдь если онъ здѣсь сѣялъ зло, почему онъ тамъ будетъ творить добро? Если онъ плохъ и не поддается излеченію, то его нужно выбросить вонъ и навсегда, а не оставлять въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ. Да и ревизорами обыкновенно назначаются люди, стоящіе далеко отъ дѣла, не связанные непосредственно ни съ дѣломъ преподаванія, ни съ дѣломъ воспитанія, и, тѣмъ болѣе, мало или совсѣмъ не знакомые съ мѣстными частными условіями. Я знаю, что послѣ одной строгой ревизіи въ одной Семинаріи, когда многіе изъ корпораціи были такъ или иначе устранены, все-таки ревизоръ не усмотрѣлъ всего и самая мерзость осталась въ Семинаріи».

¹⁾ Примѣры—о. І. Христ. Пичета въ Полтавѣ и о. І. Павл. Знаменскій въ Харьковѣ, а также о. В. В. Знаменскій въ Симферополѣ и о. В. П. Борисоглѣбскій въ Воронежѣ (см. «Колоколъ» № 393 за 24-е мая 1907 г., стр. 2, стлб. 3), но «Колоколъ» (въ №-рѣ 364 за 13-е апрѣля 1907 года, стр. 2, стлб. 5) вообще констатируетъ «бѣгство начальниковъ духовной школы», говоря, что «расшатанность Духовныхъ Семинарій вынуждаетъ многіхъ ректоровъ и инспекторовъ, выслужившихъ пенсію, просить объ увольненіи отъ духовно-учебной службы»...

сительно преподавателей!... Такова была сила канцелярски-бюрократических комитетских традиций, привитых ошибочно системой... На ревизорском институтѣ съ особенною наглядностію сказалось вредное вліяніе принципіальныхъ несовершенствъ въ комитетскомъ устройствѣ. По положенію 1867 г. (§ 5), члены-ревизоры посылаются для обозрѣнія духовно-учебныхъ заведеній «съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода». Никакихъ иныхъ условій для сего не допускается ¹⁾, а практика вырабатала свой порядокъ ²⁾... За послѣднее десятилѣтіе назначеніе ревизій зависѣло почти исключительно отъ оберъ-прокурорской власти. Обычно въ началѣ каждаго учебнаго года въ канцеляріи Учебнаго Комитета, по имѣющимся свѣдѣніямъ, составлялся списокъ подлежащихъ обревизованію духовно-учебныхъ учреждений и подавался Оберъ-Прокурору. Послѣдній «по собственнымъ соображеніямъ» исправлялъ этотъ перечень и вносилъ его въ Св. Синодъ, который, — сколько помнится, — всегда соглашался съ такими «предначертаніями» и не проявлялъ независимой инициативы, если онъ предоставилъ автономному прокурорскому вѣдѣнію примѣненіе духовно-учебныхъ уставовъ и всѣ распоряженія по даннымъ ревизорскихъ отчетовъ ³⁾. Разумѣется еще менѣе могъ усвоить и осуществлять независимость самъ Учебный Комитетъ, стискиваемый съ двухъ сторонъ. Лишь въ недавніе годы онъ началъ практиковать экстраординарныя ревизіи, не предусмотрѣнныя строгими юридическими правилами. Эти уже совсѣмъ не разрѣшались Св. Синодомъ и производились по словесному соглашенію предсѣдателя Учебнаго Комитета съ другими начальствующими въ центральномъ духовно-учебномъ управленіи лицами и на основаніи письменнаго увѣдомленія перваго, при чемъ обходились всѣ узаконенныя инстанціи. Св. Синодъ прямо устранился, какъ будто онъ меньше всѣхъ зналъ свои школы и не дорожилъ ихъ успѣхами... Фактически все по этой части оказывалось въ полной прокурорской компетенціи ⁴⁾, и ей долженъ былъ подчиняться Комитетъ по отсутствію авторитетнаго синодскаго участія въ данномъ вопросѣ. Тѣмъ болѣе подневольными и пассивными были сами ревизоры, потому что они опредѣлялись на свои должности «по предложенію Оберъ-Прокурора» (§ 4 «Положенія») и въ своемъ служеб-

¹⁾ Еще въ маѣ 1892 года *С. И. Миропольскій* заявлялъ (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 839б), что «ревизіи назначаются обыкновенно Святѣйшимъ Синодомъ по предложеніямъ Синодальнаго Оберъ-Прокурора».

²⁾ Въ нерѣдкихъ случаяхъ этимъ давалась г.г. ревизорамъ возможность «соединять пріятное съ полезнымъ» на казенный счетъ, напр., отдохнуть отъ «трудовъ праведныхъ» на Кавказѣ или въ Крыму, лишь «по пути» завернувъ въ какую-нибудь отдаленную Семинарію или Училище, яко бы, для спеціального обозрѣнія...

³⁾ См. въ брошюрѣ «Положеніе объ Учебномъ Комитетѣ» (Спб. 1907), стр. 11—12.

⁴⁾ Откуда случались такіе казусы, что вліятельные іерархи *просто не искали* присланныхъ комитетскихъ чиновъ въ свои духовно-учебныя заведенія... Это было, напр., въ С.-Петербургѣ около 1890 года, когда † митрополитъ Исидоръ (Никольскій) рѣшительно объявилъ назначенному Прокуроромъ для «свидѣтельствванія» мѣстной Семинаріи ревизору (С. И. Миропольскому), чтобы онъ возвратился тошъ туда, откуда пришелъ, — и бысть тако... Но вѣдь Исидоръ былъ единый и единственный, а его непосредственный преемникъ не могъ уволить (перевести) даже секретаря своей Консисторіи (см. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. I. Спб. 1906, стр. 509б)...

номъ движеніи всецѣло зависѣли именно отъ него, не имѣя надежды на поощреніе или защиту отъ Синода, но постоянно видя предъ собою, что и доселѣ (—вопреки § 4—) сами комитетскіе предсѣдатели «восходятъ» и «нисходятъ» собственно по велѣніямъ не синодскимъ, а прокурорскимъ, которыми быстро сдвигаются на окраины столицы даже комитетскія помѣщенія...

Въ результатѣ неестественной системы комитетскаго строя получилась тягостная и роковая шаткость всей духовно-педагогической политики, когда всѣ не знали, кто спеціально завѣдывалъ этою важнѣйшею отраслю и какія цѣли въ ней преслѣдовалъ. Интересы и намѣренія духовно-педагогическаго назиранія по необходимости стали индивидуальными и потеряли объективный характеръ, который всегда почерпается въ основныхъ принципахъ и общихъ задачахъ самаго дѣла. Конечно, тутъ ревизоры могли лишь послушно творить волю пославшихъ съ обязательною чиновническою ревностію, хотя и съ весьма сомнительнымъ моральнымъ утѣшеніемъ.

Понятно, что при отмѣченныхъ условіяхъ до верховъ не достигало «опытныхъ» педагогическихъ матеріаловъ, и они заваливались канцелярски-бумажными отписками, далекими даже отъ простой фотографической точности. Я упоминалъ выше (стр. 86), какъ иногда фабриковались ревизорскіе отчеты, и для подкрѣпленія своихъ словъ разскажу еще характерный случай. Въ одномъ изъ училищъ Полтавской епархіи обнаружались порядки, и туда послали семинарскаго преподавателя (В. А. Конопатова). Въ Полтавѣ утверждали по свидѣніямъ изъ надежныхъ источниковъ, что отгызъ послѣдняго былъ отправленъ Преосвященнымъ непосредственно Оберъ-Прокурору К. П. Побѣдоносцеву, а этимъ оставленъ у себя «до времени». Потомъ туда же пріѣхалъ комитетскій ревизоръ († П. И. Нечаевъ), не знавшій о сепаратномъ семинарскомъ разслѣдованіи, и представилъ собственное заключеніе своему принципалу¹⁾. Тотъ сразу усмотрѣлъ противорѣчія и обратилъ вниманіе комитетскаго члена, который поспѣшилъ «переписать свою бумагу наоборотъ» согласно соображеніямъ семинарскаго педагога²⁾... И вотъ по такимъ-то даннымъ Учебный Комитетъ думалъ «владѣть и княжить» всѣмъ духовнымъ просвѣщеніемъ православной Россіи, услаждаясь собственнымъ самовосхваленіемъ³⁾. На этомъ фундаментѣ строились самыя

¹⁾ Въ этомъ инцидентѣ имѣли значеніе и родственныя связи одной изъ враждующихъ сторонъ... Впрочемъ, дѣло окончилось счастливо, но только не благодаря ревизору, а по вліянію † епископа Полтавскаго Іларіона:—въ его покояхъ смотритель и помощникъ помирились и дали обѣщаніе жить мирно и работать дружно на пользу Училища. Зачѣмъ же нужна была комитетская ревизія?...

²⁾ А. С. И. *Мироносицкій* съ удивительною смѣлостію дерзаетъ еще свидѣлствовать (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 8396): «можно *положительно* сказать, что ни одно изъ учебныхъ вѣдомствъ (—ужь не во всемъ ли мірѣ?—) не имѣетъ такихъ обстоятельныхъ и всестороннихъ ревизій, какія имѣетъ вѣдомство духовное чрезъ членовъ-ревизоровъ Учебнаго Комитета»...

³⁾ Конечно, если брать ревизорскіе «отчеты» безотносительно, то можно затѣвать самыя цвѣтистыя апологіи для превознесенія Учебнаго Комитета не просто до третьяго, но даже и до седьмого неба;—только ни пользы, ни правды тутъ вовсе не будетъ... Мы видѣли, что донесенія самовлюбленныхъ комитетскихъ Нарциссовъ слишкомъ мало

важныя мѣропріятія и преобразованія. О достоинствѣ ихъ позволительно судить даже по печатнымъ комитетскимъ «циркулярамъ». Въ этой замѣчательной серіи документовъ есть много канцелярской мудрости и чиновничьяго великолѣпія, но нѣтъ живой педагогической струи систематическаго творчества. Это своего рода Вавилонская башня, и тутъ смѣшаны всѣ языки духовной школы¹⁾. Единичныя обобщенія, случайныя внушенія, постоянныя диссонансы и величественныя реприманды:—развѣ этимъ могла питаться и возвращаться кипучая педагогическая жизнь, гдѣ всякій контроль долженъ быть приспособленнымъ и больше самъ сообразоваться съ нею, чѣмъ подгонять ее къ своимъ мертвымъ шпаргалкамъ?...

Впрочемъ, эта сторона всѣмъ намъ слишкомъ хорошо извѣстна и и каждому доступна для документальной провѣрки, почему я не буду распространяться о ней и формулирую свой конечный итогъ. Онъ таковъ²⁾. Учебно-комитетскій центръ второго періода былъ проникнутъ бюрократическимъ духомъ безжизненной отвлеченности и не освѣжался притокомъ здоровыхъ стихій изъ периферій, почему самъ впадалъ въ бумажно канцелярскую спячку³⁾, атрофируя и разстраивая послѣд-

и весьма не точно отражаютъ реальную дѣйствительность, а потому не могутъ служить пригоднымъ матеріаломъ для практическихъ мѣропріятій или научныхъ построений. Основное требованіе истинной науки заключается въ томъ, чтобы не употреблять никакихъ документовъ безъ строжайшей исторической критики, дабы напередъ выяснитъ ихъ фактическую цѣнность. Иначе—вмѣсто исторіи—получится чистый мифъ, а воображаемое богатство сведется къ фальшивымъ кредиткамъ и дутымъ акціямъ и разрѣшится печальнымъ шумомъ Эмберовскихъ капиталовъ... Только «скорбные главами» могутъ не понимать этой научной и дѣловой азбуки...

¹⁾ Здѣсь Учебный Комитетъ охотно рѣшаетъ мелочно-казуистическіе вопросы, однако единства духа и системы совсѣмъ нѣтъ. По многимъ важнымъ пунктамъ въ комитетскихъ вердиктахъ господствуютъ недоговоренность, неясность, неопредѣленность даже *намышленія* (какъ свидѣлствовалъ ꙗ П. И. Нечаевъ), а это въ разныхъ Семинаріяхъ вызвало не мало бурныхъ правленскихъ засѣданій, особыхъ мнѣній, острыхъ раздоровъ въ корпораціяхъ и болѣе того, о чемъ сообщаетъ мнѣ высокопочтенный ректоръ долголѣтней службы...

²⁾ Для характеристики современнаго Учебнаго Комитета см. еще мѣткія и цѣныя указанія—видимо—компетентнаго автора въ слѣдующихъ его статьяхъ: «Ревизія духовно-учебныхъ заведеній» (въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1906 г., № 12, стр. 682—697), «Духовно-учебное начальство» (въ сборникѣ «Духовная школа», Москва 1906, стр. 228—243), «Завершеніе духовно-учебной реформы» (въ «Церковномъ Вѣстникѣ» № 45 за 9-е ноября 1906 г., стлб. 1450—1453; № 47 за 23-е ноября, стлб. 1530—1533). Сообщаемыя здѣсь наблюденія и соображенія производятъ прямо оглушающее впечатлѣніе—особенно—при эническомъ спокойствіи изложенія... См. еще у С. И. Шумова въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1906 г., № 2, стр. 372—379.

³⁾ Въ этомъ отношеніи крайне знаменателенъ авторитетный отзывъ компетентнаго знатока комитетскаго положенія (ꙗ протоіерея В. И. Ёмакина) въ частномъ письмѣ ко мнѣ: «Дѣла Учебнаго Комитета болѣе, чѣмъ не важны. Случайный подборъ лицъ, не одинаковая степень работоспособности и даже отсутствіе послѣдней (—дальше пропускаю одну фразу—): что можетъ быть печальнѣе? *Какой-то злой рокъ ведетъ къ гибели это учрежденіе, которое замѣчательно только тѣмъ, что вездѣ его бранятъ*»... И развѣ тутъ не правда? А началось это далеко не сейчасъ. Еще члены комиссіи по выработкѣ академическаго устава 1884 г. высказывали по сему предмету много замѣчательныхъ сужденій. Такъ, Кіевскій проф. В. О. Пѣвницкій указывалъ на «безконтрольность нынѣшнихъ ревизоровъ и противорѣчивость ихъ отзывовъ», при чемъ «комитетскія ревизіи обидны для епархіальной власти, такъ какъ въ нихъ выражается недовѣріе къ этой власти, наконецъ, отъ комитетскихъ ревизій пользы мало, по свидѣтельству семинарій», а «обида можетъ заключаться, напр., въ томъ, что молодому человѣку дается власть надъ почтенными сановниками». По словамъ ꙗ С.-Петербургскаго инспектора и профессора П. О. Нильскаго «Учебный Комитетъ усвоилъ начальственный тонъ

относительно академій, не имѣя на то права», и въ разъясненіе слуховъ о недовѣрїи къ епархіальнымъ властямъ говорилъ, что «такимъ основаніемъ можетъ служить, между прочимъ, тотъ фактъ, что при бывшемъ Оберъ-Прокурорѣ (графѣ Д. А. Толстомъ) всѣ отзывы ревизоровъ о комъ бы то ни было уважались безъ провѣрки, хотя бы они шли совершенно въ разрѣзъ съ мнѣніями Преосвященныхъ. Что же касается общаго вопроса, то, по его (Нильскаго) мнѣнію, бывшее духовно-учебное управленіе было все-таки лучше нынѣшняго Учебнаго Комитета. По крайней мѣрѣ, оно не возбуждало такого всеобщаго недовольства, какъ Учебный Комитетъ. *И наибольшая доля этого недовольства возбуждается членами-ревизорами.* Ихъ упрекаютъ за то, что они ведутъ себя поначальнически и придираются къ мелочамъ, отмѣчая и ставя на видъ почти исключительно формальные недостатки и опущенія». «Публичными замѣчаніями (въ ревизорскихъ отчетахъ) натуры робкія запугивались и падали духомъ, а сильные—ожесточались и махали на все руками. Сколько мнѣ извѣстно, благодаря такому поведенію ревизоровъ Учебнаго Комитета, семинаріи съ сожалѣніемъ вспоминаютъ о прежнихъ академическихъ ревизорахъ и желали бы восстановленія ихъ. Они, по общему мнѣнію, было гораздо ближе къ духовнымъ семинаріямъ, вели себя гораздо проще и гуманнѣе... Учебный Комитетъ и тогда «обнаруживалъ поползновеніе превратиться въ прямое начальство надъ академіями», «между прочимъ, въ томъ, что онъ рассматриваетъ докторскія диссертации, одобренныя академическими Совѣтами и публично защищенные. По уставу онъ не имѣетъ никакого начальническаго отношенія къ академіямъ, но на дѣлѣ является весьма важною *подземною силою*», ибо «академическія дѣла передаются Святейшимъ Синодому на разсмотрѣніе въ Учебный Комитетъ». Даже предѣлатель архіел. (послѣ ѿмитрополита Московскій) Сергій (Ляпидевскій) соглашался, что «бывшая коммиссія духовныхъ училищъ, кажется, правильнѣе и опредѣленнѣе была поставлена относительно академій, чѣмъ Учебный Комитетъ» (см. у о. проф. *Θ. И. Титова* въ «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 4, стр. 505—508). Во всѣхъ отношеніяхъ положеніе послѣ еще больше ухудшилось, а потому трудно опровергнуть другого знатока комитетскихъ порядковъ, который недавно энергически выражался предо мною, что Учебный Комитетъ—въ настоящемъ видѣ—лучше уничтожить совершенно, разъ онъ сталъ такимъ учрежденіемъ, куда по всей Россійской Имперіи не могутъ найти предѣлателя или—вѣрнѣе—не заботятся объ этомъ, считая болѣе удобнымъ юридическое и фактическое «безглавенство» въ самое смутное время духовно-школьной жизни... И можно ли съ правдивымъ успѣхомъ спорить противъ этого рокового заключенія, если мы, напр., просмотримъ хоть «дѣла» о семинарскихъ безпорядкахъ года за 2—3 и сравнимъ, что по этой части устроено благого Комитетомъ?... Думаемъ, что результатъ получится прискорбно-поучительный... Извѣстно, что въ истекшемъ 1906—1907 учебномъ году происходили волненія и по поводу открытія (20-го февраля 1906 г.) второй Государственной Думы, при чемъ—по официальнымъ донесеніямъ—они были въ шести Семинаріяхъ и выражались въ самовольномъ уклоненіи воспитанниковъ отъ уроковъ, въ сходкахъ съ зажиточными рѣчани и пѣніемъ марсельезы, кое-гдѣ въ битѣ стеколъ и т. п. Въ шести Семинаріяхъ были еще сейгодъ безпорядки по мѣстнымъ причинамъ и они повлекли закрытіе отдѣльныхъ классовъ. О безчиніяхъ въ Курскѣ краснорѣчиво повѣствуетъ (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 21 за 26-е мая 1907 г., стр. 848—849) ревизоръ *Д. И. Тихомировъ* «14 октября 1906 г., во время всенощнаго бдѣнія, изъ вентиляціоннаго въ потолокъ семинарскаго храма отверстія, съ чердака семинарскаго зданія, были сброшены прямо на головы молящихся революціонныя прокламаціи въ то время, когда, при пѣніи „Слава въ вышнихъ Богу“, всѣ стояли на колѣняхъ. И вообще въ то время, предъ 17 октября и послѣ, среди воспитанниковъ появлялись прокламаціи, за подписью „группы сознательныхъ семинаристовъ“, съ призывомъ къ сознательной встрѣчѣ „грядущихъ событий“. Конечно, и революціонныя прокламаціи 14 октября были сброшены въ церкви на головы молящихся тою же „группою сознательныхъ семинаристовъ“... 17-го декабря галка „вылетѣла“ изъ такого же съ чердака вентиляціоннаго отверстія въ потолокъ храма, въ какое 14 октября были вброшены прокламаціи,—только надъ алтаремъ храма; она влетѣла такъ же, какъ и 14 октября прокламаціи, въ то время, когда вся церковь стояла на колѣняхъ во время пѣнія Херувимской пѣсни“... «При мнѣ три ночи подрядъ (21, 22, 23 ноября) производились попытки ограбить эконома Семинаріи. Не буду излагать характерныхъ подробностей этого дѣла; скажу только, что дѣйствовали тутъ три переодѣтыя личности, иногда въ маскахъ, старавшіяся проникнуть въ квартиру эконома съ чернаго хода, и что это также стоитъ въ связи съ дѣйствіями „сознательныхъ“ семинаристовъ. Многочисленные случаи воровства въ Семинаріи тоже не въ привлекательномъ видѣ рисуютъ „весну“ семинарской жизни“... «Ученики не являлись на уроки массажи, при чемъ отсутствовало на урокахъ не рѣдко полъ-класса и болѣе, на молитву и въ церковь на богослуженіе являлись весьма немногіе, съ вечернихъ за-

нія ¹⁾. Отсюда приниженіе и дезорганизація духовной школы ²⁾, которая страдала и отъ многихъ другихъ причинъ—частію внутреннихъ, частію побочныхъ. Главная вина сего не собственно въ людяхъ и лежитъ въ самомъ устройствѣ Учебнаго Комитета, который былъ лишень ответственной самостоятельности, призывался служить больше «предер-

натій уходили, когда хотѣли; сочиненій ученики не писали, не рѣдко совершенно, всѣмъ классомъ, или подавали ихъ въ незначительномъ количествѣ въ классѣ». При этомъ «не увольнялись изъ Семинаріи воспитанники, скомпрометировавшие себя настолько (до присужденія къ тюремному заключенію включительно), что имъ въ Семинаріи оставаться было невозможно. Было и еще иное, подобное этому, на ненормальность чего было обращено мною вниманіе при ревизіи: не смотря на то, что занятія въ Семинаріи открылись только съ 21 сентября и что въ классѣ ходилъ только тотъ, кто хотѣлъ,—съ 25 ноября начались усиленные ходатайства воспитанниковъ объ отпускѣ ихъ въ дома родителей подъ разными предлогами. Къ 19 декабря по такимъ причинамъ было отпущено въ дома родителей уже 60 чел., и при этомъ больше всего изъ того класса, который меньше всего занимался... Въ эту Курскую «исторію» вмѣшалось и духовенство (см. «Колоколъ» № 414 за 20-е іюня 1907 г., стр. 2—3). Чтѣ же предпринималъ Учебный Комитетъ со своей стороны? Отъ 24-го мая 1907 года я имѣю грустное свидѣтельство, что даже въ виду страшныхъ экзаменскихъ неурядицъ комитетскія мѣры не идутъ далѣе пріемовъ какого-то сыска... И мы дѣйствительно пока слышали по этому предмету только то, что одна Семинарія закрывается за другою, хотя не хватало ни ординарныхъ, ни сверхштатныхъ ревизоровъ для экстренныхъ экспедицій по всѣмъ концамъ Россіи. А теперь намъ сообщаютъ (см. «Новое Время» № 11.224 за 13-е іюня 1907 года, стр. 3, стлб. 2, и «Колоколъ» № 409 за 14-е іюня 1907 г., стр. 2, стлб. 2): «На дняхъ въ Св. Синодѣ закончена разработка данныхъ, касающихся происходившихъ въ текущемъ году безпорядковъ въ Семинаріяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства. Матеріалы, собранные Св. Синодомъ какъ путемъ донесенія официальныхъ лицъ, такъ и данными прямыхъ разслѣдованій на мѣстахъ, пока не выяснили несомнѣнныхъ причинъ безпорядковъ. Въ виду этого преобладающая часть членовъ Св. Синода, какъ намъ передаютъ, не склонна къ началу будущаго учебнаго года проводить въ Семинаріи какія-либо преобразованія». Извѣстіе это болѣе, чѣмъ удивительно, а потому и мало вѣроятно во всѣхъ отношеніяхъ (ср. «Колоколъ» № 411 за 16-е іюня 1907 г., стр. 2, стлб. 5)... Въ духовныхъ школахъ все горитъ, и никто не можетъ доискаться источника:—это ли не притча? Но совѣмъ прискорбно, что именно вслѣдствіе своего невѣдѣнія даже не желаютъ тушить пожара и откладываютъ ad Kalendas graecas... «Освѣдомительное бюро» передаетъ, что «разрѣшеніе вопроса о преобразованіи Семинарій будетъ зависѣть исключительно отъ всероссійскаго церковнаго собора» (см. «Новое Время» № 11.225 за 14-е іюня 1907 года, стр. 3, стлб. 4). Ну, это ужъ еще того хуже... Вѣдь той порой отъ нашихъ Семинарій, какъ учреждений духовно-церковныхъ, можетъ остаться только одно грустное воспоминаніе (ср. стр. 124, прим.)... А вотъ католики не дремлютъ. Задумавъ широкую семинарскую реформу въ Италіи (о чемъ къ стр. 17, см. еще у С. А. Браткова въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1906 г., № 2, стр. 357—371), они спѣшатъ приняться за ея осуществленіе и именно въ смыслѣ отдѣленія общехристіанскаго гуманитарнаго образованія отъ пастырскаго приготовленія (см. «La Civiltà Cattolica», anno 58, quaderno 1.368, vol. 2: 15 Giugno 1907, p. 734—736; «Церковный Вѣстникъ» № 25 за 21-е іюня 1907 г., стлб. 818—820). Но соберемъ ли, наконецъ, подражать имъ и мы, всегда столь увлекающіеся западными образцами?—that is the question!..

¹⁾ Просимъ теперь сопоставить слова С. И. Миропольскаго (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 840), что «Комитетъ никогда не имѣлъ бюрократическаго характера и чуждался формализма, столь вреднаго въ живомъ педагогическомъ дѣлѣ»... Последнее, разумѣется, вѣрно, а о первомъ пусть безпристрастно разсудятъ сами читатели нашего трактата...

²⁾ См. и въ сборникѣ «Духовная школа» (Москва 1906), что «высшее начальство, проникнутое недовѣріемъ къ цѣлой корпораціи учащихся, въ то же время грѣшить непомѣрнымъ самоиѣніемъ» (стр. 241) и своими велѣніями достигло того, что «въ дѣятельности духовныхъ педагоговъ все мертво, шаблонно, формально, при чемъ «обязательныя предписанія центральнаго начальства носятъ часто явную нецѣлѣвую, ретроградный характеръ, особенно по воспитательной части»... «Въ общемъ, положеніе какъ педагоговъ, такъ и питомцевъ духовной школы очень тяжелое: тѣмъ и другимъ здѣсь душно, тѣсно», какъ «притиснутымъ бюрократическимъ колакомъ» (стр. 242). См. еще и въ «Церковномъ Вѣстникѣ» 1906 г., № 47 за 23-е ноября, стлб. 1531—1532.

жащимъ» лицамъ, чѣмъ идеямъ, и, подчиненный сразу двумъ авторитетамъ, долженъ былъ лавировать между ними. Необходимость системы вынуждала его сосредоточиваться именно на послѣдней сторонѣ, но при частыхъ коллизіяхъ и всегдашнихъ возобладаніяхъ разныхъ силъ и теченій онъ не рѣдко оказывался безъ собственной воли и безъ своей заправляющей власти ¹⁾, а духовно-педагогическая ладья плавала по бурному морю «безъ руля и безъ вѣтриль» при одолѣвавшемъ напорѣ постепенно разъярившихся стихій ²⁾... Наступилъ «развалъ духовной школы» ³⁾...

Какъ видимъ, Учебный Комитетъ не во всемъ вповновать одинъ, но его грѣхъ заключается уже въ молчаливомъ попустительствѣ. Онъ долго увѣрялъ, что все обстоитъ благополучно, занимаясь всякими «затѣями» ⁴⁾, а педагогическій барометръ стремительно спускался къ роковому термину «гроза!» И случилось надъ нами предостерегающее слово апостольское (1 Тессал. V, 3): *егда рекуть: миръ и утвержденіе, тогда внезапно нападетъ на нихъ всегубительство, якоже болѣзнь во чревъ имущей, и не имуть избѣжати*. Такъ и случилось. Нахлынулъ цѣлый ураганъ педагогическихъ волненій, которые потомъ перешли въ Академіяхъ въ длительный пароксизмъ «реформаторской горячки» ⁵⁾. Подавленные раньше—педагогическія корпораціи оказались неподготовленными, частью были связаны и фактически растерялись при разыгравшемся смерчѣ: однѣ, слегка карая «единичные проступки», не рѣшались вмѣнять академическимъ студентамъ «массовыя движенія» ⁶⁾—вопреки морально-юридической логикѣ: другія (въ Рязанской Семинаріи) чувствовали себя

¹⁾ Въ этомъ отношеніи достойно вниманія, что самъ Св. Синодъ вынужденъ былъ отказаться отъ существенныхъ преимуществъ своихъ по §-амъ 13 и 14 «Положенія» 1867 г. и — уже согласно постановленію, Высочайше утвержденному 3-го апрѣля 1875 года,—передать многое въ непосредственное распоряженіе Оберъ-Прокурора: см. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 835а.

²⁾ Кажется, послѣднія, внося свою отраву, начали подтачивать и церковно-приходскую школу, судя, напр., по книжкѣ *И. П. Сахарова*, Ненормальное состояніе современной церковно-приходской школы и попытка учащихся раскрыпоститься, Москва 1906. А «Колоколъ» (№ 408 за 13-е июня 1907 года, стр. 3, стлб. 1—2) прямо говоритъ о «революціонерахъ въ церковныхъ школахъ» (Тамбовской епархіи), о чемъ—для другихъ мѣстъ (напр., въ Смоленской губерніи)—имѣются у меня и частныя свѣдѣнія.

³⁾ См. подъ такимъ заглавіемъ статью «Епископа» въ «Колоколѣ» № 357 за 5-е апрѣля 1907 г., стр. 1, но ср. *ibid.* № 362 за 11-е апрѣля, стр. 2, стлб. 4. См. также въ сборникѣ «Духовная школа» (Москва 1906), стр. 230, гдѣ «полный крахъ духовной школы» относится (стр. 105, 112) уже къ осени 1905 года.

⁴⁾ Объ одной изъ такихъ несомнѣнныхъ «затѣй»—устроенія въ С.-Петербургѣ (лѣтомъ 1907 года) курсовъ для преподавателей физики въ нѣкоторыхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ—см. мужественное слово г. *Н. Болтовскаго* въ «Колоколѣ» № 362 за 11-е апрѣля 1907 года, стр. 1. И долго казалось, какъ будто «затѣя» эта,—санкціонированная Комитетомъ,—имѣетъ всѣ шансы осуществиться съ полнымъ успѣхомъ... для комитетскихъ прожектеровъ. Между тѣмъ «центральное управленіе вовсе и не заботится о физическихъ кабинетахъ» Семинарій (см. выше стр. 95,)...

⁵⁾ Такъ («la fièvre de réformes») характеризуетъ извѣстный о. *Aurelio Palmieri* въ своихъ отчетахъ о Россіи въ «Revue d'histoire ecclésiastique» VII, 3 (15 Juillet 1906), p. 758; VIII, 1 (15 Janvier 1907), p. 246.

⁶⁾ См. «Журналы совѣта Московской Духовной Академіи» за 1906 г. при «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 2, стр. 125—127.

столь безвольными, что, принявъ необходимыя мѣры, уже послѣ при-
мѣненія спѣшили боязливо запрашивать о нихъ центральное управленіе;
иные Преосвященные упорно отклоняли стороннія сообщенія о тревож-
ныхъ симптомахъ духовно-школьной жизни и... дожидались разгрома¹⁾.
Самъ Учебный Комитетъ колебался до такой степени, что осуждалъ на-
чальство, если оно вынуждалось производить осмотръ имущества своихъ
питомцевъ, жившихъ въ казенныхъ помѣщеніяхъ,—изъ страха предъ
«жандармскимъ режимомъ»,—или попускалъ приемы чисто полицейскаго
сыска среди семинарскихъ питомцевъ и ихъ родителей (въ Вильнѣ)...
Какъ будто все было въ порядкѣ, между тѣмъ въ нѣкоторыхъ духовно-
школьныхъ садахъ находили корзины съ гостинцами въ видѣ изрядной
массы боевыхъ патроновъ²⁾ и по вечерамъ раздавались выстрѣлы даже
внутри зданій... Воспитанники забросили всякія занятія³⁾, потеряли всякую
дисциплину, бурно и грубо протестуютъ противъ повѣрочныхъ экзаменовъ⁴⁾,

¹⁾ Но и послѣ сего официально стараются объяснить безпорядки этой—Смоленской
Семинаріи проникновениемъ «евреевъ (sic!) и учащихся изъ другихъ учебныхъ заведеній»
(см. «Русь» № 142 за 3-е іюня 1907 года, стр. 4, стлб. 6—7), хотя именно на это ука-
зывали прежде епархіальному начальству, а оно не умѣло ни предусмотрѣть, ни пре-
дотвратить, ни даже признать столь опасное вторженіе...

²⁾ См. «Новое Время» № 157 за 4-е апрѣля 1907 г., стр. 2, стлб. 4, гдѣ этотъ
фактъ смягченъ противъ дѣйствительности.

³⁾ Напр., «Тамбовскій семинаристъ» говоритъ (въ «Колоколѣ» № 383 за 12-е мая
1907 года, стр. 3, стлб. 2—3) о своихъ товарищахъ: «Отъ дѣла семинаристы совершенно
отвыкли. На урокахъ многіе отсутствуютъ. Письменные работы исполняются небрежно.
Правда, нѣкоторые изъ преподавателей сочиненій совсѣмъ не читаютъ, а судятъ по
объему: подаетъ семинаристъ работу страницъ въ 10, да въ синей обложкѣ—и полу-
чаетъ 4, а въ ней или выписано изъ учебниковъ или изъ совсѣмъ посторонней книги. Я
самъ читалъ одно сочиненіе на научную тему, которое... было буквально списано съ ро-
мана „Братья Кипи“ въ журналѣ „Вокругъ Свѣта“,—и баллъ былъ... 4»... А вотъ и по-
слѣдній наглядный примѣръ (см. «Русь» № 147 за 8-е іюня 1907 года, стр. 5, стлб. 1):
«Переходные экзамены въ Петербургской Духовной Семинаріи, которые окончились
7 іюня, поражаютъ своимъ необыкновеннымъ результатомъ. Всѣхъ воспитанниковъ, де-
ржавшихъ экзамены, 254 чел., неудовлетворительныхъ балловъ получено 210; при этомъ
нужно замѣтить, что каждый воспитанникъ могъ получить неудовлетворительный баллъ
только по двумъ предметамъ, а послѣ третьяго онъ или оставался на повторительный
курсъ, или же совсѣмъ былъ увольняемъ изъ Семинаріи». Значитъ, сколько С.-Петер-
бургскихъ семинаристовъ не дотянуло даже до спасительныхъ троекъ?... Остается еще
вспомнить о великихъ претензіяхъ этихъ неудачниковъ (см. стр. 104) и вывести ма-
ленькое заключеніе, до какой степени «политика» загубила и нашу духовную школу...

⁴⁾ См. «Колоколъ» №№-ра 357 и 360 за 5-е и 8-е апрѣля 1907 г., стр. 2 и 3.
Сообщаютъ, что къ бойкоту экзаменовъ примкнуло 20 Семинарій, изъ коихъ 10 закрыто
(см. «Колоколъ» № 381 за 9-е мая 1907 г., стр. 3, стлб. 1), но мы имѣемъ официальные
свѣдѣнія, далеко не обнимающія всѣхъ случаевъ, что къ концу мая послѣднихъ было
11, при чемъ двѣ закрыты сплона и ученики уволены, а въ 9-ти прекращены занятія
большою частію только въ младшихъ классахъ. Воспитанники не только отказывались
отъ переводныхъ испытаній, но дозволяли и прямо насильственные,—даже террористи-
ческіе—акты. Изъ таковыхъ извѣстны въ печати слѣдующіе. Въ Московской Семинаріи
взрывы («Колоколъ» №№ 399 и 400 за 31-е мая и 2-е іюня 1907 г., стр. 2, стлб. 2; стр. 2,
стлб. 4)—и одинъ даже чрезъ 5 минутъ послѣ отбытія митрополита Владимира (ibid. № 403
за 6-е іюня, стр. 2, стлб. 1); въ Каменецъ-Подольскѣ тоже и при семъ бомбы (ibid. № 395 за
26-е мая, стр. 2, стлб. 3, особенно же № 404 за 7-е іюня, стр. 2, стлб. 3), къ которымъ
въ Нижнемъ Новгородѣ присоединили «химическую обструкцію» (ibid. №№ 388 и 394
за 18-е и 25-е мая, стр. 3, стлб. 2; стр. 2, стлб. 4), примѣненную еще въ Кіевѣ («Свѣтъ»
№ 128 за 17-е мая, стр. 1, стлб. 3; «Русь» № 139 за 31-е мая, стр. 4, стлб. 1);
въ Тулѣ буйства и насилія съ образованіемъ шайкъ экспроприаторовъ и съ
агитаторствомъ среди крестьянъ («Свѣтъ» № 128 за 17-е мая, стр. 1, стлб. 3); въ
Смоленскѣ выстрѣлы изъ револьверовъ, взрывы петардъ и такіе безчинія, что потребовалось

необходимых¹⁾, но введенных²⁾ непредусмотрительно³⁾, — и бойкотируют их даже «явочнымъ порядкомъ» (въ С.-Петербургской Ака-

виѣтательство войскъ, а обыскъ обнаружилъ много нелегальной литературы («Колоколъ» № 379 за 6-е мая, стр. 3, стлб. 1), въ Черниговѣ же онъ былъ «грандіозный» и открылъ пристутствіе револьверовъ и прокламацій (ibid. № 383 за 12-е мая, стр. 3, стлб. 1); въ Казани «во время экзамена словесности семинаристъ ударилъ экзаменатора по лицу и бросилъ въ ассистента стуломъ» («Русь» № 137 за 29-е мая въ специальной телеграммѣ и № 131 за 31-е мая, стр. 4, стлб. 1); въ Саратовѣ безчинія и беспорядки вообще («Колоколъ» № 381, стр. 3, стлб. 1), а также въ Витебской Семинаріи, гдѣ яко бы «за послѣдніе годы царить полнѣйшая деморализація» (см. «Колоколъ» № 357 за 5-е апрѣля 1907 года, стр. 2, стлб. 3—4)... См. еще систематически (хотя далеко не полно) подобранный «Скорбный листъ духовныхъ семинарій въ 1906—7 учебномъ году» отъ 15-го іюня С. И. Соколова въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 230—246 (но—вопреки сему и «Колоколу» № 407 за 10-е іюня 1907 года, стр. 1, стлб. 3—«въ Черниговской Семинаріи въ инспектора никто не стрѣлялъ»: см. «Колоколъ» № 409 за 14-е іюня 1907 года, стр. 2, стлб. 1). Послѣ этого мартиролога духовной школы, которую называютъ «зараженною и прогнившею», страждущею «разваломъ и развратомъ» (см. у М. О. Меньшикова въ фельетонахъ «Новаго Времени» №№ 11.194 и 11.187 за 13-е и 6-е мая), трудно не согласиться съ грустнымъ приговоромъ: «Стачка противъ науки, да еще духовныхъ питомцевъ, содержащихся на свѣчные огарки,—какое прискорбное зрѣлище паразитизма, за счетъ народа?! Отды духовные, вразумляйте чадъ своихъ, пока народъ не забастовалъ противъ васъ за безобразія дѣтей вашихъ» (см. «Колоколъ» № 381 за 9-е мая, стр. 3, стлб. 1). Возникаетъ даже вопросъ: «развѣ Церковь обязана отламывать кусочекъ отъ свѣчки Божіей для того, чтобы на этотъ кусочекъ воспитывать адвокатовъ, врачей, а въ большинствѣ случаевъ въ наше смутное время—просто будущихъ революціонеровъ» (см. ibid. № 402 за 5-е іюня, стр. 1, стлб. 5)? Вѣдь прямо говорить, что «питомники духовныхъ пастырей измѣнили теперь свое назначеніе и служатъ только (?) для пополненія кадровъ революціи (см. «Свѣтъ» № 128 за 17-е мая, стр. 1, стлб. 3), воспитывая—«вмѣсто студентовъ богословія—стрѣлковъ изъ браунинговъ» (ibid. № 131 за 20-е мая, стр. 2, стлб. 2). Есть тутъ частныя преувеличенія въ тонахъ и оттѣнкахъ, но, разумѣется, «необходимо очистить отъ такихъ зловердныхъ элементовъ рассадники нашего духовнаго просвѣщенія», если въ нихъ «будущіе пастыри народа—вмѣсто ученія, поста и молитвы — пополняютъ ряды враговъ Церкви, становятся волками, расхищающими словесное стадо Господне» (ibid. № 126 за 15-е мая, стр. 1, стлб. 4). Поистинѣ, «стыдно за школу, воспитанники которой забываютъ свой неоплатный долгъ предъ православномъ народомъ» (см. «Церковный Вѣстникъ» № 20 за 17-е мая, стлб. 657). А общая картина (для которой ср. «Колоколъ» № 407 за 10-е іюня 1907 года, стр. 1, стлб. 3) такова: «Бойкотъ экзаменовъ, беспорядки до норуганія иконъ, взрывы бомбъ и петардъ и затѣй полицейскіе и жандармскіе обыски, охрана семинарскихъ зданій войсками, аресты воспитанниковъ, увольненія цѣлыми сотнями... Въ своемъ теперешнемъ состояніи развѣ это школа» (ibid. № 22 за 31-е мая, стлб. 724. 726)? Ея «настоящее положеніе должно быть признано невозможнымъ» (см. «Свѣтъ» № 131 за 20-е мая, стр. 2, стлб. 2), и здѣсь «начинать придется, можетъ быть, не снизу, но на полумѣрахъ останавливаться невозможно» (ibid. № 126 за 15-е мая, стр. 1, стлб. 4); «надо дѣйствовать рѣшительно,—иначе Церкви Божіей грозитъ великая опасность» (см. «Колоколъ» № 402 за 5-е іюня, стр. 1, стлб. 5)... Посему «необходимо сейчасъ же рѣшить вопросъ: возможно ли оставлять духовную школу въ прежнемъ положеніи? А если невозможно, то чтѣ же съ нею дѣлать» (см. «Колоколъ» № 402 за 5-е іюня, стр. 1, стлб. 5)?.. Послѣднее, конечно, вѣрно, но еще несомнѣннѣе для нашего духовно-педагогическаго правительства слово Христово (Мат. IX, 37. Лук. X, 2): *жатва убо многа, дѣлателей же мало...* Ср. и «Церковный Вѣстникъ» № 25 за 21-е іюня, стр. 802—805.

¹⁾ Ср. о семъ у И. И. Лебедева въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 10 за 10-е марта 1907 года, стр. 435—443, и у архимандрита Алексія въ «Колоколѣ» № 396 за 27-е мая, стр. 1—2. См. и стр. 45—46.

²⁾ Определеніемъ Св. Синода отъ 20-го марта 1907 года: см. «Церк. Вѣдом.» № 12 за 24-е марта 1907 года, стр. 70.

³⁾ Учебному Комитету своевременно указывалось на неизбежность осложненій по этому предмету, но тамъ не хотѣли разсудить впередъ, полагаясь на «авось, небось, да какъ-нибудь... На чью «голову должна пасть здѣсь вина» большаго всего,—см. отвѣтъ въ «Церковномъ Вѣстникѣ» № 15 за 12-е апрѣля 1907 г., стлб. 483—484.

деміи 1-го мая 1907 г.)¹⁾, а на отеческія увѣщанія маститыхъ іерарховъ отъ забастовки отвѣчаютъ свистомъ и шиканьемъ (въ Воронежской Семинаріи 20-го февраля 1907 года)²⁾, инспекторовъ же въ ихъ собственныхъ квартирахъ угощаютъ пулями прямо въ лицо 17-ти лѣтніе семинаристы по постановленіямъ революціоннаго кружка (тамъ же 21-го февраля 1907 г. въ 6 часовъ вечера)³⁾, или разстрѣливаютъ на улицѣ среди бѣлаго дня⁴⁾,

¹⁾ Ср. уо М. О. Меньшикова въ фельетонѣ «Новаго Время» № 11.187 за 6-е мая 1907 года. Не смотря даже на «студенческія» опроверженія (въ «Колоколѣ» № 377 за 4-е мая 1907 года, стр. 2—3), мы должны подтвердить, что это дѣйствительно было, ибо на расколъ не явилось 1-го мая ни единого изъ студентовъ, признавшихъ самый экзаменъ «повторнымъ» и незаконнымъ, а на еврейскій языкъ пришло около 1/10-й части, почему цѣлый совѣтъ академическій долженъ былъ экстренно заняться этимъ вопросомъ, а одинъ заинтересованный профессоръ пережилъ такое волненіе съ роковымъ крикомъ, исходъ котораго доселѣ неизвѣстенъ... При этомъ характерно, что С.-Петербургскіе студенты, избравшіе для позорящихъ себя и Академію сообщеній газету «Русь», не постѣснились прямо напечатать въ послѣдней (№ 124 за 6-е мая 1907 года, стр. 4, стлб. 3), что они отказались отъ экзамена изъ еврейскаго языка единственно потому, что профессоръ не захотѣлъ принять предложенное «соглашеніе», когда испытаніе изъ тягостной комедіи должно было превратиться въ преступный фарсъ... Вообще, экзаменаціонная эпопея С.-Петербургскаго академическаго студенчества въ 1907 г. полна весьма неслетныхъ эпизодовъ. Напр., на психологию 30-го апрѣля пожаловало очень немного отвѣтчиковъ; перенесли на 4-е мая, — и опять тоже. Одинаковый результатъ былъ съ патристикою (16-го мая и 2-го іюня). Назначали всего лишь по 8 литографированныхъ листовъ или по 114 страницъ изъ популярной книжки, а студенты не хотѣли готовить даже этого мінімума и отвѣчали кое-какъ. Являюся на испытанія, когда сами вдумаютъ, и не держатъ просто потому, что «долго дожидаться», заранѣе увѣщаютъ по домамъ п произвольно переносятъ исполненіе своей обязанности на осень. Теперь для всѣхъ стало неизвѣстнымъ, происходить ли у насъ «переходные» экзамены при заключеніи учебнаго года или въ началѣ, хотя бываютъ еще и въ срединѣ его... Вотъ «живые» факты. Въ С.-Петербургской Духовной Академіи сей годъ переведено до вакама: на 1-мъ курсѣ 15 человекъ изъ 77, на 2-мъ—11 изъ 63 и на 3-мъ—23 изъ 64, т. е. 49 изъ 204 студентовъ или менѣе одной четверти... Развѣ такой результатъ не поразителенъ до ужаса?!.. А обо всемъ этомъ умалчиваетъ въ «Церковномъ Вѣстникѣ» № 24 за 14-е іюня 1907 года на стлб. 778 досконально осведомленный репортеръ И. А. Уберскій, сообщая не столько бларазумно, сколько дипломатично, что «всѣ студенты (I—III курсы), сдавшіе экзамены, переведены въ слѣдующіе курсы»... Между тѣмъ и уставъ (§ 130) и всякія инструкціи позволяютъ эту экзаменаціонную процедуру лишь въ концѣ учебнаго годичнаго цикла — за самыми рѣдкими и уважительными изъятіями, опредѣляемыми властію совѣта... По неволѣ вспоминаешь слова пророка (Иса. XXVIII, 10. 13): «все заповѣди на заповѣди, заповѣди на заповѣди, правило на правило, правило на правило, тутъ немного и тамъ немного,—такъ что они пойдутъ, и упадутъ навзничъ и разобьются, и понадутъ въ сѣть и будутъ уловлены»...

²⁾ Архимандритъ Алексій даже свидѣтельствуется (въ «Колоколѣ» № 396 за 27-е мая 1907 года, стр. 1, стлб. 5), что «теперь не всякій архіерей, боясь оскорбленія — не себя лично, а своего высокаго сана, рѣшится часто показываться въ Семинаріи, такъ какъ никто не можетъ его оградить отъ какой-либо грубой, дерзкой выходки со стороны семинаристовъ, по большей части враждебно настроенныхъ къ архіерею, въ которомъ они отъ разныхъ своихъ „благодѣтелей“ научены видѣть своего угнетателя»... А уже въ іюнѣ 1907 года былъ случай, что изъ новыхъ академическихъ кандидатовъ богословія многие не явились къ своему маститому и благостному іерарху на приглашеніе для пастырскаго пацутствія въ самостоятельную жизнь, при чемъ въ отвѣтъ на отеческія назиданія и трогательную рѣчь о любви (см. «Церковный Вѣстникъ» № 24 за 14-е іюня 1907 года, стлб. 776—777) одинъ изъ прибывшихъ возразилъ въ возбужденно—вызывающемъ тонѣ, грубо затронувъ и нѣкоторыхъ изъ своихъ профессоровъ... Онъ чувствовалъ себя теперь безопаснымъ, но... забылъ самую простую истину, что всякій, кто не уважаетъ, не признаетъ и не помнитъ своихъ учителей, тотъ отрывается отъ своихъ духовныхъ отцовъ и—видимо—ничему не учился...

³⁾ О положеніи Воронежской Семинаріи см. «Церковный Вѣстникъ» № 14 за 5-е апрѣля 1907 г., стлб. 462, и «Колоколъ» № 332 за 7-е марта 1907 г., стр. 3; ср. также «Церковный Вѣстникъ» № 14 за 5-е апрѣля 1907 г., стлб. 462.

⁴⁾ М. А. Добронравовъ въ Тифлисѣ (см. «Новое Время» № 11.206 за 26-е мая

прихватывая и ректоровъ ¹⁾, которымъ предательски наносятъ смертельныя раны въ спину ²⁾, шлютъ моментальную смерть изъ браунинговъ ³⁾, либо обливаютъ физиономіи кислотою, когда несчастно и невинно погибшій сынъ ихъ начальника лежитъ на столѣ ⁴⁾... И вотъ предъ нами теперь законченная революціонная организація, сформировавшая на послѣднемъ «общесеминарскомъ съѣздѣ» (въ Москвѣ 25-го, и 26-го 27-го декабря 1906 года) «Центральный (распорядительно-исполнительный) органъ»—въ Вяткѣ ⁵⁾, издавна извѣстной всякою либеральною пропагандой и нынѣ ставшей очагомъ гибельной чумы педагогическихъ броженій ⁶⁾, прочно засѣвшихъ въ мѣстной Семинаріи ⁷⁾, чего не успѣлъ вполне обнаружить

1907 г. въ специальной телеграммѣ; «Колоколъ» № 395 за 26-е мая, стр. 1, стлб. 1, стр. 2, стлб. 2—3; при этомъ задержано пять семинаристовъ, уволенныхъ за забастовки (см. «Биржевые Вѣдомости» вечерній № 9.916 за 26-е мая, стр. 2, стлб. 1).

¹⁾ См. о революціонномъ покушеніи на Тульскаго ректора архимандрита Алексія (Симанскаго) въ «Колоколѣ» № 393 за 24-е мая 1907 года, стр. 2, стлб. 3.

²⁾ Архимандритъ Симеонъ (Холмогоровъ) въ Тамбовской Семинаріи (гдѣ изъ-за этого многосемейный инспекторъ безнадежно сошелъ съ ума). Ср. къ сему «Колоколъ» № 395 за 26-е мая 1907 года, стр. 1—2, а подробности см. *ibid.* № 410 за 15-е іюня 1907 г., стр. 1, стлб. 3—4. Ср. выше стр. 105.

³⁾ Архимандритъ Николай (Орловъ) въ Пензенской Семинаріи. См. объ этомъ «Новое Время» № 11.200 и 11.204 за 19-е и 23-е мая 1907 года, стр. 2, стлб. 3, стр. 13, стлб. 5—6; «Колоколъ» № 394, 398 и 399 за 25-е, 30-е и 31-е мая, стр. 2, стлб. 3—4, стр. 3, стлб. 1, стр. 1—2 (письмо студента Московской Духовной Академіи П. Назаркевича); «Свѣтъ» № 131 за 20-е мая 1907 г., стр. 2, стлб. 2.

⁴⁾ Протоіерей І. П. Знаменскій въ Харьковской Семинаріи; ср. «Колоколъ» № 381 за 9-е мая 1907 года, стр. 3, стлб. 1—2.

⁵⁾ См. «Колоколъ» № 351 за 29-е марта 1907 года, но у насъ была точная копія «протоколовъ» этого «съѣзда», и проведеннаго съ замѣчательною «парламентскою» выдержанностію, которой могутъ позавидовать даже объ наши покойныя Государственныя Думы. Видно, дѣло находится въ опытныхъ и твердыхъ рукахъ мастеровъ своего дѣла... А говорить, что все это вызвало движеніе комитетской воды только потому, что какой-то ректоръ Семинаріи опубликовалъ въ «Колоколѣ» вышеупомянутый отчетъ... Во всякомъ случаѣ Учебный Комитетъ не подумалъ освѣдомить объ этой революціонной организаціи, и даже въ С.-Петербургѣ семинарское начальство не имѣло въ началѣ іюня 1907 года постановленій разумѣмаго «съѣзда», въ провинціи же доселѣ травляютъ объ этомъ лишь по собственнымъ заключеніямъ (см. «Русь» № 142 за 3-е іюня 1907 года, стр. 4, стлб. 6)... Какъ назвать подобную комитетскую «внимательность»? Есть ли это халатная небрежность или непостижимая мудрость?.. А одинъ «Епископъ» еще спрашиваетъ (въ «Колоколѣ» № 402 за 5-е іюня, стр. 1, стлб. 5) съ наивностію: «Знаетъ ли наше центральное управленіе духовно-учебныхъ заведеній объ этомъ? Дѣлается ли что-нибудь, чтобы пресѣчь это зло? Оповѣщены ли мѣстныя семинарскія власти о затѣяхъ ихъ питомцевъ? Едва ли... Вѣдь даже «Тамбовскій семинаристъ» подмѣтилъ и отмѣтилъ (*ibid.* № 383 за 12-е мая 1907 г., стр. 3, стлб. 2): «прежде чѣмъ лечить, нужно знать, чѣмъ и отъ какой болѣзни лечить. *А вотъ эту болѣзнь-то и скрываютъ* у насъ... Между тѣмъ «общесеминарскій съѣздъ» и созданная имъ организація служатъ возбудителями и источниками революціонной смуты въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ по всей Россіи (см. и В. И. въ «Колоколѣ» № 407 за 10-е іюня 1907 года, стр. 1, стлб. 3—4)... Но такова наша система, готовящая духовную-школьную Пусину...

⁶⁾ См. «Новое Время» № 11.156 за 3-е апрѣля 1907 г. въ корреспонденціи изъ Вятки о «гибнущей молодежи».

⁷⁾ См. въ «Новомъ Времени» № 11.175 за 22-е апрѣля 1907 года, стр. 6—7 корреспонденцію изъ Вятки подъ заглавіемъ: «Семинаристы-революціонеры». А теперь Вятская Семинарія дождалась того, что сейгодь формально запретили принимать изъ нея кончившихъ курсъ во всѣ Академіи (см. «Церковныя Вѣдомости» № 24 за 16-е іюня 1907 года, стр. 270-а), при чемъ, конечно, нострадаютъ и невинные. Лучше бы поставить для Вятскихъ семинаристовъ-студентовъ выпуска 1907 г. условіями ручательство семинарскаго правленія и ходатайство мѣстнаго Преосвященнаго.

спеціально командированный комитетный ревизор¹⁾. Устраиваются (въ г. Орлѣ) самыя вызывающія похороны «павшимъ въ борьбѣ роковой жертвамъ» изъ семинаристовъ, и надъ могилами такихъ «борцовъ за свободу» даже преподаватели ихъ произносятъ зажигательныя рѣчи, фанатизируя возбужденныхъ питомцевъ, которыхъ иногда (въ г. Ярославлѣ) будируютъ и либеральничающіе о.о. іеромонахи, не брезгающіе пачтно апеллировать къ «общественному мнѣнію» на рѣшенія Св. Синода и... остающіеся безнаказанными²⁾... Бывали случаи (въ Тобольской Семинаріи), когда сами начальники и педагоги учили воспитанниковъ, какъ организовать «профессиональные союзы», и раздавали или рекомендовали «спеціальную» по сему предмету литературу³⁾, даже вели (въ г. Вяткѣ) настоящую агитацію и заслуживали за это отъ Комитета только перевода съ мрачнаго сѣвера на благодатный югъ⁴⁾... Это ли не

¹⁾ См. «Новое Время» № 11.191 за 10-е мая 1907 года, стр. 5, стлб. 2—3, и «Колоколъ» № 384 за 13-е мая 1907 г., стр. 3, стлб. 3: «Прибывшему изъ Петербурга для ревизіи Д. И. Тихомирову не пришлось обнаружить какихъ-либо документовъ, относящихся къ организаторской дѣятельности комитета. Такіе документы неожиданно отыскались, послѣ отъѣзда ревизора, въ семинарскомъ храмѣ. Случилось это въ Великую субботу за литургіей. Когда священнослужители, во время чтенія апостола, стали сѣнять черныя облаченія на свѣтлыя насхальныя, они увидѣли подъ жертвенникомъ объемистую связку бумагъ, оказавшихся потомъ секретной литературой центрального семинарскаго комитета. Въ бумагахъ, помимо разнаго рода воззваній революціоннаго характера, оказалась также программа, которой обязаны были руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ члены комитета и семинарскихъ организацій; теперь раскрылось, кто были участники Московскаго съѣзда семинаристовъ. Выяснилось между прочимъ, что изъ 50 слишкомъ Семинарій успѣли уже объединиться вокругъ Вятскаго центрального комитета до 30 Семинарій, рѣшившихъ, между прочимъ, бойкотировать переводные экзамены, введенные пнѣтъ снова въ Семинаріяхъ Св. Синодомъ. Наши Вятскіе семинаристы 5 мая уже объявили своему начальству о принятіи имъ рѣшенія бойкотировать экзамены. Многіе родители вынуждены теперь брать своихъ дѣтей домой, такъ какъ занятія въ Семинаріи прекратились одновременно съ объявленіемъ бойкота. Удивительно только, что семинарское начальство, зная по найденнымъ документамъ о готовившемся выступленіи центрального комитета семинаристовъ, почему-то не нашло нужнымъ заранее изолировать руководителей бойкота отъ другихъ товарищей. Многіе семинаристы, какъ сами говорятъ, подписали заявленіе о бойкотѣ противъ своего желанія и единственно вслѣдствіе нешуточныхъ угрозъ центрального комитета». Между тѣмъ вскорѣ была раскрыта настоящая революціонная агитація, при чемъ «препровождено въ тюрьму до 20 (Вятскихъ) семинаристовъ, изъ которыхъ чуть ли не половина III класса, въ возрастѣ 16—17 лѣтъ», а на другой день послѣ обыска было совершено покушеніе на производившихъ его полицейскихъ чиновъ,—и «юные злоумышленники скрылись по направленію къ Духовной Семинаріи» (см. «Новое Время» № 11.201 за 20-е мая 1907 г., стр. 6, стлб. 1—2)... См. и выше стр. 103.

²⁾ См. объ о. Алексіѣ (Кузнецовѣ), преподавателѣ Духовной Семинаріи въ Ярославлѣ, корреспонденцію отсюда Л. Зарина въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» № 93 за 21-е апрѣля 1907 года, стр. 4 подъ заглавіемъ: «По стопамъ освободительнаго движенія».

³⁾ См. и «Колоколъ» № 375 за 1-е мая 1907 г., стр. 3, стлб. 4.

⁴⁾ Объ этомъ Вятскомъ педагогѣ А. П. и его судьбѣ см. «Колоколъ» № 391 за 22-е мая 1907 года, стр. 2, стлб. 3, но былъ недавно подобный случай и съ однимъ учителемъ Пензенскаго училища, гдѣ комитетъ отличился такимъ же перемѣщеніемъ... А результаты отсюда—по словамъ «Епископа»—слѣдующіе: «Пока гг. Р., нагоняемыхъ изъ одной Семинаріи за политическую неблагонадежность, будутъ давать мѣсто въ другой, дотолѣ кромѣ вреда ничего не получится... Увѣнчанный славой мученика идеи освободительныхъ въ В. Семинаріи, г. Р. явится въ А. Семинарію уже какъ прославленный борецъ за свободу, около котораго сейчасъ же сгруппируются всѣ мѣстные освободители, и если они разрознены, то будутъ рады имѣть готоваго руководителя въ лицѣ г. Р.» (см. «Колоколъ» № 402 за 5-е іюня 1907 года, стр. 1, стлб. 5)... Конечно, «должно смотрѣть шире, чѣмъ на пространства одной Семинаріи. Переводовъ по слу-

зло ¹⁾? II развѣ неумѣстно воскликнуть здѣсь вмѣстѣ со Златоустомъ:
ταῦτα ἀνεχά, ταῦτα φορητά...

Я кончилъ объ учебно-педагогическихъ функціяхъ Комитета, но здѣсь еще не конецъ моей рѣчи о немъ. Онъ не удовольствовался своею учебною ролью и простерся до почестей учено-богословскаго званія. Объ этомъ надо намъ—преоставителямъ богословской науки—поговорить и разсудить особо. Не трудно догадаться о результатахъ комитетскихъ трудовъ по этой части, если прямыя обязанности выполнялись неудовлетворительно. Я уже упоминалъ (см. выше стр. 93—94), что Учебный Комитетъ присвоилъ себѣ роль высшаго цензора компетентности и — главное — благонадежности всей богословской литературы и проявилъ обычный оппортунизмъ и свойственную безпринципность при совершенной неавторитетности, такъ что и сами комитетскіе члены интимно предупреждали знакомыхъ просителей, что комитетская рекомендація вообще служить сомнительною пробой и въ послѣднее время потеряла даже рыночную обаятельность... Не смѣю ни оспаривать, ни дополнять этого отзыва—кромѣ развѣ одного замѣчанія, что часто комитетскія аппробаціи давались по предписаніямъ свыше и по инымъ постороннимъ мотивамъ, скрѣплялись нѣсколькими фразами члена и въ большинствѣ случаевъ не обосновывались на подробныхъ солидныхъ рецензіяхъ, вмѣсто которыхъ фигурировали канцелярскіе росчерки членскихъ перьевъ въ соотвѣтствующей книгѣ. А буде кому-нибудь изъ комитетскихъ вершителей Богъ помогать сочинить «отзывъ», таковой не безъ торжества печатался въ специальныхъ журналахъ со всѣми мелочными деталями и иногда въ разныхъ редакціонныхъ варіаціяхъ. Помимо всякихъ внѣшнихъ условій—неудача въ этой области была неизбежна просто потому, что подобная великая обязанность была не по силамъ Учебнаго Комитета. Но онъ думалъ иначе, подогрѣваемый въ своемъ убѣжденіи тѣмъ, что ему поручено было распоряженіе Макаріевскими преміями за наилучшія «сочиненія по предметамъ богословскихъ наукъ и вообще духовнаго образованія» — опять же подъ вѣдѣніемъ Оберъ-Прокурора (см. § 15 «Правилъ» 27 іюля — 14-го августа 1883 года). Страшно

чаю неблагонадежности или негодности быть рѣшительно не должно. Это перенесеніе зла съ одного мѣста на другое. Если человѣкъ признается негоднымъ, если мотивы приведены яркіе и убѣдительные, если съ нимъ согласенъ мѣстный архіерей, то никакихъ переводовъ быть не можетъ; такого субъекта надо рѣшительно и безъ всякихъ церемоній гнать вонъ, чтобы не было практикуемаго нынѣ (не только въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ) «сбыта» негоднаго товара куда—нибудь, лишь бы дальше отъ себя» (архим. Алексій *ibid.* № 385 за 15-е мая 1907 г., стр. 1. таб. 5; стр. 2, таб. 1)... См. и выше стр. 106. 116, прим.

¹⁾ Здѣсь справедливо пишетъ (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 21 за 26-е мая 1907 г., стр. 850) ревизоръ Д. И. Тихомировъ: «Зло перестали называть зломъ, оно идетъ подъ видомъ добра и поощряется иногда тѣми, кто долженъ былъ бы, напротивъ, говорить слово вразумленія. Молодежь, увлекающаяся по неопытности, соблазняется къ этому еще болѣе то похвалами, прямыми или скрытыми, то соучастіемъ въ укрывательствѣ, то попустительствомъ. Вотъ въ чемъ одна изъ основныхъ причинъ [—вѣтъ, это причина уже производная!—] продолженія нестроений въ духовной школѣ!...»

даже вообразить всю отвѣтственность такой миссіи крайняго судіи надъ всею православно-русскою богословскою научною литературой. Для сего надо стоять выше послѣдней,—и за эту задачу возьмется не всякое ученое учрежденіе, а Учебный Комитетъ несъ ее со спокойною легкостью и привычнымъ «успѣхомъ». Въ 1883 г. имъ были выработаны особыя «правила», принудительныя для всѣхъ ученыхъ рецензентовъ, и съ 1884 года открылись самыя присужденія. Конечно, съ перваго же раза было ясно, что комитетскіе ресурсы не годятся и только обнаружатъ свою натуральную неприспособленность. Поэтому Комитетъ поспѣшилъ ограничить свое активное участіе самыми минимальными размѣрами и опять предпочелъ остаться санкционирующимъ рѣшителемъ чужихъ трудовъ, хотя долженъ былъ пменно на себѣ нести это дѣло и другихъ лицъ лишь «могъ приглашать» только въ дополненіе (см. §§ 13 и 14 «Правилъ») — тѣмъ болѣе, что комитетскіе члены умѣли въ своихъ спеціальностяхъ обнимать необъятное (см. выше стр. 94) ... За протекшіе 12 конкурсовъ количество рецензій со стороны комитетскихъ членовъ, иногда чуть не списывавшихъ съ готовыхъ печатныхъ отзывовъ, прямо ничтожно и въ численномъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Это — истина несомнѣнная документально ¹⁾. За-то Комитетъ возвеличился до степени независимаго распорядителя всѣми учеными силами Россіи далеко не изъ одной богословской сферы, ибо не рѣдко привлекались университетскіе и другіе специалисты. Разумѣется, для цѣлесообразной правильности этого распредѣленія требовалась наличность фактической компетентности въ оцѣнкѣ получавшихся сочиненій и точной освѣдомленности въ ученыхъ достоинствахъ намѣчаемыхъ критиковъ. Такой преизобильной учености совсѣмъ не было у Комитета, и онъ замѣнялъ ее властностію. Не спрашивали ни о согласіи, ни о готовности избранныхъ рецензентскихъ жертвъ и не сообразовались съ ихъ условіями, а прямо препровождали извѣстное сочиненіе съ бумагою за №-ромъ, хотя это бывало для иныхъ крайне не кстати, отбивало отъ неотложныхъ занятій отдаленными предметами, или являлось затруднительнымъ по многимъ жизненнымъ обстоятельствамъ ²⁾. И если «вишніе» рецензенты просто лишь стѣснялись отказываться отъ оффиціальныхъ предложеній, то духовно-служащіе не смѣли уклоняться по статьямъ разныхъ законовъ (см., напр., § 58 Уст. Дух. Акад. 1884 года), а резонныя просьбы, мотивированныя объективно, не удостоивались уваженія, о чемъ знаю по опыту. Слишкомъ, молъ,

¹⁾ На засѣданіи V-й «предсоборной» секціи 9-го декабря 1906 года я тѣтено допрашивалъ: «Пусть мнѣ назовутъ, какъ много сочиненій премировано по отзывамъ членовъ Комитета, а особенно — пусть перечислятъ, сколько изъ этихъ рецензій напечатано? Вѣдь я хорошо помню чуть не всѣ Макаріевскіе конкурсы. Не значить ли это, что комитетскіе судьи предпочитаютъ брать только легкія и безнадежныя книги? И „ученые специалисты“ комитетскіе что-то не слишкомъ ярко проявляютъ себя даже въ этой области, но, кажется, вполне усердны къ другимъ не ученымъ комитетскимъ дѣламъ»...

²⁾ И вообще духовная власть распоряжается слишкомъ свободно своими учебно-педагогическими богословскими силами и нѣкоторыхъ лицъ прямо заваливаетъ и давитъ неустанно всевозможными «порученіями» безъ всякаго ихъ желанія, согласія и даже вѣдома... Тою порою призваннымъ и обязаннымъ дѣлать легко допускается безпечальное *dolce far niente*.

большая честь въ столь благосклонномъ «порученіи», которое надо-де исполнять съ почтительною благодарностію... Мучились, но писали чуть не новыя книги. Рецензія изготавлялась и отсылалась съ точнымъ заключеніемъ, согласно комитетскимъ «нравиламъ». Однако не думайте, что это мнѣніе было *ultima ratio* и самому автору сбезпечивало мздо-воздааніе. Нѣтъ, ибо отсюда именно и начинались мытарства уже для самого отзыва. Онъ переходилъ на разсмотрѣніе комитетскаго члена, который долженъ былъ сдѣлать формулированное извлеченіе для доклада Комитету¹⁾. При этомъ совершенно мыслимы всякія субъективныя вольности, свойственныя чиновничеству, а сверхъ ихъ и по существу вопроса понятно, что въ специальной отрасли никогда не можетъ быть послѣднимъ рѣшителемъ случайный доброволецъ, между тѣмъ имъ изрекались вердикты по самымъ различнымъ специальностямъ. вмѣстѣ съ этимъ подвергалась искусу и самая рецензія. Разсматривающій членъ оцѣнивалъ ее по достоинствамъ и постановлялъ свой приговоръ, заслуживаетъ ли она поощренія и въ какой степени, хотя казалось бы, что странно и сомнѣваться въ этомъ по отношенію къ вынужденному труду²⁾, за качество котораго являлся виновнымъ собственно самъ избиратель, т. е. Комитетъ, а не авторъ, сдѣлавшій въ стѣснительный срокъ все посильное по своимъ средствамъ и фактическимъ условіямъ. И вотъ отзывъ университетскаго или академическаго профессора—специалиста самъ критикуется кандидатомъ богословія, едва побывавшимъ краткое время на семинарской кафедрѣ... Натуральна ли для обычнаго смысла вся описанная процедура? При ней были неизбежны самыя удивительныя метаморфозы и невѣроятныя эпизоды. Комитетскій экспертъ, не постыгавшій исполнѣніи книги, ни рецензентскаго о ней отзыва, естественно не могъ дать адекватнаго обобщенія и не рѣдко измѣнялъ его собственную энергію въ ту или иную сторону, не соблюдая авторской пропорціональности въ распредѣленіи свѣта и тѣней, присущихъ всякой ученой работѣ. А когда тамъ не было категорическаго вывода,—пускались въ ходъ личныя комбинаціи, которыя принимали характеръ причудливой изоценренности при столкновеніи интересовъ по случаю обилія конкурентовъ выше имѣющагося числа премій. Отсюда вытекаютъ, что не всѣ присужденія были достаточно убѣдительны, иныя же прямо вызвали недоумѣнія по немотивированности ихъ въ публиковавшихся потомъ отзывахъ³⁾. Долженъ прибавить, что

¹⁾ По §-фу 17 «Правилъ», именно «предсѣдатель Учебнаго Комитета дѣлаетъ сводъ изложенныхъ рецензентами мнѣній», но—по разнымъ причинамъ особаго свойства—это обыкновенно совершается членами «по принадлежності», о которой можно судить по даннымъ выше (стр. 94) указаніямъ...

²⁾ Это какъ будто не исполнѣно согласно и съ §§-ами 7 и 19 «Правилъ», которые говорятъ единственно о «вознагражденіи рецензентовъ за лучшія ихъ рецензіи», совсѣмъ не упоминая, что иныя могутъ оставаться неоплаченными.

³⁾ Съ 1901 года эти отзывы даже перестали печатать, и русская литература лишена единственно авторитетной научно-богословской критики безъ достаточныхъ основаній. Мотивировалъ этотъ роковой шагъ тѣмъ, что Правленіе С.-Петербургской Духовной Академіи сообщило о недостаточности для своихъ непосредственныхъ нуждъ положенной канцелярской суммы, въ счетъ которой относилось и печатаніе въ «Христіанскомъ Читеніи» Макаріевскихъ рецензій. Въ виду сего Учебный Комитетъ—безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій—рѣшилъ публиковать лишь извлеченія изъ послѣднихъ.

нельзя было всегда утверждаться исключительно и на послѣднихъ. Всѣ ученія творенія бываютъ относительны, и подлинный вѣсъ каждаго таксируется его положеніемъ въ соотвѣтствующей научной сферѣ, для чего нужно быть досконально освѣдомленнымъ о фактическомъ научномъ уровнѣ со всѣми запросами и задачами. Тутъ требуется авторитетная компетентность во всей соприкосновенной русской и — частью — иностранной литературѣ взятаго предмета. Лишь при этомъ условіи въ точности выясняются истинныя достоинства всякаго труда, при чемъ иногда и простая попытка, намѣчающая новые пути и выдвигающая оригинальныя проблемы, является выше и дороже многоэтажныхъ комплиятивныхъ сооружений, нагромождающихъ старый матеріалъ. Наоборотъ, бываютъ примѣры, что пока желательно для науки только объединеніе добытыхъ итоговъ и гипотезъ, гдѣ субъективное новаторство вноситъ излишнюю путаницу и сопровождается развѣ открытіемъ мнѣстическихъ Америкъ.

предоставивъ право (sic!) авторамъ ихъ печатать полностью въ одномъ изъ *духовныхъ* журналовъ, но съ обязательствомъ для нихъ присылать по два печатные экземпляра для приобщенія къ комитетскимъ дѣламъ (см. «Циркуляръ» № 21 за 1901 г., стр. 23—24), хотя тамъ должны храниться непремѣнно самые подлинники, служившіе основой для сужденій, а не возможные позднѣйшія переработки, и хотя оттисковъ подобныхъ статей чаще всего не бываетъ, при чемъ свѣтскіе журналы какъ будто совсѣмъ устраниаются (между тѣмъ въ такомъ именно помѣстилъ недавно свою «комитетскую» рецензію, напр., проф. А. И. Аламовъ; см. его оттиски изъ «Ученыхъ Записокъ Новороссійскаго Университета»: Изданіе проф. А. С. Хаханова Номоканона Іоанна Постника въ грузинскомъ переводѣ, Одесса 1906; Канонаріи монаха Іоанна, Одесса 1907), отдѣльное же изданіе вовсе не предполагается; видимо, за рецензентами ранѣе не признавалось и неотъемлемою литературнаго «права» на распоряженіе собственными произведеніями, и намъ извѣстно, что комитетскіе члены не считали дозволительнымъ выдать для печатанія цѣнный отзывъ одного авторитетнаго умершаго профессора (В. В. Болотова; см. ниже стр. 132, .), трудъ котораго остается необнародованнымъ доселѣ... Но, — помимо этихъ мелочей, — во 1-хъ, вѣдѣ по закону требуется напечатаніе самыхъ рецензій, а «краткія извѣстія» предназначаются лишь для всеобщаго освѣдомленія чрезъ наиболѣе распространенныя газеты (о сочиненіяхъ ученыхъ по Высочайше утвержденному 23-го января 1868 года «Положенію» § 13 и по «Правиламъ» Св. Синода отъ 27-го іюля—14 августа 1883 года § 22; о лучшихъ учебникахъ по «Положенію» при синодальномъ указѣ отъ 7-го апрѣля 1870 г. № 24 § 17). Во 2-хъ, въ опредѣленіяхъ по этому предмету сначала говорится просто о «духовныхъ журналахъ» (см. «Положеніе» §§ 13 и 17) и затѣмъ указывается, что «подробные разборы сочиненій, съ обозначеніемъ кѣмъ они составлены, равно какъ приговоры о присужденіи награды за эти сочиненія, печатаются въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ или въ одномъ изъ духовныхъ журналовъ» (см. «Правила» § 22). Если можно было перенести это дѣло изъ «Церковнаго Вѣстника» въ «Христіанское Чтеніе» безъ юридическаго нарушенія, то почему теперь — при весьма условномъ отказѣ послѣдняго — нельзя было обратиться къ прочимъ духовно-академическимъ редакціямъ? Вѣдь воплѣ вѣроятно, что нѣкоторые изъ нихъ, пожалуй, согласились бы, разъ онѣ сейчасъ помѣщаютъ преміальные отзывы (даже не своихъ сочленовъ, напр., мой въ Казанскомъ «Православномъ Сосѣдовникѣ» 1906 г., № 4 и 5) за гронарь, тогда же не платили бы авторамъ ни малѣйшаго вознагражденія? И почему бы не предложить извѣстнаго вспомошествованія — хотя бы съ правомъ на оттиски для продажи въ пользу Комитета по данной статьѣ, распредѣливъ печатаніе между Академіями по очереди? Наконецъ, въ крайнемъ случаѣ слѣдовало бы подумать объ отдѣльныхъ изданіяхъ для платнаго распространенія, которое должно было обѣщать нѣкоторое возмѣщеніе расходовъ... Вообще, законныхъ возможностей открывалось много, но комитетскіе вершители не попробовали завѣсть ни единой, смачу зачеркнули существенное условіе Высочайшаго завіщателя и отняли у русской литературы самую серьезную научно-богословскую критику... Горько видѣть и тяжело чувствовать такое отношеніе къ нашей наукѣ призванныхъ высшихъ сферъ...

Всѣ эти обязательныя средства въ необходимомъ объемѣ были чужды Учебному Комитету,—и онъ вынуждался дѣйствовать по своимъ «высшимъ» соображеніямъ, для которыхъ не всегда надобилось внимательное и всецѣлое прочтеніе даже рецензій. Здѣсь былъ широкій просторъ для всякихъ рѣшающихъ вліяній, столь властныхъ при канцелярской соподчиненности комитетскаго института. Всѣми этими и подобными причинами вызывались такіе странные казусы, что одобренные самыми безспорными корифеями сочиненія отвергались, а чуть не забракованныя фабрикаціи увѣнчивались лучшими преміями ¹⁾. Примѣровъ этого рода мы знаемъ не мало, и всѣ они краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что Учебный Комитетъ за 22 протекшихъ года не былъ возбуждающимъ цѣнителемъ нашей богословской учености и потому не способствовать ея развитію и процвѣтанію, хотя въ послѣднее время сталъ съ полицейскою заботливостію наблюдать, чтобы одинъ трудъ не былъ премированъ дважды въ двухъ учрежденіяхъ, производя для этого чуть не ссыскъ и не задумываясь надъ тѣмъ, не есть ли это—выдающееся произведение, превышающее всякія поощренія ²⁾...

Тѣмъ не менѣе Учебный Комитетъ не сомнѣвался въ своей ученой компетентности и присовокупилъ къ ней новую задачу—надзора, контроля и руководства Духовными Академіями. Опорою служило синодское опре-

---

¹⁾ Это было, напр., въ 8-й конкурсъ, о которомъ см. «Циркуляръ» № 18 за 1898 годъ, стр. 48—38. Теперь данный случай (—со словъ покойнаго члена Учебнаго Комитета проф. *И. В. Помяловскаго*—) рассказанъ у проф. *А. И. Лебедева* (Слѣпые вожди, Москва 1907, стр. 46—47), почему и мы не въ правѣ скрывать имена дѣятелей этой драмы: пострадавшій авторъ—проф. Московской Академіи *А. А. Спасскій*, его неожиданный побѣдитель—† справщикъ С.-Петербургской Синодальной типографіи *П. А. Гильтенбрандтъ*, рецензентъ диссертациі перваго («Историческая судьба сочиненій Аполлинарія Лаодикійскаго съ краткими предварительными очеркомъ его жизни», Сергіевъ Посадъ 1895; о ней см. еще въ «Вогословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 162)—извѣстный † проф. *В. В. Болотовъ*, критикъ труда втораго («Справочный и объяснительный словарь къ Псалтири», Спб. 1898)—Казанскій проф. *П. А. Юнгеровъ* (отзывъ котораго помѣщенъ въ «Христ. Чтенія» 1906 г., № 9, стр. 453—462). А съ Макаріевскими преміями за учебники и учебныя пособія былъ не такъ давно еще болѣе удивительный инцидентъ. Объ одномъ конкурсномъ «трудѣ» даже авторитетнымъ комитетскимъ членомъ († прот. *В. И. Жмакинымъ*) дано было совершенно отрицательное заключеніе, по—по таинственнымъ соображеніямъ—рецензента «заставили» взять назадъ свой отзывъ, а соискателя увѣщали второю преміей въ 250 руб. (см. «Церковныя Вѣдомости» № 11 за 12-е марта 1905 г., стр. 91а). Когда же рецензія анонимно была напечатана (въ «Странникѣ» за 1905 г., № 3, стр. 526—529), то для знавшихъ всю исторію не было предѣла изумленію, какъ и почему Комитетъ рѣшился официально «поощрить» неосмысленный и криминальный плагиатъ (изъ магистерской диссертациі о. *А. В. Рождественскаго*)... Между тѣмъ возвеличенный авторъ всталъ во главѣ высшаго духовно-учебнаго заведенія и возмечталъ о второмъ изданіи своего творенія, которому лучше было бы совсѣмъ не родиться на свѣтъ...

²⁾ И помимо этого—не всегда можно бываетъ даже проникнуть па конкурсъ, какъ недавно былъ случай съ однимъ достойнымъ сочиненіемъ, которое отклонили по сомнительнымъ формальнымъ причинамъ. Иногда же, благодаря исключительной энергіи авторитетнаго комитетскаго члена († прот. *В. И. Жмакина*), принимались къ разсмотрѣнію не представленныя авторомъ (проф. *В. О. Пѣвнидинымъ*) труды, которые однако удостоивались потомъ первой (учебной) Макаріевской преміи (см. «Церк. Вѣдом.» № 9 за 3-е марта 1907 года, стр. 50—51); послѣднее было вполнѣ справедливо, но самая процедура не согласна ни съ правилами, ни съ существомъ дѣла, ибо измѣняла условія конкурса помимо выступившихъ законно участниковъ и вообще открываетъ мѣсто произволу вопреки общепринятымъ началамъ добровольнаго состязанія...

дѣленіе отъ 29 октября—10-го ноября 1869 г., что «по особымъ назначеніямъ Святѣйшаго Синода или Оберъ-Прокурора ему поручено обсужденіе дѣлъ и вопросовъ по учебно-воспитательной и административной частямъ Духовныхъ Академій на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ обсуждаются въ Комитетѣ дѣла другихъ учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства»¹⁾. Но потомъ экстраординарное, съ такою обидною жестокостію приравнявшее высшія школы даже къ низшимъ, обратилось въ нормальное, и Учебный Комитетъ сталъ обязательно разсматривать годичные отчеты о состояніи всѣхъ Духовныхъ Академій, отзывы экзаменаціонныхъ комиссій о ежегодныхъ пріемныхъ академическихъ испытаніяхъ, о вызовѣ въ нихъ семинарскихъ воспитанниковъ на казенный счетъ, а равно туда передавались Св. Синодомъ на предварительное заключеніе всѣ тѣ, относящіеся до Академій, вопросы, которые по своему характеру *превосходятъ компетенцію академическихъ совѣтовъ* и требуютъ внимательства высшаго духовнаго правительства²⁾. Такимъ образомъ, по самому своему авторитету Учебный Комитетъ былъ превознесенъ надъ Академіями³⁾, какъ подотчетнымъ ему⁴⁾, хотя фактически былъ по сравненію съ ними просто несомнѣнимою величиной во всѣхъ отношеніяхъ и во всякихъ смыслахъ, не понималъ ихъ ученыхъ потребностей и (иногда—грубо)

¹⁾ См. и въ брошюрѣ «Положеніе объ Учебномъ Комитетѣ» (Спб. 1907), стр. 11.

²⁾ Въ розданной членамъ Предсоборнаго Присутствія officialной печатной запискѣ о «подвѣдомственныхъ Святѣйшему Синоду учрежденіяхъ»—къ компетенціи Учебнаго Комитета относится (стр. 22), между прочимъ, слѣдующее: «1) Дѣла по духовнымъ академіямъ, восходящія на разрѣшеніе Святѣйшаго Синода. 3) Разсмотрѣніе годовыхъ отчетовъ о состояніи духовныхъ академій, семинарій и училищъ, мужскихъ и женскихъ. 14) Всѣ поступающія въ Центральное Управленіе духовно-учебнаго вѣдомства прошенія воспитанниковъ духовныхъ академій, семинарій и училищъ и воспитанницъ женскихъ училищъ, а равно родителей и родственниковъ ихъ съ ходатайствами касательно допущенія въ отношеніи къ нимъ воспитанникамъ или воспитанницамъ какихъ-либо взятій изъ дѣствующихъ правилъ или съ жалобами на неправильныя дѣйствія въ отношеніи къ нимъ мѣстныхъ начальствъ. 15) Присужденіе Макарьевскихъ и другихъ премій за лучшія ученія и учебныя сочиненія» (касательно «правописанія» въ этомъ officialномъ документѣ см. стр. 133, „). Пунктъ 3-й удостовѣрялъ Оберъ-Прокуроръ еще въ 1872 году во Всеподданнѣйшемъ отчетѣ по вѣдомству православнаго исповѣданія (Спб. 1873, стр. 153),—и это повторилъ комитетскій членъ *С. И. Миропольскій* въ своей собственной статьѣ ровно черезъ 20 лѣтъ (см. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 8326 и ср. стр. 837а). Нужно признать, что все это является, по крайней мѣрѣ, слѣшкомъ «распространительнымъ толкованіемъ» Высочайше утвержденнаго 14-го мая 1867 года «Положенія объ Учебномъ Комитетѣ при Святѣйшемъ Синодѣ».

³⁾ Не даромъ же *С. И. Миропольскій* въ своемъ юбилейномъ панегирикѣ вездѣ печатаетъ Учебный Комитетъ, Центральное Управленіе и Оберъ-Прокурора съ большою буквы, а Академіи и профессоровъ—съ маленькой, не говоря уже о Семинаріяхъ и Училищахъ... Достойному достойная и честь...

⁴⁾ И доселѣ такую роль верховнаго надзора за богословско-академическою ученостію и педагогіей заботливо старается удержатъ Учебный Комитетъ, какъ видно изъ его отношенія въ октябрѣ 1906 г. академическимъ совѣтамъ съ просьбою «представлять туда по одному печатному экземпляру всѣхъ одобряемыхъ или научныхъ (!) изслѣдованій—въ цѣляхъ спеціальной (т. е.?) освѣдомленности въ текущей научной духовно-богословской литературѣ, каковая освѣдомленность Центральному Управленію духовно-учебнаго вѣдомства необходима [не сама по себѣ, а] для должной полноты и обстоятельности ежегоднаго составляемаго по вѣдомству всеподданнѣйшаго отчета». См. «Журналы засѣданій совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1906—1907 г. при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 4, стр. 69; «Извлеченія изъ журналовъ Кіевской Духовной Академіи» за 1906—1907 г. при «Трудахъ Кіев. Духовн. Академіи» 1907 г., № 4, стр. 200. А о характерѣ и достоинствѣ комитетскихъ «отчетовъ» ср. выше на стр. 86, „.

тормозилъ научно - педагогическіе запросы ¹⁾. Это было слишкомъ неестественно и потому не могло дать иныхъ результатовъ, кромѣ чисто отрицательныхъ. Матеріалы по этому предмету со- всѣмъ не публикуются и ключъ точной экзегетики не скоро будетъ найденъ, ибо здѣсь Учебный Комитетъ дѣйствовалъ косвенно и свое не- сомнѣнно широкое участіе ²⁾ умѣлъ прикрывать авторитетомъ другихъ высшихъ учреждений и лицъ, самъ оставаясь въ тѣни, какъ всегда бы- ваетъ съ потаенною пружиною ³⁾. Однако всѣ извѣстные факты рѣши- тельно свидѣтельствуютъ противъ него. Если годовые академическое от- четы, составлявшіеся тоже съ немалюю примрачностію или канцелярскою

¹⁾ Вотъ еще строчка изъ многотомной исторіи этого рода. Г. Н. Л. Туницкій, фор- мально оставленный къ замѣщенію спеціальной (филологической) каѣдры въ Мос- ковской Академіи, желалъ заниматься въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, о чемъ совѣтъ— для сношенія съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія—просилъ Оберъ-Прокурора. Тотъ сдѣлалъ хатайство на заключеніе въ Учебный Комитетъ, который «предварительно дальнѣйшаго движенія сего дѣла» умудрился официально (отношеніемъ отъ 13-го августа 1903 года за № 1.166) потребовать отъ академическаго совѣта, «въ какомъ зна- ченіи Туницкій имѣетъ быть прикомандированъ къ Университету [—хотя въ совѣтскомъ документѣ было прямо сказано „для полной научной подготовки“—] и почему для под- готовки Туницкаго къ занятію каѣдры русскаго и церковно-славянскаго языка съ па- леографіей и исторіи русской литературы избранъ историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго, а не ближайшаго къ Академіи Московскаго Университета?». Учено- педагогическое замышленіе было сведено къ географическимъ измѣреніямъ, да еще съ не- прикровеннымъ намекомъ, будто цѣлая профессорская коллегія не умѣетъ считать рус- скія версты по желѣзнымъ дорогамъ... Занрость была по существу настолько «своеоб- разенъ» и оскорбителенъ, что совѣтъ не нашелъ нужнымъ излагать свои соображенія и 4-го сентября 1903 года отвѣтилъ слѣдующимъ репримандомъ: «самое избраніе Совѣ- томъ для научной подготовки профессорскаго стипендіата Туницкаго отдаленнаго С.-Петербургскаго Университета [—гдѣ въ свое время занимался и его предшествен- никъ проф. Г. А. Воскресенскій—], а не ближайшаго Московскаго, свидѣтельствуеетъ о томъ, что вопросъ этотъ былъ подвергнутъ Совѣтомъ тщательному обсужденію, и рѣ- шенъ былъ въ такомъ, а не иномъ, смыслѣ по вполнѣ достаточнымъ основаніямъ, въ цѣляхъ наилучшей постановки учебнаго дѣла въ Академіи», т. е. помимо пространствен- ной краткости, единственно доступной Учебному Комитету, но у него весьма растяжи- мой для своихъ членовъ. Все потомъ устроилось сепаратнымъ сношеніемъ ректора Академіи непосредственно съ университетскимъ С.-Петербургскимъ начальствомъ, но представьте се- бѣ положеніе просителя во время этой страшной передраги! И вотъ такими-то пустяковинами оцѣживались комары и проглатывались верблюды, а научно-педагогическіе интересы стра- дали и плакали!... См. обо всей этой «исторіи» въ «Журналахъ совѣта Московской Ду- ховной Академіи» за 1903 годъ при «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1904 г., №№ 6 и 7—8 (и отдѣльно), стр. 234—236. 270—271.

²⁾ Было, напр., время, когда по особому опредѣленію Св. Синода отъ 1867 года «возложено было на Учебный Комитетъ разсмотрѣніе представленій конфе- ренцій духовныхъ академій о возведеніи въ ученые степени окончившихъ курсъ воспи- танниковъ сихъ заведеній»: см. «Прибавл. къ Церковн. Вѣдомости» 1892 года, № 23 стр. 833б.

³⁾ Впрочемъ, въ цитованномъ (на стр. 133, а.) оберъ - прокурорскомъ отчетѣ (стр. 153) прямо говорится объ Учебномъ Комитетѣ, что «предварительно разсматрива- лись подлежащія утвержденію Святейшаго Синода дѣла духовныхъ академій, и об- суждались всѣ возникавшіе вопросы по примѣненію новыхъ учебныхъ уставовъ». Харак- терно, что, сохраняя фразу о комитетскомъ «начинаніи», С. И. Миропольскій не пе- репечаталъ (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 832 а.б) послѣднихъ подчеркнутыхъ словъ—безъ малѣйшаго указанія на сдѣланный имъ пропускъ... Однако слѣды комитетскаго вторженія въ академическія дѣла несомнѣнны и по «Циркулярамъ» (см. № 8 за 1890 годъ, стр. 2; № 10 за 1890 г., стр. 1—3; № 13 за 1893 г., стр. 6; № 17 за 1897 годъ, стр. 2; № 10 за 1900 годъ, стр. 14—15; № 21 за 1901 годъ, стр. 5—7; № 22 за 1903 годъ, стр. 12). Ср. и выше стр. 120.

шаблонностію, дійствительно розматривались Учебнимъ Комитетомъ, то по этому пункту Академіи обязаны ему рядомъ угрожающихъ внушеній, прогрессивно стѣснявшихъ академическую инициативу и независимость, столь нелюбезныя тогда центральному духовному управленію. Экзаменаціонные отзывы совершенно не принимались въ систематическое соображеніе (см. выше стр. 99), между тѣмъ академическіе преподаватели съ плачевнымъ усердіемъ выполняютъ эту отвѣтственную и деликатную миссію, хорошо сознавая небезопасность для нихъ и формалистическую бесплодность своихъ нелегкихъ трудовъ, колы скоро весь результатъ ограничиваются стереотипно-канцелярскою отпиской¹⁾. Здѣсь многіе изъ нихъ говорили про себя въ душѣ: κατὰ τὴν παροιμίαν, ὡς εἶχεν, εἰς τετραγώνον πίθον ἀντλοῦμεν²⁾, чтобы κατὰ πέτρων στείρειν καὶ κοκκίωφ ὕδωρ ἀντλεῖν³⁾, уподобляясь τοῖς καὶ ὕδατος γράφουσιν (ταρβέουσιν) ἢ κοκκίωφ ὕδωρ ἀντλοῦσιν⁴⁾... Комитетъ какъ будто не хотѣлъ воспользоваться авторитетными указаніями, но за-то охотно обижался и—въ случаяхъ вынужденности—дозволялъ себѣ неумѣстную и тенденціозную полемику не столько ради дѣла, сколько для собственнаго самооправданія⁵⁾, о чемъ заинтересованныя лица и учрежденія даже не увѣдомлялись (см. выше стр. 98,₁). Вызовъ семинарскихъ воспитанниковъ обратился въ удивительно непостижимую игру, потому что Академіи подбирають аспирантовъ по своимъ резоннымъ основаніямъ (напр., по два человѣка изъ тѣхъ Семинарій, откуда въ предшествующій конкурсъ приняты ими лучшіе питомцы), а комитетскіе вершители непременно прикладывали властную руку къ именамъ и цифрамъ, навязывая академическимъ корпораціямъ студентовъ по своимъ собственнымъ усмотрѣніямъ, которыя могли быть теоретически солидны, однако всегда оставались комитетскими, но ничуть не академическими (см. и выше стр. 126). Учебный Комитетъ простираетъ здѣсь свою наблюдательную смѣлость до того, что еще въ половинѣ 90-хъ годовъ дерзновенно допрашивалъ (конечно,

¹⁾ Обычно академическіе отзывы экзаменаціонныхъ пріемныхъ комиссій сопровождаются отъ Комитета слѣдующею формулой: «По опредѣленію Святѣйшаго Синода [дата и №], педагогическимъ собраніямъ подлежащихъ семинарскихъ правленій предписывается, чтобы они вошли въ надлежащее обсужденіе вопросовъ касательно устраненія или исправленія на будущее время указываемыхъ въ вышеозначенныхъ донесеніяхъ недостатковъ въ преподаваніи различныхъ предметовъ семинарскаго курса» (см. «Циркуляры» № 2 за 1888 годъ, стр. 18; № 4 за 1889 г., стр. 23; № 7 за 1890 г., стр. 31; № 9 за 1891 г., стр. 28—29; № 11 за 1892 г., стр. 36; № 14 за 1894 г., стр. 47; № 15 за 1895 г., стр. 50; № 16 за 1896 г., стр. 35; № 17 за 1897 г., стр. 40). Только въ 1893 году—по особымъ причинамъ (см. выше стр. 97—98)—Комитетъ сдѣлалъ заключеніе по предмету изученія Свящ. Писанія вмѣсто прежней стереотипной фразы (см. «Циркуляръ» № 13, стр. 34), съ 1894 г. замѣнилъ ее другою: «сообщаются вышеизложенныя соображенія семинарскимъ правленіямъ для надлежащихъ соображеній относительно» etc., въ 1900 и 1901 годахъ прибавилъ къ новой формулѣ краткія мотивированныя указанія (№ 20, стр. 48—50; № 21, стр. 41—42), а въ 1898, 1899 и 1903 годахъ ограничился послѣдними (№ 18, стр. 38—39; № 19, стр. 31—32; № 22, стр. 30—31)... Какая шаблонность!... Не говоритъ ли она, что здѣсь дѣйствовала собственно канцелярская «механика»?...

²⁾ *B. Theodoretī Eranistes*, dial. I: Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 57 init.

³⁾ *B. Theodoretī De providentia*, orat. IX: Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 717D; Творенія V, стр. 323—324.

⁴⁾ *B. Theodoretī Graec. affect. curat.*, serm. IV: Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 905C и у Johannes Raeder'a, *Theodoretī Graecarum affectionum curatio* (Lipsiae 1904), p. 107.

⁵⁾ См., напр., «Циркуляры» № 13 за 1893 г., стр. 31—34; № 20 за 1900 г., стр. 48. 49.

черезъ Оберъ-Прокурора) синодскими указами даже митрополитовъ (напр., † С.-Петербургскаго Палладія), почему они разрѣшаютъ академическимъ студентамъ жить на вольныхъ квартирахъ яко бы вопреки Уставу (§ 113) ¹⁾... Этимъ путемъ въ воспитательную часть Академій была внесена стихія полицейскаго формализма ²⁾, гдѣ первоначальная показная корректность, всюду убивающая или разстраивающая здоровую жизнь, увѣнчалась въ итогѣ крайнимъ паденіемъ элементарной дисциплины: заведено было по два помощника инспектора, и на первыхъ порахъ нѣкоторые изъ нихъ ревностно шпионили, усматривая въ этомъ всю свою славу и получая прозванія «Смердяковыхъ» ³⁾, внутренніе же неурядки умножались съ геометрическою прогрессивною, — и теперь многіе принуждены избѣгать соприкосновенія съ подчиненными ихъ водителству студентами и предпочитаютъ не замѣчать явныхъ нарушенийъ всего академическаго режима. Стыдно сказать, но грѣшно и умолчать, что богослужебная исправность, внѣшне обезпеченная обиліемъ начальственнаго монашества и протекпруемаго студенческаго священства, существенно понизилась сравнительно даже съ 80-ми годами XIX-го столѣтія, — и это есть принципиально обличающая ненормальность для высшей духовной школы, которой старательно прививали церковный образъ и благочестивое подобіе ⁴⁾... Академическіе храмы не блещутъ обиліемъ студентовъ, а случайные посѣтителі изъ нихъ, иногда одѣтые въ самые «освободительные» костюмы, рѣдкими кучками жмутся

¹⁾ Слѣды сего сохранились и въ «Циркулярахъ» № 15 за 1895 г., стр. 5; № 17 за 1897 г., стр. 5—6.

²⁾ Она доходила иногда даже до того, что ректоры Академій по собственнымъ соображеніямъ «исправляли» ученыхъ актовъ рѣчи профессоровъ-спеціалистовъ, не спрашивая и не увѣдомляя послѣднихъ, при чемъ простирали свою ревнительность до стили включительно...

³⁾ Даже въ Сергіевскомъ Посадѣ, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга чуть не по именамъ, одинъ ревнительный членъ инспекціи о. А. обязательно требовалъ, чтобы студенты брали особые билеты и для послѣдѣднихъ прогулокъ, о винощтіи же рассуждалъ и дѣйствовалъ такъ, что каждый одинаково подлежитъ увольненію изъ Академій, выпьетъ ли онъ рюмку или цѣлую четверть, поскольку и то и другое противно «правиламъ»... Добра отсюда не вышло по повятнымъ причинамъ; сей инспекторъ «принужденъ» былъ потомъ удалиться, но скоро сталъ епископомъ... Ср. и въ сборникѣ «Духовная школа» (Москва 1906), стр. 334, прим., гдѣ рѣчь именно объ этомъ лицѣ, которое прямо названо въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 154, прим. fin.

⁴⁾ См., напр., и «Циркуляръ» № 20 за 1900 г., стр. 14—15 о иріученіи студентовъ и семинаристовъ къ богослуженію, проповѣдничеству и миссіонерско-апологетическимъ собесѣдованіямъ. На дѣлѣ же нѣкоторые духовно-педагогическіе начальники иногда прямо тиранили училищныхъ малышей ежедневными церковными службами передъ началомъ уроковъ (ср. выше стр. 9, 10) и, конечно, съ успѣхомъ воспитывали измлада «нелюбіе» къ храму въ духовномъ юнѣствѣ. Тутъ была хоть ревность не по разуму, но случалось и хуже, когда ради симпатій чиновнаго синодскаго повелителя всеобщія въ столбной Семинаріи затягивались всякими «столпами» чуть не на три часа, а въ его отсутствіе сокращались до минутныхъ измѣреній. Однажды вышло такъ, что разъ этотъ синодскій властитель вагрянулъ въ неурочную субботу, желая похвалиться предъ своимъ Московскимъ соратникомъ, гордившимся истовою уставностію Успенскаго собора, между тѣмъ оказалось, что еще въ 7-мъ часу посѣтителі посѣдили къ «Утверди, Боже». Ректоръ неожиданно получилъ оскорбительный репримандъ и унижительно оправдывался гастрическимъ разстройствомъ, но не долгѣ воспріялъ епископство... Къ счастью, это теперь тепрѣ passatî, однако нельзя не сказать, что нѣтъ ничего грѣшнѣе и вреднѣе, какъ фарисейская показность предъ лицемъ Божиимъ...

и тѣснятся въ притворахъ и проходахъ,—точно людямъ, готовящимся къ пастырству, неловко показаться на своихъ мѣстахъ впереди молящейся публики... Въдѣ и обидно, и больно, и горько, что въ богословско-православномъ студенчествѣ стали обнаруживаться теоретическіе интересы къ отвлеченному анархизму и практичестіе выпады въ пользу экстравагантныхъ апологетовъ національ-соціализма, которые упорно не повинуются церковной власти [—это монахи-то, отрeksiеся отъ своей воли!?!—], свободно странствуютъ по столицѣ въ монашескихъ рясахъ, редактируютъ соціалистическіе романы, официально сотрудничаютъ въ самыхъ крайнихъ листкахъ, пуская здѣсь неприличные «соціаль-архимандричьи фейверки» ¹⁾, и яко бы коммиссіонерствуютъ по...театральной части, а съ каедръ иногда слышатся вѣщанія, что наука лучше учить истинѣ и нравственности ²⁾, чѣмъ христіанство ³⁾. Стали попадаться студенческіе «семестряки», по отзыву рецензентовъ болѣе приличные анархистамъ со стороны ихъ содержанія, хотя за литературныя качества оцѣнивались балломъ 4—, и совѣты лишались возможности официально вмѣшаться въ это дѣло. Въ Академіи (въ Кіевѣ) принимаются по высшему разрѣшенію «опороченные» своимъ (Костромскимъ) начальствомъ семинаристы и въ студенческой средѣ терпятся даже іереи, объ «освободительныхъ» подвигахъ которыхъ предупреждали и архіерей и губернаторы съ упоминаніемъ о «практическомъ» знакомствѣ ихъ съ «узилищами» ⁴⁾. А еще сего горше, что дѣлали все это, «мняся службу приноси Богу»,—подъ флагомъ и эгидою христіанства, которое авторитетно комментировалось невѣроятнымъ образомъ, освѣщалось для отравленной безцензурною литературой публики чрезъ переводныя раціоналистическія сочиненія Запада и пр. Когда Академіи должны бы служить оплотомъ разумной ортодоксіи и прочнымъ буферомъ противъ раціоналистическаго нашествія, — студенты упражнялись въ популяризаціи Гарнака и задумывали подарить русскому обществу подлиннаго Штрауса ⁵⁾... Водворились и приобрѣтають воз- обладаніе партійность и политиканство, отравляющія всѣ функціи студен-

¹⁾ См., напр., «Колоколъ» № 412 за 17-е іюня 1907 года, стр. 2—3.

²⁾ Не даромъ же «Новое Время» (въ №-рѣ 11.179 за 28-е апрѣля 1907 года, стр. 3, стлб. 5) съ горькою ироніей предлагало, чтобы на академическую кафедру нравственнаго богословія пригласили, наконецъ, печальной памяти депутата первой Государственной Думы Рамшвили...

³⁾ А,—говорятъ,—бывали страшные случаи и болѣе грубой, открытой, даже циничной агитаціи кошунственного характера.

⁴⁾ Дѣло объ этомъ «освободительномъ» іерей-студентѣ имѣло нелестную для академическаго совѣта и не вполне законченную исторію и въ Св. Синодѣ, который проявилъ здѣсь обычную благостность...

⁵⁾ Умѣстно здѣсь отмѣтить, что корреспондентъ извѣстнаго іезуитскаго журнала «La Civiltà Cattolica» (Quaderno 1364, anno 58, vol. 2:22 aprile 1907, p. 251—252) прямо констатируетъ «доктринальную анархію» въ православно-русскихъ Духовныхъ Академіяхъ, указывая, что въ нѣкоторыхъ соприкосновенныхъ органахъ (собственно въ Петербургскомъ Вѣкѣ) усиленно рекомендуются творенія Штрауса, Ренана, Фейербаха и романы Флобера... Пристрастія и тенденціозности тутъ вполне достаточно, какъ и вообще въ систематически обдуманномъ стремленіи этого автора очернить всю Русскую церковь, но нужно сознаться, что для его умышленныхъ преувеличеній было немало фактическихъ и «литературныхъ» поводовъ...

ческой жизни вплоть до самой процедуры переходных экзаменов¹⁾—къ несомнѣнному паденію академической педагогiи и къ пагубному вреду для всѣхъ... Научная солидность сильно пошатнулось²⁾. Обнаружилось стремленіе сократить учебный академическій годъ чуть не до 3-хъ мѣсяцевъ и всячески «отбояриться» отъ семестровыхъ работъ³⁾,—словно все это лишь рабская барщина, а не собственная потребность «студентовъ», т. е. людей, занимающихся познаніемъ и изысканіемъ спасительной истины ради самихъ себя... Будущіе служители и благоговѣстники «слова» съ фанатическимъ упорствомъ отказываются отъ упражненій въ искусствѣ экспромптнаго проповѣдничества⁴⁾ и не желаютъ знать ни законовъ по Уставу, обезпечивающему существованіе Академій, ни утвержденныхъ совѣтскихъ рѣшеній⁵⁾, встрѣчаемыхъ систематическимъ бойкотомъ, хотя бы это грозило экстренными ревизіями или даже закрытіемъ заведеній, а при крайней вынужденности обращаютъ все это дѣло въ консуянственную профанацію по содержанію⁶⁾ и по формѣ⁷⁾. Начинается что-то небывалое и неслыханное въ академическихъ лѣтописяхъ⁸⁾—съ принципиальнымъ раздоромъ между «отцами и дѣтьми» на протяженіи всего

¹⁾ См. и «Колоколъ» № 312 за 9-е февраля 1907 г., стр. 3.

²⁾ Одинъ авторитетнѣйшій Московскій профессоръ, вынужденный бѣжать изъ Академіи въ Университетъ, съ грустію для насъ констатируютъ въ письмѣ ко мнѣ, что по его богословско-историческому предмету университетскіе студенты на экзаменѣ въ 1907 году отвѣчали лучше, чѣмъ академическіе извѣстныхъ ему временъ; тамъ не клячатъ о сокращеніи курсовъ до 8-ми литографированныхъ листовъ, которые потомъ дѣлать еще на 6 частей—по одной для извѣстной группы (фактъ изъ практики 1907 г.), не фабрикують «спеціальныхъ» конспектовъ и не выходятъ вмѣсто нихъ съ полными лекціями, при чемъ,—пойманное съ поличнымъ,—даже сѣдовласые монахи падаютъ тутъ же на колѣни (случай съ нѣкимъ изъ нынѣшнихъ епископовъ С—кимъ А—ромъ)... И это при теперешнихъ-то университетскихъ «порядкахъ»!.. Куда улетѣла или кѣмъ похищена слава духовно-академическаго студенчества?... По словамъ проф. Ал. И. Лебедева (въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 165, прим.), она «выклевана хищною птицею, именуемою Уставомъ дух. академій 1884 г., ибо эта птица только и дѣлала, что клевала мозги учащихся здѣсь»...

³⁾ Для Кіевской Академіи см. и «Церковный Вѣстникъ» № 17 за 26-е апрѣля 1907 года, стлб. 559.

⁴⁾ Для Московской Академіи см. «Колоколъ» № 372 за 27-е апрѣля 1907 г., стр. 3, стлб. 2.

⁵⁾ Такъ, было объявлено (въ «Новомъ Времени» № 11.191 за 10-е мая 1907 года, стр. 3, стлб. 8), что С.-Петербургскіе студенты формально рѣшили на сходкѣ *инторировать постановленіе конференціи (совѣта) профессоровъ* своей Академіи относительно экзаменовъ...

⁶⁾ О характерѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ экспромптовъ можно судить и по «освободительному реферату» С.-Петербургскаго студента г. Я., о чемъ см. въ «Колоколѣ» № 340 за 16-е марта 1907 г., стр. 2.

⁷⁾ Обо всемъ этомъ «дѣлѣ» въ С.-Петербургской Академіи см. «Колоколъ» №№-ра 343 (стр. 1), 358 (стр. 3) и 359 (стр. 2) за 20-е марта, 6-е и 7-е апрѣля 1907 г., и «Новое Время» №№-ра 11.157 (стр. 13, стлб. 5), 11.159 (стр. 4, стлб. 7), 11.170 (стр. 5, стлб. 1) и 11.173 (стр. 3, стлб. 1) за 4-е, 6-е, 17-е и 20-е апрѣля 1907 года. О грустномъ для студентовъ финалѣ этой «исторіи» сообщаетъ «Русь» № 147 за 8-е июня 1907 года, стр. 5, стлб. 1, хотя цифры феноменально—неудовлетворительныхъ балловъ (до нулей включительно) приведены здѣсь не точно.

⁸⁾ Однако мы должны рѣшительно удостовѣрить, что en masse архим. Алексій совершенно невѣрно пишетъ (въ «Колоколѣ» № 385 за 15-е мая 1907 года, стр. 1, стлб. 5), будто «Академія теперь выпускаетъ въ большинствѣ случаевъ политикановъ, либераловъ, людей совѣтъ не церковныхъ и весьма мало знающихъ „кандидатовъ“... Откуда же—тогда—берутся Россійскіе іерархи?... Или они нынѣ всѣ таковы?... Μηδεν ἄγαν!..

лишь 20—25 лѣтъ ¹⁾... Высшая церковная власть подвергается студенческимъ допросамъ ²⁾... Тяжело говорить объ этихъ свѣжихъ явленіяхъ, но необходимо всюо душей задуматься надъ испытующимъ вопросомъ:— крайность внутренняя не вызвана ли здѣсь крайностію внѣшнею, ибо les extrêmes se touchent?...

Въ учебномъ отношеніи Комитетъ упорно внушалъ, чтобы наблюдать строгое соблюденіе программъ, уклоненія отъ которыхъ на пріемныхъ экзаменахъ принимались весьма неблаговольтельно, и «предписалъ» самые предметы испытаній (см. «Циркуляръ» № 21 за 1901 г., стр. 7) ³⁾. Скрѣпя сердце, профессора штудировали семинарскіе учебники, примѣривали ихъ къ комитетскимъ шпаргалкамъ, скрупулѣзно отмѣчая въ своихъ экзаменаціонныхъ отзывкахъ всѣ нарушенія послѣднихъ,—и въ итогѣ за свое послушаніе были наказаны жестоко. Отъ нихъ самихъ для комитетской критики потребовали (въ 1895 г.) подробныхъ программъ и они сами должны въ годичныхъ отчетахъ сообщать о себѣ, сколько параграфовъ и почему не было выполнено... Обязательная отвѣтственность свободы академическаго преподаванія ученыхъ неожиданно обратилась въ подневольную пунктуальность, дошедшую до того, что лекторъ иногда вручалъ въ аудиторіи свои тетрадки болѣе голосистому студенту и вмѣстѣ съ его товарищами слушалъ свои собственныя лекціи, лишь изрѣдка дополняя ихъ краткими поясненіями... Къ счастью, какъ и вездѣ, Комитетъ ограничился здѣсь единичнымъ напоромъ по мотивамъ вовсе не учено-педагогическаго свойства, скоро бросилъ систематически примѣнять свою притязательную затѣю,—и потомъ все сошло на халатную отписку.

По ученой части комитетскія претензіи были діаметрально противоположны ихъ обширности. Мы убѣждены, что судьба многихъ академическихъ диссертаций и произведеній предрѣшалась комитетскими сужденіями и мнѣніями ⁴⁾, хотя всего по этому вопросу не повѣдаетъ намъ и позднѣйшая исторія, если какой-нибудь членъ не догадался оставить

¹⁾ Одинъ изъ первыхъ, проживающій въ свободолубивой Франціи, писалъ отъ 4 (17)-го мая 1907 года въ С.-Петербургъ слѣдующее: «А чтѣ, какъ студенты Духовной Академіи—неужели все бунтуютъ и не учатся? Если кто изъ кончившихъ курсъ въ 1906—1907 годахъ придетъ ко мнѣ, я его не приму и скажу: съ людьми, измѣняющими академическимъ традиціямъ, я знаться не хочу. Если они не хотѣли знать старшихъ профессоровъ, то и я не хочу ихъ знать, какъ молодыхъ»... И это не удивительно, если преданнымъ и самоотверженнымъ благотворителямъ академическаго студенчества приходится «краснѣть» за него: см. слова о. протопресвитера А. А. Желобовскаго на зазданіи «Общества вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ С.-Петербургской Духовной Академіи» 27-го мая 1907 года въ «Церковномъ Вѣстникѣ» № 23 за 7-е іюня 1907 г., стлб. 755.

²⁾ А были даже такія студесческія «обращенія» къ высшей церковной власти, что митрополитъ Антоній 20-го декабря 1906 года сдалъ въ совѣтъ С.-Петербургской Духовной Академіи слѣдующую резолюцію: «Письмо студентовъ Академіи Св. Синоду съ запросами представляетъ для Академіи явленіе крайне компрометирующее честь и достоинство Академіи»... См. «Журналы совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1906—1907 г. при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 6 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 126.

³⁾ Къ великому прискорбію, это «предписаніе» подтверждено и опредѣленіемъ Св. Синода отъ 27-го февраля 1907 г. за №-ромъ 1.275 «для установленія однообразія» (см. «Церк. Вѣдом.» № 9 за 3-е марта 1907 г., стр. 47—48), хотя прежній порядокъ не вызывалъ особыхъ неудобствъ. Удивительно, какъ у насъ любятъ всякую униформу!..

⁴⁾ См. и выше стр. 119—120, прим.

интимный дневничек—въ родѣ всеобличительныхъ и едва ли достойныхъ «записокъ» архіепископа Тверскаго Саввы (Тихомирова) ¹⁾... Но и теперь несомнѣнно для свѣдущихъ лицъ, что въ разосланныхъ при Указѣ Св. Синода отъ 23-го февраля 1889 года за № 633 «правилахъ для разсмотрѣнія сочиненій, представляемыхъ на соисканіе ученыхъ богословскихъ степеней», Учебный Комитетъ чуть ли не имѣлъ главную инициативу и во всякомъ случаѣ принималъ самое активное участіе ²⁾, которое проявлялъ и послѣ съ рѣдкостною энергіей... Это было пагубное ярмо ³⁾ для академической науки, окончательно стѣснившее законную свободу изслѣдованія ⁴⁾ и загонявшее его на тѣсный путь искусственной тенденціозности и побочныхъ аккомодаций со всякими соблазнами для ума и совѣсти и съ ристалищными препятствіями, гдѣ всякій неосторожный скачекъ легко могъ сдѣлаться роковымъ, ибо, напр., яко бы непочтительное упоминаніе объ іерархическомъ авторѣ или лицѣ «зарѣзывало» книгу (въ Московской Академіи); не стѣснялись († комитетскій членъ И. А. Ч — чѣ) обвинять (Казанскаго профессора И. С. Б.) въ политической неблагонадежности за... цитату изъ св. Іоанна Златоуста ⁵⁾... Диссертациі, прошедшія множество «уставныхъ» чистилищъ, задерживались цѣлыми годами въ канцеляріяхъ и иногда пропадали безслѣдно; другія прямо браковались за еретичество, а черезъ немного лѣтъ награждались магистерскимъ достоинствомъ церковной «учительности» ⁶⁾... Наоборотъ, труды, осужденные академическими рецензентами и отвергнутые всѣмъ совѣтомъ (въ Казани), порою увѣнчивались докторствомъ, хотя дѣло о нихъ должно бы окончательно прекра-

¹⁾ Однако и *С. И. Миропольскій* относитъ (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1902 г., № 23, стр. 837а) къ дѣятельности Учебнаго Комитета «разсмотрѣніе диссертаций на ученые академическія степени».

²⁾ См. «Циркуляръ» № 15 за 1895 г., стр. 3—4; напечатанное здѣсь синодское опредѣленіе отъ 16 января—3-го февраля 1895 г. за № 112 (по «предложенію» Оберъ-Прокурора) вполнѣ совпадаетъ по духу и смыслу съ Указомъ отъ 23-го февраля 1889 г., а въ нѣкоторыхъ пунктахъ представляетъ лишь редакціонно-корректурныя варіаціи...

³⁾ См. поучительный реальный комментарий къ этимъ «правиламъ» 1889 года у проф. *А. И. Лебедева*, Слѣпыя вожди (Москва 1907), стр. 43—46.

⁴⁾ По сему предмету см. горестный вопль покойнаго профессора *В. В. Болотова* о «нашествіи нынѣ дѣйствующей мглы», о «возопіяніяхъ камней», о «наступившемъ вѣяніи, неблагоприятномъ для научныхъ стремленій и докторантовъ», ибо «уставъ (1884 года) вѣдь хочетъ научнаго безплодія» (въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1907 г., № 3, стр. 383. 384. 387), будучи «какого-то пецію халдейской» и «нирваной для науки» (проф. *А. И. Лебедевъ* въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г. № 5, стр. 158, прим.; ср. и выше стр. 138, 2)... До слезъ больно читать, подъ какимъ паническимъ ужасомъ держали даже этого смиреннѣйшаго и благопокорливаго начальству ученаго (ср. въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 157, 1)... А изъ-за этого именно мы лишились цѣнной для науки работы *В. В. Болотова* о «Рустикѣ, діаконѣ римской Церкви, и его сочиненіяхъ». Quousque tandem?... Вотъ гдѣ справедливо будетъ сказать властнымъ «покровителямъ» нашей богословской науки: κατὰ τὸν πρωτόδικον τῆς εὐσεβείας παιδων τὰς ὑμετέρας ἡγορήζατε γλώσσας (*B. Theodoretī Eranistes*, dial. I. Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 77)...

⁵⁾ Сообщаемъ это со словъ самого проф. И. С. Б.—ва, видѣвшаго подлинныя документы, въ разъясненіе справедливаго изумленія проф. *А. И. Лебедева* въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 155.

⁶⁾ Нѣкоторые немногіе прихвѣры въ этотъ родъ указаны у проф. *А. И. Лебедева*, Слѣпыя вожди, стр. 46—49, и въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 4, стр. 717—720.

щаться на мѣстѣ—за отсутствіемъ даже единичныхъ особыхъ мнѣній со стороны членовъ данной академической корпораціи; при этомъ даже запрещали свыше печатать официальные отрицательные отзывы въ совѣтскихъ «журналахъ»... Впрочемъ, всего, что пережито и перечувствовано, не перескажешь ¹⁾. Вѣрно лишь одно, что въ чисто ученое дѣло была внесена глубокая дезорганизация, задавившая безпристрастную научную работу. Пышно расцвѣлъ псевдоученый оппортунизмъ, и подъ его прикрытіемъ въ Академіяхъ водворялись очевидныя аномаліи и успѣшно практиковались обходныя средства; благодаря имъ, появились неузаконенныя профессорскія почетныя докторства и исправляющіе должность ординарныхъ профессоровъ съ полнымъ окладомъ жалованья и со всею совокупностію правъ, при чемъ послѣднее совершалось помимо и къ тягостному удивленію академическихъ совѣтовъ, не сочувствовавшихъ собственно и первому способу, который доселѣ вызываетъ рѣзкіе и обидные протесты общества даже въ печати ²⁾... При такихъ условіяхъ могла развиваться только комитетская наука, пока невѣдомая ученому міру...

Значить, и свою ученую миссію Комитетъ не оправдалъ необходимыми успѣхами и, конечно, потому, что учебное учрежденіе не правоспособно для *ученыхъ* функцій. Тутъ бесплодность, со всѣми отрицательными отраженіями, неизбежна по существу, и вина Комитета лишь въ томъ, что онъ не хотѣлъ понять своего натурального призванія, гдѣ были честь для него и польза для духовной педагогіи. Самообольщеніе всегда вредно и иногда гибельно. Вѣдь даже «Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» не дерзаетъ восхищать такихъ ученыхъ прерогативъ ³⁾...

Вышеизложеннымъ исчерпываются всѣ главнѣйшія стороны Учебнаго Комитета, и я прерываю свою рѣчь. Итогъ мой ясенъ. Картина не радостная и для многихъ, пожалуй, непріятная. Спѣшу предупредить, что и для меня несомнѣнны нѣкоторая единичность обобщеній и субъек-

¹⁾ См. еще краснорѣчивыя фактическія данныя у проф. *А. И. Лебедева* въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 152 сл. 161 сл.

²⁾ См. «Колоколъ» № 319 за 17-е февраля 1907 г., стр. 1—2 въ статьѣ *Н. Г. Р.*: «Къ 98 академической годовщинѣ».

³⁾ Для соображеній относительно Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія пока имѣемъ подъ руками слѣдующіе матеріалы: «Положеніе» въ Сводѣ Законовъ т. I, ч. II (объ Учрежд. Минист.), ст. 445—449 (по изд. 1892 г.) и въ Полномъ Собраніи Законовъ т. XXXVIII, отдѣлъ I (1863 г.), стр. 620; «Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ.», ч. CXXVI (за 1861 г.), отд. I, стр. 4; копій правилъ, циркуляровъ и пр. отъ 19-го мая 1869 г. (см. въ Сборникѣ постановленій по Мин. Нар. Просв., т. IV, стр. 1140—1143), отъ 4-го февраля 1888 г. (ibid. т. X, стр. 1048), отъ 25-го ноября 1905 г. за № 25.506 и отъ 6-го февраля 1906 г. № 2.962; ср. также «Дополненіе къ каталогу книгъ для безплатныхъ пародныхъ читаленъ», Сиб. 1903, стр. 116—120. См. еще у *† А. И. Георгиевскаго*, Къ исторіи Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія въ «Журналѣ Министерства Народн. Просвѣщенія» 1900 г., № 10, стр. 25—61; № 11, стр. 17—61; № 12, стр. 74—121; 1901 г., № 4, стр. 33—72; № 5, стр. 21—56. Ср. также замѣчанія у *С. В. Рождественскаго*, Историческій обзоръ дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія: 1802—1902, Спб. 1902.

ективность освѣщенія. Но если нѣкто вздумаетъ вспомнить объ амбиціи и усмотрѣть тутъ особую индивидуально-полемическую строптивость, то я прежде всего отвѣчу, что въ этомъ наиболѣе повиненъ самъ Комитетъ, доселѣ не давшій своей подробной *истинной* исторіи по всѣмъ частямъ, а единственная статья комитетскаго члена, бывшаго ранѣе ревизоромъ, С. И. Миропольскаго прямо подтверждаетъ мои наблюденія и соображенія ¹⁾. За частные факты по ихъ основному содержанию я ручаюсь, потому что они мнѣ извѣстны по опыту или изъ аналогичныхъ средствъ. Кто принуждаетъ насъ руководиться слухами, собравшимися темною тучей вокругъ Учебнаго Комитета, тотъ самъ и долженъ казниться, но не люди, вызывающіе его къ свѣту и откровенности ради безпристрастія, которое здѣсь одинаково дорого для всѣхъ. Болѣе меня знающіе пусть столь же ярко нарисуютъ другую картину, — и тогда путемъ критическаго сопротивленія раскроется подлинный образъ ²⁾. Затѣмъ, намъ многократно и авторитетно разъяснялось, что мы призваны въ Предсоборное Присутствіе сказать *всю* правду, хотя бы самую горькую, и искренно подѣлиться всѣмъ, что накопилось въ нашихъ душахъ независимо отъ всякихъ реформаторствъ дешеваго критиканства, — лишь бы всегда преслѣдовалась спасительная цѣль улучшенія, обновленія и оживленія православно-русскихъ церковныхъ институтовъ: значить, *οὐδὲν κωλύει πάντα ζῆναι πόρον, ὥστε τὰληθές ἐξερεῖν* ³⁾. Вѣдь не по официальнымъ же отчетамъ шаблонной корректности излагать намъ свои собственные наблюденія и ощущенія!... А духовная школа намъ слишкомъ близка, и для многихъ изъ насъ ею поглощается все наше духовное существованіе. Въ этой родной сферѣ мы всякую мелочь острѣе воспринимаемъ и рѣзче «реагируемъ» на всѣ дефекты. Наши впечатлѣнія индивидуальны, но жизненны, непосредственны и реальны. Ихъ нужно систематизировать и упорядочивать взаимною провѣркой и объективнымъ анализомъ, а не устранять за естественную относительность. Мы защищаемъ святое для насъ дѣло воспитанія и науки, — и предъ этою великою задачей ступшевываются всѣ личности, которыхъ я не разумѣлъ ни въ частности, ни въ особенности, ни *realiter*, ни *personaliter*. Мною во всѣхъ занятіяхъ Предсоборнаго Присутствія двигало непоколебимое убѣжденіе ⁴⁾, что мы не достигнемъ

¹⁾ Это удостовѣряютъ и обстоятельные комментаріи проф. А. П. Алмазова въ «Журналахъ и Протоколахъ Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 224 сл.

²⁾ Въ этихъ интересахъ были бы полезны *для дѣла* не столько комитетскіе коррективы, сколько откровенные отзывы духовно-учебныхъ заведеній, педагогическихъ корпорацій и лицъ. Таковое мое искреннее убѣжденіе, и самъ я охотно отдаю все свои сужденія на «неумятный судъ» моихъ опытныхъ коллегъ по служенію.

³⁾ *B. Theodorcti* Eranistes, dial. III: Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 225D.

⁴⁾ Вынуждаюсь особо подчеркнуть этотъ нѣсколько личный штрихъ не ради рисовки, а потому, что и со стороны нѣкоторыхъ членовъ Предсоборнаго Присутствія (см. его «Журналы и Протоколы», т. I, стр. 23а.б. 32б) и въ печати (см. «Церковный Вѣстникъ» 1906 г., № 18 за 4-е мая 1906 г. на стлб. 583 въ статьѣ г. В. И.) были допущены по отношенію ко мнѣ неопозволительныя подозрѣнія насчетъ руководившихъ меня цѣлей и принимавшихся мною задачъ (о чемъ см. «Журналы и Протоколы», т. II, стр. 435а. 436б), не говоря уже о продолжающихся косвенныхъ инсинуаціяхъ (см. «Церковный Вѣстникъ» № 13 за 29-е марта 1907 г., стлб. 429), а о всякихъ интригахъ и «мѣропріятіяхъ» по поводу на-

и минимальнаго успѣха, если напередъ со всею рѣшительностію самобичеванія не создаемъ въ своихъ ошибкахъ. Покаяніе есть исключительный путь всякаго исправленія, и по отношенію къ духовной школѣ я неизмѣнно держался принципа: *erroribus discimus!* Всегда помню и буду слѣдовать завѣту моего великаго и честнаго воспріемника по ученому служенію блаж. Θεοδορίτα: αἰδεῖσθαι οὐ τὴν ὁμολογίαν τῆς ἀμαρτίας, ἀλλὰ τὴν πράξιν προσέχει ¹⁾... Для меня вовсе не любы педагогическіе недостатки, и самъ я болѣзненно страдаю, что они непроизвольно переполнили мою неподготовленную рѣчь, для которой я намѣренно не собиралъ, ни источниковъ, ни пособій ²⁾. Мнѣ чужда всякая предумышленно-пристрастная тенденціозность въ характеристикѣ учреждений и людей. На этотъ счетъ не перестаю повторять, что меня интересуеъ исключительно система; — однако при ней люди являются и страждущими жертвами и наглядными иллюстраціями, почему для пониманія и характеристики первой по неволѣ приходится говорить о вторыхъ, какъ объ очевидныхъ показателяхъ и воплощенныхъ свидѣтеляхъ принципиальной неудовлетворительности комитетской организаціи. Во всемъ прочемъ соблюдается возможная объективность. Я не скрываю незаконченности начинаній и воспитательныхъ дефектовъ въ дѣятельности Комитета перваго періода (см. выше стр. 84), а въ позднѣйшемъ достаточно дѣлю заботы объ увеличеніи количества духовно-учебныхъ заведеній и о благоустроеніи ихъ внѣшняго быта ³⁾. По идеѣ — болѣе отрадны для меня новыя комитетскія вѣянія послѣдняго времени. Правда, на первыхъ порахъ они неопытною смѣлостію неподготовленнаго кормчаго изъ другой сферы были впущены

стоящаго «доклада» тяжело вспоминать и потому лучше умолчать... И — по словамъ одного моего компетентнаго корреспондента — причина сего въ томъ, что «портретъ написанъ такъ мастерски вѣрно, что оригиналъ не могъ, очевидно, не узнать себя и, конечно, прилагалъ всѣ старанія къ тому, чтобы портретъ этотъ не выставлялся на обозрѣніе широкаго круга публики»... Что до существа, то имѣю самое авторитетное свидѣтельство, что я только выразилъ «жестокую для многихъ, но глубоко справедливую истину. Она уже давно предносилась мысленному взору нѣкоторыхъ лицъ. Ее высказывалъ въ послѣдніе дни своего служенія вѣдомству и К. П. Побѣдоносцевъ въ минуты откровенности»... Для меня и для дѣла больше ничего и не требуется, ибо чѣмъ значать злоба и шипѣніе, когда камни воицють и стѣны плачутъ?... «Преступно тамъ молчать, гдѣ долгъ велитъ вѣщать!»

¹⁾ *B. Theodoretī Graec. affect. curat., serm. III: Migne, gr. s. r. t. LXXXIII, col. 1077D и у Johannes Raedera, Graecarum affectionum curatio (Lipsiae 1904), p. 258.*

²⁾ Документальныя справки и проч. были подобраны авторомъ, главнымъ образомъ, при позднѣйшемъ пересмотрѣ прежде написаннаго «доклада», и ихъ не трудно умножить *in infinitum*...

³⁾ Впрочемъ, долженъ сказать, что у меня имѣются свѣжіе факты, какъ не только епархіальные Преосвященные, но и центральное духовное управленіе прямо препятствуютъ начинаніямъ епархіальныхъ стѣздовъ по обезпеченію преподавателей, когда нужно бы поддерживать, побуждать и, пожалуй, благодарить... И никакими усиліями нельзя было добиться, чтобы надъ «формальнымъ правомъ» восторжествовало «нравственное», которое очевидно и бесспорно для высшихъ вершителей дѣла. Приходится даже радоваться, если обиженные лица, вступившія за педагогическіе интересы, не понесутъ предназначенныхъ наказаній и не сочтутъ необходимымъ уйти «на сторону», униженные и оскорбленные... Такъ-то у насъ разгоняютъ преданныхъ педагогическихъ работниковъ — вопреки стараніямъ мѣстнаго духовенства прикрѣпить ихъ къ своимъ школамъ духовно и материально!...

бурною волной, вызвавшей больше головокружительных брожений¹⁾, чѣмъ созидательныхъ преобразованій²⁾), — и фактически разбилась даже авантюрная попытка «проскочить» съ духовно-педагогической ладьею въ тихую пристань изъ бушующаго моря взволнованной школьной всероссийской жизни. «Не въ дусѣ Господь, и не въ трусѣ Господь, и не во огни Господь»... Но теперь все сильнѣе чувствуется «глазъ хлада тонка» предвѣщающій здоровое перерожденіе всего духовно-школьного организма. Начинается осмысленное непосредственное общеніе съ самою школою, и ея дѣятели привлекаются къ творческой работѣ своимъ умудреннымъ и выстрадааннымъ опытомъ³⁾. А гдѣ срѣтаются и лобызаются кипящая правда практической жизни и отрезвляющій миръ теоретической истины, — тамъ несомнѣнна заря благодатнаго дня⁴⁾, который да будетъ свѣтелъ и живителенъ для духовно-школьного преуспѣянія!

¹⁾ Нѣкоторыя указанія и наведенія по этому предмету относительно Академій можно находить и у проф. В. Θ. *Пивницкаго* въ «Прибавл. къ Цирк. Вѣдом.» 1906 г., № 46 за 18-е ноября, стр. 2971—2977; № 47 за 25-е ноября, стр. 3003—3011. Ср. еще слова митрополита Московскаго *Владимира* въ указѣ Св. Синода отъ 2-го іюня 1906 года за № 5.993, что «разладъ въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, особенно усилившийся со времени дарованія автономіи, не можетъ быть терпимъ и продолжаться далѣе безъ ущерба»: см. «Журналы совѣта Московской Духовной Академіи» за 1906 г. при «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 231.

²⁾ Это — частію — вѣрно и для ученой области, гдѣ стали увѣнчиваться такіа диссертациі, съ которыми ранѣе авторы не поспѣли бы выступить — помимо всякихъ внѣшнихъ страховъ, а то стараются упорно достичь высшаго учено-академическаго званія за спеціально «философскую» книгу неумудраго содержанія; если не считать монашескихъ твореній (о чѣмъ см. у проф. *Ал. П. Лебедева* въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 157—158), прежде были только единичные случаи, когда «получали ученую степень за семестровое сочиненіе, исправленное и дополненное» (*ibid.*, стр. 154, прим.) или приобрѣтали магистерство за случайную мелкую работку, за небольшую же часть кандидатскаго произведенія сподоблялись докторства... Но все это лишь временное (хотя и не радостное) явленіе, которое — надѣмся — исчезнетъ навсегда по мѣрѣ укрѣпленія и самоуваженія русской богословской науки, доселѣ гонимой, тѣснимой и пренебрегаемой отовсюду... Тогда она *заставитъ* цѣнить себя и не позволитъ диффамировать, будто это есть «академическая схоластика, совершенно напрасно именующая себя наукою; она-то и сбита съ толку современныхъ богослововъ», которые, будто бы, не отличаются «отъ семинаристовъ — забастовщиковъ, постановляющихъ на сходкахъ чуть ли не отрицаніе бытія Божія» (см. у архіепископа *Антонія* въ «Колоколѣ» № 404 за 7-е іюня 1907 г., стр. 1, стлб. 2. 3)...

³⁾ Соотвѣтственно этому были нѣсколько приспособлены и новыя духовно-учебныя программы (см. выше стр. 87,.).

⁴⁾ Въ «Колоколѣ» эта попытка (о которой см. въ «Журналахъ и Протоколахъ Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 129. 231) рѣзко осуждалась за «скороспѣлую реформу», какъ были возраженія противъ нея и на засѣданіяхъ V-го отдѣла (напрасно опущенныя въ печатныхъ отчетѣхъ «оберегающими свою репутацію»: ср. «Богословскій Вѣстникъ» 1907 г., № 5, стр. 162), но я долженъ воздержаться отъ всякихъ приговоровъ до выясненія результатовъ ея практическаго примѣненія, а пока скажу, что — принципиально — она вызывалась неотложными запросами педагогической жизни, которые «громко говорятъ о своей спѣшности и срочности» (см. «Колоколъ» № 364 за 13-е апрѣля 1907 г., стр. 1, стлб. 5). Впрочемъ, доселѣ ничего благотворнаго не видно... При этомъ и теперь несомнѣнно, что въ служебно-экономическомъ положеніи преподавательскаго персонала внесено такое глубокое разстройство, что Комитетъ доселѣ не можетъ разобратся и только запутываетъ дѣло. Такъ, сокративъ число семинарскихъ уроковъ по древнимъ языкамъ, онъ узаконилъ, чтобы при количествѣ по нимъ недѣльныхъ часовъ до 25 и выше оставались полатини и погречески два теперешніе преподавателя, а при меньшемъ числѣ (хотя бы 24-хъ) правленіе должно выбрать одного, другой же обрекается на переводъ въ ную Семинарію и т. п. (см. «Церковныя Вѣдомости» № 48 за 2-е декабря 1906 г., стр. 508)... Этимъ для корпорацій дана была нравственно-мучитель-

Желая съ своей стороны хоть нѣсколько поспособствовать послѣд-
нему своими скромными познаніями, я формулирую въ заключеніе такіе
тезисы по отношенію къ Учебному Комитету.

1) Всего важнѣе измѣнить въ самомъ корнѣ именно строй послѣд-
няго, избавивъ его, разъ навсегда, отъ теперешняго фальшиваго и меже-
умочнаго положенія, при чемъ нынѣ даже не знаютъ, кто официально
обязанъ давать разъясненія на повелительные запросы о духовныхъ шко-
лахъ и... всѣ уклоняются. Всѣ принципиальныя соображенія и неумолпмая
логика «предсоборныхъ» трудовъ направляютъ къ тому, чтобы Комитетъ
былъ непосредственно подчиненъ Св. Синоду. Если же сего нельзя дости-
гнуть, пусть данное учрежденіе—даже на правахъ «канцеляріи»—будетъ въ
полномъ вѣдѣніи Оберъ-Прокурора, всецѣло и во всемъ отвѣтственнаго
за духовно-учебное дѣло предъ синодскою властію. Это будетъ нпчуть
не лучше настоящаго, но за-то устранить вредную игру формулой «*divide
et impera*», — и тогда комитетская работа пойдетъ, по крайней мѣрѣ, упо-
рядоченнѣе. Такова «главизна» центральнаго духовно-учебнаго «спасенія».
Съ нея нужно начать и къ ней свести всѣ реформы Учебнаго Комитета.

2) Ученую часть его необходимо выдѣлнить совершенно и органи-
зовать особо—въ связи съ нѣкоторыми указаніями академическихъ со-
вѣтовъ (напр., Казанской Академіи по печатному проекту ея Устава на
стр. 31—34 и по «своду» стр. 40, прим. 1; ср. еще выше на стр. 35)
и съ аналогичными предположеніями специальной С.-Петербургской епар-
хіальной комиссіи (конца 1905 года) и VII-й секціи Предсоборнаго
Присутствія, въ которыхъ и я участвовалъ. Предсѣдательство можетъ
быть и общее, но только вполне авторитетное—и оно не должно вести
къ вредоносному смѣшенію ученыхъ дѣлъ съ учебно-административными¹⁾.
Ближайшее устройство этого учрежденія—для своей рациональности—
требуетъ активной работы наиболѣе компетентныхъ специалистовъ безъ
всякихъ комитетскихъ вліяній и тенденцій.

3) Самый Учебный Комитетъ долженъ быть преобразованъ въ чисто
педагогически-учебный институтъ, соотвѣтственно чему необходимо измѣ-
нить и обновить весь его составъ, чтобы въ немъ дѣйствовали истинно
опытные педагоги, всецѣло посвящающіе себя этому великому служенію,
а не случайно набранные Петербуржцы, удѣляющіе лишь нѣсколько отры-
вочныхъ часовъ безъ систематическаго сосредоточенія на духовно-школь-

---

ная задача—выбросить изъ своей среды невиннаго коллегу и прогнать съ насиженнаго
мѣста... Не всѣ, конечно, рѣшаются на такое самоистребленіе, да и самъ Комитетъ
смущается предъ этою жестокостію, почему иногда позволяетъ, чтобы сохранялись два
классика, напр., и при 23-хъ урокахъ. Отсюда новая попытка для питатнаго преподава-
теля, что онъ обязывается терять изъ своего кармана до 300 руб. ежегодно, ломать
весь свой жизненный укладъ и всячески себя ограничивать при прогрессивно возрас-
тающей дороговизнѣ, или «по закону» выживать своего товарища... Да развѣ у ду-
ховно-педагогическихъ подвижниковъ было мало всякихъ мукъ, чтобы подвергать ихъ
еще новымъ терзаніямъ?...

¹⁾ И въ теченіи преній объ Учебномъ Комитетѣ я по данному пункту заявлялъ:
«бѣда въ томъ, что охотниковъ смѣшивать несоединимое слишкомъ много, а я не изъ
ихъ числа, согласно извѣстному приговору Пушкина, столь пригодному для обсуждае-
мыхъ матерій—во всемъ точномъ его значеніи»...

ныхъ предметахъ, т. е. съ ущербомъ для своего прямого призванія и для комитетской плодотворности ¹⁾. Всякое совмѣстительство п здѣсь ²⁾ и въ школь ³⁾ нужно устранять съ неуклонною рѣшительностію ⁴⁾; въ крайнемъ случаѣ, всѣ такія лица могутъ быть развѣ сверхштатными членами, приглашаемыми по специальнымъ вопросамъ въ качествѣ авторитетныхъ экспертовъ ⁵⁾.

4) Учебный Комитетъ долженъ освободить себя отъ всѣхъ мелкихъ дѣлъ, превращающихъ его нынѣ въ бумажно-канцелярскую машину, которая своимъ неприспособленнымъ вмѣшательствомъ безусловно тормозитъ развитіе мѣстныхъ педагогическихъ силъ и стѣсняетъ ихъ свободное функціонированіе ⁶⁾. За нимъ пусть остаются лишь объединяющій надзоръ, регулирующее руководство и высшее согласованіе удосто-вѣренныхъ мѣстныхъ опытовъ и мѣропріятій въ стройныхъ систематически-принципіальныхъ предначертаніяхъ, почерпнувшихъ свою жизненность въ неизмѣнномъ соприкосновеніи съ самою школою ⁷⁾.

¹⁾ О теперешнемъ положеніи Учебнаго Комитета см. цѣнные указанія въ «Церковномъ Вѣстникѣ» № 45 за 9-е ноября 1906 года, стлб. 1450—1452.

²⁾ Для предсѣдателя оно почти прямо воспрещается «Положеніемъ» отъ 14-го мая 1867 г. § 6, гдѣ читаемъ, что это лицо «можетъ въ то же время проходить *одну* каку-либо другую должность, *если только* она не соединяется съ обширными занятіями». Всегда ли было на дѣлѣ такъ, а не наоборотъ?...

³⁾ Здѣсь тоже происходитъ не мало зла отъ этого совмѣстительства, но послѣднее—за небольшими исключеніями—вызывается крайнею нуждою всякаго рода и иногда бываетъ довольно извинительно, такъ какъ нельзя же требовать отъ всѣхъ педагоговъ, чтобы они были героическими подвижниками, хотя для возможнаго приближенія къ идеалу это нынѣ у насъ почти неизбѣжно по фактическому положенію вещей... Необходимо прибавить, что въ этой области подобныя явленія преслѣдовались болѣе рѣшительно. Недавно въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ южной епархіи былъ, напр., такой случай: по докладу комитетскаго ревизора—преподавателя Духовнаго Училища подверглись мѣстнымъ прещеніямъ единственно за то, что безвозмездно вели еще занятія въ отдѣленіи Епархіальнаго Училищаго Совѣта...

⁴⁾ Свѣтскіе профессора возстаютъ даже противъ ученаго совмѣстительства (см. «Труды Высочайше учрежденной комиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній», Спб. 1903, вып. II, стр. 390—391; IV, стр. 203—204), а у насъ готовы объединять, что угодно, и заботятся лишь о томъ, чтобы больше получать мѣдй, орденовъ и всякихъ отличій чрезъ разныя учрежденія, напр., чрезъ Академію и чрезъ Учебный Комитетъ...

⁵⁾ Это послѣднее предполагается и §-фомъ 8 «Положенія», но мы не знаемъ, чтобы дозволенное здѣсь «приглашеніе въ Комитетъ, по мѣрѣ надобности и съ правомъ голоса, постороннихъ лицъ изъ ученыхъ и педагоговъ, какъ живущихъ въ С.-Петербургѣ, такъ и изъ иногородныхъ въ случаѣ прибытія ихъ почему-либо въ С.-Петербургъ», практиковалось хоть сколько-нибудь систематически (см. и въ сборникѣ «Духовная школа», Москва 1906, стр. 231—232)... Было даже такое синодское опредѣленіе (24 апрѣля—13-го мая 1881 года за № 845), чтобы изъ архимандритовъ, состоящихъ на службѣ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, тѣ, которые вызываются въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди Слова Божія, во все время пребыванія своего въ столицѣ участвовали въ занятіяхъ Комитета (см. въ брошюрѣ «Положеніе объ Учебномъ Комитетѣ», Спб. 1907, стр. 8—9). Категорично и ясно, по... на своей памяти мы не знаемъ ни единого случая примѣненія этого правила, а оно остается во всей обязательной силѣ... Невольно приходитъ въ голову знаменитое изреченіе Петра в.: зачѣмъ и законы писать, коли ихъ не исполнять?...

⁶⁾ Я высказывалъ это и на зазданіи V-го «предсоборнаго» отдѣла 9-го декабря 1906 г., при чемъ констатировалъ слѣдующее: «начиная съ 1884 года, Учебный Комитетъ походилъ на паутину, куда усердно ловили всѣхъ педагогическихъ мухъ, букашекъ и таракановъ, но... съ результатомъ понятнымъ, извѣстнымъ и неизбежнымъ» при всякомъ оцѣживаніи комаровъ и проглатываніи верблюдовъ...

⁷⁾ Въ этихъ интересахъ я всячески поддерживаю мысль о специально-педагогиче-

5) Для сего слѣдуетъ передать всѣ частные вопросы на мѣста, чтобы они рѣшались тамъ по всѣмъ сторонамъ духовно-педагогическаго дѣла въ духѣ принятыхъ общихъ началъ и подъ контролемъ епархіальныхъ Пресвященныхъ ¹⁾; въ этихъ интересахъ необходимо узаконить періодическое объединеніе педагогическихъ труженниковъ по епархіальнымъ округамъ и вообще предоставить мѣстнымъ школамъ больше инициативы по возбужденію, разработкѣ и осуществленію всѣхъ учебно-воспитательныхъ и даже административныхъ вопросовъ, хотя бы и съ обязательствомъ испрашивать санкціи у высшаго правительства для примѣненія своихъ рѣшеній. Распоряженіе положенными финансовыми средствами для хозяйственныхъ и учебно-педагогическихъ надобностей должно быть контролируемо свыше, но ни въ какомъ случаѣ не превосхищаемо и не стѣсняемо центральной властію ²⁾; такъ, напр., разсылка книгъ по

скомъ комитетскомъ журналѣ. Хорошо было бы, чтобы Учебный Комитетъ собиралъ матеріалъ на мѣстахъ и постоянно дѣлился этими свѣдѣніями въ своемъ изданіи. Мечту о специальномъ педагогическомъ органѣ нахожу весьма симпатичною и только желаю, чтобы она осуществилась скорѣе самымъ плодотворнымъ образомъ, дабы вся православная Россія изгла предъ собою вѣрное отраженіе и систематическое освѣщеніе своей духовной школы. Справедливо вѣдъ сказано, что вопросъ о послѣдней есть наиболѣе важный во всей церковной реформѣ (Евсей Владимостокскій въ «Отзывахъ епархіальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ» т. IV, стр. 152) и что отъ недостатка просвѣщенія обязательно страдаетъ и приходская жизнь (Аркадій, бывшій Рязанскій, *ibid.* III, стр. 383). Это—святая истина, и лишь одинъ Пресвященный выразилъ удивительную мысль, будто у необразованныхъ настоятелей лучше и приходы и монастыри (Никонтъ, бывшій Владимірскій, *ibid.* I, стр. 226)... Тутъ что-то гдѣ-нибудь неладно. Во всякомъ случаѣ духовной ли школы не имѣтъ своего журнала и для него ли жалѣть книгъ синодскимъ финансистамъ, которые своимъ высокимъ чинамъ выдаютъ по 3.000 рублей для переѣзда съ квартиры на квартиру въ городѣ С.-Петербурѣ?... Задумывались ли они надъ этимъ?

¹⁾ Долженъ сказать, что провинціальныя педагоги чрезвычайно боятся этого контроля—не безъ причины и не по своей винѣ. Административное вмѣшательство мѣстной епархіальной власти часто ложится тяжелымъ гнетомъ на школы и стѣсняетъ самыя полезныя мѣропріятія (ср. выше стр. 143_а), но это же не рѣдко бываетъ и въ чисто педагогической сферѣ. Такъ, въ отдаленномъ Училищѣ Европейской Россіи тамошній Пресвященный недавно нашелъ въ ученической тетрадкѣ фразу: «Кто вездѣ, тотъ нигдѣ» (т. е. въ частности не заключенъ въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ) и начерталъ слѣдующую классическую резолюцію: «Мысль нечестивая, противная христіанскому ученію о Вездѣстности Божіею». Откуда у ученика II кл(асса) могла явиться такая *худшая* фраза? Возникъ цѣлый формальный процессъ, при чемъ открылось, что этотъ примѣръ въ диктантѣ на грамматическія правила правоисанія партій «мѣста» и «времени» взятъ изъ пособія, одобреннаго Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ... Не странно ли, что затѣвалось официальное обвиненіе въ ереси изъ-за ученической диктовки второклассника 10—12-ти лѣтъ?... *Miracula et miranda!*... Все это и многое подобное крайне прискорбно и вызываетъ естественныя опасенія провинціальнымъ педагогическимъ силамъ, но существующіе порядки по этой части непремѣнно *должны* измѣниться самымъ радикальнымъ образомъ,—и тогда не будетъ мѣста для такихъ аномалій и абсурдовъ. Пока же требуется очень немногое. Синодскимъ опредѣленіемъ (отъ 16-го августа 1906 года) «разрѣшено Правленіемъ Духовныхъ Училищъ *ходатайствовать предъ епархіальными Пресвященными* о представленіи неутвержденныхъ имъ журналовъ на разсмотрѣніе Святейшаго Синода». Достаточно узаконить, чтобы корпорации и педагоги «изгѣли право сами» апеллировать къ центральной власти,—и они будутъ удовлетворены: ибо теперь архіерей не любятъ пропускать такіа «ходатайства» и за вынужденную настойчивость воздвигаютъ криминальныя обвиненія противъ смѣльчаковъ, грозя имъ переводами и всякими иными прещеніями...

²⁾ Въ этомъ отношеніи, можетъ быть, еще интереснѣе было бы позондировать Училищный Совѣтъ при Св. Синодѣ, гдѣ существуетъ даже особая «издательская коммиссія», о чемъ ходитъ много разныхъ слуховъ, но не сообщено пока точныхъ фактовъ...

петербургскимъ велѣніямъ можетъ быть допущена лишь на особыя сверхсмытныя суммы, а не въ счетъ ассигнованныхъ библиотечныхъ средствъ, обычно истощаемыхъ самымъ нераціональнымъ образомъ (см. выше стр. 94—95).

6) Принятая нынѣ ревизія нужно совсѣмъ упразднить и замѣнить систематическими и періодическими обзорами по извѣстнымъ школьнымъ районамъ—за исключеніемъ непредвидѣнныхъ и экстраординарныхъ случаевъ, требующихъ немедленнаго вмѣшательства; результаты этихъ обзрѣній должны объединяться въ согласованное цѣлое центральнымъ совокупнымъ разумомъ всего Комитета при обязательномъ активномъ содѣйствіи компетентнаго представительства отъ провинціальныхъ педагогическихъ корпорацій, — хотя бы по нѣскольку членовъ отъ каждого школьного округа.

7) Единственный новѣйшій опытъ привлеченія къ центральной работѣ и мѣстныхъ педагогическихъ силъ (см. выше стр. 144) слѣдуетъ сдѣлать періодически-нормальнымъ, дабы верховныя начинанія всегда и методически повѣрялись, освѣжались и приспособлялись къ живымъ школьнымъ потребностямъ по реально-непосредственнымъ указаніямъ педагогическаго опыта, который чрезъ это самъ будетъ контролироваться безошибочно со стороны его крѣпящей плодотворности или коченѣющей безплодности.

Этимъ путемъ самъ Учебный Комитетъ пріобрѣтетъ натуральную независимость, освободившись отъ современнаго бюрократическаго подчиненія и сдѣлавшись жизненнымъ органомъ Св. Синода, гдѣ непосредственно должны разсматриваться и утверждаться всѣ его принципиальныя рѣшенія. Комитетская самобытность будетъ оправдываться и ограждаться неустранимымъ фактомъ нормальной педагогической жизни, а эта жизнь станетъ тогда свѣтомъ истиннымъ всему нашему духовному юношеству, спасительнымъ для всякаго питомца, выходящаго въ міръ «на дѣло свое и на дѣланіе до вечера» къ торжеству Церкви Христовой и къ пользѣ православнаго Русскаго государства.

